Русское сопротивление

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Аверкиев Д. В.
Айвазов И. Г.
Аквилонов Е. П.
Аксаков И. С.
Антоний (Храповицкий), митр.
Башилов Б.
Бондаренко В. Г.
Бородин Л. И.
Булацель П. Ф.
Буткевич Т. И.
Бутми Г. В.
Величко В. Л.
Винберг Ф. В.
Воробьевский Ю. Ю.
Восторгов И. И.
Вязигин А. С.
Голицын Д. П.
Грингмут В. А.
Державин Г. Р.
Достоевский Ф. М.
Дубровин А. И.
Дудко Д. С.
Жевахов Н. Д.
Замысловский Г. Г.
Иванов В. Ф.
Ильин И. А.
Книга русской скорби
Крупин В. Н.
Крушеван П. А.
Кузьмин А. Г.
Куняев С. Ю.
Любомудров М. Н.
Марков Н. Е.
Меньшиков М. О.
Мержеевский В. Д.
Миронов Б. С.
Нечволодов А. Д.
Никольский Б. В.
Нилов В.
Нилус С. А.
Осипов В. Н.
Пасхалов К. Н.
Проханов А. А.
Рогозин Д. О.
Розанов В. В.
Семанов С. Н.
Сенин А. А.
Солоухин В. А.
Суворин А. С.
Фотий (Спасский), архим.
Хатюшин В. В.
Цикунов А. К.
Чванов М. А.
Чивилихин В. А.
Шарапов С. Ф.
Шафаревич И. Р.
Шевцов И. М.
Шипунов Ф. Я.
Шмаков А. С.

АЛЕКСАНДР ДУБРОВИН

ЗА РОДИНУ.
ПРОТИВ КРАМОЛЫ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 329.21'17(08)
ББК 66.1(2)5 Я44
Д 79

Дубровин А. И.

Д 79 За Родину. Против крамолы / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 480 с.

В книге впервые после столетнего перерыва публикуются главные произведения вождя Черной сотни, выдающегося русского общественного деятеля и публициста Александра Ивановича Дубровина (1855–1921), посвятившего свою жизнь борьбе за отстаивание интересов русского народа в один из самых тяжелых периодов истории России.

В 1905 Дубровин возглавил самую массовую российскую организацию – «Союз Русского Народа», сыгравшую большую роль в развитии национального сознания русских людей и в борьбе с революционным бандитизмом, возглавляемым еврейскими экстремистами. Он отверг идею создания Государственной Думы в том виде, в каком она была претворена в жизнь, ибо Дума ограничивала власть царя. Дубровин предлагал сделать ее не законодательным, а совещательным органом. Также он осудил столыпинскую аграрную реформу, рассматривая ее как средство разрушения одного из главных устоев русской жизни. Дубровин был последовательным противником уравнивания евреев в правах с русскими, отмены черты оседлости, считал, что это ухудшит положение русского народа.

Вождь Черной сотни подвергался неоднократным нападкам, преследованиям и покушениям на свою жизнь со стороны противников русского государства, а после захвата ими власти убит в тюрьме.

УДК 329.21'17(08)
ББК 66.1(2)5 Я44

ISBN 978-5-902725-77-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя выдающегося политического деятеля царской России начала XX века Александра Ивановича Дубровина (1855–1921) в советское время вообще не упоминалось в школьных учебниках истории, а в постперестроечное время, если и упоминалось, то неизменно с сопутствующими негативными эпитетами – «мракобес», «погромщик», «антисемит», «человеконенавистник». Личность А. И. Дубровина еще при жизни была оболгана, оклеветана врагами России и русского народа, а после его трагической кончины тогдашние власти постарались сделать все, чтобы вытравить даже само имя Дубровина из сознания народа. Только в крупнейших книгохранилищах страны сохранились изданные в дореволюционное время его печатные работы – речи, воззвания, обращения, статьи, фельетоны, эссе… В советское время доступ к ним был закрыт, и только теперь появилась возможность дать объективную картину яркой жизни и деятельности Дубровина.

Детство, юность, служба, становление личности

Биографические сведения о А. И. Дубровине настолько скудны, что мы до сих пор не знаем даже точной даты рождения политика. Известно только, что родился он в 1855 г. в обедневшей дворянской семье в городе Кунгур (Пермская губерния). Его отец служил полицейским чиновником. Ни о детстве, ни о юности Дубровина подробных сведений мы не имеем. Известно лишь, что у его отца не было даже захудалого имения.

Учился будущий лидер правых в Пермской гимназии, а затем, закончив ее, – в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии за казенный счет. 19 декабря 1879 года, по окончании Академии, Дубровин официально был признан лекарем.

В связи с необходимостью отбывания положенного по закону военного ценза 20 января 1880 года Александр Иванович был определен младшим врачом в 5-й пехотный Калужский полк, а через месяц переведен в 90-й Онежский полк. Затем Дубровин служил в Кронштадтской артиллерии, при лазарете Конного лейб-гвардии полка, которым командовал генерал-майор барон В. Б. Фредерикс, будущий министр Императорского двора. Позже Дубровин служил ординатором в Семеновском Александровском военном госпитале. Еще находясь на военной службе, 10 декабря 1884 года он был утвержден действительным членом Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, состоявшего под покровительством Его Величества Государя Императора.

В 1887 г. А. И. Дубровин был зачислен в запас чиновником военно-медицинского ведомства, а в августе 1889 г. стал врачом в Ремесленном училище Цесаревича Николая Департамента торговли и мануфактур (бывший Дом призрения), где проработал до мая 1897 г. Тогда же, в 1889 году, А. И. Дубровин защитил докторскую диссертацию. Еще один примечательный факт, совершенно разнящийся со столь распространенными в адрес Дубровина обвинениями в «пещерном зоологическом» антисемитизме. Если верить показаниям А. И. Дубровина, данным им на допросе в ЧК, он некоторое время служил «за 300 рублей в год» врачом Еврейского приюта для бедных детей[*]. Кроме того, сообщал Александр Иванович, за все время его практики у него лечилась масса живущих в столице евреев[**].

Отметим, что директором Ремесленного училища Цесаревича Николая в то время был сын известного русского поэта Николай Аполлонович Майков. Таким образом, Алек-

* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 96, 106.

** Там же. С. 106.

сандр Иванович сблизился с этой известной в России семьей, а впоследствии еще один сын поэта, художник Аполлон Аполлонович Майков, станет заместителем Дубровина по Союзу Русского Народа.

17 апреля 1896 г. Дубровин был назначен сверхштатным старшим медицинским чиновником Медицинского департамента Министерства внутренних дел, а в мае того же года стал вторым сотрудником директора Николаевского детского приюта. 18 сентября 1896 г. Дубровин произведен в статские советники, в коем чине и пребывал вплоть до 1917 г., несмотря на то, что и по своему статусу, и по выслуге лет уже давно мог стать действительным статским советником. Но этого не произошло, потому что, как пишет А. Д. Степанов, «недоброжелатели постарались», и Дубровин очередного звания так и не получил[*]. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 9 июля 1904 г. А. И. Дубровин был оставлен за штатом, а с 9 июля 1906 г. уволен от службы. В августе 1909 года Дубровин был уволен и из запаса. Отметим также, что за время службы он был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, а также серебряной медалью в память царствования Императора Александра III.

В эти же годы Дубровин сосредоточился на частной медицинской практике, которая приносила ему определенный доход[**]. К началу XX века он приобрел себе известность как видный детский врач. И хотя, конечно, богачом не стал, но, тем не менее, смог значительно поправить свое материальное положение, владел акциями и даже приобрел пятиэтажный доходный дом недалеко от Троицкого Измайловского собора в Петербурге. При этом он много жертвовал на церковные и общественные нужды. В марте 1906 года Дубровина даже избрали почетным членом Благотворительного общества вспо-

---

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006. С. 69.

** Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 797. Л. 25–26.

можения бедным прихода Измайловского собора в благодарность за пожертвования на нужды этого общества.

А. И. Дубровин был женат единственный раз на девице Елене Ивановне. От этого брака у него было два сына – Александр, родившийся 15 августа 1879 года, и Николай, родившийся 15 ноября 1881 года. Александр окончил Институт путей сообщения и служил инженером на железных дорогах, к 1920 году он был помощником начальника Казанской железной дороги. Николай закончил Морское училище, в 1914 году был лейтенантом военного флота, участвовал в Первой мировой войне, в 1919–1920 гг. служил в Красной армии и даже был начальником оперативного отдела Западно-Двинской флотилии[*].

Следует отметить, что состояние здоровья А. И. Дубровина оставляло желать лучшего. Так, еще в 1902 г. он перенес воспаление аппендикса, которое впоследствии переросло в воспаление брюшины (перитонит). Заболевание было очень тяжелое, ему сделали четыре операции, но последствия болезни сказывались на протяжении всей жизни политика. К 1914 г. состояние здоровья Дубровина, пережившего еще несколько операций брюшной полости и вынужденного придерживаться строгой диеты, ухудшилось. Лечащий врач не исключал возможности смертельного исхода[**]. В связи с частыми хирургическими операциями лидер правых часто болел и чуть ли не по несколько месяцев вынужден был соблюдать строгий постельный режим, вследствие этого надолго отстраняясь от активного руководства Союзом Русского Народа, что давало впоследствии повод его врагам обвинять Дубровина в нежелании руководить Союзом.

Впоследствии в ходе допроса, учиненного чекистами, А. И. Дубровин следующим образом оценивал состояние своего здоровья, которое было действительно удручающим: «экзема легких, <...> сердца и кровеносных сосудов, воспаление с

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 69–70.

** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 797. Л. 24; Богоявленский Д. Д. Указ. соч. С. 46.

опухолью суставов, хронический катар желудка и кишок после гнойного воспаления червеобразного отростка, вследствие которого вынес под хлороформом 4 операции, вскрытие брюшных стенок, после чего с правой стороны живота образовалась послеоперационная грыжа величиной с детскую головку, приступы удушья (астмы)…»[*].

К сожалению, в отличие от, например, Б. В. Никольского, нам практически ничего не известно о том, как формировались правые убеждения А. И. Дубровина. Скорее всего, воспитан он был в традиционном духе, и еще с детства ему было привито глубокое уважение к Самодержавному строю. Вряд ли, как, например, тот же Б. В. Никольский, А. И. Дубровин в юности испытывал какие бы то ни было, пусть даже мимолетные, увлечения либерализмом.

Начало активной политической деятельности А. И. Дубровина (1901–1905 гг.)

Активная политическая деятельность будущего лидера Черной сотни начинается 18 сентября 1901 года[**], когда он был избран действительным членом первой русской монархической организации – Русского Собрания (РС). Следует отметить, что эта организация, выступавшая с консервативных позиций и призванная охранять традиционные русские начала жизни, была по своей сути элитарным клубом, в который входили по преимуществу представители дворянства и интеллигенции. И уже тогда А. И. Дубровин, как и А. А. Майков, сын известного поэта, полагал, что помимо элитарного Русского Собрания должна существовать массовая народная организация, которая смогла бы противостоять возможному революционному взрыву[***].

* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 102.

** В работе Д. Д. Богоявленского указана дата 16 сентября без указания года (Богоявленский Д. Д. Указ. соч. С. 46).

*** См.: Правые партии 1905–1917... Т. 1. С. 17.

Современники А. И. Дубровина из либерального лагеря ненавидели его за четкость политической позиции, за прямоту и недвусмысленность высказываний по важнейшим политическим вопросам того времени. Так, С. Ю. Витте, в чистоплотности которого весьма сомневаются многие исследователи*, осмелился обозвать Дубровина «мазуриком» и «героем вонючего рынка», описал его как «негодяя», преследующего низкие эгоистические цели, который якобы по приемам своей деятельности и по выдвигаемым лозунгам ничем не отличался от крайних революционеров**. Со стороны же убежденных правых государственных деятелей А. И. Дубровин находил понимание. Так, в частности, министр внутренних дел П. Н. Дурново назвал его «честнейшим и прекраснейшим человеком»***.

Создан был Союз Русского Народа в октябре 1905 года, в самый разгар революционной смуты. Именно тогда у старосты Исаакиевского собора, авторитетнейшего деятеля русского монархического движения генерала Евгения Васильевича Богдановича состоялся прием делегации Общества московских хоругвеносцев, основанного в Москве епископом Серафимом и объединявшего правоконсервативное духовенство и мирян во главе с К. К. Полторацким. Согласно дневнику одного из активных деятелей Черной сотни, приват-доцента Петербургского университета Бориса Владимировича Никольского, имел место разговор Полторацкого с Никольским, в ходе которого первый озвучил желание создать мощную всероссийскую патриотическую организацию****. Дубровин посоветовал хоругвеносцам взять под свою защиту Царя во время его визита в Москву. Это, по его мысли, могло способствовать поднятию национально-патриотического духа и

---

* См., напр.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.–Л., 1963.

** Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Минск–М., 2001. Т. 2. С. 56.

*** Там же. С. 120.

**** Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б. Л. 248.

созданию общественной организации, способной дать отпор противникам монархического строя.

По свидетельству активного черносотенца И. И. Баранова, 8 ноября 1905 г. на квартире А. И. Дубровина собралась группа инициаторов и выработала устав новой организации под названием «Союз русского народа» (СРН)*. Среди основателей СРН числились: В. М. Пуришкевич, А. А. Майков, П. Ф. Булацель, И. И. Баранов, А. И. Дубровин, А. И. Тришатный, П. А. Александров, Н. М. Языков, В. А. Андреев, С. Д. Чекалов, П. П. Сурин, Е. Д. Голубев, В. П. Соколов, Г. В. Бутми и другие**. Также был избран руководящий орган СРН – Главный Совет (ГС), председателем которого стал А. И. Дубровин. Также были избраны три товарища (заместителя) председателя ГС СРН – А. А. Майков, А. И. Тришатный и В. М. Пуришкевич. Позднее Дубровин утверждал, что первоначально первым товарищем председателя был Майков, вторым – Тришатный, а с весны 1906 г. вместо Тришатного был назначен Пуришкевич***. По словам Дубровина, с самого начала все полномочия в ГС СРН А. А. Майков, А. И. Тришатный и сам он разделили между собой. Дубровин оставлял за собой общее руководство, Майков заведовал Советом и канцелярией, а Тришатный занимался формированием и открытием отделов (в первое время им было открыто около 60 отделов СРН)****.

Вот что впоследствии писал об этих знаменательных событиях сам Александр Иванович: «Мысль о нем зрела у меня с 9 января 1905 года [То есть со дня так называемого «кровавого воскресенья», когда в Петербурге в результате грандиозной провокации произошло имевшее трагические последствия столкновение шествия рабочих с полицией. – *Д. С.*]. Как вы-

* См.: Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.–Л., 1929. С. 35.

** Подробнее см.: Rawson D. C. Russian Rightists… С. 58.

*** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 99.

**** Дубровин А. И. Необходимое разъяснение (Так озаглавлено в новом Вестнике искажение действительности) // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 12–13.

яснилось, почти одновременно со мной тою же мыслью был охвачен и Аполлон Аполлонович Майков. Другие присоединились уже к нам. Первые шаги по образованию Союза были сделаны из моей квартиры, где и собирались вначале. Учредители в моем доме сделали и свои первые взносы, кто сколько мог. Учредительские деньги были переданы на расходование и хранение мне. Я их целиком передал потом казначею Ив<ану> Ив<ановичу> Баранову, на что у меня имеется его расписка. Из учредителей избран был Совет и должностные лица: председатель – я, Дубровин; два товарища председателя: А. А. Майков и А. И. Тришатный; секретарь С. И. Тришатный[*] и казначей Ив<ан> Ив<анович> Баранов. Начались работы; в моей квартире было собираться неудобно, и я предоставил Союзу в своем доме отдельную квартиру. Я оставил за собой общее руководство. А. А. Майков принял на себя заведование Советом и канцелярией, а А. И. Тришатный занялся формированием и открытием отделов. А. А. Майков с раннего утра приходил в Союз и оставался там до ночи… Деятельное участие в работе принимали все: не только члены Совета и учредители, но и простые союзники. Денежные поступления, хотя и не обильно, но притекали ежедневно и давали возможность скромно существовать начатому делу»[**]. Говоря о первых днях работы СРН, Дубровин отмечал, что «работали все и несли свой труд идейно, без ожидания какого-либо вознаграждения, благодаря чему Союз разрастался незаметно, но быстро; волна оскорбленного чувства за поруганную Родину быстро разливалась по всему пространству униженной России, охватывала умы и сердца во всех слоях населения и привлекала к Союзу массу новых единомышленников»[***].

В это же самое время А. И. Дубровин организует в Петербурге митинги и манифестации в поддержку Самодержавия, на

* Тришатный Сергей Иосифович (1865 – после апреля 1920) – юрист, брат А. И. Тришатного, один из основателей СРН, первый секретарь Главного Совета СРН.

** Дубровин А. И. Необходимое разъяснение... С. 15.

*** Там же.

которые собирается значительное количество простых горожан. Уже на первый митинг, организованный Союзом Русского Народа 21 ноября 1905 года, в двунадесятый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы в Михайловском манеже, по словам участника события, видного правого публициста, депутата 2-й Государственной Думы Павла Александровича Крушевана, «собралось тысяч двадцать народу». На митинге выступали Дубровин, П. Ф. Булацель, В. М. Пуришкевич, известный писатель князь Михаил Николаевич Волконский, Б. В. Никольский, писатель и публицист Николай Александрович Энгельгардт и другие известные монархисты. Крушеван свидетельствовал о царившем на митинге «необычайном воодушевлении, не поддающемся описанию». «Такими многочисленными митингами – пишет в этой связи А. Д. Степанов, – не могли похвастаться ни либералы, ни социалисты. Несомненно, эта демонстрация силы охладила пыл тех, кто пытался организовать революционное выступление в столице»[*]. Удовлетворенный успехом от первого массового собрания правых, лидер СРН продолжал организовывать новые митинги, что также способствовало увеличению численности сторонников Союза[**].

Вскоре Дубровин стал весьма заметной политической фигурой в Российской Империи. 9 декабря 1905 года он направил Императору Николаю II телеграмму, в которой от имени Союза Русского Народа умолял Царя не выпускать на свободу политических заключенных (это было одно из главных требований либералов и социалистов)[***]. По словам А. Д. Степанова, «Государю позиция Дубровина пришлась по сердцу, он полностью разделял опасения лидера Союза Русского Народа, а потому одобрительно отнесся к телеграмме»[****]. 11 де-

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 72.

** ГАРФ. Ф. 102. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. I. Л. 91.

*** См.: Правые партии 1905–1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 83–84.

**** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия... С. 72–73.

кабря того же года, когда власти ожидали революционного выступления в столице, Дубровин встретился с военным министром А. Ф. Редигером, которому предложил привезти из Витебска в столицу 20 тысяч старообрядцев, вооружить их и расположить вокруг города, чтобы «навести порядок в районе заводов и помешать рабочим двинуться на Царское Село». Следует заметить, что революционные банды планировали тогда повторить на русской почве поход на Версаль, ставший ключевым моментом кровавой французской революции конца XVIII века. Отсюда и озабоченность лидера СРН возможным развитием событий и столь жесткое предложение, которое, однако, хотя и обсуждалось, но принято не было.

По словам А. Д. Степанова, «большой заслугой Дубровина было то, что он осмелился выступить против всесильного в то время С. Ю. Витте»[*]. В начале декабря 1905 года А. И. Дубровин, П. Ф. Булацель и А. А. Майков добились приема у великого князя Николая Николаевича, который в ту пору являлся главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Они указали великому князю на «опасное положение России под управлением Витте, который, побуждаемый жидами, ведет к революции и распадению России»[**]. Результаты беседы остались неизвестными, однако, по свидетельству генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа Г. О. Рауха, Дубровин был «доволен и сиял»[***]. Тогда же великий князь договорился о встрече А. И. Дубровина и дворцового коменданта Д. Ф. Трепова. Во время этой встречи, состоявшейся 30 декабря 1905 г., Дубровин обговорил условия приема у Императора, намеченного на 15 января 1906 г. К сожалению, подробности посещения Дубровиным Царя неизвестны[****]. Правда, сам Император в дневнике, как всегда лаконично,

* Степанов А. Д. Указ. соч. С. 73.

** Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 73.

*** См.: Красный архив. Т. 19. М.–Л., 1926. С. 88–91.

**** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 800. Л. 3–4.

отмечает, что «принял Дубровина – председателя Союза Русского Народа – и бар<она> Мейндорфа»[*]. Впоследствии Дубровин еще несколько раз встречался с Треповым и Раухом, по всей вероятности, добиваясь приема у Императора и великого князя Николая Николаевича[**].

В дальнейшем Дубровин не раз продолжал выступать с резкой критикой политики Витте, которую он характеризовал как предательскую. При этом лидер СРН подчеркивал, что действия Витте направлены к установлению конституционной монархии. Дубровин даже написал ядовитый памфлет на Витте «Тайна судьбы (фантазия-действительность)»[***], в котором представил всесильного сановника в роли антихриста, коронуемого на царство. По словам А. Д. Степанова, «в том, что кабинет Витте просуществовал недолго, несомненно была заслуга Дубровина». Исследователь подчеркивает, что «фактически он стал одним из могильщиков правительства “графа Полусахалинского”, получившего отставку в апреле 1906 года»[****].

На Третьем Всероссийском Съезде Русских Людей (СРЛ) в Киеве в начале октября 1906 года лидер московских монархистов, редактор газеты «Московские ведомости» Владимир Андреевич Грингмут, сам немало сделавший для низвержения правительства Витте (его газета несколько месяцев выходила с вызывающим аншлагом «Но прежде всего Витте должен быть уволен»), особо выделил эту, по его мысли, историческую заслугу Дубровина перед русским народом. Грингмут отмечал, что «после 17 октября 1905 г., когда все общество растерялось, он первый в Петербурге собрал около себя кружок лиц для защиты устоев Самодержавия», организовал «стихию, которая известна под названием “Черной сотни”, для борьбы с револю-

---

* Дневники Императора Николая II. [М.], 1991. С. 298 (запись от 15 января 1906 г.).

** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 800. Л. 5–9.

*** См.: Дубровин А. И. Тайна судьбы (Фантазия-действительность). СПб., 1907.

**** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 73.

цией», «он первый поднял голос “Долой Витте” – этого величайшего врага и лжеца России»*.

Отметим, что с Грингмутом у Дубровина сложились хорошие, дружественные отношения. Так, во время визита в Петербург Грингмута произошла его встреча с Дубровиным, в ходе которой они констатировали тот факт, что преследуют общие цели. Когда в январе 1906 г. СРН открыл Московское отделение, Грингмут приветствовал это событие и сошелся с председателем Московского отделения Н. Н. Ознобишиным. В дальнейшем, после смерти Грингмута, Монархическая партия на некоторое время вошла в состав СРН в качестве одного из его московских отделов**.

23 декабря 1905 года состоялся Высочайший прием депутации СРН, состоявшей из 23-х человек, Государем Императором, имевший огромное политическое значение. Дубровин зачитал Царю адрес Союза, в котором говорилось, в частности, что «недавно зародился и быстро вырос Союз Русского Народа», что с каждым днем число членов СРН увеличивается, ибо «почуяло сердце народное, что Союз Русского Народа сплотился для важного, неотложного дела». В адресе были сформулированы три условия сохранения «крепости и силы Государства Русского»: во-первых, власть Царя, «исконная Самодержавная, врученная русским народом» первому Романову, должна быть «незыблемою и нерушимою», «земля наша Русская – единою и неделимою, вера наша Православная в России – первенствующею»; во-вторых, необходимо восстановить общественный порядок и закон, а «кучку злых крамольников», попирающих дарованные Царем свободы, подавить силой власти; в-третьих, народ ждет, когда Государь «мудрым и справедливым словом, справедливо и для всех безобидно» укажет пути решения аграрного вопроса, поможет «земельной тесноте крестьянства». От имени Союза председатель Главного Совета СРН заверил Царя: «Мы, Государь, постоим за Тебя нелицемерно, не щадя ни добра, ни

* Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 74.

** Богоявленский Д. Д. Указ. соч. С. 53.

голов своих, как отцы и деды наши за Царей своих стояли, отныне и до века»*. После речи Дубровина Царь принял от него папку с адресом и знаки СРН для себя и Цесаревича, поблагодарил Дубровина и всех членов Союза, пожелав им дальнейших успехов. По поводу этой встречи Царь записал в дневнике: «…Принял большую депутацию с Дубровиным во главе»**.

Кроме двух упомянутых встреч с Императором Дубровин встречался с ним еще три раза. Одна из этих встреч имела место в апреле 1907 г., перед съездом в Москве, после чего от Государя «получил указание работать на съезде по экономическим вопросам», другая – в феврале 1908 г., когда по поручению съезда он и один из учредителей СРН В. Ф. Борисов «приветствовали Царя от съезда и опять получили то же указание работать на экономической почве». Последняя встреча произошла «по случаю поднесения ему иконы в память 300-летия Династии, за что Царь поручил передать благодарность союзникам»***.

Известно также, что А. И. Дубровин, по крайней мере, четыре раза встречался с Г. Е. Распутиным. Сам лидер черносотенцев на допросе в ЧК в 1920 году сообщал: «Пришел он <Г. Е. Распутин. – *Д. С.*> в первый раз познакомиться. Второй раз он был мною позван на завтрак <…>. В свою очередь, он меня приглашал два раза к себе: раз на обед и раз на завтрак»****.

С 27 ноября 1905 г. Дубровин при содействии И. С. Дурново начал издавать газету «Русское Знамя», которая получила статус официального печатного органа ГС СРН*****. Активисты Союза распространяли газету по России, часто используя для этого региональную сеть отделов СРН.

* См.: Русское знамя. СПб., 1906, 9 янв. № 7. С. 2–3.

** Дневники Императора Николая II. [М.], 1991. С. 294 (запись от 23 декабря 1905 г.).

*** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 105.

**** Там же. С. 105.

***** Дубровин А. И. Необходимое разъяснение (Так озаглавлено в новом Вестнике искажение действительности) // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 12–13.

Именно тогда начинает расти авторитет Дубровина как активного политика. В глазах политических оппонентов именно он становится олицетворением Союза Русского Народа и черносотенного движения в целом*.

В конце своей жизни, в 1920 г., как бы подводя итог своему жизненному пути, тяжело больной Дубровин в ходе «показаний по существу дела» в ЧК такими словами оценивал цель создания, смысл и значение Союза Русского Народа: «До 1905 года занимался врачебной практикой, что мне дало возможность изучить положение народа – крестьян, рабочих и вообще мелкий трудящийся люд, положение которых всегда вызывало полное к ним сочувствие, вызвавшее активное стремление выступить на их защиту, что, в свою очередь, толкнуло <меня> в политику. С А. А. Майковым <...> я обсудил положение, и мы искали средства помочь бедным классам. Возникла мысль о создании Союза, который бы работал на нужды народа, поставил себе задачей приблизить народ к Царю, стараниями раздвинуть бюрократическую стену, заслоняющую народ от Царя. Союз возник под названием “Союз Русского Народа”. Основы его: Православие, Царь и народ. Образовался Союз в Петрограде, а потом постепенно открывались отделения по провинции, совершенно самостоятельные в своей внутренней жизни и самоотвечающие за свою деятельность. Связь с Главным Советом в Петрограде должна была поддерживаться только главными положениями, т. е. “Православие, Царь и народ”»**.

Дубровин и митрополит Антоний (Вадковский)

Отношения лидера черносотенцев с первенствующим членом Святейшего Правительствующего Синода, митропо-

* К примеру, один из националистов, когда говорил о влиянии крайне правых на членов Всероссийского Национального Союза (ВНС), отмечал, что правые представители ВНС «устремляются к Дубровину» (см.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001. С. 70.).

** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 98–99.

литом Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) изначально складывались непросто. Владыка Антоний критиковал лидеров Черной сотни за вмешательство в сферу деятельности Церкви, а также священников, которые активно занимались политической деятельностью (в основном на стороне СРН). Такая позиция митрополита подвергалась резкой критике в «Русском Знамени»*.

15 ноября 1906 года представители Главного Совета Союза Русского Народа явились к митрополиту, чтобы просить его совершить богослужение по случаю освящения хоругви и знамени Союза. Владыка Антоний отказался и предложил обратиться к викарию. Возникла перепалка и, по словам Дубровина, архиерей заявил, что «правым вашим партиям я не сочувствую и считаю Вас террористами: террористы-левые бросают бомбы, а правые партии вместо бомб забрасывают камнями всех с ними не согласных»**. По словам А. Д. Степанова, «эти слова и отказ участвовать в монархическом празднике сильно обидели монархистов»***.

Последствием этого события явилось составление А. И. Дубровиным открытого письма к владыке, которое появилось 2 декабря 1906 года. В нем лидер СРН публично обвинил первенствующего члена Святейшего Синода во многих грехах. Приведем несколько характерных цитат из этого документа. «Воспитанный в духе либеральных веяний 60–70-х годов, Вы, овдовевши, из профессорского фрака спокойно переоделись в рясу; но ряса не согрела Вас: и до сих пор Вы остались, в сущности, в том же фраке – бездушным, формальным исполнителем не духа, а буквы закона», – пишет Дубровин****.

---

* См.: Русское знамя. 1906. 29 ноября. С. 1; 5 декабря. Приложение.

** Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 5.

*** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 75.

**** Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина… С. 6.

Кроме того, по мнению Дубровина, владыка Антоний находится в союзе с «преступным провокатором» графом Витте, а также покровительствует церковному либерализму: «Вы воспитали 32 бунтовщиков иереев», «обратили “Церковный голос” и “Церковный вестник” в революционные органы», «Духовные академии введением автономии Вы обратили в революционные гнезда»; «все противоцерковное, противогосударственное в среде духовенства, как видите, выросло около Вас, пользовалось Вашим покровительством в столице»[*]. Также Дубровин обвинял иерарха в гонениях на патриотическое духовенство: «Вы по указке князя Оболенского [Обер-прокурор Св. Синода в правительстве С. Ю. Витте – *Д. С.*] постыдно предали на общественное глумление доблестного Московского митрополита за правдивое слово, которым он осудил бунты и измены» (этот «позорный и ложный акт», отмечал лидер СРН, был подписан без заседания Синода, подписи собирались поодиночке под давлением митрополита Антония, как утверждалось, «для успокоения общественного мнения»)[**]. Также Дубровин обвинял митрополита в изгнании из Москвы епископа Никона (Рождественского), из Ярославля иеромонаха Илиодора (Труфанова), в ссылке на Соловки игумена Арсения (Алексеева)[***]. Кроме того, А. И. Дубровин поставил в вину владыке Антонию то, что тот опозорил «торжество открытия мощей преподобного Серафима, предав гласности, на соблазн верующим, тайный по существу протокол осмотра останков святого, как будто это был обычный полицейский протокол осмотра могилы»[****].

Подводя итог, лидер черносотенцев восклицал: «Между тем Вы “вне и выше всякой политики”! Но в таком случае не умываете ли Вы руки, подобно Пилату? И водою ли? Не кровью ли русского народа?! Можно ли, в самом деле, при

* Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина… С. 9.

** Там же. С. 13.

*** Там же.

**** Там же. С. 17.

переживаемых обстоятельствах стоять "вне и выше всякой политики"! И Вы не стояли вне ее, но Вы имели политику, увы, пагубную для русского духовенства, Вам подчиненного, и для русского народа»[*]. «Как русский патриот и православный верующий человек, я не мог молчать и все сказал, что требовало мое исстрадавшееся русское сердце», – продолжает Дубровин[**]. В заключении Открытого письма лидер СРН отметил: «Перед саном святителя я благоговею; лично против Вас, как человека, у меня нет ни гнева, ни раздражения. Но я буду бороться, не страшась ничего, до гробовой доски, отдам всю жизнь до последней капли крови за торжество священных для меня начал: Святой Веры Православной, Самодержавного Русского Царя и Великого Русского Народа»[***].

Открытое письмо А. И. Дубровину к владыке Антонию не осталось незамеченным. Оно неоднократно переиздавалось, имело широкое распространение и вызвало широкий резонанс в обществе. Ходили слухи, что автором этого документа является не сам Дубровин, а кто-то другой из черносотенцев. Комментируя эту точку зрения, А. Д. Степанов утверждает, что, «действительно, прочтение письма убеждает, что его автор – яркий, талантливый публицист. Между тем известно, что Александр Иванович не обладал публицистическим даром. Скорее всего, письмо – плод коллективного творчества, но, несомненно, оно отражало тогдашние чувства и мысли вождя Союза Русского Народа»[****]. Следует отметить, что владыка Антоний не стал вступать в публичную полемику с Дубровиным, однако, в частном письме к тогдашнему обер-прокурору Святейшего Синода П. П. Извольскому изложил свою версию приема депутации Союза Русского Народа, а также свое отношение к обвинениям лидера СРН в его

* Там же. С. 14.

** Там же. С. 19.

*** Там же. С. 20.

**** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 77–78.

адрес. Если верить владыке Антонию, то встреча с союзниками выглядела несколько иначе, чем это описывает Дубровин в своем открытом письме, а некоторые обвинения лидера Черной сотни – не столь обоснованными.

Так или иначе, владыка Антоний и А. И. Дубровин вскоре примирились. Более того, как отмечает в этой связи А. Д. Степанов, митрополит Антоний стал едва ли не главным покровителем Союза*.

Уже 1 июля 1907 года, то есть примерно через полгода после публикации Открытого письма, в Петербург из Иерусалима прибыл инициатор крестового похода монархистов против революции и вдохновитель учреждения Союза Русского Народа игумен Арсений (Алексеев). Ему была устроена торжественная встреча. Тогда же и состоялось публичное примирение владыки Антония и А. И. Дубровина. Игумен Арсений вез икону Воскресения Христова с вделанной в нее частицей Гроба Господня, этой святыней благословил Русского Царя Вселенский Патриарх. С Николаевского вокзала крестный ход во главе с будущим новомучеником епископом Гдовским Кириллом (Смирновым) и сонмом духовенства с хоругвями и иконами шел по Невскому проспекту в сторону Казанского собора. На паперти храма икону встретил митрополит Антоний. Святыню встречали также многочисленные монархисты во главе с их лидером А. И. Дубровиным. После богослужения в соборе перед иконой вождь Союза Русского Народа сердечно поблагодарил митрополита за участие в празднестве Союза, а тот в ответ братски облобызал вождя Черной сотни**.

Несколько позже, 11 февраля 1908 года, митрополит Антоний (Вадковский) служил молебен перед открытием Всероссийского Съезда СРН. По окончании молебна, в ответ на благодарность владыка Антоний облобызал А. И. Дубровина и сказал: «Призываю благословение Божие на великое дело

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 78.

** Там же. С.79

установить мир и тишину в нашей дорогой Родине, о чем Союз Русского Народа ежечасно молит Святая Церковь»*.

Тогда же, на этом съезде, по инициативе Дубровина было принято официальное решение начать сбор средств среди союзников на строительство в Петербурге храма-памятника в честь 300-летия Дома Романовых. Примечательно, что владыка Антоний не только поддержал инициативу Союза и благословил проводить ежегодно в день Покрова кружечный сбор по всей Российской Империи, но также лично представил этот проект Императору, который одобрил идею, вследствие чего всевозможные бюрократические препоны были преодолены. Однако наступившая вскоре болезнь и смерть митрополита Антония, а также распри в руководстве самого Союза Русского Народа привели к тому, что первоначальный проект был значительно изменен, и строительство храма пошло в несколько ином русле**. В итоге вместо монархического храма-памятника – символа верноподданничества русского народа династии Романовых – был построен величественный собор, ставший обычным монастырским подворьем – Феодоровского Городецкого мужского монастыря Нижегородской епархии, обители, в которой когда-то пребывала чудотворная икона Феодоровской Божией Матери. Именно этот образ в свое время, после упразднения Городецкого монастыря, перенесли в Ипатьевский монастырь в Костроме, где ею и благословили на царство боярина Михаила Феодоровича Романова. Феодоровский собор в Петербурге находится за Николаевским (ныне Московским) вокзалом и сейчас восстанавливается.

Дубровин во главе Союза Русского Народа

Первые годы руководства Дубровиным Союзом Русского Народа характеризуются его несомненной активностью.

* Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 79.

** Подробнее см.: К вопросу о сооружении в Петербурге Союзом Русского Народа храма в память 300-летнего благополучного царствования Дома Романовых // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 83–84; Дальнейший ход дела // Там же. С. 92–93.

Лидер СРН, по сути дела, занимается всей текущей работой, готовится к съездам, выступает на съездах, в том числе и по еврейскому вопросу*, ведет переписку с многочисленными отделами и подотделами Союза, с ведущими союзниками. В частности, несомненный научный интерес представляет собой частная переписка Дубровина с Е. А. Полубояриновой** и Е. А. Шабельской-Борк***, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации. В то же самое время, в 1905–1907 гг., растет и численность СРН. Так, в коллективной работе «Программы политических партий России» отмечается, что к концу 1907 г. Союз насчитывал около 400 местных отделений, половина которых приходилась на сельскую местность, а общее число членов Союза доходило до 400 000 человек.**** По другим сведениям, в конце 1907 года в 66 губерниях и областях действовало 2124 отдела СРН***** (другие монархические союзы – 105 отделов), по преимуществу в европейской России, и особенно много – в Белоруссии и на Украине, т.е. в черте еврейской оседлости. Исследователь черносотенного движения в Поволжье Г. В. Набатов утверждает, что к концу 1907 – началу 1908 гг. черносотенные организации действовали в 2208 населенных пунктах, расположенных в 66 губерниях******.

Данные же об общей численности СРН на конец 1907 г. в различных работах указываются примерно одинаковые –

---

* См., напр.: Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 121–123. Доклад Дубровина по еврейскому вопросу имел место в конце второго дня заседания проходившего в Петербурге Всероссийского съезда Русского собрания (Первый всероссийский Съезд русских людей, 8–12 февраля 1906 г.).

** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 802.

*** Там же. Д. 806.

**** Программы политических партий России. М., 1995. С. 438.

***** История политических партий в России / Под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 64.

****** Набатов Г. В. Черносотенное движение в Нижегородской губернии // http://www.hist.nnov.ru/history/partis/12.html.

более 400 000 человек*. Но также было много сочувствующих организации, так что общее число русских людей, связанных с деятельностью Союза Русского Народа, составляло не менее двух миллионов человек.

Это был несомненный успех как всего руководства СРН, так и Дубровина лично: превозмогая хроническую болезнь, он все свои силы вкладывал в становление крупнейшей правой политической организации, за собственный счет обеспечивая к тому же помещения для «Русского Знамени» и центрального руководства Союза.

Лево-либеральное большинство сначала I-й, а затем и II-й Государственных Дум фактически взяло курс на обострение отношений с Самодержавной властью и на эскалацию еще не загнанной окончательно в подполье революции. В этой ситуации Дубровин и его соратники подчеркивали ту отрицательную роль, которую играла Дума в жизни российского общества. Дубровина возмущала до глубины души мышиная возня, которую вели депутаты I-й Думы, замутившие в итоге «всю великую Россию до самого дна»**.

Само собой разумеется, что Александр Иванович, как и другие его соратники, испытал чувство глубокого удовлетворения, когда Император 9 июля 1906 г. распустил I-ю Думу. Лидер СРН направил по этому случаю телеграмму Царю, в которой, в частности, говорилось: «Взволнованные неописуемой радостью при известии о закрытии революционного гнезда, … не находим слов для выражения своих чувств глубочайшей благодарности…»***.

Не с лучшей стороны характеризует лидер СРН и депутатов II-й Думы, которых он называл «представителями народного невежества с бомбами в кармане»****. По его словам,

---

* Программы политических партий России. М., 1995. С. 438; Степанов С. А. Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 87.

** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 797. Л. 55.

*** Правые партии. 1905–1917… Т. 1. С. 174.

**** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 797… Л. 56.

в итоге «русская жизнь целиком пошла под аккомпанемент революционных выстрелов и свист разрывающихся бомб. Человеческая кровь полилась как вода и стала почти так же дешева, как она»*.

Критиковал Дубровин и председателя III-й Государственной Думы Н. А. Хомякова, обвиняя его в фактическом покровительстве либеральной оппозиции: «Вы уважаете не Думу, а лишь оппозицию в лице “мирно-обновленцев” и “кадетов”. К “октябристам” и “умеренно-правым” Вы иногда благоволите снисходить с высоты Вашего недосягаемого величия, а “правых”, которые этого величия не признают, Вы ненавидите всеми силами своей барской души»**. Главными же врагами России лидер СРН считал евреев, масонов и Витте, подчеркивая при этом необходимость существования в стране твердой власти: «Никакие волнения не страшны сильной и твердой власти, как не страшны морские волны гранитному утесу, как бы они ни были яростны. Они рассыпаются пеной у его подножия»***.

Кроме того Дубровин призывал своих союзников следить за деятельностью самого СРН, за чистотой рядов Союза, сплотить ряды и усилить пропаганду идеалов Черной сотни****.

Сложные отношения у Дубровина сложились с тогдашним премьер-министром П. А. Столыпиным. С одной стороны, лидер СРН не мог принять аграрные преобразования премьера, так как, как и его соратники, Александр Иванович полагал, что разрушение общины несет вред России и ведет к росту пролетариата. Сам Столыпин также с подозрением относился к деятельности СРН, да и вообще боялся правых. Так, в частности, в своем распоряжении петербургскому градоначальнику глава правительства призывал «немедленно принять меры к предупреждению всякого активного высту-

* ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 797… Л. 57.

** Дубровин А. И. Открытое письмо Н. А. Хомякову // Русское знамя. СПб., 1908. 5 декабря. № 274. С. 2–3.

*** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 797. Л. 59.

**** Русское знамя. 1908. 4 января. № 3. С. 1.

пления правых во время возможных в будущем волнений в столице» и полагал, что инициатива монархистов отяготит деятельность полиции, создавая пагубные последствия для отдельных лиц*.

Правда, первоначально отношения между Дубровиным и Столыпиным внешне выглядели вполне удовлетворительно. В 1906–1907 гг. премьер оказывал поддержку всем силам, которые могли бы противодействовать революционной вакханалии. В свою очередь, сам Дубровин неоднократно обращался к Столыпину с теми или иными просьбами и, как правило, находил понимание у главы правительства. В то время, если у Союза Русского Народа возникали проблемы с местными властями, Дубровин старался не предавать их огласке, а извещал сначала Столыпина, чтобы попытаться урегулировать конфликт административными мерами.

А 12 августа 1906 года, когда эсеры устроили на даче премьера, на Аптекарском острове, чудовищный террористический акт, лидер СРН, который в тот момент находился вместе с В. М. Пуришкевичем на соседней даче у товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского, сразу же бросился на соседнюю дачу, чтобы исполнять свой врачебный долг. Впоследствии на допросе в ЧК Дубровин вспоминал: «Мне навстречу несут на руках детей Столыпина, сынишка лет 8–9 и затем барышня, которая страшно стонет. Столыпин подбегает ко мне: “Пожалуйста, доктор, сделайте одолжение, окажите помощь. Я что могу, – сделаю”. Их перенесли на другую дачу рядом, и там я первый же сделал им перевязки, и мальчику, и девочке лет 15–16**, она была в состоянии шока, так что, когда я осматривал ее, делал перевязки, она даже не стонала, обе ноги были раздроблены, в особенности левая до колена, представляла мешок с костями, вся кость была раздроблена и эти переломы были осложненными, т.е. с ранами, и кожными и мышечными. Сколько возможно, я принял меры, перевязал мальчика, у ко-

* Правые партии. 1905–1917... Т. 1. С. 664.

** На самом деле дочери П. А. Столыпина, Наталье Петровне, в момент покушения на ее отца в 1906 г. было 12 лет.

торого был перелом бедра»[*]. Между тем, как это ни покажется странным, уже буквально через 3–4 дня после злодейского покушения в иностранной печати появились клеветнические заметки о том, что якобы взрыв на даче Столыпина организовал… Союз Русского Народа!

Тем не менее постепенно отношения между Дубровиным и Столыпиным начали обостряться. Премьер отказывался обращать внимание на просьбы и предложения лидера СРН, а он со своими соратниками, в свою очередь, критиковал политику премьера в печати и в публичных выступлениях. Подробным образом разницу в идеологических представлениях А. И. Дубровина и П. А. Столыпина разобрал в своей брошюре «Столыпин и Дубровин» публицист Д. И. Булатович. По словам Булатовича, «П. А. Столыпин – идеальный бюрократ. Он умен, неподкупен, говорят, – на диво благороден, уверяют, – не чужд рыцарства. Но он бюрократ с головы до пят, только бюрократ и не может быть больше, чем всякий другой бюрократ»[**]. Публицист пишет, что «одновременно с белым террором П. А. Столыпин пускает в ход “добрые советы”, преподносимые нам “Россией”. Советы сводятся к тому, чтобы Союз Русского Народа постарался соорудить для себя корыто, а за месивом дело не станет. На такое доброе начинание будет отвалена толика из секретного фонда. Союзу рекомендуется оставить политику, поменьше насаждать “непросвещенного” патриотизма, а побольше вести “созидательной” работы в виде патриотической коммерции и такового же культуртрегерства. <…> Перспективы, открываемые бюрократией перед Союзом Русского Народа, столь же заманчивы, как и те, что были открыты Христу сатаной на высокой горе, но А. И. Дубровин устоял: не пал в ноги бюрократии и не поклонился ей, но сказал: “Отойди от мене”»[***].

По мысли Булатовича, бюрократизм Столыпина слишком несовместим с пониманием чаяний русских патриотов:

---

* Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 88.

** Булатович Д. Столыпин и Дубровин. СПб., [1909]. С. 3.

*** Там же. С. 5.

«Как далек, однако, бюрократ П. А. Столыпин от понимания патриотического лагеря. Он представляет себе А. И. Дубровина директором департамента, которого стоит только заменить новым, своим директором, чтобы сразу сделать Союз Русского Народа своим»[*]. Напротив, «А. И. Дубровин – неотъемлемая часть души каждого союзника, и смешно говорить о его смещении. Подобная дикая идея могла зародиться только в выхолощенном мозгу бюрократа»[**]. Таким образом, Столыпин и Дубровин при такой ситуации становятся вольно или невольно антиподами, конфликт между которыми неизбежен: «Нет, не о примирении речь. Колесо истории должно сделать полный оборот и раздавить того, кто сам лезет под него, забыв недавний урок истории. С какой стати А. И. Дубровину погибать за компанию?»[***]

Булатович, однако, твердо верит в стойкость Дубровина, в то, что тот ни на йоту не отшатнется от своих убеждений: «Будет ли он [А. И. Дубровин. – *Д. С.*] брошен не способной ни перед чем дрогнуть бюрократической рукой в тюрьму, предпочтет ли изгнание, разорвется ли его сердце от нечеловеческих мук – никогда никто из патриотов не отшатнется от него: Дубровин один у них»[****].

О Столыпине же Булатович выразился следующим образом: «Словно нарочно, для того, чтобы нанести смертельный удар бюрократическому строю, ему дано было выдвинуть лучшего из своей среды, которого окружили лучшие условия для проявления себя, – и в его дни Россия пала до предела, граничащего с смертью»[*****].

Тем временем у либералов, ненавидевших Дубровина за недвусмысленность его позиции и прямолинейность в отстаивании монархических идеалов, вскоре появился новый повод для нападок в его адрес. 18 июля 1906 года на своей даче

* Там же. С. 6.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

***** Там же.

в Териоках в Финляндии (ныне Зеленогорск под Петербургом) при загадочных обстоятельствах был убит депутат I-й Государственной Думы, крещеный еврей Михаил Яковлевич Герценштейн, «прославившийся» в свое время тем, что публично называл поджоги дворянских поместий во время аграрных беспорядков 1905 года «иллюминациями». Началось следствие, в ходе которого отрабатывалась версия причастности к убийству членов Союза Русского Народа. Такому ходу развития событий поспособствовали и клеветнические показания некоторых близких к лидеру Союза лиц – секретаря Главного Совета М. Н. Зеленского и Прусакова, которые заявили об организации при Союзе Русского Народа «боевых дружин». Руководство Союзом во главе с Дубровиным полностью отвергало возводимые на него обвинения в централизованной организации преступления*. Сам Дубровин никогда не призывал к террору. Наоборот, он подчеркивал, что Союз Русского Народа – «Союз мира и любви». Выступая 31 января 1906 года с речью над могилой рабочих-монархистов, убитых террористами в харчевне «Тверь», Дубровин, в частности, сказал: «Не мстите, православные, этим осатаневшим, заблудшим людям. Мы – Союз мира и любви; мы должны быть чисты перед Богом и Царем и встанем только за Веру Православную, Царя Самодержавного и за Святую Русь»**.

Тем не менее, противники Дубровина воспользовались ситуацией, чтобы организовать систематическую травлю лидера Черной сотни, которая заключалась как в попытках организации уголовного преследования Дубровина, так и в клеветнических статьях на страницах периодических изданий. Противники черносотенцев использовали также и еще более гнусные методы. Так, в марте 1907 года Дубровин получил по почте конверт, в котором оказалось медицинское свидетельство о… его смерти, причем на официальном бланке и с подписью врача. Нравственные террористы указали в качестве

* ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

** Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 92.

причины смерти убийство, в графе «болезнь» было указано «со слов врача: патриотизм»[*].

Судебный процесс по делу об убийстве Герценштейна начался 14 июля 1909 года в Териоках. Постепенно становилось все более очевидным, что Дубровину грозит арест и заточение в финляндской тюрьме. И тут на защиту своего лидера выступили монархисты, которые направляли телеграммы со всех концов России на имя Императора, требуя перевести расследование из финляндского суда в русский. В Российском государственном историческом архиве сохранилась копия письма одного из идеологов правых, генерала Е. В. Богдановича, к тогдашнему дворцовому коменданту Владимиру Александровичу [Дедюлину. – *Д. С.*], в котором он ходатайствовал о просьбе к Царю «повелеть изъять дело из ведения финляндского суда и передать его на новое рассмотрение суду русскому Санкт-Петербургского округа»,[**] так как, по словам генерала, руководитель черносотенцев внес большой вклад в подавление революции 1905–1907 гг.[***]

В это же время произошло резкое обострение здоровья А. И. Дубровина. Сам он полагал, что был отравлен, и считал, что покушение совершил один из его охранников и горничная, которая подсыпала в еду какое-то зелье. «Поскольку следствия не производилось, – пишет в этой связи А. Д. Степанов, – трудно сказать, кто стоял за попыткой убить вождя Союза Русского Народа: террористы-революционеры или организаторы убийства Герценштейна, опасавшиеся его разоблачений»[****]. Родственники увезли Дубровина в Харьковскую губернию, где служил его старший сын Александр. Затем Александр Иванович уехал лечиться в Ялту, где находился в безопасности под надежной защитой ялтинского градоначальника генерал-майора Ивана Антоновича Думбадзе. «В мае 1909 года я был отравлен и без

* Цит. по: Там же. С. 81.

** РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

*** Там же. Д. 446. Л. 25 об.

**** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 92.

сознания пролежал 5 недель. К первым числам июня я оправился настолько, что был переведен к сыну в Харьковскую губернию, а окрепнувши через месяц, переехал в Крым»*, – сообщил впоследствии, на допросе в ЧК в 1920 г., А. И. Дубровин.

Дубровин на острие политической борьбы

К 1907 году стало ясно, что в самом Союзе Русского Народа возникает внутрипартийная борьба с пока еще не ясным исходом. В итоге эта борьба, корень которой следует искать в непомерных личных амбициях отдельных черносотенных лидеров, в их желании перестроить «под себя» все руководство Союзом, в значительной степени подтачивала авторитет самого СРН, способствовала сокращению темпов роста организации, уменьшению влияния на массы, что, несомненно, в сложной политической ситуации только играло на руку революционным элементам, которые, как известно, через несколько лет смогли добиться реализации своих преступных целей.

Первое столкновение произошло между лидером СРН А. И. Дубровиным и товарищем председателя Главного Совета СРН Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем. Энергичный и деятельный человек, обладавший властными амбициями, Пуришкевич стремился взять в свои руки всю организационную деятельность в Союзе. Его поддержали некоторые учредители Союза и руководители крупных местных отделов, в частности, один из руководителей московских монархистов, будущий новомученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов. Вскоре В. М. Пуришкевич единолично стал пытаться решать и некоторые стратегические вопросы: таким образом, все дело шло к тому, что он становился фактическим руководителем Союза Русского Народа.

В этой ситуации летом 1907 года на съезде Союза в Москве сторонники Дубровина смогли провести документ, согласно которому ни одно циркулярное письмо от имени Главного

* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 100.

Совета, не подписанное его председателем, то есть А. И. Дубровиным, не должно приниматься к исполнению на местах. Таким образом, должность товарища председателя ГС СРН становилась чисто технической. А 25 ноября 1907 г. в «Русском Знамени» было напечатано постановление ГС СРН за подписью Дубровина, ограничивающее полномочия Пуришкевича в СРН*. Одновременно окончательно испортились и личные отношения Дубровина с Пуришкевичем.

Естественно, конфликт на этом не был исчерпан, а все более разгорался. Уже к декабрю 1907 г. противоречия внутри СРН привели к новому столкновению между Дубровиным и Пуришкевичем. 11 декабря Пуришкевич от лица СРН осмелился направить в Думу А. И. Гучкову, лидеру октябристов, предложение поддержать запрос правой фракции Думы о беспорядках в учебных заведениях. Дубровин, естественно, сразу же заявил о нарушении Устава и постановлений СРН, не допускавших тайную связь с октябристами. В итоге был созван Главный Совет Союза, однако накануне сам Пуришкевич вышел из состава СРН.

В феврале 1908 года на съезде Союза Русского Народа в Петербурге группа членов Главного Совета и членов-учредителей (предприниматели В. Л. Воронков, В. А. Андреев и др.) обратилась с заявлением и открытым письмом к председателю съезда графу А. И. Коновницыну с жалобой на, как они считали, диктаторское поведение Дубровина, а также на отсутствие финансовой отчетности в СРН и другие якобы имевшие место нарушения Устава организации. Авторы этих документов потребовали отставки лидера Союза. Оскорбленный Дубровин тогда заявил: «Я, можно сказать, родил Союз, я кормил его, а теперь, когда он окреп и разросся, меня хотят удалить, как ненужную вещь»**. Обвинения против Ду-

* Полномочия В. М. Пуришкевича как товарища председателя ГС СРН, распространявшиеся на «Русское Знамя», теперь отменялись (см.: Русское знамя. 1907. 25 ноября. № 257. С. 1).

** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 84.

бровина не убедили большинство делегатов съезда. Тогда же из рядов СРН эти обвинители были исключены*. Они вскоре пополнили число сторонников Пуришкевича. Так произошел первый раскол в Союзе Русского Народа. Его итогом явился выход В. М. Пуришкевича и его сторонников из организации и создание ими нового союза – «Русского Народного Союза Михаила Архангела» (РНСМА), лидером которого фактически стал сам Пуришкевич. Раскол был на руку правительству Столыпина, который, как уже было сказано, не доверял монархистам, опасался их и стремился во что бы то ни стало ослабить Союз Русского Народа, стремился найти среди правых тех, кто поддержал бы его реформы и третьеиюньскую систему государственной власти в царской России в целом.

Вместе с тем факты свидетельствуют, что сам А. И. Дубровин стремился даже с Пуришкевичем, уже покинувшим Союз, не обострять отношения, демонстрируя благородство и миролюбие. Так, в частности, вскоре либеральные думские деятели обвинили лидера РНСМА в краже документов Главного Совета СРН при его выходе из Союза. И даже когда отношения между Пуришкевичем и лидером кадетов П. Н. Милюковым обострились до предела, А. И. Дубровин продолжал отрицать факт кражи. Только впоследствии, когда лидер РНСМА в открытую перешел в лагерь врагов Самодержавия, Дубровин был вынужден признать этот факт.

Тем временем выход из Союза Пуришкевича и его сторонников оказался лишь первой фазой борьбы в СРН. Вторая фаза началась с лета 1909 года и была напрямую связана с вынужденным отсутствием Дубровина в течение длительного времени в Петербурге по причине обострения болезни. На сей раз новую оппозицию в СРН возглавил депутат Думы Николай Евгеньевич Марков (известный по думской деятельности как «Марков-второй»), редактор газеты «Земщина», получавший субсидии на ее издание от правительства Столыпина. Первым шагом «обновленцев» (противников Дубровина, выдвигавших тезис о необходимости обновле-

* Русское знамя. 1908. 14 февраля. № 37. С. 1.

ния руководства Союза) стал переезд Главного Совета из дома Дубровина, где он размещался изначально, в Басков переулок. Это произошло уже 20 июля 1909 года, т.е. вскоре после вынужденного отъезда лидера СРН. 3 ноября 1909 года состав Главного Совета пополнился противниками Дубровина, среди которых были: бывший ярославский губернатор, сенатор А. А. Римский-Корсаков, член Государственного Совета М. Я. Говорухо-Отрок, член Государственной Думы священник Димитрий Машкевич. Тогда же вторым товарищем председателя ГС СРН был избран недоброжелатель Дубровина председатель Петербургского столичного Совета Союза Русского Народа граф Эммануил Иванович Коновницын, ставший фактическим главой Главного Совета. По утверждению А. Д. Степанова, «именно Коновницын был мотором антидубровинской кампании, и мотивом его действий было, видимо, честолюбие»*.

В декабре 1909 года соперники Дубровина, воспользовавшись его отсутствием, провели решение о предоставлении доктору титула почетного председателя СРН при утрате им фактической власти. Разумеется, с таким положением вещей А. И. Дубровин, усилиями которого в течение нескольких лет фактически создавался и креп Союз, смириться не мог – и выступил против этого решения. Его поддержали видные деятели Союза Русского Народа: академик А. И. Соболевский, казначей Союза купчиха Е. А. Полубояринова, профессор Б. В. Никольский, редактор газеты «Гроза» Н. Н. Жеденов, врачи Г. Г. Надеждин и А. Н. Борк и другие. Кроме того, многие местные отделы СРН заявили о своей лояльности Дубровину: Ярославский во главе с глазным врачом И. Н. Кацауровым, Почаевский во главе с наместником местной лавры архимандритом Виталием (Максименко), Астраханский во главе с купцом Н. Н. Тихановичем-Савицким, Воронежский во главе с купцом Р. М. Карцевым, Казанский во главе с педагогом и общественным деятелем А. Т. Соловьевым и другие.

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 95.

Тем временем в начале 1910 г. «обновленцы» из Главного Совета добились заключения соглашения с организацией Пуришкевича. Дубровинцы, выступившие против этого соглашения, оказались в меньшинстве. 2 февраля 1910 г. на заседании соединенного собрания Совета и учредителей СРН был исключен из Союза видный сторонник А. И. Дубровина Лев Евфимьевич Катанский со следующей формулировкой: «своими действиями позорит Союз и не может быть терпим в составе членов Союза». Таким образом, как справедливо сочли соратники А. И. Дубровина, исключение Катанского из СРН было осуществлено «без точного указания причин»*. Согласно постановлению Главного Совета Союза, предлагалось «воспретить всем отделам Союза принимать его в свою среду и иметь с ним какое-нибудь общение», а Дубровину не допускать его, как человека вредного, к сотрудничеству в «Русском Знамени». Поводом к исключению Катанского из СРН послужили следующие обстоятельства. В июле 1907 г. Катанский выступил со статьей в «Вече» (№ 60, под псевдонимом «Наблюдатель») «Накануне баррикад», в которой обвинил в убийстве петербургского градоначальника В. Ф. фон дер Лауница его подчиненных – чиновников градоначальства (евреев и поляков). Статья наделала много шума, газета была оштрафована на 1000 руб., в результате чего в тюрьме оказалась жена редактора «Вече» В. В. Оловеникова, которая числилась издательницей газеты. Однако в канун 1908 г. Катанский выступил и против Оловеникова в ярославской газете «Русский народ», где написал, что, если хорошо присмотреться, то можно увидеть у «Вече» ермолку. История с Катанским стала поводом для начала кампании против А. И. Дубровина со стороны руководства «обновленного» СРН. Противники Дубровина обвинили его в том, что он покрывал Катанского и обманывал союзников, заявляя ранее о том, что Катанский якобы уже вышел из Союза**.

---

* Дубровин А. И. В Главный Совет Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С.285.

** Об исключении Л. Е. Катанского из СРН подробнее см.: Объяснение А. И. Дубровина по поводу исключения Л. Е. Катанского из Союза Русского Народа. СПб., [1910].

Полный разрыв между сторонниками и противниками А. И. Дубровина произошел в мае 1910 года, когда из Главного Совета вынуждены были выйти все сторонники Дубровина, а «обновленческий» Главный Совет отказался признавать органом Союза оставшуюся в руках Дубровина газету «Русское знамя». Раскол между членами СРН углублялся и вскоре затронул практически все организации на местах.

Борьба между «дубровинцами» и «обновленцами» вылилась на страницы периодической печати. В частности, вскоре под редакцией Дубровина была напечатана объемистая книга: «Куда временщики ведут Союз Русского Народа» (СПб., 1910). На заглавном листе книги фамилии составителя нет, но предисловие подписано А. И. Дубровиным. В книге, а также в вышедшем через год втором томе под заголовком «Спутник союзника» (СПб., 1911), были собраны как статьи и циркулярные письма самого Дубровина, так статьи, документы и прочие материалы сторонников Александра Ивановича. В этом же двухтомнике подробно разбираются инициативы «обновленцев», приводятся с необходимыми комментариями некоторые документы «обновленного» Главного Совета. Практически все эти материалы ранее были опубликованы на страницах «Русского Знамени» или других периодических изданий черносотенцев и теперь были собраны усилиями Дубровина под одной обложкой.

1 октября 1911 г. Дубровин пытался созвать съезд СРН в Киеве, однако не смог этого сделать вследствие неприбытия достаточного числа членов*. В конце ноября 1911 г. сторонникам Дубровина удалось собрать съезд в Москве, на котором они добились «упразднения» членов «обновленческого» Главного Совета и избрания нового, с председателем Дубровиным. «Марковцы» не признали это решение, и некоторое время фактически существовало два Главных Совета, из которых «дубровинский» занимал более правую политическую пози-

* Степанов А. <Д.> Союз Русского Народа / Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 518; Указатель имен к I–VII тт. // Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. 7. С. 337. Согласно ошибочному указанию в книге «Падение царского режима», съезд в Киеве созывался в конце 1910 г.

цию. В августе 1912 г. фактическое существование параллельных черносотенных организаций было закреплено юридически (утвержден Устав Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН)), который образовали противники «марковцев» («обновленцев»)[*]). Чуть позже, в ноябре 1912 года, граф Э. И. Коновницын, исполнявший в то время обязанности председателя «обновленческого» Совета, был устранен от дел, а его место занимает Н. Е. Марков.

Сторонники Маркова и Пуришкевича смогли устранить Дубровина и его соратников и из руководства Русского Собрания. Произошло это следующим образом. 18 ноября 1911 г. один из «дубровинцев», Б. В. Никольский, зачитал в стенах Русского собрания доклад «Четвертый новый курс политики и наши убеждения». Критикуя покойного П. А. Столыпина за то, что тот проводил политику, направленную на дискредитацию правых партий, докладчик коснулся вопроса о так называемых «темных деньгах», а именно о том, что «раскольническая деятельность» «обновленцев» оплачивается из неких секретных фондов. Самого Маркова в тот момент на заседании не было, но он подъехал позже. В перерыве между Марковым и Никольским возникла перепалка, закончившаяся потасовкой[**]. Инцидент повлек за собой перепалку на страницах правой печати между «дубровинцами» и «обновленцами». Ее итогом явилось исключение не только Никольского, но и самого А. И. Дубровина из рядов РС, которое произошло на очередном собрании организации 15 января 1912 г.[***] Правда, удалось сделать это противникам Дубровина не сразу и с трудом, однако агрессивная идеологическая кампания против дубровинцев, которых

* Членов «обновленческого» СРН также нередко именовали «басковцами» – по названию Баскова переулка, в котором располагалось здание штаб-квартиры «обновленческого» Союза.

** Никольский вызвал Маркова на дуэль, но последний от дуэли отказался. Составленный секундантами Никольского П. М. Евреиновым и А. А. Цур-Миленом об этом событии подробный протокол см.: ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1–2.

*** Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 58; Правые партии. 1905–1917. Т. 2. С. 98–104; ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1–2.

«обновленцы» обзывали «компанией хулиганов»[*], судя по последствиям, возымела действие.

Говоря об итогах и последствиях раскола в СРН, А. Д. Степанов справедливо отмечает, что «раскол в Союзе серьезно подорвал позиции правых в обществе. Одним из следствий раскола стало обособление наиболее крупных и дееспособных местных отделов, которые, не желая участвовать в междоусобной борьбе, поспешили зарегистрироваться как самостоятельные монархические организации. Словом, политика Столыпина в отношении Союза Русского Народа привела к тому, что из мощной многочисленной структуры он превратился в конгломерат организаций, лидеры которых подозревали друг друга в тайных кознях и постоянно враждовали»[**].

Деморализованный событиями, связанными с расколом в Союзе, Дубровин в 1912 году продал свой дом в Петербурге, оставив себе в нем только квартиру, и уехал жить в деревню. К этому времени его жена купила небольшое поместье в Орловской губернии. С тех пор Дубровин, состояние здоровья которого оставляло желать лучшего, бывал в столице лишь наездами, по несколько месяцев в году[***].

Раскол СРН, а также ряд других причин, нанес серьезнейший урон общему состоянию черносотенного движения. Исходя из данных, приводимых современным исследователем дореволюционных партий Н. Д. Постниковым[****], если в период с 1911 по 1913 гг. общая численность черносотенных организаций на местах уменьшалась еще незначительно (а за счет сельских организаций даже увеличивалась), то в период Пер-

---

* Граф А. И. Коновницын (СПб.) – К. А. Дуранте (Одесса). 4 января 1912 г. // Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. С. 318; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Оп. 265. Д. 556. Л. 30.

** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 97.

*** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 101.

**** Постников Н. Д. Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг. (По материалам Департамента полиции). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1998.

вой мировой войны происходит резкое падение числа отделов правых партий всех типов. Процесс распада местных черносотенных организаций после 1907 г. и вплоть до 1917 г. проанализировали исследователи Ю. Г. Коргунюк и С. Е. Заславский. По их словам, «распадались местные организации СРН – в первую очередь рабочие и крестьянские. В результате уже к 1914 г. многие местные организации СРН насчитывали всего по 2–3 десятка членов. Тиражи черносотенных газет падали, издания закрывались одно за другим»*.

Общую численность черносотенцев, ранее входивших в единый СРН, в период с 1914 по 1917 гг. пока что определить не представляется возможным, так как этот вопрос требует серьезного исследования. Если же определять численность СРН и ВДСРН вместе взятых оценочно, то думается, что она, возможно, могла упасть примерно в 35 раз и составлять не более 10 000–12 000 человек. По данным Ю. И. Кирьянова, в первой половине 1916 г. численный состав всех правомонархических объединений едва превышал 45 тысяч человек, что, учитывая высокие показатели по 1906–1907 гг.**, невозможно не охарактеризовать как катастрофу.

Последние годы политической деятельности Дубровина

Несмотря на подорванное здоровье, лидер черносотенцев по-прежнему играл активную роль в правомонархическом движении. Об этом свидетельствует его переписка с союзниками, хранящаяся ныне в Государственном Архиве Российской Федерации, статьи, тексты выступлений на съездах. По-прежнему многочисленные недруги Дубровина продолжали его травлю в тех или иных формах. Показательны в этом отношении инци-

* Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. Цит. по: http://partinform.chat.ru/rm_2.htm.

** См.: Кирьянов Ю. И. Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 216–229; Богоявленский Д. Д. Указ. соч. С. 177.

денты, постоянно возникавшие вокруг издаваемой Александром Ивановичем газеты «Русское Знамя». Издание это и после раскола в Союзе продолжало выходить ежедневно. Вследствие того, что в этом периодическом издании печатались материалы, разоблачавшие козни международного еврейства, газета нередко подвергалась судебному преследованию. В течение нескольких лет после 1911 г. Дубровин приговаривался судом к штрафу и к кратковременному аресту «за клевету по адресу как правительственных лиц, так и членов Думы»*. В 1912 г. еврейка Мирра Пинкус подала в суд иск против Дубровина в нарушении 2 ч. 1535 ст. Уложения о наказаниях**. Также против «Русского Знамени» неоднократно возбуждались преследования со стороны властей, в фонде А. И. Дубровина в ГАРФе хранятся запросы судебных следователей об ответственности за выпускаемые Александром Ивановичем номера газеты «Русское Знамя»***. Впоследствии, на допросе в ЧК, Дубровин сообщил: «"Русское знамя" штрафовалось (48 т<ысяч> штраф) и предавалось суду в моем лице как редактора, штрафы я платил, а по суду оправдывался. После смерти Столыпина в 1911, в 1912 году, как я уже упоминал, я был в усадьбе и фактически редактировал газету "Русское знамя", благодаря чему возникло много дел в суде, официальным ответственным лицом за которые был я. Это обстоятельство побудило меня выйти из редакторов, и, таким образом, издание перешло к Полубояриновой, а редакторство – к другим лицам, напр<имер> Петрову, фактическое редактирование взяла Полубояринова»****. Утверждение Дубровина о том, что «издание перешло к Полубояриновой», не вполне соответствует действительности, так как лидер черносотенцев на самом деле оставался издателем газеты вплоть до ее закрытия в феврале 1917 г.*****.

* Указатель имен к I–VII тт. // Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. 7. С. 337.

** ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 766.

*** Там же. Д. 767, 769.

**** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 104.

***** Алфавитный указатель жителей города Петрограда… С. 223 // Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. Пг., 1917.

Судя по сохранившимся документам, правосудие достаточно жестко относилось к деятельности Дубровина и не допускало никаких поблажек в отношении его и газеты. С началом Первой мировой войны цензурные гонения на газету еще более обострились. Так, в октябре 1914 г. редактор «Русского Знамени» С. С. Потапочкин «за брань и злословие по адресу атамана области Войска Донского генерала Покотилло и орловского полицмейстера Штера» был приговорен к двум месяцам заключения в тюрьме*.

В начале 1915 г., когда распространились слухи о том, что союзники России едва ли не в ультимативной форме требуют ввести в России еврейское равноправие, а либеральные круги открыто выступали за ликвидацию черты еврейской оседлости, «Русское Знамя» начало выходить с напечатанными на первой странице аншлагами: текстами из Евангелия, в которых Сам Господь обличал иудеев, а также правилом 11-м Шестого Вселенского Собора в Трулле, гласящим: «Никто из принадлежащих к священному чину или из мирян отнюдь не должен ясти опресноки, даваемые иудеями, ни вступати в содружество с ними, ни в болезнях призывати их, и врачевства принимати от них, ни в банях купно с ними мытися. Аще кто сие дерзнет творити, то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен»**. Эти аншлаги вызвали репрессии со стороны военной цензуры.

---

* Дело «Русского знамени» // Утро России. 1914. 25 октября. № 261. С. 3.

** Составивший 102 правила Шестой Вселенский Собор называется также Пято-Шестым, или Трулльским. Пято-шестым он называется потому, что явился непосредственным продолжением Пятого Собора, созванного византийским императором Юстинианом II. Собор начал свои заседания 7 ноября 680 г. и закончился в сентябре следующего года. Так как первая часть Собора была посвящена исключительно догматическим вопросам в связи с ересью монофелитов, то он был созван вновь 1 сентября 691 г. для составления правил и окончился 31 августа 692 г. Заседания обоих Соборов происходили в той части императорского дворца, которая называлась Труллой, и потому эти правила также называются правилами Трулльского Собора. Всего в Соборе участвовало 227 отцов, причем присутствовали Патриархи Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Были также представители Папы римского Агафона.

Не согласный с таким поворотом событий, Дубровин подал кассационную жалобу. Однако 18 февраля 1915 г. в Первом делопроизводстве Второго уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции был составлен ответ на нее, в котором говорилось: «По приказанию министра юстиции от 1-го департамента сим объявляется на прошение статского советника Александра Иванова Дубровина от 17 февраля сего года, что министру юстиции не предоставлено восстанавливать срок на обжалование приговора и что отказ в восстановлении такового срока мог быть своевременно обжалован в Правительствующем Сенате»[*].

Несколько позже Дубровин пожаловался на, по его словам, несправедливые обвинения против его газеты начальнику штаба Петроградского военного округа генералу М. И. Тяжельникову, а тот, в свою очередь, посоветовал обратиться непосредственно к начальнику округа генералу князю Н. Е. Туманову. 28 марта 1916 г.[**] произошел унизительный для лидера монархистов инцидент. Князь Туманов принял Дубровина в присутствии свидетелей (двух генералов и двух прапорщиков) и в ответ на его просьбу прекратить цензурные преследования заявил, что газета занимается травлей евреев, помещая, по его словам, «какие-то бессмысленные аншлаги». Дубровин ответил, что аншлаги эти – правило Вселенского Собора, на что генерал гневно заявил: «Что вы мне старую рухлядь тычете!» Однако Дубровин не сдавался и обратил внимание князя Туманова на непреходящее значение Вселенских Соборов, после чего главный военный начальник Петрограда закричал: «Вон, вон отсюда немедленно!» Этот инцидент получил огласку и имел, выражаясь современным языком, широкий общественный резонанс.

---

* ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 601. Л. 4.

** По утверждению А. Д. Степанова, встреча имела место 28 марта 1915 г., однако в то время Туманов еще не был начальником Петроградского военного округа, а являлся начальником Двинского военного округа (См.: Степанов А. <Д.> Русское знамя // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 464). В архивных документах, содержание которых разбирается нами ниже (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 18–19 и РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 30–31) также проставлен 1916 г., а не 1915-й.

Вполне естественно, что на происшедший инцидент бурно отреагировали деятели местных черносотенных организаций. Так, в начале мая 1916 г. в канцелярию МВД поступила телеграмма от Туапсинского отдела Союза Русского Народа, подписанная уполномоченным советом этого отдела Цыренщиковым. «Протестуем против нарушения кн<язем> Тумановым внутреннего мира оскорблением русского народа в лице Дубровина. Поругание Православия высшим начальником ободряет изменников, причиняя скорбь защитникам Родины»[*].

Тогда же, в мае 1916 г., Тульский губернский отдел СРН обратился с телеграммой к председателю Совета министров, в которой присоединился к протесту, заявленному особо уполномоченным Союза, председателем Астраханской монархической партии, в связи с поступком князя Туманова[**].

В конце мая 1916 г. Митрофано-Георгиевский Союз Русского Народа от имени его председателя Р. М. Карцева[***] направил Б. В. Штюрмеру письмо под заголовком «О поношении постановлений и правил Вселенских Соборов как основ Святой Православной веры» с просьбой донести содержание письма до Императора. В письме говорится о том, что начальник Петроградского военного округа князь Туманов, «который, вызвав к себе почетного председателя Всероссийского Союза Русского Народа А. И. Дубровина, дерзостно отозвался, крича на Дубровина, об 11-м правиле Шестого Вселенского Собора в Трулле, *как о старой отжившей рухляди* [Выделено в тексте источника. – *Д. С.*], и затем, не вынося возражений, грубо, не покняжески обошелся с Дубровиным, – с окриками на него “вон” выгнал приглашенного»[****]. Далее автор письма ставит вопрос «о мере воспитанности оскорблявшего», отмечая при этом, что

* РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 18.

** Там же. Л. 19.

*** Карцев Рафаил Митрофанович (1861 – после 1932) – воронежский купец, общественный деятель, председатель Воронежского отдела Союза Русского Народа (ВО СРН). Подробнее см.: Рылов В. <Ю.>. Карцев Рафаил Митрофанович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 240–242.

**** РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 30.

это еще не самое страшное: «Но в переживаемый ныне исторический момент крайней государственной напряженности и великой народной страды дерзость глумления над правилами Вселенских Соборов, этими краеугольными камнями Православия, не должна быть терпима»*.

Автор письма отмечает, что одоление врага может быть достигнуто только помощью Божьею. «Можем ли мы рассчитывать на Его помощь, если поносим правила святой веры нашей?» – вопрошает он. «Не святоотеческие соборные постановления, <…> пережившие века, <…> могут угрожать государственному спокойствию и безопасности, как напрасно думает кн. Туманов, а такие как он заносчивые администраторы, которые, будучи носителями власти, позволяют себе оскорблять православные народные чувства и этим оскорблением вселяют в народное сознание пагубно-раздраженную мысль о недостойно власть носящих»**.

Следует отметить, что усилия А. И. Дубровина и его соратников в конечном итоге возымели эффект. Известно, что впоследствии ему при поддержке ряда правых деятелей удалось добиться удаления князя Туманова из Петрограда, а «Русское Знамя» не только было возобновлено (после сближения Дубровина и Маркова в 1916 г. газета стала выходить с подзаголовком «Вестник Союзов Русского Народа»), но наиболее популярной и востребованной темой на страницах газеты вплоть до ее закрытия в феврале 1917 г. по-прежнему оставался еврейский вопрос; прежними остались и аншлаги. Сюжеты, так или иначе касающиеся еврейского вопроса, фактически оставались главными темами публикаций газеты в последний период ее существования. В частности, одна из статей в газете (от 3 сентября 1916 г.) называлась «Хлеб, война и жиды».

В годы Первой мировой войны, когда над монархическим движением, как и над идеей монархии вообще, нависла смертельная опасность в лице созданного в 1915 году в Думе либерального Прогрессивного блока, А. И. Дубровин при-

* Там же. Л. 30 об.

** РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 30 об. – 31.

ложил все возможные усилия, дабы способствовать преодолению распрей между различными монархическими организациями пред лицом опасности и их сплочению. Именно Дубровин явился одним из инициаторов проведения в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 года Совещания монархистов, которое должно было примирить прежде враждовавшие Союзы и выработать единую стратегию и тактику в изменившихся политических условиях. Правда, вскоре выяснилось, что Н. Е. Марков и другие правые члены Государственной Думы и Государственного Совета организуют свое Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде (Петроградское совещание), а, значит, ставилась под сомнение целесообразность совещания в Нижнем Новгороде. Тем не менее, несмотря на всевозможные чинимые препятствия, Нижегородское совещание все-таки открылось 26 ноября 1915 г. в зале Нижегородской городской думы. Почетным председателем Совещания был избран А. И. Дубровин, а председателем – известный публицист К. Н. Пасхалов. Кроме того, почетным членом Совещания был избран, среди прочих, и лидер «обновленцев» Н. Е. Марков.

В первый же день работы Совещания с речами выступили К. Н. Пасхалов, А. И. Дубровин, Н. Е. Марков и архимандрит Адриан (Демидович). Дубровин призвал монархистов на борьбу с внешним и внутренним врагом и ознакомил делегатов с решениями состоявшейся в Швейцарии (Циммервальд) социалистической конференции, обратив особенное внимание на идею заключения сепаратного мира с тем, чтобы начать войну гражданскую. Он заметил, что враги у патриотов есть не только среди деятелей подполья, но и среди министров. «Но оставим последних в стороне. С ними пусть борется та власть, которая поставлена свыше. Обратим внимание на наши задачи: нам предстоит бороться с улицей и на улице. Вот когда враги наши выйдут на улицы, тогда настанет и наше время», – подчеркнул он*.

* Цит. по: Степанов А. <Д.> Нижегородское совещание // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 488.

Мысли Дубровина развил выступавший затем Н. Е. Марков, который просил не забывать, что Россия ведет борьбу не только с Германией и Австрией, но и с «Иудо-Германией». Он обратил внимание на то, что на сцену вышел новый враг монархистов – Прогрессивный блок. Прогрессисты «хотят завладеть казенным сундуком и грабить Россию, превратив народ в своих данников»*.

Для исполнения постановлений Совещания и для созыва будущих всероссийских монархических съездов было решено избрать Президиум монархического движения, в состав которого, среди прочих, вошел Дубровин. Совещание постановило именно на них «возложить все заботы о процветании и расширении монархического дела в России, для защиты Церкви, Самодержавия Государя и Русской Народности, предоставив избранному президиуму всю полноту полномочий и директив в указанном направлении»**.

Участвовал Дубровин и в работе Петроградского совещания, которое проходило чуть ранее, с 21 по 23 ноября 1915 г., в помещении Дома Русского Собрания. Он среди прочих был избран в Совет этого совещания.

С 1916 года Дубровин и Марков уже действовали рука об руку. Они пытались организовать монархический съезд в Петрограде, однако натолкнулись на многочисленные бюрократические препоны и на откровенное нежелание чиновников прислушиваться к требованиям монархистов. Как уже отмечалось, дубровинское «Русское Знамя» вновь стало вестником обоих Союзов Русского Народа. А после своей исторической речи 22 ноября 1916 г. в стенах Государственной Думы, когда Марков назвал ее председателя М. В. Родзянко «мерзавцем» и был лишен права выступать в заседаниях, лидер «обновленцев» полностью вернул былое расположение дубровинцев. В октябре 1916 г. Дубровин совместно с Н. Е. Марковым, А. А. Римским-Корсаковым и другими «обновленцами» при-

* Там же. С. 489.

** Там же. С. 490. Документы Нижегородского совещания см.: Правые партии 1905–1917... Т. 2. С. 496–520.

нимает участие в заседании Совета монархических совещаний. 1 февраля 1917 года основатель СРН торжественно вручил Маркову присланный из Москвы от председателя Мининского отдела Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа А. В. Вопилова складень с ликом Святителя Николая Чудотворца и трогательный адрес*.

Основатель и лидер Союза Русского Народа искренне болел за судьбу монархического движения. В частности, в письме к И. И. Дудниченко от 29 января 1916 г. он с горечью писал: «…Мы, в сущности, все Дон-Кихоты: играем в ничью и служим мишенью, как для левых, так и для властей предержащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком поманят, и мы тут как тут. Ведь не зря же бывший министр Маклаков нахально выразился насчет меня: “Ну что с ним считаться и обращать на него внимание, ведь это что кавалерийская хорошо обученная лошадь: заслышит рожок, и тотчас же займет свое место”… Выходит, положи душу и тело за други своя… Требование – больше евангелического… Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить, – нельзя быть роялистом больше короля»**.

Высокую степень озабоченности выражал Дубровин также и в связи с тем, что в правительственных кругах чиновники не понимают опасность, которую несет в себе реализация на практике принципа равноправия евреев: «…Еще Хвостов начал разрабатывать вопрос о том, чтобы… уничтожить черту оседлости… Этот проект приняли единодушно губернаторы 15 губерний. Штюрмер пошел дальше, и сейчас будто бы законопроект о полном уравнении прав жидов обрабатывается в Департаменте общих дел…»***.

В декабре 1916 г., когда тучи приближающейся катастрофы уже нависли над Россией, правые решили отправить депутацию в «высшие сферы» для «...ознакомления со

---

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 101.

** Правые 1915 – февраль 1917 гг. // Минувшее. М.–СПб., 1993. Т. 14. С. 181.

*** Правые 1915 – февраль 1917 гг. С. 190.

взглядами на политический момент». В депутацию входили И. Г. Щегловитов, Н. Е. Марков, А. И. Дубровин и С. В. Левашев. Тогда же представители СРН и ВДСРН, В. П. Соколов и А. И. Дубровин, обратились к И. Г. Щегловитову с просьбой выяснить мотивы запрещения монархического съезда в Москве[*]. Дубровин в обращении к местным отделам ВДСРН призывал поддержать Царскую семью, потрясенную политическими выступлениями П. Н. Милюкова, В. М. Пуришкевича и других в Государственной Думе[**]. Тем не менее, все усилия правых, в том числе и их бессменного лидера Дубровина, оказались тщетными: революционная катастрофа неминуемо приближалась.

Последние годы жизни и мученическая кончина

Согласно адресно-телефонной книге «Весь Петроград» на 1917 год, статский советник Александр Иванович Дубровин проживал на Воскресенской набережной, в доме № 30 (телефон 44460) и по-прежнему оставался издателем газеты «Русское Знамя»[***]. В таком положении его и застала Февральская революция.

Творцы «великой и бескровной» не заставили себя ждать. В феврале 1917 г. Дубровин, обычно живший в деревне, временно оказался в Петрограде. Уже 28 февраля он, несмотря на тяжелое состояние здоровья, был арестован. Некоторые обстоятельства ареста известны нам из показаний Дубровина, данных им чекистам в 1920 г. Согласно этому источнику, лидера черносотенцев при аресте препроводили в Думу, однако в тот же день он был освобожден с охранными свидетельствами для него самого и для его имущества. Однако, выходя из здания Думы, Дубровин встретился с Керенским, который вновь приказал его арестовать. В ночь с 2 на 3 марта Алек-

* Правые партии 1905–1917... Т. 2. С. 600.

** Там же. С. 602.

*** Алфавитный указатель жителей города Петрограда… С. 223 // Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. Пг., 1917.

сандр Иванович был переведен в Петропавловскую крепость и помещен в Трубецкой бастион*. Его вновь пытались обвинить в соучастии по делу об убийстве М. Я. Герценштейна, а также начали приписывать причастность к организации убийств членов Думы Г. Б. Иоллоса и А. Л. Караваева и даже к двум покушениям на жизнь графа С. Ю. Витте. Возводившиеся на Дубровина обвинения поражают своей полной абсурдностью. Тем не менее, в период с 20 апреля по 12 мая Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) Временного правительства обыскала и осмотрела опечатанную квартиру Дубровина, в которой, помимо документов, был обнаружен пепел от сожженной бумаги в кабинетном камине. Кстати сказать, известный поэт А. А. Блок, который в 1917 г. состоял секретарем ЧСК, 27 мая посетил камеру, в которой томился Дубровин, и оставил об этом фрагментарную запись в своих записных книжках**. Вскоре Дубровину объявили, что ничего преступного за ним не обнаружено***, и он обратился в Министерство юстиции с ходатайством об освобождении по болезни.

В начале октября 1917 г. А. И. Дубровин решением анонимного чиновника внесудебной комиссии Министерства юстиции был освобожден по состоянию здоровья под залог в 2 тыс. руб.****. Документ разрешал ему свободное проживание по всей России. Поначалу Дубровин жил в гостинице с женой, которая прибыла в Петроград хлопотать об освобождении мужа, и племянницей. Основная квартира была разгромлена, а средств к существованию – никаких.

* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 101.

** См.: Блок А. А. Записные книжки. М., 1965.

*** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 101. Согласно показаниям А. И. Дубровина в ЧК, посещение камеры, в которой находился Дубровин, руководством ЧСК состоялось 24 мая 1917 г. (Там же.)

**** См.: Чхартишвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. М., 1997. № 5. С. 134, 136, 140; согласно показаниям А. И. Дубровина в ЧК, это произошло 2 ноября 1917 г., см.: Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 102.

Семья Дубровиных решила переехать в Москву к старшему сыну Александру, который в то время служил помощником начальника Казанской железной дороги. С 12 декабря 1917 года Александр Иванович проживает в Москве у старшего сына по адресу: Денисовский переулок д. 9, кв.1*. Из боязни нового ареста сын запретил отцу не только выходить из дома, но даже появляться в передней. Зимой Дубровин сильно заболел и почти два года был прикован к постели**. 28 ноября 1918 г. скончалась его супруга***.

К апрелю 1919 года А. И. Дубровин поправился, стал выходить из дома. С лета он вернулся к врачебной практике****, так как надо было каким-то образом зарабатывать себе на жизнь. Кроме того, это фактически служение новой власти вполне объясняется его политическим credo, высказанным впоследствии на допросе в ЧК: «Считаю необходимым добровольно подчиняться всякой законной власти как человек религиозный»*****. Сначала он стал частнопрактикующим врачом, а с 1 декабря 1919 года был зачислен в штат 1-й Лефортовской амбулатории******. Положение вещей было таким, что в трудных условиях гражданской войны поначалу мало кто интересовался политическими воззрениями Дубровина; нужны были квалифицированные специалисты, а их в условиях революционной неразберихи крайне не хватало. В результате практически целый год Дубровин работал врачом советской больницы под самым носом у чекистов. Более того, когда осенью 1920 года его сын переехал на другую квартиру, соседом Дубровина стал комиссар Конышев.

* Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 98.

** Там же. С. 96.

*** Там же. С. 102.

**** Там же. С. 96.

***** Там же. В ходе второго (последнего) допроса Дубровин заявил еще более лаконично: «Политические убеждения: беспрекословное повиновение правящей власти» (Там же. С. 98).

****** Там же.

21 октября 1920 года А. И. Дубровин все же был арестован. Из материалов следственного дела не вполне ясно, что стало причиной ареста. Скорее всего кто-то донес, что он «тот самый Дубровин».

30 октября 1920 года состоялся первый допрос бывшего председателя Союза Русского Народа. Вел его заведующий следственным отделением ВЧК Фельдман. Дубровину были предъявлены совершенно немыслимые обвинения «в организации и участии целого ряда убийств [Так в подлиннике – *Д. С.*], погромов, инсинуаций, затемнений [Так в подлиннике – *Д. С.*], подлогов и пр. в качестве председателя “Союза Русского Народа”, его закулисной деятельности»*.

В «показаниях по существу дела» А. И. Дубровин категорически отверг возводимые на него гнусные обвинения в человеконенавистничестве: «”Союз” никогда не проповедовал человеконенавистничества, и на страницах своего органа [«Русского Знамени». – *Д. С.*] постоянно развивал обратное, а именно человеколюбие. Ни к каким погромам «Союз» никогда никакого отношения не имел. Ко всякой партии естественно примыкание из-за различных выгод разных пошлых, нечестных элементов. Так было и с “Союзом Русского Народа”»**.

31 октября состоялся второй и последний допрос Дубровина. Допрашивать совершенно не представлявшего никакой угрозы для советской власти, давно отошедшего от всякой политической деятельности старика явились самые отъявленные чекисты: член Президиума ВЧК В. Р. Менжинский, известный палач и председатель Всеукраинской ЧК М. Я. Лацис и начальник Оперативного отдела ВЧК Б. М. Футорян. Как пишет в этой связи А. Д. Степанов, «чекистские бонзы явно пришли получить удовлетворение от унижения оказавшегося в их власти старого человека, того самого Дубровина, которого они еще совсем недавно смертельно боялись. Вопросы о контрреволюционной деятельно-

* Приговоренный к расстрелу... С. 97.

** Там же.

сти были заданы мимоходом, поскольку чекисты понимали, что обвинить Дубровина не в чем»[*].

И на этот раз Дубровину снова предъявили обвинения в организации погромов, которые он снова категорически отверг: «Обвинение Союза в погромах считаю злым наветом, явившимся потому, что в Союз, независимо от руководителей, вступало много темных личностей, из которых многие оказались бывшими охранниками. Кроме того, были мрачные личности, не состоявшие в Союзе, но имевшие знаки Союза, которые носили при себе при совершении своих преступных дел, вот откуда и явилась легенда о союзниках как погромщиках. Я помню случай, когда кем-то из темных деятелей мне на квартиру была прислана громадная пачка погромных листков, которые были все сожжены в печке руками моей покойной жены»[**].

Тем не менее 1 ноября Фельдман составил заключение по делу Дубровина, в котором написал, что считает обвинение «в организации до революции убийств, погромов, инсинуаций, подлогов, стремящихся всей своей деятельностью задушить освобождение России, доказанным»[***]. В тот же день Особый отдел ВЧК вынес постановление по обвинению А. И. Дубровина «в активном душительстве освободительного движения в России», а также предложил Коллегии ВЧК «бывшего председателя Союза Русского Народа А. И. Дубровина – расстрелять».

Тем не менее А. И. Дубровин был расстрелян не сразу, его убийство было отложено до апреля 1921 года. Как предполагает А. Д. Степанов, «по-видимому, среди чекистской головки не было единодушия, как убить бывшего руководителя Союза Русского Народа. Одни считали, что расстрелять

---

* Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия... С. 105–106.

** Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 106.

*** Цит. по: Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия… С. 106.

Дубровина нужно тайно, обычным способом, как это практиковалось чекистами. Другие настаивали на инсценировке гласного судебного процесса»*. Один из виднейших чекистов, Борис Моисеевич Футорян, 8 апреля 1921 года состряпал служебную записку, в которой писал: «Считаю нужным передать Ревтрибуналу и приговорить к расстрелу. Если Зап<адная> Европа когда-либо оправдывала наш красный террор, то Дубровин один из таких. Все еврейство всего земного шара будет, безусловно, благословлять этот расстрел. Нет смысла расстреливать без Рев<олюционного> Триб<унала>. Следовало бы присоединить к этому делу дело Колесникова – знаменитого прокурора по делу Шмидта (1905) и вместе судить». На записке стоит резолюция еще одного знаменитого палача Г. Ягоды: «Т. Фельдману. Поставить на президиум»**. Тем не менее, Президиум ВЧК не счел обоснованными требования Футоряна и Ягоды и 14 апреля 1921 года постановил расстрелять Дубровина без инсценировки судебного процесса***.

О том как, когда, где, при каких обстоятельствах был расстрелян А. И. Дубровин, нет вообще никаких сведений, даже в его следственном деле, хранящемся в архиве ФСБ. Считается, что он расстрелян 14 апреля или вскоре после 14 апреля. Впрочем, и тут есть нестыковка. А. Д. Степанов обращает внимание на то, что почему-то записка Фельдмана тогдашнему главному чекистскому палачу Шанину («Направить это дело Шанину для приведения приговора в исполнение») датирована 11-м апреля, т.е. тремя днями ранее заседания Президиума ВЧК****. Место захоронения лидера Черной сотни,

* Степанов А. Д. Указ. соч. С. 106.

** Там же.

*** Подробнее см.: Следственное дело доктора Дубровина (Публикация В. Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 1. М., 2004; Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин). С. 84–144. Подлинник следственного дела Дубровина хранится в Центральном архиве ФСБ РФ: ЦА ФСБ. Р-46850.

**** Степанов А. Д. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия... С. 107.

естественно, также неизвестно, есть большие сомнения в том, что он вообще был похоронен*.

По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998 года Александр Иванович Дубровин был полностью реабилитирован.

На Высочайшем приеме депутации Союза Русского Народа 23 декабря 1905 А. И. Дубровин от имени Союза дал клятву Царю постоять за него «нелицемерно, не щадя ни добра, ни голов своих». Обещание свое вождь Черной сотни сдержал в полной мере, взойдя вместе со Святыми Царственными Мучениками на Русскую Голгофу.

Дмитрий Стогов

---

* Сомнения на сей счет возникают при знакомстве со следующими фактами. Несколькими месяцами позже, в июне 1919 года, петроградскими чекистами был расстрелян другой видный черносотенный деятель, специалист по римскому праву Б. В. Никольский. Некоторые свидетельства об обстоятельствах его расстрела, правда, полулегендарного характера, известны нам из дневников З. Н. Гиппиус, которая пишет: сын Роман, явившийся вскоре после этого трагического события во «Всевобуч» (Всеобщее военное обучение), услышал со слов комиссара, что тело Б. В. Никольского после расстрела в Петропавловской крепости было скормлено зверям Зоологического сада. По словам Гиппиус, «зверей Зоологического Сада, еще не подохших, кормят свежими трупами расстрелянных, благо Петропавловская крепость близко, – это всем известно», хотя родственникам об этом ранее не объявляли (Гиппиус З. Н. Дневники. М., 1999. Т. 2. С. 221).

ОБЛИЧЕНИЕ ВРАГОВ РУССКОГО НАРОДА

Союз Русского Народа как блюститель закона

Орган кадетской партии «Речь», сообщая о том, что бывший вятский полицмейстер Вернеев уличен в подлогах и вымогательствах с подчиненных и судебным следователем арестован, позволил себе такую фразу: «Вернеев должен теперь найти себе успокоение в арестантских ротах, если за него не заступится покровитель всех уличенных в мошенничествах “патриотов” “Союз Русского Народа”».

Не с целью самооправдания, но исключительно для убеждения наших союзников в лживости подобных предположений революционной газеты сообщаем, что Союз Русского Народа никогда за народных грабителей не заступался. Наоборот, можно привести много примеров, когда Союз Русского Народа выступал с обличениями взяточников и народных грабителей, в то время когда революционные газеты постыдно молчали, получая за это некоторые льготы. К таковым относится, прежде всего, газета «Речь». Никто другой, как один из членов Союза Русского Народа, повел в столице открытую борьбу против взяточничества и добился того, что хищения ныне перестали быть открытыми и в значительной степени уменьшились. При этом он не убоялся открыто перед такими сильными бюрократами, перед которыми «Речь» лишь умиленно виляет хвостом. Таковым же был поход Новониколаевского отдела Союза Русского Народа, по представ-

лению которого томский губернатор убедился в вымогательствах новониколаевского полицмейстера и предал его суду. Либеральная же печать все время молчала потому, что взяточники чем более увлекались злоупотреблениями, тем более показывали себя конституционалистами. И только там, где злоупотребления допускались людьми противного республиканцам взгляда, левые газеты решались на разоблачения.

Под «обновленческим» прикрытием. Об отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое

(Законодательное предположение 166 членов Г<осударственной> Д<умы>. Внесено 31 мая 1910 г.)

Статья 14 внесенного министром внутренних дел в Государственную Думу законопроекта о неприкосновенности личности (соответствующая статья 15 законопроекта комиссии) установляет, что «никто не может быть ограничиваем в избрании места пребывания или передвижения с одного места на другое*, за исключением случаев, особо в законе указанных*»[*]. Из последней оговорки явствует, что все ограничения в праве избрания места пребывания, установленные действующим законом для русских граждан еврейской национальности, останутся в силе и тогда, когда законопроект о неприкосновенности личности получит одобрение и войдет в жизнь. Таким образом, создается положение, при котором закон, изданный в осуществление Манифеста 17 октября в защиту прав личности всех российских граждан, в части его, касающейся свободы передвижения, не будет распространяться на многомиллионное население Империи.

* Здесь и далее курсивом и полужирным шрифтом текст выделен автором. – *Прим. сост.*

Ненормальность подобного явления не могла, по-видимому, не осознаваться и правительством. Так, в объяснительной записке министра внутренних дел к законопроекту о неприкосновенности личности (стр. 29) видно, что вопрос об ограничениях в избрании места жительства, установленных действующим законом для евреев, был поставлен в междуведомственной комиссии, обсуждавшей законопроект, которая признала, что “инициатива отмены этих ограничений должна исходить не от правительства, а от народных представителей”».

Ввиду вышеизложенного, признавая, что существование в *обновленной* России черты еврейской оседлости, являясь крайней несправедливостью по отношению к многомиллионному еврейскому населению России, несущему все тяготы государства наравне с другими частями населения, противоречит духу Манифеста 17 октября и основным принципам государственности; что это в моральном отношении наиболее унизительное из существующих ограничений наносит государству прямой вред, насильственно ограничивая для огромной массы граждан поле приложения труда; что государство, экономическое развитие которого только еще начинается, заинтересовано в том, чтобы промышленная и торговая инициатива всех граждан, без различия вероисповедания и национальности, не встречала искусственных географических помех к своему свободному проявлению; что существование черты оседлости, при неизбежных и вызываемых экономическими устоями попытках со стороны евреев проникать за черту, способствует правовой деморализации значительной части администрации, пользующейся этими ограничительными законами для взимания с них противозаконных поборов; что, наконец, существование черты оседлости воспитывает в массах русского населения вредное в экономическом отношении сознание правомерности угнетения целых национальностей, составляющих часть населения Империи, – мы, нижеподписавшие, предлагаем Государственной Думе принять следующий законопроект: существующие в нашем ныне действующем законодательстве ограничения евреев в праве

избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое – отменить.

Кадеты и красные бюрократы – 79 подписей;

Октябристы и младотурецкие бюрократы – <…>[1] <21 подпись>;

Социалисты и трудовики – <…> <27 подписей>;

Красный «батюшка», называвший себя перед Саратовским епископом Гермогеном[2] «правым», – от<ец> Лебедев;

Татары – <…> <9 подписей>;

Армяне и грузины – <…> <4 подписи>;

Поляки – <…> <20 подписей>;

Красные «батюшки» – от<ец> Титов, от<ец> Исполлатов, от<ец> Климов, от<ец> Соколов, от<ец> Попов.

Для России нет врагов опаснее евреев

Евреи, несомненно, представляют собою опаснейшую разрушительную силу для всех христианских государств, для коих опасны также и анархисты, и социалисты, отвергающие существование Бога, Творца неба и земли, и восстающие всеми зависящими от них средствами против евангельского учения, которое они заменяют измышленными ими теориями (правилами жизни). Но средства, имеющиеся в распоряжении евреев, стремящихся покорить весь земной шар и уничтожить на нем христианское учение, неизмеримо велики в сравнении со средствами всех других разрушительных сил, борющихся с современными государствами. Евреи, во-первых, сплочены в одно целое общественное национальное (единоплеменное) тело, состоящее из отдельных его частей, раскинутых по всей земле, тогда как анархисты и социалисты состоят из людей различных национальностей, имеющих особые отличительные черты, препятствующие им слиться воедино. Так, между прочим, немецкие социалисты – патриоты, русские социалисты не признают ни патриотизма, ни родства, и охотно предают своих соотечественников внешним врагам, как это было доказано

на деле во время русско-японской войны в 1904 и 1905 годах. Во-вторых, евреи обладают громадными богатствами во всех странах земного шара и имеют возможность подкупать в свою пользу нужных людей им, служащих правительству, значительная часть которых по свойственной человечеству слабости не может устоять пред блеском золота, щедро им предлагаемого за измену. В-третьих, большинство анархистов и социалистов разных стран работают в пользу евреев, получая от них деньги, в коих они всегда нуждаются, и, в-четвертых, современные евреи, получая образование в учебных заведениях всех стран, захватили в свои руки печать и, пользуясь этой силой, развращают молодые поколения христианских жителей, побуждая их тоже действовать в пользу последователей талмуда. Таким образом, в сущности, единственной разрушительной силой, громящей христианские государства и, в особенности, Россию, является ныне еврейство, руководящееся всеми отрицательными сообществами, образовавшимися в различных странах. Бороться с успехом против еврейства могут только народные совокупные силы всего государства и никакими средствами неподкупный Самодержавный Русский Царь. Это истина, не требующая дальнейших доказательств, уже подтвержденных на самом деле в разных государствах.

Иван Кашкаров

* * *

Действительным статским советником из жидов Гурляндом[1] составлен вносимый в Государственную Думу законопроект о подчинении губернаторов Совету Министров. Таким образом, если пройдет этот предательский законопроект, то в своей губернии губернатор уже перестает быть представителем Царя, а явится представителем и слугой «объединенного» правительства, которое таким образом еще более *заслонит от народа светлую личность Русского Царя и присвоит себе часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской Самодержавной власти.*

Прибавьте к этому подготовляемое снятие черты еврейской оседлости с грядущим нашествием на Россию торжествующего жида, а затем – уравнение его в правах с коренным русским населением, и перед вашими глазами откроется как живая картина «обновленной» масонами России.

Время ли теперь проповедовать мир, когда явные и тайные враги России подготовляют ее гибель? Не с особенной ли ясностью слышатся нам теперь слова Господа нашего Иисуса Христа: «Не мните, яко приидох вовречи мир на землю; не приидох вовречи мир, но меч» (Мф. 10, 34).

Смотрите, как расшатан уже основной краеугольный камень великого здания Государства Российского – святая Православная Вера! Ведь от тех, на ком лежит священная обязанность охранять ее, мы слышим лишь благочестивые вздохи в ответ на дерзновенный натиск врагов и видим попытки к исправлению зла *обновлением* наших семинарий в смысле расширения в них курса общеобразовательных наук и введения в предмет обучения одного из новых языков.

Прочтите чудное письмо к ближним М. О. Меньшикова[2] в № 12365 «Нового Времени» и вы поймете, что мы стоим уже на краю гибели («Р<усский> Н<арод>»).

Родственная политика

Наша редакция за последние три года получает из разных уголков Отечества великое множество сообщений о своенравных подвигах губернских повелителей и о всевозможных «допеканиях», претерпеваемых от них русскими людьми. Подобные сообщения усиливались с каждым месяцем, и, наконец, за текущий год сделались ежедневным явлением.

Каждое обличительное сообщение основано на несомненных фактах, либо на убедительных документах и обязательно свидетельствует об одном или нескольких вопиющих случаях резкого, произвольного и безжалостного отношения губернских бюрократов к очевидной правоте или справед-

ливейшим желаниям русских людей. В любом сообщении чувствуется самая беспросветная патриотическая скорбь и вполне законное возмущение издевательствами и несправедливостями, а иногда и отчаянный ужас перед неумолимым бюрократическим злом. По тону, по слогу и даже по почерку приходится видеть, что человек нервами, слезами писал и сознавал при этом, что обращается в ответственную перед законом и обществом газету, способную только опубликовать его горькое письмо, а не в бюрократическое учреждение, у которого ябедами или крючкотворством можно вырвать желательное удовлетворение. Иные откровенно предупреждают, что совсем не желают огласки сообщаемого, боясь бедовых последствий, а написали просто по русской пословице: *«Не выскажешь, так выболит»*.

Входя в нравственную оценку подобных глубоко искренних, животрепещущих исповедей перед редакцией и принимая во внимание возрастающее с каждым днем число этих человеческих исповедей, невольно испытываешь жуткое чувство. Еще более жутко становится при мысли, что немало точно таких же исповедей по незнанию их авторов о газетных нравах попадают теперь и в другие редакции, заведомо провокаторские и предательские, и делаются там орудиями для всевозможных вымогательств, происков и злоупотреблений.

Что ни сообщение, то либо человеческий вопль о горе, о беде, либо пылающий гневом и негодованием протест русской души, хватающейся за газету, как за последнее убежище для неудовлетворенного и поруганного патриотического чувства. Следовательно, современное обилие описанных сообщений никак нельзя объяснить одним крайним развитием в обществе отвратительной страсти к ябедническому взаимомщению посредством гласности. Напротив, все говорит за то, что они представляют собою самое серьезнейшее бытовое явление, свидетельствующее о жестоких свойствах наших новых «гуманных» порядков. Очевидно, вместо обещанного «обновления» во имя пресловутой «гуманности», выдаваемой «реформаторами» за двойник христианства, народился

сатанински-свирепый деспотизм, доводящий людей «новыми» утонченными приемами до невыносимого нравственного удушья. Легко догадаться, что это именно и есть тот веющий из масонских и жидовских тайников «конституционный дух», который заподряжен капиталистами и дипломатами всего мира для вытравления из человеческих душ Православия, патриотизма и благороднейших заветных понятий о государственной и исторической истине.

А так как «конституционный дух» с мертвою петлею своей изуверской системы яростно наваливается исключительно на одних русских людей, то приходится с ужасом убедиться, что, стало быть, одни мы, русские, обречены «властью тьмы» на съедение за свое нежелание безропотно покориться «под нози» нового врага и супостата.

Кто же собрался нас съесть? На этот вопрос уже имеется обстоятельный ответ все в тех же бесчисленных жалобах и исповедях из провинции, поступающих ежедневно в нашу редакцию.

9/10 означенных человеческих документов из разных уголков нашего Отечества, свидетельствуя о всевозможных несправедливостях, неизменно твердят (слушайте, г. Марков!) о безнадежности каких-либо формальных жалоб и при этом повторяют одинаковый мотив: «У нас губернатор неограничен: он родственник П. А. Столыпина…, он сосед его по имению…, чем-то близок к нему…, за него “кадеты” и все инородцы в губернии…, люб он им тем, что нас теснит…, разве мыслимо правды при этаких условиях добиться?! *Жаловаться ведь все равно, что ему же и на него же сказать!..*, только хуже озлится и съест…»

Таким-то вот образом пришлось убедиться, что 9/10 протестующих писем в редакцию прилетают исключительно из тех многочисленных губерний, которыми управляют подобные «неограниченные губернаторы». А оттуда, где губернаторы не «родственники», не «соседи», не «близкие чем-то», – напротив, летят сообщения, что «хорош губернатор, да плохо ему: из Петербурга грозят, “кадеты” язвят и инородцы кузмят»…

Мы далеки от мысли ставить П. А. Столыпину в вину его вполне естественную привычку обставляться по Империи родственниками, соседями и знаемыми. Мы даже уверены, что именно от этой **родственной политики** обязательно должно, в конце концов, явиться «коренное обновление всей Империи». Да и для губернаторов подобная **родственная политика** хороша, потому что ведь еще ветхозаветный пророк сказал: *«Блажен, иже имать южики (родственников) во Иерусалиме»*[1].

Однако сами же эти «южики» вынуждают нас говорить против них, потому что поступают с русскими людьми не по-родственному, и этим успели вызвать и на себя, и на своего патрона справедливые нарекания. Пусть бы оставались агентами **родственной политики**, но зачем же они еще пробираются в отцы ужасного бытового явления, называемого народным раздражением?! Ведь разве мыслима при условии раздражения народа какая-нибудь нравственная сила, которая одна помогает управлять без деспотизма и дает возможность самим правителям пользоваться всеми благами спокойного делового творчества?! Если нужны им сочувствующие и сторонники, то зачем же они ищут их где-то на стороне, в каких-то инородческих и партийных щелях, а не стараются привлечь к себе прежде всего русских людей, которые составляют во всех отношениях *государственное большинство*. Дурны мы, русские, ведь не потому, что такими родились, а потому, что наши русские администраторы не умеют искать в нас хорошее. Однако такое откровенное пренебрежение и такой беззастенчивый промен нас на инородцев считаем мы, по примеру отцов наших, и будем считать за *измену тем историческим основам нашего Отечества, на которые неоднократно указывал Государь Самодержец, как на истинный оплот и источник силы, преуспеяния и величия России*.

Св. Русь никогда не шла и не пойдет за людьми, молящимися всем богам, кроме Истинного.

Потворщики нечестию, как и сеятели его, есть враги Божии и наши, достойные проклятия, а не подражания.

Следовательно, ничто не обязывает нас совмещать в своих сердцах любовь с презрением и опасение с доверием. Эти чувства по своей природе противоположны и несовместимы. Поэтому и русская народная душа, невзирая ни на что, немолчно протестует против совместимости **родственной политики** с понятием о государственной справедливости. Ведь так еще недавно главарь «правительственного большинства» А. И. Гучков[2] в Гос<ударственной> Думе дерзнул указывать на несовместимость участия родственников Самодержавного Верховного Повелителя в делах управления Империею. Даже одно это, очевидно, конституционное право для самих же его сочинителей и насадителей должно бы послужить основанием указаний на недопустимость и бюрократических родственников совместному отправлению исполнительных обязанностей в Империи.

Совмещение родства, а, следовательно, и всякая **родственная политика**, по каким бы соображениям она ни возникала, есть зло, давно сознанное нашим законодательством и преследуемое. В этом отрицательном взгляде законодательства на служебную совместимость бюрократических родственников заключается выработанная горьким опытом государственная предосторожность от возникновения родственных кружков там, где во имя беспристрастия не должно их быть. Законодательство в своих основах преисполнено глубокого отвращения от всякой **родственной политики**, как способной переродиться в служебную стачку и в систематический захват власти и прав и дойти, в конце концов, до открытого соперничества с Самою Верховною Властью.

Такой дух законодательства, ограждающий Царствующий Дом от всякого появления **самозванных правительствующих домов**, искони свято почитается русским народом, как разум Самодержавия, обеспечивающий Империю от пристрастия и деспотического ига **родственной политики** и от всяких ненормальностей и потрясений, которыми может угрожать подобная политика Престолу и Отечеству.

А между тем сам первый исполнитель заветов и предначертаний Самодержавия П. А. Столыпин за сравнительно ко-

роткий срок своего пребывания «рулевым» успел превратить именно **родственную политику** в собственное служебное правило. Очевидно, что он не видит и не слышит о том вопиющем зле, в котором уже выразилась во всей неприглядности его **родственная провинциальная политика**, прежде всего на членах государственного большинства – на русских людях, – и теперь собрался перенести ту же политику в столицу на вид всему белому свету. **И вот мы видим членом одного с ним «объединенного» кабинета его свояка** С. Д. Сазонова[3], только что назначенного, по словам «Нового Времени», на должность министра иностранных дел.

Государевым родственникам участвовать в делах управления нельзя, *а это можно?!* Когда же и откуда взялись в делах государственных эти две меры, двое весов и двойственные служебные правила?!

Молчит А. И. Гучков, вероятно, в благодарность за то, что П. А. Столыпин раньше ему смолчал за преступные толки о несовместимости участия Великих Князей. Молчат по примеру «купеческой души» и все прочие «новые человеки» и их газеты. Вот она, «новая закономерность»! Началась ради интересов **родственной политики** и теперь довела эту политику до состояния открытого пренебрежения к добрым старым понятиям о духе русских законов.

Такие порядки, тем не менее, далеко не новые. Они целиком заимствованы из истории Румынии XVIII века, когда греки-фанариоты[4] держали страну на откупе у турецкого правительства и до появления суворовских героев-орлов невозбранно наслаждались радостями и благами **родственной политики**. Знаменательное, зловещее позаимствование!

Следовательно, и у нас «планомерно и по новому закономерно» водворяется не какой-то там «новый режим», а самое натуральное и старое **фанариотское правило родственной политики**. Не закрывайте же, русские люди, свои глаза на торжествующую действительность и готовьте свои шеи под «обновленное» фанариотское ярмо!

С.-Петербург, 12 октября 1910 г.

В этот день пять лет назад маленькая горсточка русских людей с Александром Ивановичем Дубровиным во главе, помолившись перед образом Тихвинской Божией Матери, провозгласила идею основания Союза Русского Народа для защиты от инородческого мятежа исторических прав Божественной Церкви, Благословенного Самодержавия и Святой Руси. Приснопамятное, священное мгновение!

Внезапный слух, что народ-богатырь, ни с кем не сравнимый в терпении, вдруг прогневался и объединяется в священный Союз, показался для крамольников страшным как небесный гром. При одном имени Союза Русского Народа они догадались, что их расчет выдать шайки распропагандированных масс за великую всенародную революцию погублен появлением Союза. Они поняли, что, увидев на позиции Союза верное Церкви, Престолу и самому себе государственное большинство русской народности, никто не поверит во всеобщее восстание Империи. Поняв это, они во мгновение ока сбились со своего тона, разученного в масонских и жидовских подпольях, и их охватило безумие бессильной ярости. Таким образом, одним только звуком имени Союза Русского Народа был разрушен рассчитанный мятежниками штурм оплотов государственной власти. Не растеряйся бы тогда представители власти и не будь бы во главе правительства тайный союзник инородцев и благотворитель «Совета рабочих депутатов» г. Витте, то одной угрозы объявить жидовское племя восставшим против Империи оказалось бы вполне достаточным для водворения порядка, повиновения и тишины. К сожалению, ни у кого, кроме горсточки друзей А. И. Дубровина, не было тогда ни надлежащей политической находчивости, ни искры сочувствия к судьбе Отечества, ни даже умения взглянуть на мятежничество смелыми глазами.

И вот за этот-то недостаток находчивости и за нежелание круто покончить со смутою страдает и расплачивается до сих пор вся наша родина.

Больше всех терпит Союз Русского Народа, но не за свою оплошность, а единственно за то, что он стоит около святынь нашей православной государственности на передовой, сторожевой позиции.

Союз стоит, прикрывая собою и друзей, и врагов, стоит, призывая друзей к твердости и постоянству и угрожая врагам судом Божиим и гневом царским и народным.

Невесело сейчас на позиции Союза. Многих мы не досчитываемся.

Одни почивают в могиле,
Моляся в небесном краю,
Другие Христу изменили
И продали совесть свою.

Даже горсточка друзей А. И. Дубровина, с которыми он провозгласил 12-го октября 1905 года Союз Русского Народа, уже более чем наполовину растаяла. Одних борьба утомила, других конституционные подачки увлекли прочь от прямого дела защиты Самодержавного строя.

Однако жив А. И. Дубровин и жива с ним та великая идея, живым ратоборцем которой является он. Идея его жива и вечно останется жизненною, как луч света и славы самой русской истории.

Никакие вражеские козни не вырвут этой идеи и не обломают у нее волшебных крыльев, на которых неутомимо летает она по великому православному миру от души к душе, от сердца к сердцу. Прилетит, шепнет всего только три слова: «Союз Русского Народа» – и мчится дальше, зная, что эти три слова сами сделают свое жизненное дело в каждой верующей и любящей душе. А потом… потом сбудется, обязательно, непременно все сбудется по вернейшему обетованию Господа:

«Все возможно верующим, все возможно любящим!»

Вот в чем наша сила и вот откуда наша несокрушимая надежда на торжество господствующей Церкви, на незыблемость Царского Самодержавия и на славную победу Св. Руси над мятежными инородческими хищниками.

Незримо растет вглубь и ввысь могучая русская сила и незримо ополчается народная воля для встречи готовящегося конституционного переворота.

Пусть только поднимутся враги наших исторических святынь, и тогда они увидят, что союзное знамя Св. Великомученика и Победоносца Георгия – не звук пустой, и что Св. Русь – не Франция, не Турция, не Персия, не Португалия, не Румыния и не Босния и Герцеговина[1]!

Буди радостен, наше Красное Солнышко, Великий Государь Самодержец!

Пять лет мы ратоборствуем за священные права Твои и на шестой год не выдадим и перед врагами не сплошаем.

Благословляй нас, Верховный Повелитель мыслей и воли нашей!

А вы, архипастыри и пастыри, не забывайте наш Союз своею молитвенною помощью, как за Церковь и Царя подвизающийся.

А. И. ДУБРОВИН И МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ВАДКОВСКИЙ)

Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода

Ваше Высокопреосвященство!

15 ноября сего года, в беседе с представителями Главного Совета Союза Русского Народа, председателем которого я имею честь состоять, Ваше Высокопреосвященство[1] впервые, наконец, ясно и определенно высказали свое отношение к русским патриотическим партиям, союзам, громадам, собраниям, разбросанным в числе свыше четырехсот по всей России и ныне объединившимся под именем «Объединенного Русского Народа».

До настоящего времени Ваше Высокопреосвященство уклонялись от решительного осуждения патриотических организаций, а мы, их члены, в сознании чистоты и святости преследуемой нами цели считали прямо невероятным допустить, чтобы Первосвятитель Русской Церкви, будущий Патриарх Всероссийский мог отрицательно и враждебно относиться к тем *единственным* в России политическим организациям, ныне объединенным, которые во главу угла своего политического исповедания поставили *Святую Православную Веру.*

Мы просили Ваше Высокопреосвященство совершить у нас в Союзе богослужение по случаю сооружения и освяще-

ния хоругви и знамени Союза; *мы ждали и жаждали первосвятительского благословения*. Для людей нашего духовного склада ведь это так понятно, как, наоборот, совершенно непонятно представителям наших либеральных партий, которые под видом и предлогом веротерпимости и свободы совести давно стали свободны и от веры, и от совести. Оказалось, к удивлению, все Ваши симпатии тяготеют к последним. На просьбу нашу Вы ответили отказом приехать лично, но обещали «командировать» викария. Да и это неприветливое обещание Вы поспешили еще более расхолодить и обесценить: Вы тотчас же не преминули заявить, что для Вас безразличны все партии, что если бы к Вам обратились Партия мирного обновления[2] или 17<-го> октября с просьбою помолиться, то и в этом случае Вы также командировали бы и к ним викария, ибо вы, по словам Вашим, хотя программ этих партий не читали, но знаете, что они разрешены правительством. В этом формально-бездушном отношении к текущей действительности и к современному положению дел в нашем Отечестве Вы, по Вашим словам, находитесь «выше и вне политики»! И тем не менее Вы тут же нашли нужным скрыть свое отношение к патриотическим, русским или так называемым правым партиям и этим показали, что Вы не так мало осведомлены в политике и в группировке политических партий. Вы нам заявили: «Правым Вашим партиям я не сочувствую и считаю Вас террористами – левые бросают бомбы, а правые партии вместо бомб забрасывают камнями всех с ними не согласных».

Но ведь я и наша депутация не спрашивала Вас, Владыко, о Ваших политических воззрениях, – Вы сами о них нам поведали. В то же время Вы хулили только патриотические правые партии, ничего не сказавши о других партиях, хотя и разрешенных правительством. Очевидно, Вы им более сочувствуете.

Ваше Высокопреосвященство! Я вынужден своим положением дать Вам ответ на Ваше жесткое и несправедливое слово, столь неуместное в устах Первосвятителя по отношению к людям, ищущим покрова и утверждения Православия.

Вы, конечно, понимаете, как трудно мне писать, как трудно подбирать выражения, мне, убежденному православному русскому человеку, в письменной беседе с митрополитом. Я мучился, колебался – писать ли это письмо. Я решил было молчать, подавив в себе чувства негодования и обиды. И вот, на страницах бульварной газетки «Петербургский Листок»[3], № 329, я читаю статейку, которая под видом защиты Вашего Высокопреосвященства от ожидаемых обвинений со стороны Союза Русского Народа рисует пред нами ярко весь смысл Вашей деятельности в последние два года; а факт публичного, цинически наглого заявления возросшего под покровительством Вашим архимандрита Михаила о том, что он *социалист*, подтвердил все то, что приписывает Вам, в виде заслуги, «Петербургский Листок». Мы видим, что Ваше Высокопреосвященство своей деятельностью создали столь невозможное положение для верующих русских людей, так обострили отношения между ними и официальной иерархией, которую Вы захолодили своим мертвящим бюрократизмом, что молчать долее – значит совершать преступление. Я отвечаю. Ответ мой – вынужденный ответ.

Я давний петербургский житель и знаю Ваше Высокопреосвященство последние двадцать лет в столице: Ваша служба и деятельность у всех нас на глазах.

Ничем не выдающийся в науке, и, по отзывам товарищей, доцент Казанской духовной академии, получивший высшую богословскую степень только за новое, даже не переделанное издание того же труда, который дал Вам и предыдущую ученую степень, против чего в свое время так горячо и справедливо протестовал в Синоде благочестивый митрополит Иоанникий[4]; по-видимому, судя по Вашим же словам и действиям, никогда не читавший иных газет, кроме либеральных и прогрессивных; составитель бездушных проповедей с выглаженными фразами, не пробуждающими в верующих ни мысли, ни чувства; воспитанный в духе либеральных веяний 60–70-х годов, Вы, овдовевши, из профессорского фрака спокойно переоделись в рясу; но ряса не согрела Вас: и до сих пор Вы

остались, в сущности, в том же фраке – бездушным, формальным исполнителем не духа, а буквы закона. Внешние обстоятельства для служебной карьеры Вам улыбались, и Вы быстро шли триумфатором по ступеням иерархической лестницы, минуя заслуженных и поседелых иерархов, славных ученостью и умом, мужеством и даром проповедничества, как Амвросий, архиепископ Харьковский[5]; славных молитвенным духом и заслугами миссионерскими, как Иркутский архиепископ Тихон[6], Томский архиепископ Макарий[7], Владимир, архиепископ Казанский[8]; славных долголетним служением Церкви Божией, как Павел, бывший епископ Пензенский[9], Гурий[10], Феогност, архиепископ Новгородский[11], благочестивый Герман, бывший Кавказский[12], и многие другие старцы-святители, выше которых и во главе которых Вы скоро стали. Вы поднимались на глазах умирающего митрополита Исидора[13], пользуясь особым благоволением придворных сфер, на виду у покойного Императора, Самодержавию и заветам которого Вы теперь изменили в царствование Августейшего Сына, вступив в союз с графом Витте, преступным провокатором, деятелем столь печальной известности! Умер старец Исидор. Вы стали архиепископом Финляндским; для Вас лично создали эту ненужную кафедру только для того, чтобы держать Вас в Петербурге. Вы были постоянною угрозою митрополиту Палладию, Вашему отцу и благодетелю, от коего Вы прияли монашеский постриг. Престарелый святитель всюду видел Вашу личность и следы искусно подготовляемого Вашего влияния – во дворце, в учебных заведениях, в общественных местах; его душу Вы отравили терзаниями, ревностью и подозрениями в домогательстве его митрополичьего престола.

Он умер, и его подозрения оправдались: Вы взошли необычно быстро по ступеням амвона к его престолу, ничем особым – ни личным благочестием, ни даром проповедничества, ни административным опытом, ни долголетним служением Церкви – не заслуживши такого возвышения!

По-прежнему придворные сферы Вам особо покровительствовали; обер-прокуратура Св<ятейшего> Синода стоя-

ла за Вас; даже бдительный взор испытанного государственного мужа, К. П. Победоносцева[14], видел в Вас защитника Православия, Самодержавия и Русского народа. И как было не обмануться! При Императоре Александре III и в первые годы Царствования нынешнего Государя Вы ничем не выдавали своих старых свободных воззрений бывшего профессора и заурядного либерала 70<-х> годов. Вы поддерживали направление К. П. Победоносцева, Вы проводили усердно все его меры; Вы везде стояли за исконные русские начала; Вы были другом убитого доблестного Н. И. Бобрикова[15] и говорили речь над его гробом, пока еще не торжествовала крамола. Потом уже ни о Чухнине[16], ни о Сахарове[17], ни о Слепцове[18], ни о Козлове[19], ни о Мине[20] Вы таких речей больше не говорили… Напротив, в разразившееся лихолетье, в эти последние два года Вы все более и более открывали свои планы и свои настоящие свободные воззрения, с которыми теперь так услужливо ознакомил нас «С.-Петербургский Листок». Ваших викариев по митрополии Вы уже давно усердно проводите на все выдающиеся кафедры, создавая себе из них будущих сторонников; причем особое покровительство за последнее время Вы оказываете только крамольникам из духовных. Антонина[21], бывшего в лечебнице для душевнобольных и подавшего прошение о снятии священного сана архимандрита, за свободомыслие Вы поставили своим викарием; Исидора[22], запятнавшего иноческий сан и заявившего себя сомнительными деяниями в Петербурге, на Кавказе Вы провели в епископы; воспитали Гапона[23]; поддерживали и доселе поддерживаете еретика Петрова, на которого нет управы; ведь он находит в Вас могучего покровителя и защитника! Вы воспитали 32 бунтовщиков иереев; обратили постепенно «Церковный Вестник» и «Церковный Голос» *в революционные органы*; Духовные академии *введением автономии Вы обратили в революционные гнезда* наподобие светских высших учебных заведений.

В Вашей Петербургской духовной академии возрос и был профессором еврей-архимандрит Михаил, открытый социалист. Вы его держали, когда вся верующая Россия возмущалась

его еврейскими брошюрками, растлевавшими Православие, пока, наконец, на днях в армяно-еврейской революционной газете «Товарищ»[24] не появилось его вторичное печатное заявление о том, что он *социалист*, и пока в дело не вмешался Св<ятейший> Синод. Все противоцерковное, противогосударственное в среде духовенства, как видите, выросло около Вас, пользовалось Вашим покровительством в столице, а внутри России, в надежде на Вашу поддержку, видя безнаказанность церковных бунтовщиков, подняло голову. Усиливалось освободительное движение – и Вы все более и более выдавали себя. За последние три года Вы развернули перед нами, простыми верующими русскими людьми, картину таких деяний и воззрений Ваших, от которых нас бросает в ужас и холод.

Все началось с несчастной русско-японской войны. Ее позор подготовил и завершил Ваш великий друг, граф Витте.

Что делали Вы во время этой войны? Вы, первосвятитель Русской Церкви! – Вы стояли «выше и вне политики»!..

Страдал народ, умирали его сыны, лилась кровь, смута росла внутри, волновались окраины, неистовствовала печать, браня Царя и правительство, она *мутила население, издевалась над верою, глумлением гасила патриотизм*…

Я помню картину, появившуюся в одном из журналов в начале войны: русский народ, окружавший Царя, обнажившего меч, а впереди всех, в порыве вдохновения, фигура митрополита Антония, высоко поднявшего Святой Крест… Вот каким хотели Вас видеть русские люди, не евреи и освободители, радовавшиеся позору Родины, а русские патриоты! Какою это оказалось иронией по отношению к Вам, Ваше Высокопреосвященство! Вы ездили на заседания, подписывали бумаги, принимали посетителей, – бездушная, формальная работа Ваша шла по-прежнему в Синоде. Но Вы не явились к Царю, Вы не пытались поднять впавших в уныние душ русских людей. Вы не согревали скорбных сердец, Вы не обратились к народу ни с единым призывом, Вы не призвали его к молитве и подвигу, Вы не ограждали его от развратителей. Вы были «выше и вне политики»!..

Покровительствуемый Вами Гапон поднял восстание рабочих.

Покровительствуемый Вами Антонин в своих дерзких речах доказывал, что Самодержавие есть языческий строй жизни, растлевал священные догматы Святой Троицы, чтобы оправдать конституцию, звал и дозвался «Мардохаев»[25] в Государственную Думу, а защитников и верных сынов Самодержавия он же сравнивал с поклонниками Далай-Ламы, целующими в хвост коня, на котором сидит их владыко. Дерзко он выбросил, наконец, из молитв церковных о Царе слово «Самодержавный» и все-таки остался и остается безнаказанным.

Покровительствуемый Вами Петров сеял вражду, смуту, искажал Евангелие, проповедуя в одно и то же время и толстовщину, и призыв крестьян к погромам. Покровительствуемый Вами архимандрит Михаил[26], профессорствуя в академии, воспитывал будущих пастырей и учителей духовно-учебных заведений в духе социализма. Вы опять молчали: Вы стояли «выше и вне политики»!..

Но бывают времена и обстоятельства, когда молчание имущего власть хуже открытой, самой ожесточенной проповеди неверия, измены и безумия.

Только самый злобный враг родины в дни внешней войны начнет заниматься внутренними реформами; этим занялся Витте, и к нему примкнули Вы. Граф Витте в роли спасителя Русской Церкви от «паралича»! Что может быть отвратительнее и чудовищнее этого зрелища!.. Но Вы читали в Комитете Министров его записку; Вы, минуя Синод, отстранивши К. П. Победоносцева, воспользовавшись его болезнью, в Комитете Министров, в светском учреждении, где сидели и иноверцы, стали обсуждать реформы Церкви, отменять духовную цензуру на разврат верующих; безмолвно соглашались на умаление Православия и торжество сект, раскола и иноверия.

Только воля Государя повернула дело и направила его к обсуждению в Синоде. В этих недоразумениях пострадала и

идея церковного собора, для всех нас дорогого, пострадала и идея Патриаршества, столь нам вожделенного, потому что эти идеи Вы выдвинули революционным путем и связали их с позорным именем Витте, который в них видел только средство более глубокого революционирования русского народа.

При гласных и негласных пособиях гражданской и церковной власти, при Вашем безмолвии и потакательстве рясофорным крамольникам дело революции шло успешно: бунтовал «Потемкин», бунтовали запасные, бунтовали рабочие, бунтовали академии и семинарии, *гибло народное достояние, поджаривали на горячих плитах русских патриотов-рабочих, расстреливали губернаторов, солдат, казаков, полицейских; шайки грабителей врывались* среди бела дня в банки и общественные учреждения, в винные лавки и почтовые конторы, на фабрики и заводы, в магазины и жилища частных лиц и, нагло угрожая смертью, а часто и зверски убивая, расхищали деньги и драгоценности. Прошло под такими знамениями и 17 октября. Русская жизнь целиком потекла под аккомпанемент револьверных выстрелов и свист разрывающихся бомб. Человеческая кровь лилась, как вода. В это время друг Вашего друга Витте, князь Оболенский[27], *из акциза перешел в Синод* и стал обер-прокурором. Это был Ваш единомышленник. Тут Вы не стали «вне и выше политики». Вы не протестовали против затей либерального обер-прокурора; Вы послушно, по его указке писали послания, оправдывая умаление Царской власти, пропускали безмолвно в синодальном органе «Церковные Ведомости» статьи, напоминавшие писания освободительных органов еврейского пошиба. *Вы же по указке князя Оболенского постыдно передали на общественное глумление доблестного Московского митрополита за правдивое слово, которым он осудил бунты и измены!* О, история не забудет, как подписывался этот позорный и ложный акт осуждения мужественного архипастыря! Как без заседания Синода, по домам его членов было заседание, и вынужденно, под давлением, *под Вашей подписью* собирались поодиночке подписи членов Синода, не знавших, что подписываемое ими

определение уже печатается в «Правительственном Вестнике» для «успокоения общественного мнения».

Один ли митрополит Московский пострадал? Гнали и гонят всякое духовное лицо, если оно выступит открыто за патриотическое дело. Услали в Соловки игумена Арсения[28]; изгнали из Ярославля о. Илиодора[29], *изгнали, опозорили, лишили мест и должностей многих других патриотов* из духовных лиц, имена которых я не хочу упоминать, чтобы не подвергнуть их опять злобе и мстительности духовных кадетов. Патриотов гнали; Антонин же на месте; Сергий[30], служивший крамольникам кощунственную панихиду по бунтовщику Шмидту, на месте, и Вы его защищали, и даже тогда, когда у него обнаружилась в академии, по его вине, кража денег, Вы эти деньги пополнили; на месте и Исидор, который в течение четырех лет в трех епархиях не удержался на викариатстве и отовсюду переводился по усиленным просьбам епархиальных владык, не знающих, что делать с этим Вашим другом и приближенным, действующим в либеральных партиях, кадетствующим в Нижегородском «Белом Знамени» вопреки монархическим тенденциям его членов, похваляющимся письмами Витте и Вашими, проживающим во время частых приездов в северную столицу на даче у митрополита Петербургского в качестве его друга, приближенного и единомышленника…

Еще повторяю: все свободомыслящее и малорелигиозное в среде церковных деятелей, – все склонившееся к политиканству, в сторону левых и крайних партий – все это почему-то оказалось около Вас и укрывается теперь под Вашей защитой.

Между тем Вы «вне и выше политики»! *Но в таком случае не умываете ли Вы руки, подобно Пилату?* И водою ли? Не кровью ли русского народа?! Можно ли, в самом деле, при переживаемых обстоятельствах стоять «вне и выше политики»? И Вы не стояли вне ее, но Вы имели свою политику, увы, пагубную для русского духовенства, Вам подчиненного, и для русского народа. Несчастное русское духовенство, которое в девяноста девяти случаях из ста все сплошь национально, патриотично и преданно Самодержавному Монарху,

сбито с толку этою Вашею политикою. Оно по настоящее время еще не получило в сущности никаких разъяснений о том, какую политическую партию поддерживать: оно, по Вашему мнению, тоже должно быть «вне политики». Но ведь оно избирается в Государственную Думу, в Государственный Совет; оно во всем должно руководить народом, кроме… участия народа в выборах в Думу. Намеренно, под Вашим давлением и по указаниям князя Оболенского, по указанию Витте, *духовенству нашему даны затемняющие дело разъяснения* и указания, на чьей стороне стоять: стойте, мол, за тех, кто за Царя Православного и за Веру истинную. По-видимому, все здесь хорошо, но в сущности – что это, как не высокой степени провокация! В то время, когда спор идет «о Самодержавии» Царя, Вы подставляете вместо слова Самодержавный – Православный, и на этом успокаиваетесь. Но ведь в России не только Православный, но и Самодержавный Царь. Наименование Царя Самодержавным вошло в Основные законы; Сам Царь заявил, что Его Самодержавие останется таким же, каким оно было встарь; из церковных молений не выброшен этот дорогой для русского сердца титул Царя. И при всем том, Ваше Высокопреосвященство, 16 октября сего года, когда епархиальный съезд духовенства и мирян Вашей епархии вырабатывал текст телеграммы Государю, – Вы не включили в текст телеграммы слово «Самодержавный», находя, что это «политика». Не слишком ли далеко Вы зашли в Вашей политике стоять «вне и выше политики»?! Один из членов съезда – мирянин – просил, молил съезд включить слово «Самодержавный» в телеграмму, просил занести его отдельное мнение об этом в протокол, ездил с председателем съезда к Вашему Высокопреосвященству – и остался ни с чем. Священники, отводя его в сторону, заявляли, что они с ним согласны, но… это, мол, неудобно; вероятно, потому что может не понравиться митрополиту?!

Я оглашаю этот возмутительный факт, чтобы все видели и знали, какова политика «вне политики» у первенствующего митрополита, и почему духовенство русское в годину смуты

было остановлено в своем патриотическом порыве и бросило паству в разгар политической борьбы на произвол судьбы, по приказу и наказу свыше.

Русское духовенство, по воле Государя, призвано в Думу и Государственный Совет. В Государственном Совете оказались и Вы, Ваше Высокопреосвященство. Но как только там нужно было сказать ясное слово осуждения крамоле, Вы немедленно ушли из состава Государственного Совета, сославшись на обилие дел Синодских, которых у Вас было гораздо больше в то время, когда Вы соглашались пойти в члены Государственного Совета, чем тогда, когда Вы от этого звания отказались. Зато Вы милостиво принимали Огневых, Поярковых и Афанасьевых – членов Государственной Думы из революционного ее состава. Вы не спросили о. Афанасьева, почему он подписал проект о свободе неверия. А в Предсоборном присутствии Вы заявили, – слава Богу, один против всего присутствия, – о своем согласии с крамольной Думой в ее намерении лишить Православную Церковь ее первенствующего господствующего положения.

Вы это делали из служения чистой евангельской идее самоотречения и по своей глубокой религиозности. Так, по крайней мере, об этом поведали тогда газеты.

Не по этой ли идее Вы опозорили торжество открытия мощей преподобного Серафима, предав гласности, на соблазн верующим, тайный по существу протокол осмотра останков святого, как будто это был обычный полицейский протокол осмотра могилы. Не по этой ли идее Вы письмом в «Новое Время» (новая форма учительного слова первосвятительского, Вами открытая) защищали мощи преподобного и ссылались при этом для большей убедительности не на слово Божие и учение Св. Отец, а на мнение либерального профессора. Мы же до сего времени полагали, что в вопросах религиозных, наоборот, профессора должны ссылаться на учительное и авторитетное слово первосвятителя.

Не по этой ли также идее Вы, не сказавши даже поучения при открытии мощей преподобного Серафима[31], скры-

лись от сотен тысяч православного верующего народа, собравшегося к целебноносному источнику дивного Старца и действительно получавшего и видевшего множество чудес и исцелений, и на соблазн России поспешили искать себе исцеления и утешения у другого, для Вас более привлекательного источника, в веселом Кисловодске, по известной Вам и нам причине, Вами столь излюбленном. Да, там покойнее и веселее, чем среди серого святого русского люда, заветным святыням которого – Православию, Самодержавию и глубокому народному патриотизму – Вы не сочувствуете, стоя «вне политики», и не только сами не сочувствуете, но и «хотящих внити» не пускаете, запрещая русскому духовенству основывать, утверждать, укреплять и поддерживать отделы преданного Вере, Царю и Родине Союза Русского Народа. Для патриотов у Вас нашлось слово осуждения: они – террористы, они забрасывают камнями противников. Но на нашей совести, Владыко, нет ни одного случая насилия: камней мы не бросали; между тем, для тех, у кого на совести бомбы, браунинги, грабежи и реки крови, – для тех у Вас не нашлось слова осуждения; мы еще не слышали этого слова из уст нашего Первосвятителя! Что это?

Из суждений Предсоборной Комиссии видно, что Вы уверенно и надежно шествуете к Патриаршеству. Над каким же народом Вы будете Патриархом? Ведь создалось такое положение: народ шел к Вам, Вы от него. Вы идете к кадетам и всякого рода освободителям, а они от Вас. И кому же из святителей русских Вы захотели подражать? Святым Петру, Алексею, Ионе, Филиппу?[32] Каким Патриархам Вы подражали: Гермогену, Филарету, Никону[33]? Но Никон, хотя и из полумордовского рода, хотя и загнанный в ссылку и обиженный, не согласился все-таки пойти ни к бунтовщику Стеньке Разину, ни даже в Киев на святительство, ибо «не мыслил зла Царю Богоданному» (даже обидчику) и народу русскому. Не берете ли Вы в пример Игнатия[34], который, стоя некогда тоже «вне и выше политики», служил крамольникам московским – Сигизмунду, Лжедимитрию, и помазал Марину[35]?

Ваше Высокопреосвященство!

Как русский патриот и православный верующий человек, я не мог молчать и все сказал, что требовало мое исстрадавшееся русское сердце. По моему глубокому убеждению, перед Вами два выхода: или станьте на высоте Вашего положения и дайте благословение русским православным людям, стоящим за веру, Самодержавного Царя и русский народ, призовите к этому же духовенство и *не гоните его за патриотизм, или… или уйдите*. Иных выходов нет. Настоящее положение невыносимо. Не гоните русских патриотов *от родной Церкви*, в которой Вы – Первостоятель и Первосвятитель. Вы стали немощны телом. Может быть, в слабом теле Вашем уже не будет мощно действовать дух… Тогда уступите свое место иному, могущему.

Среди архипастырей русских найдутся, мы уверены, крепкие столпы веры, патриотизма и преданности Царю Русскому, Самодержавному, народу русскому, православному. Пусть такой Первосвятитель неугоден будет евреям и еврействующим, пусть бешено отрекутся от него либералы, кадеты, революционеры, пусть даже мученически прольется его кровь от руки злодеев-крамольников (лилась же и льется на Руси кровь русских невинных людей и многих верных слуг Царевых), мы окружим такого Первосвятителя благоговейною преданностью, мы станем около него стеною, а по смерти самая могила его станет нам источником живой силы и вечного воодушевления.

Я пока кончил. «Еже писах, писах!»[36] Простите, Владыко, за слово укоризны, за слово, невольно вырвавшееся у меня. Перед саном святителя я благоговею; лично против Вас, как человека, у меня нет ни гнева, ни раздражения. Но я буду бороться, не страшась ничего, до гробовой доски, отдам всю жизнь до последней капли крови за торжество священных для меня начал: *Святой Веры Православной, Самодержавного Русского Царя и Великого Русского Народа*.

Александр Дубровин
2 декабря 1906 года

Письмо к редактору «Русского Знамени» по поводу письма к митрополиту Антонию

Многоуважаемый Александр Иванович!

Ревнители св. Церкви и стоятели за Царское Самодержавие, без которого не может существовать разноплеменная Россия, с благодарностью прочли Ваше открытое письмо к антиканоническому Кир[1]-«первенствующему», возмечтавшему стать Всероссийским Патриархом. Вполне разделяя Ваши мысли, я был несколько удивлен перечислением имен некоторых владык, из которых ни один (кроме разве благочестивого и безупречного Кир-Новгородского Гурия) не мог занять Петербургскую митрополию; одни по преклонности лет (как преосв<ященный> Амвросий Харьковский, Герман б<ывший> Кавказский), другие, хотя и достойные быть святителями, но не настолько просвещенные и учительные, чтобы стоять на высоте в Новоцарствующем граде (как Макарий Томский, Тихон Иркутский). О Киевском Феогносте лучше умолчим (он оставил после смерти 1 200 000 руб.), а благочестивый архиепископ Казанский Владимир при назначении митрополита Антония в Петербург не был уже в живых. Кир-«первенствующий» Антоний через придворные и другие сферы еще при жизни своего благодетеля, Кир-Палладия[2] добивался митрополии и занял ее не по праву и достоинству. В 1897 г., когда К. П. Победоносцев избрал на Петербургскую митрополию Кир-Антония, Русская Церковь имела целый сонм более его просвещенных, умных и благочестивых иерархов, которые представлялись в глазах ревнителей Церкви прямыми и достойными кандидатами на митрополии Москвы, Киева и Петербурга. Начнем с высокопреосв<ященного> Сергия Владимиро-Суздальского, известного всему православному и инославному миру глубокого богослова и ученого, отличного администратора. Это церковный вития и проповедник, давно известный высокими христианскими подвигами и

благочестием. Затем Димитрий Казанский[3], доктор церковной истории, архипастырь народный и всем доступный. Виссарион Костромской[4], иерарх безупречной жизни, более полувека просвещавший своими высоконравственными и духовными творениями простой верующий народ, доктор богословия и проповедник, которого знала вся верующая Русь. Ювеналий Литовский[5], постриженик Оптинский, старец благочестивый и просвещенный, из дворян Половцовых. Иустин Одесский[6], которого само духовное ведомство отличило за ревностное служение орденом Св. Владимира 1<-й> ст<епени>, которого не имеет даже сам Кир-«первенствующий». Все эти иерархи в иерархической лестнице стояли выше Кир-Антония, но они, любя свою паству, не заискивали перед сильными мира сего и не добивались первенства… Но не таков был Кир-Антоний. Одною рукою он пишет телеграммы на Высочайшее имя, поздравляя Их Величества с высокоторжественными днями и праздниками, другою работает над сокрушением Самодержавия Царей Русских, заискивая поддержки в революционных кружках и партиях и подбирая себе партию в среде недостойных иерархов, чтобы стать Патриархом всея Руси. Конечно, он не станет преемником страдальца Иова[7], свящ<енно>муч<еника> Гермогена и родоначальника Царей Русских Филарета[8], которые, как и святители Петр, Феогност, Алексий, Киприан, Фотий, Иона, Филипп и др., не примут его в свои объятия. Им, скорее, наследует старообрядческий митрополит Иоанн Картушин[9], а Кир-Антоний станет во главе того новоявленного петербургского патриаршества, которому суждено разгромить и уничтожить Православную Церковь в России, которая под его водительством служит охраною Престола Монарха.

В числе перечисленных Вами приближенных к Кир-«первенствующему» пропущено одно имя, которое знает Москва и Петербург, Могилев, Рига, Кострома, Таврида, Сибирь, Волынь и Кавказ, Переяславль, Брянск и Эллада, – это имя архимандрита Анатолия Юнгера, в продолжение 12<-ти> лет переменившего 12 мест и не раз уволенного на покой. Мы бы

не коснулись этого всей иерархии известного лица, сродного по поведению Кир-Исидору, если бы Владыко Петербургский не поставил его в обитель богодухновенного святителя Ростовского Димитрия, – конечно, не светить Ростовской пастве, отличавшейся всегда высокою религиозностью и преданностью Монархам.

Ради чего, например, Кир-«первенствующий» не возвратит Ростову викария Угличского, которому благочестивым Царем-Миродержцем, Александром III, определено жить в Ростове и который лишь на время болезни престарелого архиепископа Ионафана имел пребывание в Ярославле? Проявившему особую нелюбовь к Союзу Русского Народа и к первоучрежденной Ростовской святительской кафедре архиепископу Иакову[10] *слава*, как единомысленному Кир-«первенствующему», а святительской Ростовской кафедре, на которой восседали святители: Леонтий, Исаия, Игнатий, Иаков, Феодор, Дмитрий, Арсений Мациевич и другие – бесславие и унижение?! Не ради ли восседавшего на ней родоначальника Царей Русских Филарета, пересаженного на Московское Патриаршество, уничтожена в Ростове святительская кафедра? Вы именуете Кир-Петербургского «первенствующим». Оставьте это смеха достойное именование. В православной иерархии все святители равны и отличаются лишь епаршескими степенями. Есть верховные архипастыри – Патриархи, есть митрополиты, архиепископы, есть боголюбивые епископы, им подведомственные. В каждой автокефальной Церкви верховным архипастырем считается тот, кто занимает первосвятительский престол, но не тот, кого поставит гражданская власть, хотя бы в лице обер-прокурора. Кир-Антоний – это ставленник К. П. Победоносцева, иерарх податливый, ищущий пристанища у тех партий, которые могут стать у власти. Что владыке Самодержавие, коль скоро он не верит тому, что Цари властвуют над народами не потому, что они того желают, а по воле Того, Кто правит царствами и народами, одних возводит и возвышает, других низводит и умерщвляет! Как может архипастырь, сколько-нибудь себя уважающий,

сближаться с преступными революционными партиями, окружать себя недостойными епископами и архимандритами и домогаться стать верховным главою Русской Церкви, самочинно провозглашать себя председателем собора во граде, в котором есть свой старейший по степени архипастырь? Для иерарха, подписывающегося «смиренным», беззакония Победоносцева, поставившего его все же светить Церкви, а не омрачать ее своими деяниями, оказываются выше священных канонов, на которых зиждется Церковь и ее права. Много грехов Кир-Антония Вы, достоуважаемый Александр Иванович, перечисляете, но замалчиваете самые тяжкие, как, напр., участие его посланцев в 1902 г. в сослужении со схизматическим болгарским митрополитом при осв<ящении> храма на Шипке; признание им антиканонически избранного в 1898 году Антиохийского Патриарха Мелетия[11], которого ни одна из Православных Церквей не признала; полное неуважение и презрение, которое он своими вызывающими поступками и содействием болгарской схизме оказывает Церкви-Матери; и, наконец, ту нечестную и нехристианскую русификацию единоверной, доблестной и крестоносной Грузии, которая революционизировала издавна преданный и верный России народ грузинский. А что сказать о том, что митрополит Антоний, друг, единомышленник и соратник Полусахалинского графа[12], согласился от имени не представлявшей ему права иерархии на издание направленного против Православной Церкви закона, по которому родителям предоставляется переводить чад Православной Церкви в какие угодно религии и творить над мыслящими, а иногда и ревностными св. Церкви детьми насилие? А ведь этот антихристианский закон вырабатывал митрополит Антоний вместе с графом Витте, на радость жидам и франмассонам[13]! Вы, достоуважаемый Александр Иванович, предлагаете *уйти* Кир-Антонию с кафедры, на которой некогда восседали: Амвросий, Серафим, Никанор, Григорий, Исидор – чтимые Русскою Церковью, и именуете его даже «Первосвятителем». Но Кир-Антоний не из таких, чтобы уйти. Честолюбие не знает пределов: владыко поболе-

ет, а затем снова поиграет с главарями партий и посоветуется с Григорием Петровым, еписк<опом> Антонином и их единомышленниками, – что делать?

Наше мнение таково, что если Богу угодно будет водворить в наказанной Им России за нечестие, ложь и неправду ее правителей (ныне большею частью удаленных, с Витте во главе) мир, правду и любовь, то и владыке петербургскому придется удалиться, как скоро Царь познает его деяния, враждебные Церкви; в противном же случае, если Русь еще не искупила и не исчерпала до дна Божеского попущения и наказания, то Кир-Петербургский станет Патриархом Всероссийским, ибо за него выскажутся все те из иерархов, которые пошли на служение Церкви ради прибытка, корысти и тщеславия, и которые настолько же готовы служить нашим революционерам, насколько они ныне служат Мамоне. Что придется делать нам, православным, – покажет время, но думаем, что Кир-Антонию, готовящемуся произвести величайший раскол в Русской Церкви и религиозную смуту, пожинать плоды не придется, а скорее, он уготовит себе гибель…

В будущем выскажусь и о других неправо правящих архипастырях, изменяющих св. Церкви, а с нею и Монарху, и презирающих свою паству.

С совершенным уважением преданный Вам
Н<иколай Николаевич> Дурново

По поводу письма Антония, архиепископа Волынского

В газете «Колокол» 8 декабря помещено письмо архиепископа Антония Волынского с опровержением взводимых на него обвинений в том, будто он был инициатором письма моего к митрополиту Антонию. Заявляя, что инициатива, составление и редакция письма всецело принадлежит мне, я по поводу ответа архиепископа Антония вынужден сказать несколько слов. Архиепископ Антоний называет мое письмо из-

ветом и заявляет, что он готовил в Синоде речь митрополиту, в которой надеялся, кажется, опровергнуть *факты*, приведенные мною в письме. Речь не была произнесена. Усердно молю архиепископа Антония напечатать эту речь. Ведь нужно же дать восторжествовать правде; ведь речь Владыки, если бы он ее произнес, была бы все равно напечатана, как напечатана речь адвоката Кузнецова.

Православным же русским людям очень важно знать: вправду ли Антонины, Сергии, Гапоны, Петровы, Михаилы – их настоящие пастыри, и по заслугам ли пользовались покровительством митрополита Антония, или здесь кроется какое-то недоразумение?!

А. Дубровин

Революционные кликуши о письме к митрополиту Антонию

И заранее нужно было ожидать, что революционные кликуши с пеною у рта будут обсуждать письмо мое к митрополиту Антонию. Но ни опровержения фактов, мною указанных, ни принципиального их обсуждения ни в одной газете мы не нашли. Зато «Биржевые Ведомости»[1] и «Речь» усердно занялись сыском, кто был инициатором и кто был редактором письма.

Остается одно: газетки отыщут и магазин, где покупались чернила и бумага, и кто был переписчиком письма.

Ведь громили же наши освободители даже типографии и наборщиков за печатание таких статей, которые не подходили к понятию «свобод», как их понимают гг. революционеры. Чтобы избавить «Бирж<евые> Вед<омости>» и «Речь» от труда разыскивать вдохновителей и редакторов моего письма к митрополиту Антонию, заявляю, что лично мне принадлежит и инициатива и редакция этого письма.

А. Дубровин

Адвокатская защита митрополита Антония в Предсоборном Присутствии

Защита эта свелась к тому, что *светский* человек, адвокат Кузнецов, пригласил членов Присутствия выразить соболезнование митрополиту по поводу нанесенного ему *«оскорбления»*. Что было делать? Оставалось или всем устроить демонстрацию, на что нужен известный запас мужества, особенно при неожиданности заявления г. Кузнецова (кстати, он из левого крыла Присутствия, и вызван туда неизвестно зачем милостью Оболенского), или промолчать. Предпочли последнее. Поднялось счетом десять человек. Вот и *единогласное* сочувствие, о котором трубят левые газеты. А затем: иное дело соболезнование, а иное дело опровержение приведенных в письме фактов из деятельности митрополита Антония. На опровержение вряд ли кто решится.

Свидетель

А. И. ДУБРОВИН И РАСКОЛ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

Уход А. И. Дубровина из Главного Совета

(по поводу так названной статьи нового «Вестника»)[1]

Союзу Русского Народа не впервой выдерживать яростные нападения с разных сторон. В «Русском Знамени» я уже несколько раз предупреждал союзников, что как вылощенный октябрист опаснее несуразного, бестолкового эсера или эсдека[2], так благовоспитанный, законопорядочный бюрократ вдесятеро опаснее Союзу и святому русскому делу, чем заправский бомбист-революционер, тактику которого за сто верст видно, и цель которого – вся как на ладони. Говорил я союзникам и о том, что когда разбить Союз *в лоб* у врагов не хватило силенки, то повелась атака *в обход*: решено было пробраться в самое сердце Союза и внести заразу внутреннего разложения, чтобы выжить из Союза известных ему, верою и правдою служивших главных руководителей и спустить Союз Русского Народа на одну ступеньку ниже, то есть заставить Союз служить не Государю Императору, а правительству; не Самодержавию, а самодержавным бюрократам; не русскому народу, а русскому ожидовелому чиновничеству, у которого нет врага больше и сильнее, чем наш родной Союз.

Этот поход против Союза Р<усского> Н<арода> начался с боевого клича Александра Столыпина[3]: *«Мавр сделал свое*

дело и пусть уходит», сиречь: мавр спас Россию и ее историческое достояние от жидовского бунта – и долой мавра! А по-русски: кашку съел, а чашку – об пол…

Мавру предложили уйти. Мавр сказал, что революция еще не кончилась, и что дела еще много. Мавру пригрозили, что его «вышвырнут»; мавр уперся и сказал: «Посмотрим…» Мавра стали бить чухонско-жидовским скандальным судом – устоял мавр, рухнула «великая» революционная чухонка. Мавра ударили полтавскими торжествами[4] – устоял мавр, готовится к 300-летнему юбилею благополучного царствования Дома Романовых[5]. И все ширится мавр, растет, крепчает – здравствует с Божией помощью. И вот пущено в ход последнее средство: *внести в Союз разруху*; повести дело так, чтобы *ударить по Союзу и извне, и изнутри*[6]. Для этого надо было употребить старое, испытанное жидовско-бюрократическое средство – провокацию, а чтобы дать провокации ход, надо было *купить* главарей Союза.

Денег господам бюрократам не занимать стать; одно горе: стоит во главе Союза человек, которого не купить, сам достаточно богат – не подманишь ни казенным местом, ни чином: в службе не нуждается, не соблазнишь карьерой и славой – не гонюсь, говорит.

Что делать?!

Выгнать!.. Выгнать тонко, деликатно, без скандала, не нарушив закона и порядка, «по-благородному», по-бюрократически. Так повести дело, чтобы *сам* ушел, *сам отказался*.

Времена стоят смутные. Чтобы сделать хорошее дельце, надо делать его деликатно, тонко и обдуманно. Людей – к услугам бюрократии жизнь предоставила тонких и оборотистых, конкуренцией отшлифованных, и наказ им, этим тонким людям, даден – действовать умненько, тонко и осторожненько.

Всему свету ведомо, что человек делает только то, что ему полезно и выгодно, и так себе трудного дела делать не станет. Выводы о причинах «ухода А. И. Дубровина из Главного Совета» – пусть союзники делают сами, а мое дело – все рассказать по правде, чтобы Союз узнал, кто *поставлен*

руководить Союзом, и куда гг. ставленники самодержавной бюрократии «поведут» тех «верных и стойких», которым посылают «привет».

На возвратном пути в Петербург я заехал в Киев, где пробыл неделю. Здесь я получил № «Русского Знамени», где прочел сообщение Гл<авного> Совета *о выборе гр<афа> Коновницына*[7] *товарищем председателя Гл<авного> Совета; т.е. фактически моим* товарищем – ближайшим моим помощником – лицом, имеющим в качестве товарища председателя постоянное, непосредственное общение со мной. Надо знать графа Э. И. Коновницына как человека и деятеля, надо знать прекрасно известные *фактическим* заправилам «обновленного» Гл<авного> Совета отношения гр. Коновницына ко мне, чтобы понять *понятую мною с октября прошлого года и оцененную* тактику гг. главносоветчиков; чтобы понять это невероятное избрание мне в ближайшие помощники человека, слишком известного Гл<авному> Совету своей полной непригодностью для дела, делающего невозможной своими бестактными выходками какую бы то ни было совместную работу – деятеля, приведшего к полному развалу отдел на Пет<ербургской>[8] стороне, совершенно деморализовавшего деятельность Столичного Совета, что подтверждено самим Советом, похоронившего общество «Кречет» и т.д., – повторяю, *надо знать* гр. Э. И. Коновницына, как знаю его я и Гл<авный> Совет, чтобы понять *истинные причины* его избрания моим товарищем без моего ведома и согласия – причины, которые будут видны союзникам ниже.

Еще раз говорю, что все мои догадки о истинных делах Гл<авного> Совета, настойчиво проводимых им с октября прошлого года, – стали для меня неопровержимым фактом, и я здесь же, в Киеве, заявил союзникам, что еду в Петербург не продолжать руководительство делами Союза, а – отказаться от председательства. Уклонившись от расспросов и отклонив предложение киевлян сосредоточить все дело Союза Р<усского> Н<арода> в Киеве, я в тяжелом нравственном состоянии приехал в Петербург.

Несмотря на все происшедшее, я выразил, однако, полную готовность идти рука об руку с составленным без меня Гл<авным> Советом. Я дал знать о своем приезде В. П. Соколову[9], и когда он явился ко мне, я прежде всего спросил его, какая была необходимость выбирать за две-три недели *до моего приезда* товарища председателя, с которым никому другому, как именно мне, придется непосредственно сталкиваться и работать вместе – избрание тем более странное, что о дне приезда Соколов был мною уведомлен и прекрасно знал, что враждебные отношения Коновницына ко мне никоим образом не могут гарантировать продуктивности моей совместной работы с неожиданно и без меня избранным новым товарищем председателя.

Не объясняя причин, руководивших им и другими членами при выборе Коновницына товарищем председателя, В. П. Соколов старался меня успокоить, говоря, что враждебность Коновницына ко мне принята Гл<авным> Советом в соображение, и что Коновницын будет в отношении меня держать себя вполне корректно.

Вскоре после ухода В. П. Соколова ко мне пожаловал и граф Э. И. Коновницын, встреченный мною радушно, причем я выразил надежду, что мы с ним пойдем в деле рука об руку, и на следующий же день, 12 декабря, отдал ему визит, подчеркнув этим мое к нему вполне корректное отношение. На другой день я встретился в Русском Собрании[10] с новым членом Гл<авного> Совета А. А. Римским-Корсаковым[11], который на мое предложение поговорить о делах Союза предложил мне приехать к нему в субботу 13 декабря. Во время беседы у Римского-Корсакова приехал В. П. Соколов, причем ввиду массы вопросов, касающихся Союза, было условлено собраться в воскресенье, 14 декабря, у меня, куда, согласно моему предложению, было решено пригласить и графа Э. И. Коновницына.

Случайно приехавший в воскресенье из Гатчины навестить меня доктор Надеждин[12], член Гл<авного> Совета, присоединился к собравшимся и, таким образом, составилось со-

вещание из следующих лиц: меня, А. А. Римского-Корсакова, В. П. Соколова, гр. Э. И. Коновницына и д-ра Надеждина.

Решив ознакомить присутствующих с намеченной мною дальнейшей программой «Русского Знамени», я стал излагать свои соображения; причем как мною лично, так и некоторыми присутствовавшими было отмечено, что гр. Коновницын без всякого повода с моей стороны стал демонстративно обнаруживать резко нетерпимое ко мне[13] отношение, переходя границы самых элементарных правил корректности ко мне не только как к председателю, но даже просто как человеку на совершенно объективной, чуждой всяких личных соображений почве вступившему в общение с единомышленниками и сотрудниками по общему делу. Граф Э. И. Коновницын ежеминутно перебивал меня, мешал мне последовательно и спокойно излагать мои предположения и целым рядом крайне бестактных и грубо-враждебных замечаний, явно рассчитанных на то, чтобы вывести меня из терпения, *использовав затем последствия*, – вынудил меня, наконец, обратиться к нему в совершенно корректной форме с просьбой позволить мне беспрепятственно закончить изложение моих мыслей.

Я нарочно подробно останавливаюсь на этом совещании, чтобы лицам, незнакомым с подкладкой действий как воротил Гл<авного> Совета в то время, так и обновленного Гл<авного> Совета[14], была совершенно понятна ближайшая в то время *задача* «реформаторов» Союза и заранее намеченный путь, каким они шли к осуществлению программы, предложенной им.

Вскоре на заседании зашла речь об обстоятельстве, на котором гг. «обновители» строили свои планы о том, чтобы изъять из моих рук «Русское Знамя». В хронике «Русского Знамени» была напечатана заметка, взятая из левой газеты, – заметка, касающаяся назначения на очень ответственный пост одного из сановников; заметка попала в хронику газеты по вине хроникера Н. И. Спасского, могущего подтвердить, что эта заметка действительно не исходила от «Русского Знамени», а была просто перепечатанной, причем здесь же, на совещании,

я предложил немедленно через Н. И. Спасского представить № газеты, из которой заметка была перепечатана.

В ответ на мое объяснение гр. Коновницын, все время не оставлявший демонстративно-резких выпадов против меня, в непозволительно непристойной форме набросился на меня, утверждая, что сказанное мною о заметке – неправда, и что заметка помещена не по вине хроникера, а *мною самим*. Тогда я сдержанно обратился к гр. Э. И. Коновницыну с вопросом:

– Значит, я лгу?

На что граф, бесцеремонно усмехнувшись, ответил мне: *«Да»* и добавил:

– *Я вам и теперь не верю, и раньше не верил.*

Это был, как ясно отмечено и мною, и некоторыми из присутствовавших, именно тот пункт, на котором строили свои надежды гг., выполнявшие директивы. Все поведение г. Коновницына на заседании и эта заключительная выходка его достаточно свидетельствовали о намерениях моих благожелателей.

Опираясь на вышеизложенное, где мною с полнейшею искренностью и в строгом соответствии с истиной охарактеризовано отношение гр. Э. И. Коновницына и его вдохновителей ко мне, Дубровину, – я позволю себе спросить у союзников: допустима ли какая-нибудь совместная работа, возможен ли сколько-нибудь успешный труд и дальнейшее мое руководительство Советом, когда *сам обновленный Гл<авный> Совет*, знавший отношения графа Коновницына ко мне, прекрасно осведомленный о его качествах как человека и деятеля, в мое отсутствие, без моего ведома избрал мне его *в товарищи председателя* – его, заявившего при первом же случае совместной работы, что он, граф Э. И. Коновницын, «не верит мне теперь и не верил раньше»?.. Вдохновители обновленного Гл<авного> Совета, выбирая г. Коновницына, не могли не знать последствий этого избрания для великого союзного дела и, стало быть, мне приходилось смотреть на действия обновленного Гл<авного> Совета как на поступки взрослых людей и учитывать их соответственно.

Ответил гр. Коновницыну на его дерзкую выходку замечанием, что как хозяин дома, связанный обязанностями гостеприимства, я не могу поступить с ним, как бы надлежало. Несмотря на обоюдные извинения, последовавшие вслед за инцидентом, я отметил, что выходка гр. Коновницына служит мне веским указанием на то, что мне нужно делать, и тут же категорически заявил присутствующим, что в Главном Совете может оставаться из нас двух кто-нибудь один: я или гр. Э. И. Коновницын, и что это решение я не изменю ни при каких обстоятельствах.

Так как вышеприведенным случаем деловой разговор был прерван, то присутствовавшие, кроме доктора Надеждина, ушли; после чего доктор Надеждин сообщил мне, что, по его личным наблюдениям, вызывающее поведение и грубая выходка гр. Коновницына безусловно были внушены Соколовым, так как во время совещания, пользуясь тем, что я, сидя возле письменного стола, *не видел* гр. Коновницына и Соколова, последний все время давал шепотом указания Коновницыну. На другой день я был у А. А. Римского-Корсакова, и он подтвердил мне о рассказанном Надеждиным, причем выразил недоумение по поводу происшедшего на заседании и прибавил:

– Я чувствовал себя так скверно, что готов был провалиться сквозь землю…

Римскому-Корсакову я еще раз подтвердил о необходимости для Гл<авного> Совета выбора между мною и гр. Коновницыным и просил его доложить об этом завтра на заседании Совета, прибавив, что сам я на заседании не буду. 16-го декабря, во вторник, едва открылось заседание Г<лавного> Совета, гг. Соколов и Р<имский>-Корсаков заявили, что в частной беседе у меня в квартире *они условились со мною о распределении занятий между должностными лицами Совета*. Из вышеприведенного видно, насколько соответствовало истине такое заявление, а равно теперь сама собою очевидна ложь, напечатанная в № 1 вышедшего «Вестника»!

«15-го декабря должно было быть заседание Главного Совета. А. И. Дубровин на нем не присутствовал, но прислал

письменное предложение Совету выработать наказ, согласно § 19 прим. 3 Устава, определяющий права и обязанности как членов Советов, так и должностных его лиц. Согласно решению совещания 13 дек<абря> и идя навстречу предложению А. И. Дубровина, Главный Совет, впредь до выработки подробного наказа, постановил следующее:

"А. И. Дубровин, оставляя за собой общее руководство делами Союза и Гл<авного> совета, непосредственное управление передает тов<арищу> пред<седателя> графу Э. И. Коновницыну и исп<олняющему> об<язанности> тов<арища> пред<седателя> А. А. Римскому-Корсакову, причем обязанности между последними распределяются следующим образом: на А. А. Римского-Корсакова возлагается заведование канцелярией, исполнение постановлений Гл<авного> Совета, доклад текущих дел и председательствование в заседаниях Гл<авного> Совета; на графа Э. И. Коновницына прием лиц, имеющих обратиться в Г<лавный> Совет, ближайшее наблюдение за отделами столицы и губернии и сношения с высшими властями по поручению Гл<авного> совета"».

Ознакомившись на следующий день с протоколом заседания, где было занесено вышеприведенное ложное постановление, *я сделал внизу оговорку*, что протокол не согласен с действительностью и что мною было сделано категорическое заявление нескольким лицам, а Римскому-Корсакову повторено, что я не могу оставаться в Гл<авном> Совете с графом Коновницыным. Между тем мое заявление не было доложено Глав<ному> Сов<ету>, и не удивительно, что Глав<ный> Совет на следующем заседании, ознакомившись с моим примечанием к предыдущему протоколу, был удивлен. Об этом сообщает и «Вестник» обновленного Гл<авного> Совета, прибавляя от себя:

«Заявление было столь неожиданно (!), все члены Гл<авного> Совета были так к нему не подготовлены (!), что было признано необходимым отложить заседание, дабы, во-первых, попробовать уговорить А. И. Дубровина, а, во-вторых,

посовещаться между собой, что делать. Только во вторник, 30 декабря, собрался Совет, и на нем обнаружилось, что А. И. Дубровин настаивает на своем заявлении. Волей-неволей пришлось его обсуждать. Вот постановление Совета:

“Столкновение, происшедшее между А. И. Дубровиным и графом Э. И. Коновницыным в частной квартире, не имели никакого отношения к Союзу Русского Народа. Главный Совет находит, что обсуждение этого столкновения не входит в предмет ведения Гл<авного> Совета. Имея же в виду, что, как совершенно справедливо высказано А. И. Дубровиным в его статье (помещ<ена> в «Русск<ом> Зн<амени>» от 25 дек<абря> пр<ошлого> г<ода>, № 277): “Вражда немыслима между людьми, отрекшимися от личных интересов”, и что “спор никогда не может выродиться в раздор, а тем паче во вражду личную”, Совет убедительно просит и надеется, что А. И. Дубровин не прекратит своей полезной в Союзе деятельности, возьмет назад свое заявление, и дела Главного Совета получат нормальное направление при соблюдении порядка, установленного в заседании Гл<авного> Совета 15 дек<абря> пр<ошлого> г<ода> прот<окол> 37, п. 1”.

16 января 1910 года перед самым началом заседания Совета получено было новое заявление А. И. Дубровина, в коем он, сохраняя за собой звание почетного председателя, слагает с себя обязанности председателя и члена Главного Совета. Вот что записано в протоколе 16 января:

“Главный Совет постановил поручить А. А. Римскому-Корсакову передать А. И. Дубровину *единогласную* просьбу Гл<авного> Совета о том, чтобы А. И. Дубровин не покидал своего поста, А. А. Римский-Корсаков в присутствии членов совета по телефону просил А. И. Дубровина приехать в Совет – после же его отказа передал просьбу Главного Совета, мотивировав ее высказанными в Совете положениями; но А. И. Дубровин остался непреклонен и не пожелал взять назад своей отставки.

Главный Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода>, исчерпав все средства для улажения[15] инцидента (?!), вынужден был, к великому своему сожалению, примириться с фактом сложе-

ния с себя основателем Союза А. И. Дубровиным звания и обязанностей председателя и члена Главного Совета”».

Дело было сделано, и осталось только всеми мерами избегать скандала по Союзу, оставалось облечь все происшедшее и заранее обдуманное и подготовленное Гл<авным> Советом в бюрократическо-корректную форму. И вот на бумаге, которая, как известно, все терпит, оказалось, что и заявление Дубровина об уходе было «неожиданным», и что «Совет убедительно просит и надеется» и т.д. и т.д., короче – целый ряд движений, чтобы замести след.

В самом деле: ведь обновленный Гл<авный> Совет знал вражду Коновницына к Дубровину, знал, что совместная работа с Коновницыным будет невозможна, и… *выбрал Коновницына товарищем Дубровина*, и… в постановлении пишет о «неожиданности», о «великом сожалении»!.. Совет в лице Соколова и других слышал определенное ясное заявление Дубровина: «Я или Коновницын», и знал, слышал заявление Дубровина, что он уйдет, если Гл<авный> Совет не сделает выбора между этими двумя лицами, – Совет это прекрасно знал и в «Вестнике» пишет, что он «исчерпал все средства»; – да ведь *главное-то* средство было известно Главному Совету и *осталось неисчерпанным*: Коновницын остался. К чему же лгать и лицемерить? Значит, сожаления главносоветчиков не хватало на то, чтобы предложить Коновницыну как виновнику в оскорблении оставить Гл<авный> Совет – это-то и не входило в план обновленцев, – а что такое, по мнению Гл<авного> Совета, Коновницын, видно из следующего. В том же № 1 «Вестника» Главный Совет пишет:

«Независимо от всего этого, в течение месяца, которое (?!) прошло со дня предъявления А. И. Дубровиным первого заявления Главному Совету до принятия отставки, многие члены Совета неоднократно посетили А. И. Дубровина как по личному своему побуждению, так и по поручению своих сотоварищей по Главному Совету, и уговаривали Александра Ивановича не уходить из Совета».

Из группы лиц, стремившихся к захвату власти над Союзом, был *только один В. П. Соколов*, забежавший для видимости, но сообщивший мне весьма характерную для положения дел в Гл<авном> Совете подробность. Когда зашел разговор о моем уходе и о том, что для моего пребывания в Гл<авном> Совете нужно было не выбирать гр. Коновницына тов<арищем> председателя, Соколов сказал:

– Так как *работников* в Гл<авном> Совете нет, то я нарочно провел графа Коновницына в товарищи председателя, *чтобы мне было удобнее работать за его спиной*. Мне, как студенту, неудобно выступать, о чем уже писали левые газеты; а Римский-Корсаков в марте уедет в имение; думцы – не работники в Гл<авном> Совете, – а потому и *пусть Коновницын служит вывеской, а работать буду я*.

Предоставляю союзникам судить, кто вершит и вершил делами в обновленном Гл<авном> Совете, – и искренно ли «великое сожаление» Гл<авного> Совета.

О правдивости и искренности «сожалений» и «исчерпания мер» к улажению дела Гл<авным> Советом можно судить по тому, что Римскому-Корсакову, предложившему мне от лица Гл<авного> Совета взять заявление об уходе обратно, я задал вопрос: уходит ли гр. Коновницын? На что получил ответ: «*Нет, все остается по-старому*». Следовательно, до последней минуты Гл<авный> Совет *знал*, что нужно для того, чтобы я остался, и остановил своей выбор на Коновницыне, чтобы предоставить Соколову «действовать за его спиной». Далее пошло дело как по нотам. Составлена была комиссия для выработки мне адреса, который был заранее заготовлен, как мне сообщил А. И. Соболевский, участвовавший в комиссии. *На другой же день* адрес был напечатан в «Земщине»[16] из боязни, что, неровен час, я вздумаю вернуться и взять обратно свой отказ, между тем как «поднесен» мне адрес был *лишь 23 февраля* сторожем – измятый и завернутый в грязную газетную бумагу.

Такой способ поднесения адреса, мне кажется, не требует пояснений. В. П. Соколов сам сознался, что это было грубо и пошло.

Обратите внимание на содержание адреса, который указывает и на причины моего ухода. Сколько в нем лжи и неискренности!

Коснусь в двух словах последней формальности, объявленной в № 1 «Вестника» обновленного Гл<авного> Совета. В конце трактуемой здесь статьи напечатано:

«Наконец 2-го февраля в заседании Главного Совета было постановлено: “В разъяснение § 19 Устава С<оюза> Р<усского> Н<арода>, что в случае приезда почетного председателя в заседание Главного Совета ему предоставляется право председательствования в оном».

О постановлении этом я не был осведомлен Главн<ым> Советом и узнал о нем только из вышеприведенного.

Выйдя из Гл<авного> Совета, я обратился к нему с запросом, какими правами я могу пользоваться в Гл<авном> Совете, дабы избежать недоразумений в ответах на запросы союзников, на что также не получил ответа. В это же время, по полученным мною сведениям, на каждом заседании Гл<авного> Совета гр. Коновницын позволял себе в моем отсутствии, несмотря на протесты некоторых членов Совета, открыто инсинуировать по моему адресу и оскорблять меня, точно заранее гарантируя заседания Гл<авного> Совета от моего посещения.

Видя из этого полнейшую невозможность моего присутствия на заседаниях Совета, и так как, несмотря на мою просьбу оградить меня от непристойностей Коновницына, Совет остался безучастным, я сделал в Гл<авный> Совет такое заявление:

«Выражая мою благодарность тем членам Гл<авного> Совета, которые останавливали недостойные выходки гр. Коновницына против меня, вместе с тем довожу до сведения Гл<авного> Совета, утверждая это моим честным словом, что пока в Гл<авном> Совете будет состоять гр. Коновницын и позволять себе против меня непристойные выходки, – моя нога не будет в Гл<авном> Совете».

Занесено или нет в протокол Гл<авного> Совета это мое заявление – не знаю.

Вот что я хотел сказать союзникам в ответ на сплошную ложь в статье о моем уходе, напечатанной в «Вестнике» обновленного Гл<авного> Совета. Уход мой был заранее предрешен. Умышленно избран в товарищи граф Коновницын. Сыграв роль застрельщика, он умышленно позволял непристойности по моему адресу в Главном Совете и тем вынудил меня отказаться совершенно от посещения его (Совета). На вопросы союзников я упорно отмалчивался, но после переполненного ложью в новом «Вестнике» выступления против меня я *вынужден* отвечать. Надеюсь, что И. Н. Кацауров[17], которому многое документально известно, не замедлит со своей стороны выяснить истину.

А. Дубровин

Необходимое разъяснение (так озаглавлено в новом «Вестнике» искажение действительности)

В предыдущем очерке[1] я дал освещение тех фактов, которые составляют истинную причину моего ухода из Главного Совета. Не можете себе представить, дорогие союзники, как трудно мне было это сделать. Я полгода упорно отмалчивался, и только выступление нового «Вестника»[2], сплошь пропитанное неправдой, понудило меня рассказать, как все происходило. С чувством глубокого омерзения снова беру перо и постараюсь изложить только то, что положительно необходимо, чтобы предохранить вас от того болота неправды, подтасовок, передержек, во многих частях нелепых до самобичевания, до явного обвинения самих себя, которыми переполнено «необходимое разъяснение» нового «Вестника».

Разбирая первую статью, я не дал полного объяснения возникновению неверного протокола Гл<авного> Сов<ета> 16 декабря прошлого года.

В заседании Совета я не был, о чем заранее предупредил А. А. Римского-Корсакова, повторив ему еще раз просьбу непременно доложить Совету о моем столкновении с Коновницыным и о моем неизменном решении не оставаться в Совете с графом.

В Главном Совете мое заявление о наказе не докладывалось, а заседание было начато с доклада, что на частном совещании будто бы по обоюдному соглашению со мной занятия распределены так, как записано в протоколе. Замолчено также мое столкновение с Коновницыным и мое заявление о нежелании совместной с ним работы. Вот почему не ознакомленные с положением дела члены Гл<авного> Сов<ета>, приняв все за правду, утвердили протокол; поэтому же некоторые из них на следующем заседании Совета и были удивлены моим заявлением под протоколом. На Совете присутствовал доктор Надеждин, свидетель моего столкновения с Коновницыным. На мой вопрос, почему же он не доложил обо всем Совету, если А. А. Корсаков, Соколов и Коновницын умолчали, смущенный докт<ор> Надеждин дал мне свое объяснение: не видя меня два дня и столкнувшись на Совете с категорическим заявлением Римского-Корсакова, Соколова и Коновницына, он уверил себя, что, значит, состоялось за это время примирение, и воздержался снова поднимать эту неприятную историю в Совете своими выступлениями. Давая свое объяснение, докт<ор> Надеждин приходил все в большее и большее смущение и закончил свою речь: «Ну и дела же у нас творятся в Главном Совете?!»

Я надеюсь, что доктор Г. Г. Надеждин не замедлит огласить свои наблюдения о деятельности Главного Совета. Прав ли я был, третируя протокол, как не согласный с действительностью, – измышленный так, как нужно было нескольким лицам? Судите сами.

«Еще 23-го декабря 1908 года А. И. Дубровин заявил Главному Совету, что он не может вести газету “Русское Знамя”, заведовать союзной типографией, изыскивать средства для Гл<авного> Совета и вести его дела.

До того времени А. И. Дубровин вел все дела по изданию союзной газеты и по управлению союзной типографией единолично. За это время, по словам А. И. Дубровина, образовался долг в сумме 73 тысяч рублей – долг Гл<авного> Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода> своему председателю А. И. Дубровину.

Александр Иванович предложил Совету, со своей стороны, пожертвовать 73 000 руб. Союзу, если Совет признает союзную газету «Русское Знамя» и союзную типографию личной собственностью его, А. И. Дубровина.

В кассе Гл<авного> Совета в то время имелось несколько десятков рублей. Многие члены Совета находились в отъезде. Присутствовавшим на заседании немногим членам Совета, застигнутым врасплох заявлением А. И. Дубровина, удалось добиться лишь одного: за типографию, перешедшую в собственность члену Совета Е. А. Полубояриновой[3], было получено 8 тысяч рублей».

(Из «Вестника» обн<овленного> Гл<авного> Совета).

Немало же было на моих плечах всевозможных обязанностей по Союзу! – и веди газету, и типографию, и изыскивай средства для Гл<авного> Совета, и веди его дела. Все это действительно возложено было на одного человека, а членам Главного Совета ни до чего не было ровно никакого дела.

Случилось же это следующим образом. Вскоре по образовании Союза всеми первыми его членами была сознана необходимость в собственной газете. Мысль эту я решил осуществить во что бы то ни стало. Не имея ровно никакого понятия о газетном деле, я обратился к Ив<ану> Серг<еевичу> Дурново[4] с просьбой помочь осуществить нашу мысль. Ив<ан> Серг<еевич> изъявил согласие принять на себя редактирование газеты и вообще первоначальную постановку всего дела, но с тем, чтобы я гарантировал на издание 20 тыс. руб. Я принял условие. По мысли Ив<ана> Серг<еевича> назвали газету «Русском Знаменем». Получив разрешение на издание «Рус<ского> Зн<амени>», мы тотчас же приступили к осу-

ществлению заветной мысли – выпуску 1-го номера газеты. Откровенно сознаюсь, я с особым трепетом относился к делу, смотрел на него как на нечто священное: вот-вот полетят по необъятной нашей родине листы нашей газеты и понесут повсюду наше горячее слово, наши думы, мечты и надежды, – откликнутся русские сердца и объединятся одними думами, одними желаниями, станут как один человек и спасут свою Родину-мать от хищных зверей, разрывающих на клочки великую страдалицу. Наконец настал радостный день 2-го декабря 1905 года – в моих руках был 1-й № «Русского Знамени». Сколько было испытано неподдельного счастья, как усиленно колотилось сердце!

Ведь в моих руках был листок в четверть листа, а над ним гордо красовалось: «Русское Знамя». Это была газета Союза Русского Народа – *наша газеты, наше* «Русское Знамя»!..

В декабре было выпущено еще три номера, но уже вдвое большей величины, в формате маленькой газеты. С января 1906 года было решено выпускать газету ежедневно.

Пошла подписка. Одним словом, дело начало налаживаться. Радостное настроение, которое я испытывал, увы, продолжалось очень недолго. Уже на 17-м номере несколько лиц, недовольных Ив<аном> Серг<еевичем> Дурново, *неловко* его устранили от редактирования, требуя от меня другого редактора.

Желая устранить возникшие на первых же шагах неприятности, я передал распоряжение газетой Главному Совету с тем, чтобы он на себя же взял и всю материальную ответственность, заявив, что лично мои 20 тыс. р., мною назначенные на газету Ив<ану> Серг<еевичу>, я не считаю себя обязанным давать другим лицам. Таким образом, оставаясь хозяином-издателем, я уступил Главному Совету «Русское Знамя» с тем, чтобы он нес всю ответственность за издание. Редактирование было поручено с 22<-го> нумера от 21 янв<аря> 1906 г. товар<ищу> председ<ателя> А. И. Тришатному[5], который не мог выдержать упорной работы больше месяца и передал газету с 50-го нумера П. Ф. Булацелю[6]. К

маю средства газеты истощились, и Совет не знал, что делать – хотел прекращать издание.

О грустном положении газеты я рассказал княгине Анне Ивановне Абамелек. Княгиня тотчас же мне вручила 5 т<ысяч> р<ублей>, которые и поддержали «Рус<ское> Зн<амя>».

Трудно было редактировать П. Ф. Булацелю при массе занятий и частых отлучках из Петербурга по неотложным делам; ему волей-неволей приходилось поручать «Русс<кое> Знамя» другим. Так шло дело до мая 1907 года, когда вследствие забастовки типографских наборщиков и непорядков в типографии «Русское Знамя» было приостановлено. Главный Совет раздумывал и искал выхода из положения.

Кончилось тем, что мне пришлось предложить свои услуги по «Русскому Знамени», а Пуришкевич[7] взялся упорядочить типографию. Здесь считаю уместным сказать несколько слов о типографии. «Русское Знамя» с самого возникновения печаталось в маленькой, бедной типографии союзника (больше печатать в те времена правую, черносотенную газету было негде); все оборудование типографии заключалось в одной старой гладкой машине с *ручным приводом*. Кроме того, нужно было печатать в большом количестве воззвания, брошюры, программы и т.д. (см. ст<атью> об изд<ательском> ком<итете> «Р<усского> З<намени>», № 135-й). Одним словом, ощущалась настоятельная потребность в своей типографии. Решено было устроить свою типографию.

Дело это не казалось особенно мудреным, тем более, что никто из нас его вовсе не знал и положительно не имел о нем никакого понятия. Сказано – сделано. Типография приобретена (См. № 133-й «Р<усского> З<намени>»), заведование ею передали А. И. Тришатному, который вскоре отказался от возложенных на него обязанностей. Заменить ушедшего не было кем. Думали, гадали и передали управление типографией члену Глав<ного> Совета г. <С. А.> Верещагину с содержанием 300 руб. в месяц. Г. Верещагин в типографском деле понимал столько же, сколько и все мы. В нем Глав<ный> Совет имел все-таки человека, который был официально ответственным

лицом перед властями и, как человек коммерческий, имел знакомство с бухгалтерией.

Расходы были громадные; частных заказов почти никаких; в это же время за неимением средств у Пуришкевича пала усиленная лихорадочная деятельность издательского комитета, который, хотя и давал работу типографии, но денег ей не платил на том основании, что типография своя.

Типография могла иметь поддержку еще от «Русского Знамени», но и оно не имело средств. Г. Пуришкевич же предъявлял свои требования к типографии – печатались вкладными листами думские отчеты; «Русское Знамя» выпускалось в громадном количестве и рассылалось бесплатно по отделам пачками от 50 до 200 нумеров. Долги по типографии росли не по дням, а по часам, что было небезызвестно и Глав<ному> Совету.

Я неоднократно обращал внимание Вл<адимира> Митр<офановича>[8] на это обстоятельство, и в ответ получал: «Не твое дело, я отвечаю за все. Деньги будут».

Кстати замечу: типография начала функционировать с января 1907 года, и в мае последовала забастовка, после которой г. Пуришкевич и предложил свои услуги упорядочить дело. Прошло с лишком 3 недели. В это время 2-я Дума была закрыта, и Пуришкевич, *ни разу* не заглянув в типографию по ее упорядочению, умчался за границу. Типография всею тяжестью обрушилась на мои плечи.

Союз зародился в моей квартире.

Мысль о нем зрела у меня с 9 января 1905 года[9]. Как выяснилось, почти одновременно со мной тою же мыслью был охвачен и Аполлон Аполлонович Майков[10]. Другие присоединились уже к нам. Первые шаги по образованию Союза были сделаны из моей квартиры, где и собирались вначале. Учредители в моем доме сделали и свои первые взносы, кто сколько мог. Учредительские деньги были переданы на расходование и хранение мне. Я их целиком передал потом казначею Ив<ану> Ив<ановичу> Баранову[11], на что у меня имеется его расписка. Из учредителей избран был Совет и должностные

лица: председатель – я, Дубровин; два товарища председателя: А. А. Майков и А. И. Тришатный; секретарь С. И. Тришатный[12] и казначей Ив<ан> Ив<анович> Баранов. Начались работы; в моей квартире было собираться неудобно, и я предоставил Союзу в своем доме отдельную квартиру. Я оставил за собой общее руководство. А. А. Майков принял на себя заведование Советом и канцелярией, а А. И. Тришатный занялся формированием и открытием отделов. А. А. Майков с раннего утра приходил в Союз и оставался там до ночи; обедал у меня, или же, что часто случалось, за отсутствием времени забежать ко мне пробавлялся сухоядением.

Деятельное участие в работе принимали все: не только члены Совета и учредители, но и простые союзники. Денежные поступления, хотя и не обильно, но притекали ежедневно и давали возможность скромно существовать начатому делу. В это время А. И. Тришатным было открыто уже 60 отделов. Повторяю, работали все и несли свой труд идейно, без ожидания какого-либо вознаграждения, благодаря чему Союз разрастался незаметно, но быстро; волна оскорбленного чувства за поруганную Родину быстро разливалась по всему пространству униженной России, охватывала умы и сердца во всех слоях населения и привлекала к Союзу массу новых единомышленников.

Так продолжалось до мая 1906 г. Непосильный труд при слабом здоровье окончательно подорвал силы Аполлона Аполлоновича, и он передал свои обязанности В. М. Пуришкевичу, которого (сознаюсь) я сам ввел в Союз по его усиленным просьбам. С вступлением Пуришкевича закипела новая, иная работа, и явилось новое направление в Союзе – бюрократический деспотизм – «чего моя нога хочет». Располагая весьма солидными суммами, Влад<имир> Митроф<анович> не нуждался в тех скромных поступлениях на Союз, которыми Союз существовал до него. Напротив, он рассылал по отделам денежные пособия (что в «Р<усском> Знам<ени>» своевременно опубликовывалось); бесплатно шли ежедневно возами воззвания, брошюры и тысячи нумеров «Р<усского> Знам<ени>»; открыва-

лись чайные-читальни, отправлялись по провинции ораторы и ревизоры. Убогая обстановка Главного Совета была заменена новой шикарной – венской. Одним словом, все кипело ключом, но только за деньги. Быстро стали исчезать прежние идейные работники, и на их место явилась масса желающих что-нибудь получить. А таких в то время было немало. Проклятое время породило толпы голодных безработных, и интеллигентов, и простых тружеников, – все искало себе около Союза поддержки, ждало подачки; все увивалось около Пуришкевича и жадно, заискивающе смотрело ему в глаза.

Как тут не закружиться голове и не зарваться? И Пуришкевич шел полным аллюром до 1907 года. С этого времени денежные средства, которыми он располагал, резко уменьшились, а корабль, пущенный на всех парах, продолжал плыть. Главный Совет, за исключением 2-3-х протестантов, видел все и не возражал.

Неудовольствия, недоразумения и столкновения частички Совета с Пуришкевичем все увеличивались и увеличивались.

Из товарищей председателя ушел и А. И. Тришатный. Таким образом, прежние тов<арищи> предс<едателя> заменились новыми: Пуришкевичем и Обориным[13]. В декабре Пуришкевич уехал на выборы в Аккерман и передал дела мне, но я вскоре заболел инфлуенцией и воспалением легких и передал Совет и канцелярию г. Оборину.

По окончании выборов Пуришкевич, уже член Госуд<арственной>Думы, возвратившись в Петербург в конце января 1907 года, снова принял от Оборина бразды правления.

Всю эту зиму я проболел и выехал из дому в первый раз прямо на Московский пасхальный Монархический Съезд, по возвращении с которого и попал на вышеупомянутую типографскую забастовку.

В это время, как я уже сказал, В. М. Пуришкевич умчался за границу. Уезжая, он не нашел нужным зайти ко мне хотя бы перемолвиться двумя словами.

Покидая Совет, Пуришкевич заявил, что ему ни до чего нет дела, добавив, что есть председатель, к которому нужно

за всем и обращаться. Главный Совет и канцелярия остались без заведующего. Никто из членов Главного Совета и не подумал заикнуться взять на себя этот труд – слишком он оказался неудобоприемлемым.

Таким образом, на меня был взвален и Главный Совет. Ко всему прибавился и издательский комитет, как видно из статьи о нем в № 135-м «Русского Знамени».

Вот каким путем я «захватил» в единоличное управление все, относящееся к Союзу. При этом в кассе не было ни копейки и кругом долги. Положение было не из приятных. Я работал по 20 часов в сутки без помощников и без денег, терзаемый ежедневно требованиями уплаты по долговым обязательствам. В это время приехал в Петербург покойный В. А. Грингмут[14]. Я кинулся к нему с просьбой поддержать меня материально (свое, что мог уделить, я уже потратил на Союз, а кроме того, из-за Союза я отказался от врачебной практики, которая мне давала громадные средства). У московских единомышленников, я знал, были деньги. В. А. Грингмут выразил полную готовность помочь, но не мог этого сделать без согласия протоиерея Восторгова[15]. О результатах переговоров с Восторговым он обещал меня немедленно уведомить. Вскоре Восторгов навестил меня по поводу предстоящего в Москве съезда Союза (июльский съезд 1907 г.). Без обиняков протоиерей мне заявил, чтобы я немедленно изменил направление «Русского Знамени» или вовсе его прекратил и *отказался бы от звания председателя*, сохранив за собой только почетного. Если же я не подчинюсь его требованию, то имя мое будет опозорено, и я, разоренный, уйду из моего дома в одном белье. Угроза на меня произвела обратное действие – я твердо решил не подчиняться требованию властного, честолюбивого батюшки. Тогда же для меня выяснилась и причина забастовки наборщиков; очевидно, забастовка нужна была тем высоким лицам, которым не нравилось направление «Русского Знамени». Это была попытка прекратить «Русское Знамя». Визит протоиерея ко мне был тоже в зависимости от кого-то. Я держал себя мягко, покладисто, и о. Восторгов ушел от

меня в благодушном настроении, воображая, что его миссия удалась. Через несколько дней совершенно неожиданно меня снова навестил о. протоиерей, но уже благожелательный и добродушный. К моему удивлению, он принес мне 10 тыс. руб. на погашение экстренных долговых обязательств и 3 тыс. на текущие дела и обещал в дальнейшем еще 17 тысяч.

Деньги эти, по объяснению о. Восторгова, дал на Союз богатый московский купец К. Я выдал о. Восторгову расписку. О. Восторгов меня предупредил, чтобы я отнюдь никому не говорил об этих деньгах и не проводил их по кассе. *Я же провел их по кассе со всеми оправдательными документами*, на что у меня имеются квитанции и акт экстренной ревизионной комиссии, образованной по моему требованию. В дальнейшей выдаче денег о. Восторгов мне отказал, вероятно, найдя мое поведение не соответствующим его желаниям. Впоследствии я узнал, что купец К. этих денег не давал, и что они были получены из другого источника.

Московский съезд прошел не в духе и программе о. Восторгова, о чем уже знают все союзники.

Приехав после съезда в Петербург, о. Восторгов повел против меня открытый поход и кончил его провалом на заседании Главного Совета 20 августа (на это заседание указано в «Голосе Русского»)*. В октябре я снова заболел воспалением легких и не выходил из дому до января 1908 г. В это время меня постигла новая невзгода – два штрафа один за другим: в одну и три тысячи. С этого же времени началось мое знакомство с Е. А. Полубояриновой, которая, приехав ко мне больному, привезла мне в личное распоряжение, подразумевая уплату штрафа, одну тысячу руб., которую я тотчас же передал в кассу на нужды Союза, за что получил благодарность Главного Совета. С этого времени начались поступления на Союз от Е. А. Полубояриновой; все они проводились по кассе. Штраф в 3 тыс. был наложен стараниями Вл<адимира> Пуришкевича, как он сам об этом многим заявлял, потому что я сижу без денег, и что, следовательно, чтобы заставить

* См. ниже отдельную статью.

меня молчать, нужно бить рублем же, т.е. по самому чувствительному месту.

Конец 1907 года и весь 1908 год год я вынес на своих плечах. Главный совет не помог ровно ничем. Он только благодарил, а когда касалось денег, то глубокомысленно отмалчивался, памятуя, что речь серебро, а молчание – золото; но это золото мне не давало облегчения. Благодаря Е. А. Полубояриновой я вздохнул свободно. От нее я получил необходимые на расходы и на уплату долгов деньги и был счастлив, что она же была и казначеем, т.е. все время видела и знала, куда идут отпускаемые ею мне деньги. Чтобы эти деньги не смешивать с другими поступлениями, они поступали в кассу, как того хотела и сама Е<лена> А<дриановна> – под рубрикой: «заимообразно от председателя».

В декабре я совершенно неожиданно в виде праздничного подарка получил от той же Полубояриновой 30 тысяч руб. Ни минуты не задумываясь, я тотчас же приступил к полному приведению в порядок денежных дел Союза. Уплатил различные долговые обязательства по всем учреждениям Союза, выяснившиеся к 1-му января 1909 года, за что и получил занесенные в протоколы заседаний две благодарности Совета и учредителей. О полученных деньгах я сообщил В. П. Соколову, а потом, когда стали предполагать источник их получения не соответствующим действительности, я заявил и всему Главному Совету о происхождении этих денег. По уплате долгов у меня, естественно, было желание вновь их не делать. Кроме того, я страшно истомился и нравственно, и физически. Мне хотелось хотя сколько-нибудь облегчить свой труд и вместе с тем снять тяжелую заботу об изыскании средств. Все, что мною было внесено в кассу Союза, я без всяких условий отдал Главному Совету, дав обещание и остальные долги уплатить, что и сделал, например, по издательскому комитету.

Не имея возможности быть неизменным плательщиком, я поставил условием, что уплачу только то, что выяснится до 1-го января 1909 года, но, несмотря на это, уплатил 1 200 руб. г. Зеленскому[16], предъявившему требование уплатить ему за

то, что он числился заведующим типографией и заходил проверять книги, что им было предложено безвозмездно, как занимавшим должность секретаря Главного Совета (в назначении г. Зеленского секретарем я не принимал ровно никакого участия; его пригласил и потом уволил г. Пуришкевич).

«Русское Знамя» без всяких моих требований было моей личной собственностью, как видно из предыдущего объяснения. Оно на время было уступлено Главному Совету и перешло вновь ко мне, когда Главный Совет фактически от него отказался, передав мне редактирование и заботы о денежных средствах на газету. Ведь ни один из членов Главного Совета не дал ни копейки ни это дело; все расходы и правительственные репрессии нес один я, Дубровин. Я предложил Главному Совету или взять от меня газету в полную собственность и снять с меня всякие обязательства по ней, или же предоставить ее в мое полное ответственное, бесконтрольное распоряжение. В свою очередь, я давал обязательство по-прежнему обслуживать Союз и идти согласно с Уставом. Мое предложение совпадало и с желанием Е. А. Полубояриновой, которая соглашалась обеспечить материально газету в том случае, если газета будет иметь свою независимую кассу; она при этом имела в виду побудить Главный Совет позаботиться хотя бы только о своем собственном существовании. Главный Совет, не имея ни малейшей возможности вести газету, принял мое предложение, и с 1 января 1909 г. все расходы по газете легли на меня и Е. А. Полубояринову.

О передаче мне типографии я ни разу не заикнулся ни одним словом. Ведь это значило бы взять на себя дело, которое бы меня окончательно разорило. Напротив, я в Глав<ном> Совете высказался, что я охотно прекращу печатание «Русского Знамени» в союзной типографии, что обходится слишком дорого; что мне несравненно выгоднее в своем же доме, под рукой, устроить для «Русского Знамени» собственную маленькую типографию. О том, как состоялась продажа типографии, подробно изложено в № 133 «Рус<ского> Зн<амени>» в ответе на письмо г-жи Нелюбовой.

Прочитав в «Колоколе» письмо г-жи Нелюбовой, сплошь не соответствующее действительности, я не удивился, приписав его простой сплетне, но когда то же, и еще ярче выраженное я встретил в «Вестнике обновленного Гл<авного> Совета», то, говорю откровенно, потрясен был до глубины души. Ведь эту неправду писали люди, с которыми я несколько лет вместе работал, которые еще так недавно ходили в мой дом как друзья и единомышленники!

Новый «Вестник» продолжает:

«С переходом «Русского Знамени» в личную собственность А. И. Дубровина была прекращена бесплатная высылка этой газеты по отделам, а потом была увеличена подписная плата с 4 р. на 6 р. в год».

Кто же не знает, что подписная цена «Русского Знамени» повышена с 1909 года с 4 до 6 руб.? Об этом была публикация, начиная с сентября 1908 года, *далеко раньше* перехода «Русского Знамени» в мое полное распоряжение. Не достаточно ли наглядно говорит сама за себя заметка «Вестника» Главного Совета? – автор усердно изощряется, чтобы не упустить возможности набросить на меня и мою деятельность хотя какую-либо тень. Ведь читателям «Русского Знамени» нечего говорить, что «Русское Знамя» подверглось существенной перемене; оно доведено до размеров больших столичных газет; дает все телеграммы и сведения осведомительного бюро; улучшена бумага, печать, корректура; подписчики получают бесплатное приложение. Стыдно г. автору обновленческого органа за его выпад, слишком уже неприкрашенный!..

Бесплатная рассылка не прекращена, а упорядочена. Бестолково, сотнями экземпляров газета действительно не высылается, она имеет определенный бюджет, из которого не может выходить. В редакции, между прочим, сохраняются обращения Главного Совета о бесплатной высылке газеты; по всем указанным адресам газета высылается бесплатно.

Новый «Вестник» продолжает свою ложь:

«Именно с декабря 1908 года и начался серьезный разлад между Главным Советом и А. И. Дубровиным.

На устроенном ввиду этого разлада совещании 8–11 марта 1909 г. собрались в Ярославле многие члены Гл<авного> Совета, А. И. Дубровин и около 20 губернских представителей. На совещании была сделана серьезная попытка к установлению правильных взаимоотношений между Гл<авным> Советом и А. И. Дубровиным.

В Ярославле выработано постановление, подписанное всеми участниками совещания, в том числе и Дубровиным, Полубояриновой, Кацауровым, Зариным[17], Рознатовским[18] и др.

Постановление это было впоследствии утверждено Главн<ым> Советом и принято им к руководству в виде попытки упорядочить его деятельность, в чем давно ощущалась необходимость вследствие постоянных жалоб со стороны отделов на бездеятельность Гл<авного> Совета, дела которого были крайне запущены. В Главном Совете не имелось ни правильной денежной отчетности, не говоря уже о невообразимых беспорядках в канцелярии, когда личности вроде Прусакова[19] сосредоточили у себя всю корреспонденцию. Попытки отдельных членов Союза привести в порядок дела Гл<авного> Совета встречали непреодолимые препятствия.

Ярославским постановлением возлагается на Главный Совет Союза Русского Народа *вся работа по Союзу*; на председателе Главного Совета лежит руководство работою членов Главного Совета, и он выступает в тех случаях, когда нужно исправить или направить дело, *строго следуя постановлениям Главного Совета*; предложить Главному Совету распубликовать через газету «Русское Знамя», чтобы со всеми запросами и бумагами по делам Союза отделы обращались в Главный Совет, утруждая председателя Главного Совета лишь в случаях крайней спешности или запоздания ответа от Главного Совета; предложить Главному Совету, чтобы все суммы, жертвуемые на Союз, поступали бы в кассу и в распоряжение Совета, и чтобы упомянутые выше средства расходовались по постановлению Совета, за исключением тех,

кои найдет нужным Главный Совет ассигновать в личное распоряжение председателя; редактором-издателем газеты «Русское Знамя», как ее собственник, остается, как и было до сих пор, председатель Главного Совета А. И. Дубровин. Ввиду выраженного последним согласия предложить Главному Совету назначить соредактора, ответственного перед Главным Советом за направление им газеты, служащей органом всего Союза Русского Народа.

Однако из этого ничего не вышло, ибо, вернувшись в Петербург, А. И. Дубровин продолжал вести дела по-прежнему, вследствие чего часть членов ушла из Главного Совета. В их числе один из виднейших созидателей Союза Русского Народа товарищ председателя Гл<авного> Совета А. А. Майков, председатель С<анкт>-Петербургского губернского Совета почетный знаменосец Главн<ого> Совета князь М. Н. Волконский[20] и председатель Столичного С<анкт>-Петербургского Совета граф Э. И. Коновницын».

(«Вестн<ик>» обновл<енного> Гл<авного> Сов<ета>.)

Хотел бы поскорее покончить с настоящей отвратительной работой, но для понимания некоторых фактов, о которых будет беседа впереди, волей-неволей приходится останавливаться и возвращаться к прошлому.

Вскоре после провала о. Восторгова в заседании 20 августа 1907 года возвратился в Петербург избранный в 3-ю Думу В. М. Пуришкевич. Он тотчас же повел против меня кампанию, проигранную Восторговым. Подробностей излагать не буду – они и без того всем известны, как известен и конец кампании. По выходе из Союза Пуришкевича все затихло и как будто вошло в норму. Продолжалось затишье недолго. На февральском съезде 1908 года был сделан новый, можно сказать, решительный натиск, кончившийся также полным поражением. Не знаю, правда ли, но мне сообщили, что кампания обошлась <в> 22 тыс. Началась мирная работа. Нужно было приступить к выполнению намеченного съездом и ликвидировать наследие г. Пуришкевича. Главный Совет продолжал блистать

полной бездеятельностью; были, да и теперь остались, члены, которые по несколько месяцев не показывались в заседаниях Совета. Нужно было привлечь в Совет свежие силы. Внимание сосредоточилось на правых членах Думы, о чем я более всех хлопотал вопреки положительному нежеланию некоторых из членов Совета введения в Совет думцев; опасались парламентского духа, который будет внесен в нашу среду. Думцы согласились на предложение и заняли 4 вакансии в Гл<авном> Совете и 8 кандидатских; этот момент, в сущности, и нужно, и правильно было бы считать за обновление Гл<авного> Совета. Но на самом деле обновления не произошло, а получилось еще худшее – постоянные столкновения старых и новых членов Совета, кончившиеся тем, что члены Думы прекратили свои посещения заседаний и хотели было выйти из Совета. С трудом мне удалось удержать их от этого шага, и, сознаюсь, в отношении их я сделал большую ошибку.

Я уже упоминал, что Главный Совет в большинстве отличался полной бездеятельностью и безразличием.

Я много раз пытался привлечь членов его к работе, напр., поднимал неоднократно вопрос об обязательных дежурствах; составлялись списки очередей, но все ни к чему путному не приводило – работать приходилось мне одному, до одури, до упадка сил. Пытался я также раздавать г. членам Совета текущие дела по Главному Совету для просмотра и доклада в Главном Совете, но и из этого ничего не вышло. Члены Совета из думцев, если бы и хотели, то не могли отдавать свои труды на союзников: их отвлекали занятия по Думе. Даже на заседания Совета они еле могли уделить время, для чего пришлось перенести заседания на вторники, как единственный свободный их день.

Одним словом, новый элемент, вошедший в состав Гл<авного> Совета, не внес в него ничего существенного, кроме внешности. Не могу умолчать, да простит мне Владыка, напр., из членов Думы преосвященный Митрофан[21] за два года по избрании в кандидаты в первый раз посетил заседания Совета только в мае настоящего года.

За это время пришлось сократить служащих, освободить одну из трех занимаемых при В. М. Пуришкевиче квартир, ликвидировать оказавшиеся не полезными, а вредными чайные-читальни и брошенный на произвол издательский комитет; одним словом, мне одному пришлось распутываться за предприимчивость В. М. Пуришкевича. С трепетом вспоминаю, сколько у меня отняли времени и энергии, не говоря уже про тяжелое нравственное состояние, таскания меня в продолжение года по судам. Шайка хулиганов, присосавшаяся к чайным и совету, изгнанная с готовых хлебов по закрытии чайных, соединившись по *чьему-то* внушению, начала предъявлять на Главный Совет иски, будто бы за неуплаченное жалование. Как председатель Совета я должен был ходить по судам. Кончалось одно дело, сейчас возбуждалось новое, а то и сразу 2–3 дела. Вызываемые по делам свидетелями члены Совета предпочитали в большинстве платить 5-рублевые штрафы и в суд не являлись. В. М. Пуришкевич, знавший все дела и истцов, бывших его служащими, упорно уклонялся от явки в суд и только один раз дал свои показания с документами в руках, и истцу было отказано в иске. Все дела относились ко времени управления Глав<ным> Советом Вл<адимира> Митр<офановича>, а мне пришлось отдуваться по судам и платить за проигранные дела, что в общем составляет не одну тысячу.

Мировой судья – кадет – все дела решал в пользу гг. искателей. Нашлись и в типографии охотники воспользоваться враждебными отношениями судьи к Союзу и тоже кое-что сорвали. Не могу не отдать должного г. судье – внешняя форма у него была соблюдена в точности, внутреннего же убеждения никто не имеет права касаться.

Извиняюсь за уклонение. «Вестник» повествует о запущенности дел Совета, о беспорядках в канцелярии, об отсутствии правильной денежной отчетности и проч. и проч. Господа! Ведь если и были какие упущения, то кто же виноват, как не вы сами – члены Совета. Неужели вы не понимаете, что заявлением этим вы ставите себя в положение вдовы Пошлепкиной[22]. Не на вашей ли обязанности, как членов Совета, лежала

и лежит ответственность за порядок? Ведь вам не только никто не мешал заниматься делом, но оно вас ждало с нетерпением, да невозможно было никак к нему привлечь охотников. Во всей этой пошлепкинской тираде, имеющей целью набросить на меня тень, сколько неправды и искажения действительности! Все дела по Союзу переходили через мои руки. Корреспонденции доставлялись мне и ежедневно без задержки мною просматривались, что часто вынуждало меня просиживать за работой по целым ночам; случалось, что я ложился спать в 6 часов утра, но никогда не раньше 4-х, и в 8–9 уже вставал. Ежедневно на подпись мне поступало от 20–30 различных бумаг, составленных или по моему указанию, или же мною. Когда мне уже было положительно невмоготу, я обращался с просьбой о помощи к А. А. Майкову и В. П. Соколову, которые или брали к себе работу, или же приходили ко мне для помощи.

С 1-го января 1909 года, когда денежные дела Совета были приведены мною в порядок, в управление Советом вступил вернувшийся в товарищи председателя А. А. Майков. Вот его слова однажды при встрече со мной: *«Я никак не думал найти канцелярию в таком образцовом порядке, как оказалось».*

Ведение денежных книг с кассы – неужели и в этом я сколько-нибудь виноват? Не относится ли это к обязанностям казначея? Отчетность и по Уставу лежит не на председателе, а на Совете и членах ревизионной комиссии, равно как к их же обязанности относится и наблюдение за кассой. Я несколько раз поднимал вопрос о составлении отчета за 1907 год и, не добившись ничего, вынужден был поручить это дело троим союзникам, заплатив им из личных средств 300 руб. Отчет за 1908 год составлен и представлен Совету новым казначеем Е. А. Полубояриновой; она же сдала председ<ателю> Ст<оличного> Совета Р. В. Трегубову[23] все книги и документы за 1909 г., по заключению г. Трегубова, *в идеальном порядке*, о чем уже упоминалось в «Русском Знамени». Еще в бытность секретарем Зеленского, который нес и обязанности бухгалтера, им были заведены еженедельные отчетные ведомости для представления на заседании Совета для контроля

и утверждения. Но они не привились – сплошь и рядом или некому было их представлять, или же, за отсутствием к ним интереса членов Совета, они оставались нерассмотренными. Этими образцами в несколько усовершенствованном виде как казначей воспользовалась Е. А. Полубояринова и ввела их снова. Но их постигла прежняя участь.

Новый «Вестник» продолжает: «Попытки (на словах) отдельных (кого?) членов Совета привести в порядок дела Главного Совета встречали непреодолимые препятствия (от кого?)», – добавим, в собственном нежелании отнестись как следует к делу.

Не я ли первый установил самую точную отчетность, проверяемую еженедельно в начале каждого заседания Совета по заранее составленной и утвержденной Советом смете (Смот<рите> прот<окол> засед<ания> Г<лавного> Сов<ета>)?

По удалении из секретарей Зеленского в ноябре 1907 года В. М. Пуришкевич пригласил на его место г. Фоменко, которого пришлось вскоре удалить. Тогда любезно на время предложил свои услуги К. С. Красильников, а его заменил в феврале 1908 года Ф. Д. Клюев[24], осенью уехавший в Архангельск. Тогда по рекомендации П. Ф. Булацеля я выписал из Харькова г. Галича. Все перечисленные 3 лица с утра до ночи были заняты и не выходили из канцелярии; Ф. Д. Клюев и г. Галич даже там и жили. Не зря же А. А. Майков был удивлен образцовым порядком в канцелярии. В обновленном Совете исправляет обязанности секретаря мальчик-студент, бывающий на занятиях по ½ часа-часу в день и по несколько дней не заглядывающий в канцелярию. По Уставу секретаря выбирает Глав<ный> Сов<ет> из сочленов; кроме канцелярии секретарь обязан вести и протоколы заседаний. В составе Совета не нашлось подходящего лица на должность секретаря, вследствие чего и пришлось брать со стороны лиц, исправляющих обязанности секретаря только по канцелярии; заседания же Совета происходили без секретаря; протоколы же заседаний вели разные лица; нередко и мне приходилось председательствовать и вести протокол.

Гг. Прусаковыми я себя не окружал.

Г. Прусакова, как кандидата в члены Совета, я действительно взял летом 1907 года в качестве секретаря «Рус<ского> Знамени» и поручил ему главным образом упорядочить экспедицию газеты. Не я ведь выбирал г. Прусакова и других в кандидаты <в> чл<ены> Совета, и не по моей вине они принимали участие в заседаниях этого Совета? Нельзя ли побольше справедливости и беспристрастия, господа авторы нового «Вестника»!

Кстати, несколько слов о г. Прусакове.

Что такое г. Прусаков? Человек, не получивший ни воспитания, ни образования, и не по своей вине, а волею судеб, без твердо сложившихся нравственных устоев, слабовольный, легко поддающийся и собственным влечениям, и влиянию среды.

Трудно таким людям жить в наше проклятое время, и более сильные свернули себе шею, а Прусаковым и Бог простит. Податливость и неустойчивость его были использованы настоящими негодяями. Таких примеров сколько угодно. Одним из многих явился и Прусаков – это слепое орудие, которое действовало под непреоборимо сильным влиянием злой воли извне.

Личная же вражда Прусакова и побуждение отомстить за потерю места довершили дело. Кому было нужно, тот достиг цели. Создалась бешеная свистопляска, сосредоточенная на моем имени. Я отлично понимал все ее значение и пошлость и сохранил полное спокойствие и холодность, чем возбудил еще большую злобу врагов. Г. Прусаков в отношении меня сыграл роль того револьвера, из которого в меня стреляли в ночь накануне убийства В. Ф. фон дер Лауница[25]; о выстреле этом в вышедшем утром номере газеты проф. Ходского «Товарищ» было сообщено «товарищам», как о неудавшемся салюте. Разобравшись в роли Прусакова, я проверил себя, и оказалось, что у меня осталось к нему только чувство сожаления и полного прощения его поступка против меня. Да, я простил ему уже давно, – он не ведал, что делал!

Новый «Вестник» пишет, что были из отделов постоянные жалобы на Главный Совет; хотя бы и следовало по заслугам на

него жаловаться, но жалоб не было или же если были, то очень редко. Вы смешали, мои дорогие, даты. Жалобы непрерывно в изобилии поступают на обновленный Совет; много их попало на страницы «Русского Знамени», а сколько их еще не увидит света Божьего, оставаясь в ящике моего письменного стола!

Разлад между мной и несколькими членами Совета начался не в декабре 1908 г., а гораздо позднее.

В декабре же и в начале 1909 года было полное согласие. Я уже упоминал о благодарностях, записанных в протоколы заседаний, и предложениях моих, которые все встречали одобрение и сочувствие. Выпад против меня начался со стороны членов Совета без всякого повода с моей стороны; выяснился он на Ярославском съезде в марте 1909 года совершенно неожиданно для меня, произошел по слишком ничтожным *личным* причинам и вскоре прекратился. Настоящий же поход открылся позднее и совпал с возникновением газеты «Земщина», но об этом речь впереди.

«Вестник» обновленного Совета заявляет, что Ярославское совещание было устроено ввиду разлада со мной Глав<ного> Совета. Неправда! Ярославское совещание было признано необходимым для обсуждения Полтавских торжеств и выработки программы дальнейшей деятельности Союза; программа его выработана в моей квартире, и тут же составлен список лиц, желательных на Совещании. Все, вошедшие в список, записаны в него или с моего согласия, или по моему указанию. Неожиданно для меня и большинства собравшихся на Совещании 4–5 лицами были подняты не относившиеся к программе вопросы, которые, главным образом, вращались около назначения соредактора по «Русскому Знамени», которое только одно и оставалось тогда в моем ведении: управление Главным Советом и его канцелярией с 1-го янв<аря> 1909 г., как я уже говорил, взял на себя А. А. Майков; издательский комитет, очищенный от долговых обязательств, мною тоже был полностью передан Главному Совету.

Соредактор, ответственный перед Главным Советом за направление газеты. Что это! Да разве же редактор, осно-

ватель и председатель Союза, не есть ответственное лицо или он изменил и изменяет своему Знамени?! К чему он, этот пошлый и унизительный контроль? Какая польза и смысл в соредакторе: не излишний ли тормоз и повод к недоразумениям и разладу? Не все ли равно, если бы к вам в дом приставили начальство, которое бы вздумало указывать, напр., вашей кухарке – щи или суп готовить на сегодня к обеду? Несмотря на всю нелепость и бестактность возбужденного вопроса, я дал свое согласие на принятие соредактора. Постановление не было приведено в исполнение не мной, а Главным Советом, и по самой простой причине. Я категорически отказался платить главносоветскому соредактору, предлагая обеспечение его отнести на Главный Совет, что оказалось не по вкусу Главному Совету. Где же была зарыта собака?

Так хотели прежде! А теперь? Редактором нового «Вестника» состоит г. Петров. Знают его союзники? Могут к нему относиться с должным доверием? (Прошу Н. Н. Петрова простить мне – я вовсе не хочу его обидеть). Что говорит союзникам имя Петрова? То же, что имя Сидорова, Семенова и пр. Кто же соредактор-контролер? Очевидно, Главный Совет доверяет г. Петрову направление своего «Вестника; о соредакторе что-то не слышно. Может быть, издатель граф Эм<мануил> Ив<анович> Коновницын несет обязанности и соредактора; но это только шаткое предположение; вряд ли граф мог взять на себя такую обязанность при склонности писать ворота через «ять»; положим, у нас был военный министр, питавший такую же любовь к орфографии; но ведь это было в доброе старое время; да, кроме того, что полагается министру, не может быть допустимо в соредакторе.

По словам нового «Вестника», по возвращении из Ярославля я будто бы вопреки постановлению Совещания снова забрал все в свои руки. Да так ли?

Не взвалили ли снова на мою шею Главный Совет и его канцелярию?! По возвращении из Ярославля А. А. Майков заболел и отказался от управления Советом; заменить его охотника не оказалось.

Никто из членов Думы, конечно, не пожелал взять на себя нелегкое дело; большая же часть членов Совета была занята составлением комиссии по полтавским торжествам (впрочем, комиссия эта по уважительным причинам вскоре распалась). Мне больше ничего не оставалось делать, как снова взять на себя работу по Совету. По *добросовестному* же заявлению нового «Вестника», я учинил захват, нарушив постановление Ярославского совещания. Удивительно плохая память у обновленного Главного Совета и завидная способность свои вины приписывать другим. Тотчас же по выходе моем из председателей Главный Совет повел переговоры с союзом Пуришкевича-Восторгова[26] о заключении соглашения. Составлена была согласительная комиссия из членов Главного Совета и Главной Палаты. Выработаны пункты соглашения и внесены на утверждение Главного Совета. Несколько членов заявили свой протест против соглашения и сослались на утвержденное самим же Главным Советом постановление Ярославского совещания, по которому Союз Архангела Михаила отнесен к зловредным Союзу Русского Народа организациям. Группа членов Главного Совета, ничтоже сумняшеся, со спокойным нахальством заявила, что постановление какого-то Ярославского совещания необязательно для Главного Совета, а что оно было принято и утверждено Главным Советом, тоже ничего не значит. Главный Совет утвердил; он же волен и не подчиняться своему утверждению и во всякое время его отменить. Основываясь на приведенной аргументации, несмотря на протест меньшинства, Главный Совет принял и утвердил соглашение с Союзом Михаила Архангела. Чтобы еще раз не возвращаться к этому соглашению, доскажу дальнейшую его историю. Соглашение, принятое Главным Советом, было постановлено внести на окончательное утверждение соединенного собрания Совета и учредителей, которое и собрать в ближайшем будущем. В утверждении соединенного заседания были уверены, потому что большинство свои (об этом расскажу в следующий раз). Одним словом, все шло как по маслу. И вдруг, неожиданно, как гром при

ясном небе, разоблачения А. И. Соболевского[27]. Что делать? Как вывернуться? На повестку соединенного собрания ставится вопрос уже не о соглашении с Михаилом Архангелом, а об отношениях к монархическим организациям вообще. Соглашение же с Пуришкевичем и Восторговым (Восторгов состоит членом и почетным председателем Палаты Михаила Архангела) в соединенном заседании не было вовсе доложено; после этого Главный Совет со спокойной совестью выступил с опровержением против А. И. Соболевского, обвинив его в лжи и клевете. На самом же деле только благодаря выступлению А. И. Соболевского соглашение, принятое Главным Советом, осталось под сукном.

По поводу этого соглашения я имел разговор с В. П. Соколовым, от которого узнал следующее: к соглашению стремилась преимущественно часть членов Думы; он же, Соколов, в действительности был против соглашения, но не противоречил, желая сохранить внешний вид единомыслия. По словам В. П. Соколова, А. И. Соболевский напрасно поторопился со своим заявлением; соглашение все равно было бы не принято на соединенном заседании благодаря стараниям В. П. Соколова, заранее обеспечившего большинство голосов за провал.

Так или иначе, а соглашение лежит под сукном, и долго ли там будет находиться, ведает Бог.

Кто же явился нарушителем утвержденного Главным Советом постановления Ярославского совещания? Кто к нему отнесся с полным пренебрежением?! Отвечать не берусь. Тактический же прием В. П. Соколова, безусловно, ценю.

Почему вышли из Главного Совета указанные «Вестником» лица, не берусь решать, да и новому «Вестнику» не рекомендовал бы этого; все эти лица, слава Богу, живы и трудоспособны, а, следовательно, если найдут нужным, то и сами дадут объяснение причин своего ухода.

«Члены Гл<авного> Совета из состава Госуд<арственной> Думы разъехались на летние каникулы. А. И. Дубровин снова остался полновластным хозяином в Гл<авном> Совете.

В это время внезапная болезнь заставила его уехать на полгода из С.-Петербурга. Газета “Русское Знамя” и Гл<авный> Совет были брошены на произвол судьбы.

Пока делами Гл<авного> Совета занимался член Совета В. П. Соколов, дела еще кое-как шли, но когда в середине лета болезнь и утомление заставили и его уехать, и когда в лице казначея Гл<авного> Совета, Полубояриновой, сосредоточились одновременно все советские должности, а именно: председателя, двух товарищей, секретаря, казначея и редактора «Русского Знамени», то окончательно выяснился полный развал советской организации.

Г-жа Полубояринова оказалась совершенно неспособной к той роли, которую предоставил ей А. И. Дубровин. Она подпала под влияние личностей, вроде ныне исключенного из Союза Русского Народа Катанского[28] и т. п.»

(«Вест<ник>» обн<овленного> Гл<авного> Сов<ета>).

Члены Главн<ого> Совета из состава Думы уехали на летние каникулы во время болезни Дубровина. Они видели, что Главный Совет за болезнью Дубровина остался без руководителя. И что же? Подумал ли кто-нибудь из них о положении Совета? До Совета, как видно, никому из них не было никакого дела. Все поспешили ins Grüne[29], почить у домашних пенатов в сознании совершенных великих дел.

По болезни мне пришлось уехать на полгода из Петербурга и бросить (добавляет Нов<ый> «Вест<ник>») Главн<ый> Сов<ет> и «Рус<ское> Зн<амя>» *на произвол судьбы*. Какая злая выходка своего же «Вестника» по адресу Главного Совета! Бросить на произвол судьбы! Почему? Что же смотрит Главный Совет? Вероятно, судьба помешала, как раньше мешал я. Неужели я виноват и тут? И какое же жалкое положение – вышел по болезни из строя один человек, и вся машина должна была подвергнуться произволу судьбы.

В чем же выразился этот произвол судьбы, которому подвергся Глав<ный> Совет? Я передал управление Советом В. П. Соколову. По «Вестнику» выходит, что Соколов-то и

явился живым выразителем произвола судьбы. По словам того же «Вестника», дела Совета при Соколове *шли кое-как*, – судьба, видимо, не стояла на стороне Главного Совета, и один ее произвол сменился другим.

«Вестник» передает, что В. П. Соколов по болезни и утомлению оставил Совет и уехал в деревню.

Об его отъезде и вступлении на его место Е. А. Полубояриновой мне сообщили письмом, причем причиной отъезда В. П. Соколова была выставлена тяжкая, угрожающая болезнь его папаши. Я немедленно послал В. П. сочувственное письмо и получил ответ, который у меня сохраняется и о котором умолчу.

Прошел год. Образовался обновленный Совет, обещавший союзникам чуть ли не рай земной со всеми его прелестями. А действительность?

А. А. Римский-Корсаков с апреля до осени укатил в свое имение. Члены Думы разъехались. Граф Коновницын, как я узнал сейчас из повестки, заболел. И Главный Совет по прошлогоднему брошен на *произвол судьбы*, т.е. поступил в полновластное распоряжение В. П. Соколова. При котором, как сказано выше, дела Совета *шли кое-как*.

И вот, этот гордый, обновленный Совет, не считающийся ни с правилами Устава, ни с собственными постановлениями, ни с волей и желаниями союзников, брошенный в настоящее время *на произвол судьбы*, оказался опять под командою г. Кое-кака. Если же г. Соколов вздумает по-прошлогоднему уехать «к тяжкобольному батюшке» в деревню, тогда как же? Да просто – никак. Я думаю, что «никак» будет лучше, чем «кое-как».

По отъезде г. Соколова, повествует новый «Вестник», в руках Е. А. Полубояриновой сосредоточились все должности: председателя, двух товарищей, секретаря, казначея и редактора. Совершенно верно, только нужно добавить – и членов всего Главного Совета.

Почему же? Разве Полубояринова добивалась этого и применила захватное право? Что же смотрел и делал Главный

Совет? Блистал полным отсутствием! А Полубояриновой, неопытной женщине, пришлось буквально вариться в котле чуть не по 24 часа в сутки. Уезжая из Петербурга по болезни, я убедительно просил Соколова, который вел дела Главного Совета с начала моей болезни, не бросать Совет, но он, сославшись на законный предлог, уехал на отдых. Взвалив все на единственного оставшегося в Совете члена, Е. А. Полубояринову, которая, по заявлению «Вест<ника>», привела все дело к полному развалу. У Полубояриновой хранятся письма Соколова, в которых он высказывает свое удивление перед энергией Полубояриновой, ее трудоспособностью, – одним словом, целый панегирик. Осенью, по возвращении в Петербург, Соколов оставался дома и не хотел работать по Союзу. Полубояринова с трудом уговорила его облегчить ее занятия и взять на себя Совет и канцелярию.

С лишком богатая женщина, имеющая возможность исполнять все свои малейшие прихоти, Полубояринова сидит безотлучно целое лето в гнилом Петербурге; мало того, не зная отдыха ни днем ни ночью, работает за весь Совет, не жалея ни денег, ни трудов. Что же ее заставляло так поступать? Корысть, по заявлению нового «Вестника»! Она забрала за бесценок союзную типографию! Вот чем платят и благодарят! Этого мало – Полубояринову оскорбляют всякими грубостями, не щадя даже женского ее достоинства. Ее стараются выставить грубой, неразвитой, необразованной, властной женщиной, желающей командовать. Властная женщина, по словам «Вестника», находилась под влиянием других, которые заставляли ее плясать по их дудке. Как совместить несовместимое? Впрочем, озлобленному пасквилянту, новому «Вестнику», по его детской глупости, которая сквозит в каждой строчке его писаний, все разрешается: законы здравой логики писаны, очевидно, не для мудрецов нового «Вестника». И кто же ценители – безграмотные рамоли, бездипломные недоучки или же горделивые маньяки!..

Упомянув о типографии, кстати, расскажу конец ее истории. Май 1909 года. В июне конец контракта на квартиру.

Подходящего помещения нет. Приходится для типографии освободить помещение из-под книжного склада, но этого не довольно. Нужно сделать над флигелем надстройку этажа. В это время к Дубровину обращается Н. Е. Марков[30] с предложением переговорить с Полубояриновой о печатании новой газеты «Земщина», которую будут издавать Н. Е. Марков и другие. Я вместе с Н. Е. Марковым поехал к Полубояриновой. Полубояринова приняла предложение Маркова. Типография не имела возможности при существовавшем оборудовании печатать еще газету, а тут еще квартирный вопрос и желание г. Маркова, чтобы типография непременно была готова к 1-му июля. Быстро сделана надстройка двух этажей, поглотившая вдвое, чем стоила; типография перевезена, куплена новая (из-за которой надстроен лишний 2-й этаж) ротационная машина (имевшаяся старая ротационка, как уже было говорено, никуда не годилась). Одним словом, было потрачено, кроме трудов и энергии, 40 тыс. на надстройку, перевозку и установку типографии и 17 500 р. на ротационную машину. Все было готово. Желание Н. Е. Маркова выполнено. *«Земщина» же печаталась до настоящего времени в еврейской типографии вместе с «Речью»*[31].

Новая же ротационная машина отечественной типографии, купленная для «Земщины», стоит в подвале и преисправно ржавеет. Отношения Маркова к Полубояриновой заметно изменяются, постепенно принимают грубый, неприличный характер.

Таким образом, вопрос о печатании «Земщины» в отечественной типографии сам собою отпадает. На сцену постепенно выплывает другой вопрос – о замене «Русского Знамени» «Земщиной».

«Земщину» стали рассылать бесплатно по отделам Союза. Главный Совет принимает предложенные бесплатно экземпляры «Земщины» для личной рассылки по Союзу; в Совете уже открыто делаются попытки выкурить из Союза «Русское Знамя»; г. Володимеров[32] несколько раз поднимает вопрос в Главном Совете о замене «Русского Знамени» «Земщиной».

В первый же день моего возвращения в Петербург после болезни Соколов, сидя у меня, советовал мне снять подзаголовок с «Русского Знамени»[33]. Я высказал решительный протест.

Неудачно в течение нескольких месяцев испробовав разные способы заставить меня снять с «Русского Знамени» подзаголовок, Главный Совет решил выпустить свой новый «Вестник» как еженедельный орган и объявил «Русское Знамя» несоюзной газетой. Еженедельный Вестник может прекратиться, например, за неимением средств, и тогда Союзу можно будет предложить «Земщину», а на ней перевоспитать и весь Союз по новой программе, хотя бы в смысле правой Думы, которая бы вносила законопроекты, касающиеся основных законов без воли на то Самодержца; такая попытка ведь была сделана при рассмотрении в Думе законопроекта о Финляндии.

Уклонение от печатания «Земщины» в отечественной типографии, казавшееся странным, теперь уже не нуждается в догадках и предположениях.

При возникновении «Земщины», как видите, между мной и членами Совета из фракции правых существовали вполне хорошие отношения. Отношения эти сохранились и по настоящее время со значительным большинством думцев, а с некоторыми приняли характер искренней дружбы; исключение составляют только Володимеров и Марков, которым я ничем не подавал повода к неудовольствиям. Направленные явно против меня выступления их обозначились осенью во время моего отсутствия из Петербурга.

Соколов, не один раз высказывавший мне сочувствие, чуть ли не ежедневно навещавший меня во время болезни и даже помогавший мне встать с постели, одеться, доехать до вокзала и устроиться удобно в вагоне при моем отъезде из Петербурга, осенью по каким-то побуждениям присоединился к Маркову.

«Земщина» с появления на свет держала себя крайне осторожно; из совершенно единомышленной и сочувствующей она полегоньку принимала другой тон и между строк постепенно начала проводить конституционные начала, мед-

ленно отравляя читателей-союзников минимальными дозами страшного яда. До последнего времени она все надеялась заменить «Русское Знамя», и вот теперь, когда надежды рухнули окончательно, когда все увидели, как дорога союзникам их газета, «Земщина» перестала сдерживаться, оскалила зубы и чуть ли не в каждом номере пытается укусить «Русское Знамя» и весь Союз в лице его членов.

«Нынешнему составу Гл<авного> Совета много пришлось поработать над исправлением вредных последствий (Е. А. Полубояриновой) деятельности.

Когда осенью 1909 г. съехались в Петербург члены Госуд<арственной> Думы и Госуд<арственного> Совета, принадлежавшие к С<оюзу> Р<усского> Н<арода>, то на совещании с немногими еще уцелевшими членами Главного Совета было решено спасти явно брошенное на произвол судьбы дело С<оюза> Р<усского> Н<арода> и во что бы то ни стало образовать Главный Совет в таком составе, чтобы он мог вести дело Союза так, как предписано Уставом, т. е. вполне самостоятельно и твердо.»

(«Вест<ник>» обн<овленного> Гл<авного> Сов<ета>).

Много ли работал нынешний состав Главного Совета, распространяться не приходится. «Русское Знамя» уже достаточно осветило деятельность обновленного Совета: работы положительной – ни в чем, отрицательной же – через край. Если работа обновленного Главного Совета продолжится в том же роде, то можно с уверенностью сказать, что вскоре окажутся далеко нежелательные последствия. Для наглядности правильно высказанного положения брошу два-три штриха для представления о том, что делается в Глав<ном> Совете.

Во вторник, 15 июня[34], было назначено заседание Совета, на которое пришли два члена, Соколов и Баранов, и один кандидат, Покровский. Посидели до 11 часов вечера и разошлись. А дело? – Не медведь, в лес не уйдет! Во вторник, 22 июня, заседание Совета по болезни графа Коновницына – в его квар-

тире. Явились: три члена Сов<ета>, Соколов, Баранов и Верещагин, и два кандидата – Трегубов и Покровский. Несмотря *на незаконное* число (смотри Устав) постановлено считать заседание состоявшимся, и его решения занести в протокол.

На протест Покровского о незаконности заседания г. Соколов привел свой веский аргумент за заседание: «Пустое, – если кто вздумает опротестовывать постановления настоящего заседания, тогда мы его утвердим в следующем – законном – заседании». Основательно и довольно убедительно!

Одним словом, *законность*. На этом же заседании мы получили еще второй пример законности и порядка. Картина недурная. Новый «Вестник» вопит, что при старом составе Совета не было точной денежной отчетности, что мною уже достаточно пояснено. Ну а теперь при обновленном Совете? – Кассой и составлением отчетных ведомостей заведует сторож Прохор (нужно отдать справедливость, человек честный и грамотный), он же и бухгалтер; кстати – обязанности председательствующего часто выполняет сторож Морозов (в высшей степени порядочный человек, тоже грамотный); он часто принимает посетителей. Беседует с ними о делах, дает им указания и справки, рассылает по отделам литературу – остатки переданного мною издательского комитета – и вообще исполняет текущие дела.

Для ревизии избрана ревизионная комиссия, которая с нового года ни разу не дала знать о своем существовании. Значит, проверки отчетности никакой. Вот – образцовый порядок, который обещал зато громко и самоуверенно Главный Совет. Как же быть? На незаконном заседании Совета 22-го июня порешили: трем членам Совета – Соколову и иже с ним – просмотреть отчетность и на слово предложить подписать членам ревизионной комиссии. Просто и закономерно. В заседании участвовали члены прежнего Совета, а где же обновленцы? Загадочная картинка. Да никому из них нет никакого дела ни до Союза, ни до Совета – это декорация, которая была нужна Соколову и хозяевам «Земщины». Пользуясь моим отсутствием из Петербурга по болезни, они сумели обставить

все как надо. Будучи в Ялте, я получал сообщения о всем, что творилось; вот, напр., выписка из имеющихся у меня писем: «Вам следовало бы поспешить приездом в Питер. Начинается такое дело, которое грозит громадной опасностью Союзу и Вам. Умоляю: поспешите! Ваш Г. Н.» (письма сохраняю). Из письма А. Т. С. из Казани: «Был в Петербурге, предполагая видеть Вас и переговорить о русском деле. Впечатление вынес самое тяжелое; некоторые из тех, кого видел, мне показались сомнительными, имеющими другие цели. Единства нет; доверия мало. Вижу только, что начат поход против Вас. Думаю, что Вы выясните мне, что предпринять на месте для укрепления Союзов вообще. Вопрос, что нам нужно делать сейчас, не интересовал Ваш Совет. Ваших членов Совета интересует больше захват дел Союза в свои руки, в чем я убедился из хода заседания, крайне печального и возмутительного, какого я бы никогда не допустил у себя в Казани. Верю только Вам и А. И. Соболевскому; остальных не знаю или сомневаюсь. Да поможет Вам Господь упорядочить дело Союза и очистить от людей, чего-то чающих для себя лично и людей, подкапывающихся под Союз для его разрушения. Простите – со стороны мне виднее». Другой абзац из того же письма: «Я в вашем петербургском заседании сказал, что не время теперь заниматься изменением Устава и толкованием об издании газеты» (Казань, 1 декабря 1909 года).

Не достаточно ли убедительно говорят сторонние, приезжие, что поход против меня и «Русского Знамени» был предпринят во время моего отсутствия из Петербурга, и что причины моего ухода мною изложены верно, а не так, как повествует *ложно* нов<ый> «Вестн<ик>» обновленного Совета.

Чем же сейчас живет и дышит Главный Совет? Есть ли у него денежные средства и откуда? Деньги есть. Ведь он издает свой «Вестник», который рассылает по 20 тыс. экземпляров бесплатно; он имеет своих уполномоченных по всей России, что стоит многих тысяч. А откуда деньги, и поступают ли они на приход по книгам, что неукоснительно обещал союзникам Главный Совет, об этом потом, а теперь еще не имею доста-

точно материала… А вот на съезд у Главного Совета нет денег. Не лучше ли было бы употребить на съезд те деньги, которые розданы уполномоченным пакостникам. Этих денег на съезд хватило бы с излишком.

Интересно, как сложился настоящий состав Главного Совета, его кандидатов и членов-учредителей?

Сговорившись с двумя-тремя, г. Соколов приступил к работе по обновлению Совета.

Спешность была объяснена назревшей необходимостью пополнения состава, иначе администрация закроет Союз (наивное, детское объяснение для детей младшего возраста). Согласно с Уставом, должны были выйти из состава Совета три старейших члена. Этим обстоятельством воспользовались г. обновители и применили для выбывающих жеребьевку. Этот способ был применен вполне неправильно; как увидите, к нему прибегли в надежде отделаться хотя от одного из членов Совета, искренне расположенных к Дубровину.

В Уставе сказано: *через три года* по очереди выбывают по три члена. Если бы состав Совета с возникновения Союза был один и тот же, то, конечно, при первом исключении из списков трех членов нужно было бы применить жеребьевку. В данном же случае в составе Совета последовало громадное изменение – из первоначально вступивших в Совет осталось только трое: Баранов, Верещагин и Соколов (я, четвертый, отсутствующий, жеребьевке не подвергался, но, Боже, как бы хотели этого гг. обновители! – по справедливости же я должен был жеребьеваться). Трое должны были выбыть; все они были налицо и все были сторонниками затеявших комедию; следовательно, оставалось бы только соблюсти формальность переизбрания и выбывших снова ввести в Совет. Вот почему и применили жеребьевку, которой *незаконно* подвергли членов, поступивших позднее и пробывших в составе Совета *менее трех лет*. Жребий пал на Мамчича[35], Соколова и Баранова.

Соколов и Баранов тотчас же были переизбраны и возвратились в *обновленный* Совет. Мамчич же, зная заранее, что его забаллотируют, отказался от переизбрания. Таким обра-

зом, цель была достигнута; жеребьевка дала возможность отделаться хотя от одного дубровинца. Е. А. Мамчич – это человек высокой честности и прямоты – незаконно примененной жеребьевкой был удален из Совета; (ниже я привожу копию с заявления Мамчича Главному Совету); освободилась лишняя вакансия для избрания своего, для составления большинства. Обойденному Мамчичу позолотили пилюлю избранием в почетные члены-учредители, но он от этой чести отказался. Приступили к избранию недостающих членов: избрали академика А. И. Соболевского, Римского-Корсакова, Говорухо-Отрока[36]. Нарочно остановились на именах, чтобы их блеском прикрыть убожество Главного Совета. Историю с А. И. Соболевским рассказывать не буду, она и без того всем известна.

Дополнили список кандидатов графом Гендриковым[37], А. А. Тихомировым и членом Думы от курян А. П. Вишневским. Дошла очередь до учредителей. По уставу Совета их состав пополняется почетными членами, а таковых у нас налицо не имелось за исключением княгини А. И. Абамелек, но и тут тормоз: женщины по Уставу учредительницами быть не могут[*].

Для виду поговорили, посовещались и – ну стряпать почетных членов; выбирают сами себя и друг друга, своих курских и других безгласных, не забывают и громкие имена. Пересматривая список, я встретил несколько совершенно незнакомых мне фамилий: чем они, согласно с Уставом, заслужили избрание в почетные члены, да еще с правами учредителей? В этом же списке встречается имя учредителя Национального Союза[38] и клуба[39]; не за эту ли заслугу перед Союзом он и почтен званием почетного члена нашего Союза, да еще с правами учредителя?..

Предварительного списка избираемых с обозначением прав на избрание составлено не было. По избрании в почетные члены никто не спросил избранных о согласии их на принятие этого звания, а прямо зачислили избранников в списки

* И. А. Думбадзе, как почетный член, почему-то забыт Главным Советом и в учредители избранием не удостоен.

учредителей. Получилось, что все члены Совета, кандидаты и учредители, за исключением настоящих, еще оставшихся учредителей, – явились почетными членами. Звания же почетных членов не получили только действительные учредители, напр., В. Ф. Борисов и др., которые несомненно более всех других имеют право на почетное звание. Но зато посмотрите списки, напечатанные во втором номере нового «Вестника»: сколько блеску, сколько почетных имен! Представьте себе, напр., Главный Совет – почти все почетные члены-учредители… Невольно бросаются в глаза имена из Курска – они и в Главном Совете, и в кандидатах, и все до последнего – почетные члены-учредители[40].

Будем надеяться, что Глав<ный> Совет запоет так же прекрасно, как поют курские соловьи. Одно, кажется, как будто маленько неладно – многие из вновь избранных членов-учредителей не только не принимали участия в заседаниях, но ни разу не показывались в Совете; есть такие, которых не удостоились в Совете хотя бы раз лицезреть.

Нов<ый> «Вестник», расхваливая свой товар, поясняет, что теперь в состав Совета вошли члены со всей России, и что, таким образом, установилось тесное единение со всеми отделами и осведомленность с мест. Неужели гг. куряне, преимущественно введенные в списки обновленческими выборами, представляют всю Россию?! Неужели мертвая зыбь, в которую попал Глав<ный> Сов<ет> вследствие разъезда по домам своих членов и их непосещения вовсе Главного Совета, может давать хотя отдаленную надежду на нечто творческое для Союза?!

Заключение из всего изложенного напрашивается само собой. Выборы были неправильны, незаконны; сыграна заранее условленная комедия, припутаны известные имена для виду, и остался тот же прежний совет, из членов которого по старому выделился один *кое-как*, который и взял все в свои руки. С одной стороны, «Земщина» и обновленный Совет, а с другой – я и «Русское Знамя»; против меня искусно, незаконно, по-парламентски составленное большинство Главного Совета; против «Русского Знамени» – «Земщина», и ей в помощь но-

вый «Вестник». Задание: мое имя попытаться сохранить для Союза, но из меня сделать безгласный манекен, если же этого не удастся, то сыграть на характере и вынудить меня уйти из председателей. Попытки эти уже не первые, как явствует из ранее изложенного. Чтобы обеспечить себе успех, в роли вышибалы выдвинули графа Э. И. Коновницына. Перед моим приездом в Петербург избрали его в члены Совета и товарищи председателя, для чего св<ященник> о<тец> Машкевич[41] уступил ему свое место члена Совета. Предлогом для выбора Коновницына выставили необходимость в товарище председателя, на место которого никто из членов Совета не шел. Соколов же в это время решительно отказывался от заведования делами Союза. Как только Коновницын был избран, А. А. Римский-Корсаков согласился взять на себя дела по Совету и канцелярии. Для чего же нужен был Коновницын, и почему *не ему*, как товарищу председателя, надлежало взять на себя управление по Совету и его канцелярии?! Роль его мною была выяснена при объяснении причины моего ухода; здесь же я еще раз коснулся этого вопроса, чтобы немного поднять завесу и показать, откуда и как все было подготовлено. С моим уходом задача не была выполнена до конца; конец фарса разыграли с «Русским Знаменем». Выпуск же нового «Вестника» и посылка уполномоченных сняли маску с действующих лиц, имена которых называть нет надобности, – они так рельефно выступают на фоне, что видны даже слепым…

Новый «Вестник» так продолжает свое необходимое разъяснение с наивностью, доходящею до глупости:

«В декабре вернулся в Петербург А. И. Дубровин и вскоре объявил Главному Совету войну.

Так, в своем обращении к союзникам (№ 287 “Р<усского> З<намени>” от 25 дек<абря> 1909 г.) по случаю праздника Рожд<ества> Христ<ова> А. И. Дубровин заявил, что он совсем здоров и готов работать по-прежнему, а в то же время в Гл<авном> Совете уже лежало заявление об уходе его из Совета. В этом же обращении он напоминает союзникам о

будто бы существующем постановлении Съезда, по которому ни один циркуляр не может быть выпущен без подписи его, Дубровина.

В № 4 “Р<усского> З<намени>” <за> 1910 г. появилась публикация, которая, несмотря на протесты Гл<авного> Совета, повторялась вплоть до № 47, т.е. до конца февраля. “Редактор-издатель вестника С<оюза> Р<усского> Н<арода> “Р<усское> З<намя>” А. И. Дубровин покорнейше просит *по всем делам* пользоваться *только двумя адресами*: С<анкт>-П<етер>б<ург>, Шпалерная, 26, редакция “Р<усского> Зн<амени>”, или же 5-я рота, д. 5, А. И. Дубровину”. Двусмысленность этого объявления вынудила Г<лавный> Совет озаботиться, чтобы адресуемая в Совет корреспонденция направлялась именно в Гл<авный> Совет, а не куда-либо еще, а тем более не пропадала бы вовсе. Для этого мы настойчиво просили А. И. Дубровина исправить свое объявление в необходимом для устранения беспорядка смысле. После долгих препирательств наконец-таки удалось добиться от А. И. Дубровина помещения особого объявления о перемене Гл<авным> Советом адреса. Но объявление это было помещено в “Русском Знамени” всего два или три раза, тогда как первое, путающее корреспондентов, объявление печаталось почти ежедневно в течение долгого времени.

В результате Гл<авный> Совет и теперь еще получает письма, адресованные ему в 5-ю роту Измайловского полка и опаздывающие на целые месяцы. Многие письма и совсем не доходят до Гл<авного> Совета. Отделы С<оюза> Р<усского> Н<арода>, естественно, жалуются на то, что Главный Совет им не отвечает по месяцам. А “Русское Знамя” неукоснительно эти жалобы печатает и всю вину валит на Главный Совет».

(Нов<ый> «Вест<ник>» Обнов<ленного> Сов<ета>).

Скажите, дорогой читатель, что это, как не художество гимназиста не выше 3-го класса?!

Возвратившись в Петербург, я тотчас повел бой с Главным Советом – бой несомненный, жестокий, беспощадный.

1) Я осмелился в «Русском Знамени» заявить союзникам, что я здоров и могу работать. 2) Я напомнил союзникам о постановлении Московского съезда 1907 г.[42], утвержденном Глав<ным> Сов<етом>. 3) Я опубликовывал для сведения корреспондентов адрес редакции и мой редакторский. Вот те ужасные орудия, которые я употребил в борьбе с Главным Советом.

Все эти великие благоглупости нов<ого> «Вест<ника>» потребовали для пикантности немало явной лжи и пустомельства.

Я уже упоминал раньше, что, читая главносоветские мудрословия, не могу отделаться от мысли о Гоголе. Разве перед нами не сцена Ивана Никифоровича с Иваном Ивановичем?

Господа почтенные обновленцы, извините меня, но я не согласен изображать ни роли Ивана Ивановича, ни роли Ивана Никифоровича; охотно предоставляя эти роли вам, мои друзья, прошу вас напредки, бросая мне в лицо такое серьезное обвинение, как объявление войны, хоть немножко быть поумнее и посерьезнее, как прилично взрослым людям, – нельзя же вечно быть школьниками. Для восстановления истины укажу, сколько нов<ый> «Вест<ник>» припутал лжи в расчете, что кто-нибудь да останется и набросит на меня хоть малую тень, а наивный читатель сразу не разберет и воспылает справедливым негодованием против насильника. Обращение мое к союзникам было помещено в «Русском Знамени» 25 декабря[43], не после моего выхода из председателей, а значительно раньше. Из председателей я вышел в январе, в январе же подал в Совет и свое заявление о выходе. Постановление Москов<ского>съезда 1907 года, утвержденное Главным Советом, о чем неоднократно упоминал сам же Главный Совет, обновленный «Вестник» обзывает «будто бы существующим», т.е. несуществующим. Где правда Главного совета: постановление то не существует, то Главный Совет пишет целый трактат, как его надлежит правильно понимать.

По возвращении в Петербург с 25 декабря я снова принял на себя редактирование «Русс<кого> Знам<ени>» и в этот же

день поместил объявление с указанием адреса сотрудникам и корреспондентам:

«Редактор-издатель вестника Союза Русского Народа "Русское Знамя" А. И. Дубровин покорнейше просит по всем делам пользоваться только двумя адресами: С.- Петербург, Шпалерная, 26, редакция "Русского Знамени", или же: 5-я рота, д. № 5, А. И. Дубровину».

В чем видит Главный Совет двусмысленность точно обозначенных адресов, моему пониманию недоступно; ни об каком исправлении адресов меня Главный Совет не просил; просил же меня А. А. Римский-Корсаков об опубликовании нового адреса Главного Совета, на что я ему ответил: пришлите объявление, и я его помещу, что и сделал.

Глав<ный> Совет переехал 20 дек<абря> прошлого года; объявление об этом было уже напечатано 22 дек<абря>, печаталось сначала подряд (См. "Р<усское> З<намя>" с 22 дек<абря> №№ 284, <28>5, <28>6, <28>7, <28>8, 290; с января 1910 <г.> №№ 2, 3, 7).

Вот и самое объявление:

«Главный Совет Союза Русского Народа объявляет, что с 20 текущего декабря он переехал в новое помещение – Басков переул<ок>, дом № 3, кв. 2. Во избежание возможности промедления в доставке корреспонденции Главный Совет просит направлять ее по указанному адресу на имя Главного Совета».

По приведенным числам видно, что мое объяснение более позднего происхождения, чем главносоветское; если бы основываться на объяснениях Главного Совета и на основании их делать свои выводы, то мне бы надлежало обвинить Глав<ный> Сов<ет> в объявлении мне войны; мне бы нужно поднять шум: «Господа! Главный Совет поместил в "Р<усском> З<намени>" объявление о перемене адреса. Караул! Война! Поддержите, защитите!» Не глупо ли до пошлости?!

Сколько раз печатать объявление, не было указано; ведь не до Второго же Пришествия! Главный Сов<ет> пять лет находился в 4-й роте; немудрено, что и до сих пор туда адресуют корреспонденции Главному Совету. В чем же тут моя вина? Не могу допустить, чтобы одни и те же почтальоны, доставляющие корреспонденцию в 4-ю роту, были так глупы, чтобы полгода изо дня в день носили корреспонденцию в учреждение, давно переменившее свое помещение.

Насколько враждебно я относился к Главному Совету, с ним воевал и тормозил его дела, указывают следующие не требующие пояснения два объявления в «Рус<ском> Зн<амени>»:

«От редакции.

При высылке денег почтою в кассу Главного Совета (Басков пер., д. 3, кв. 2) или в контору редакции “Русского Знамени” (Шпалерная, 26) просим точно обозначать в переводном бланке или конверте: адрес, на какой предмет и в какую кассу они назначаются, в кассу ли Главного Совета или же в кассу редакции газеты “Русское Знамя”.

А. И. Дубровин просит все денежные корреспонденции, не относящиеся к нему лично, направлять по следующим двум адресам: денежные корреспонденции по “Русскому Знамени” – контора редакции газеты “Русское Знамя”, Шпалерная ул., д. № 26, для Главного же Совета Союза Русского Народа – Басков пер., д. № 3».

Не ясно ли из этих объявлений мое доброжелательное отношение к Главному Совету?

Обновленческий «Вестник» продолжает:

«Еще с 1907 года было установлено Главным Советом соглашение с редакцией <газеты> “Русское Знамя” о том, чтобы все бумаги, документы, объявления и даже официальные корреспонденции отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, подлежащие опубликованию, печатались в “Р<усском> Зн<амени>”

лишь по рассмотрении их должностными лицами Гл<авного> Совета, который лишь один, имея все необходимые сведения, может судить о подлинности и законности опубликовываемых документов. Таким порядком, введенным уже несколько лет тому назад, Гл<авный> Совет предотвращал появление в "Р<усском> Зн<амени>" не соответствующих целям и задачам С<оюза> Р<усского> Н<арода> официальных выступлений отдельных союзных организаций или личных выступлений членов отделов. Никаких жалоб или протестов против такого порядка не было.

С января с.г. А. И. Дубровин стал печатать бумаги отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, не присылая их для просмотра в Главный Совет.

После случая с Путиловским отделом, напечатавшим в "Р<усском> З<намени>" незаконное объявление об устройстве этим отделом *общего собрания всех Петербургских отделов*, тогда как по Уставу каждый отдел имеет право устраивать общее собрание *лишь своих членов*, – случая, вызвавшего запрещение собрания полицией, – Главный Совет вынужден был напомнить А. И. Дубровину о необходимости соблюдать установленный для печатания объявлений порядок. А. И. Дубровин печатно обратился к Союзу с заявлением, что, хотя он и подчиняется этому распоряжению обновленного Гл<авного> Совета, но не может не видеть в этом распоряжении попрания прав отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>.

В действительности же г. Дубровин не пожелал дать действовавшие с 1907 года правила и продолжал печатать присылаемые из отделов в редакцию бумаги без просмотра их должностными лицами Гл<авного> Совета.

В многочисленных письменных заявлениях своих А. И. Дубровин просил Главный Совет делать ему указания относительно ведения и направления "Р<усского> Зн<амени>". Когда же Гл<авный> Совет пытался высказывать по сему поводу какие-либо свои соображения, то он заявлял себя полным хозяином газеты и указал на неприличие вмешательства Г<лавного> Совета в дела редакции "Р<усского> Зн<амени>".

“Русск<ое> Зн<амя>”, хоть и продолжает именоваться “вестником С<оюза> Р<усского> Н<арода>”, но в сущности превратилось в личный орган А. И. Дубровина, находящегося в тяжелой денежной зависимости от г-жи Полубояриновой, женщины хотя и богатой, но недостаточно образованной и подверженной влияниям, иногда явно вредным для С<оюза> Р<усского> Н<арода>, как это доказал глубоко печальный случай с изгнанием в ссылку первоучредители С<оюза> Р<усского> Н<арода> достопочтенного игумена Арсения[44].

Целый ряд постановлений Гл<авного> Совета А. И. Дубровин отказался печатать в своей газете, а если некоторые и печатал, то с такими враждебными Главному Совету и существенно неверными собственными примечаниями, что лучше бы он их совсем не печатал.

Помещая в течение пяти месяцев враждебные Гл<авному> Совету выступления как отдельных лиц, так и отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, г. Дубровин завершил начатую им кампанию призывом к Союзу Р<усского> Н<арода> считать циркуляры Главного Совета недействительными, раз на них не имеется подписи его, А. И. Дубровина. Этот свой призыв Союза к публичному нарушению основных статей Устава С<оюза> Р<усского> Н<арода> он обосновал на существенно неверной передаче утвержденного в 1907 г. Гл<авным> Советом постановления Московского Съезда».

С какой редакцией Главный Совет установил соглашение, мне неизвестно. С того же времени, как я редактирую «Русское Знамя», никакого соглашения не было, да и быть не могло. Главный Совет, как я уже неоднократно упоминал, мало интересовался делами, и большинство членов его совершенно не были осведомлены о том, что делается в Союзе. Если текущие дела не рассматривались Советом и могли бы оказаться нерассмотренными в архиве, если бы не личный труд и заботы председателя, то что же говорить еще об лишней работе по предварительному редактированию статей для печати. Да, кроме того, весь материал, поступавший в Главный Совет и

предназначаемый для «Рус<ского> Зн<амени>», проходил через мои же руки.

Не абсурд ли выходит: один и тот же материал я должен был перечитывать в Главном Совете как председатель, а в редакции как редактор. До какой ненависти договаривается нов<ый> «Вест<ник>», желая неправду выдать за истину.

«Вестник» обновленцев упоминает далее о случае с Путиловским отделом, по обыкновению, неопределенно, и только по дальнейшему изложению видно, что дело идет о собрании Путиловского отдела 24 января настоящего года.

Кроме неопределенности, тут и увертки, и замалчивания. «Случай, вызвавший запрещение собрания полицией», – всякий читающий поймет, как и надлежит понимать: запретила полиция. На самом же деле полиция исполнила только старание Главного Совета. *Главный Совет запретил через полицию.* Это первый случай призыва полиции в Союз против своих же; не буду оценивать его по достоинству. Главный Совет, несмотря на неоднократное требование разъяснить этот печальный факт, хотя бы на страницах «Русского Знамени», до сих пор этого не сделал.

Полицмейстер г. Григорьев заявил союзникам, что собрание не допускается полицией по требованию Главного Совета, а Главный Совет отрицает это, сваливая свою вину на полицию, как действовавшую по своему почину. Где же правда, господа обновленцы! И кто по этому поводу обращался в градоначальство по телефону?

Совет не напоминал мне о нарушении его права предварительного контроля «Рус<ского> Зн<амени>», а просто прислал для напечатания свое постановление; вот оно:

«В редакцию газеты “Русское Знамя”.

Согласно постановлению Главного Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода>, прошу редакцию газеты не печатать тех объявлений местных (С.-Петербурга) отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, на которых не будет разрушительной подписи одного из должностных лиц Главного Совета.

И<сполняющий> об<язанности> председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. Римский-Корсаков».

Постановление было принято на заседании Совета, только что происходившем 26-го января. Оно было тотчас же напечатано в «Русском Знамени» в № 25-м с добавлением от редакции:

«Редакция “Русск<ого> Знам<ени>” уведомляет отделы С<оюза> Р<усского> Н<арода> г. С.-Петербурга, что с 1-го числа она последует предписанию Главн<ого> Совета».

Где же тут противодействие Главному Совету?

Как почетный председатель, я в постановлении Главного Совета усмотрел явную несправедливость к столичным отделам, о чем и послал Главному Совету свое мнение.

А вот и ответ:

«Товарищ председателя Главного Совета Союза Русского Народа. С.-Петербург. 12 февраля, 1910 г., № 93.

Редактору-издателю газеты “Русск<ое> Знамя” А. И. Дубровину.

В устранение недоразумений, возникающих при исполнении постановления Главного Совета *от 26 января* с.г. о порядке печатания в “Русском Знамени” объявлений отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, вызванных не вполне точным сообщением редакции существа означенного постановления, имею честь сообщить вам, милостивый государь, что этим постановлением признано необходимым просить редакцию “Русского Знамени” помещать в газете лишь те объявления от отделов Союза, на которых будет соответствующая подпись одного из должностных лиц Главного Совета; таким образом, вестник С<оюза> Р<усского> Н<арода> “Русское Знамя” явится точным выразителем желаний Союза Русского Народа, отделы которого подчиняются Главному Совету по всем делам, имеющим общегосударственное значение, а в делах, имеющих местное значение, во всяком случае сносятся с

Главным советом. Практическое осуществление приведенного постановления Главного Совета, по-видимому, могло бы состояться без ущерба для дела так, что все объявления отделов, поступающие в редакцию предварительно печатания, препровождались бы Главному Совету, откуда и возвращались бы с соответствующей надписью.

И<сполняющий> об<язанности> председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. Римский-Корсаков».

Получив сие, нечто невообразимое по изложению и бессмыслию, я диву дался. Что же это? При всем делании не могу критически разбирать это произведение, – творческое несомненное!

Простые объявления и общегосударственное их значение! Обязательный просмотр их чуть ли не ареопагом государственных умов? Нет, не могу дольше останавливать внимание читателя на этих потугах сказать что-то особенное, важное, «общегосударственного значения».

Объявления отделов конторой редакции отдавались прямо в печать; такими пустяками, как их просмотр, и не думали отрывать редактора от дела.

Выйдя из Главного Совета и зная его цель во что бы то ни стало отыскивать возможность придирок к «Русскому Знамени», чтобы его извести, я вел себя крайне осторожно и сдержанно в отношении Главного Совета: все получаемое из Главного Совета печаталось без малейшей задержки и на видном месте. Корреспонденции, могущие не понравиться Главному Совету, без всякого обязательства, по собственной воле посылал в Главный Совет для его заключительного мнения; например, статью из Воронежа г. Пантелеевского[45] я тотчас же с запросом препроводил в Главный Совет и, получив отрицательный ответ, не напечатал ее.

Привожу ответ полностью:

«Главный Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода>. С.-Петербург. 18 февраля 1910 г. № 134.

Г. редактору-издателю вестника Союза Русского Народа “Русского Знамени” Александру Ивановичу Дубровину.

Главный Совет, заслушав возбуждаемый вами вопрос о печатании лишь тех объявлений отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, на коих имеется соответствующая надпись одного из должностных лиц Главного Совета, уведомляет Вас, что сообщением от 12 февраля за № 93 Главный Совет разъяснил, что изложенное правило применимо не к одним только С.-Петербургским столичным отделам, а вообще ко всем отделам С<оюза> Р<усского> Н<арода>, желающим пользоваться «Русским Знаменем» как вестником Союза Русского Народа. Особые отношения Союза к названной газете именно как к вестнику или органу Союза делают Главный Совет ответственным за все, в этой газете печатаемое, почему, естественно, и создается необходимость соответствующего контроля. За посторонние Союзу газеты Главный Совет не отвечает, и сравнивать эти газеты с “Русским Знаменем” в этом отношении невозможно. В частности, по отношению к статье члена-учредителя и почетного члена Воронежского отдела Главный Совет находит, что автор статьи этой полемизирует с Главным Советом по поводу исключения Катанского, каковая полемика, сама по себе нарушающая партийную дисциплину, не может быть допущена на страницах «Русского Знамени», пока эта газета является вестником Союза Русского Народа.

И<сполняющий> об<язанности> председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. Римский-Корсаков.

За секретаря А. Кудинович».

По отношению к Главному Совету я обязал себя полнейшей сдержанностью и терпением, ни в чем не давал ему возможности и повода ко мне придраться.

Чтобы не быть голословным, привожу выдержку из новогоднего обращения Главного Совета к союзникам:

«Главный Совет, служа общему делу на защиту единой святой Веры Православной, единого Самодержавного Царя и

блага Родины, наряду с распространением путем издательства основных наших взглядов, сделает все возможное для развития экономической стороны союзной деятельности и, сберегая каждую союзную копейку, с обновленными силами надеется улучшить прежний порядок для строгой отчетности в будущем, а для всестороннего обсуждения нужд союзников предполагает не позже Св<ятой> Пасхи созвать 5-й Всероссийский Съезд Союза Русского Народа и родственных ему монархических организаций».

Главный Совет в обновленном виде состоял из 9 старых членов и 3-х новых. В своем обращении к союзникам, очевидно, он своим порицанием прежних порядков ударить хотел по мне, – не себя же обвинял; я это прекрасно понимал и мог бы не напечатать воззвания. Я его полностью напечатал и не попытался даже снабдить его своим примечанием. Удар был злобный, рассчитанный. Помещавшие его знали мою чуткость к вопросам денежным; они знали, что для меня обиднее и невыносимее всего малейшая тень с этой стороны. Всем известно, что я немало потратил на Союз личных средств. В эту-то ахиллесову пяту и был нанесен удар, чтобы вызвать меня и иметь повод мой протест истолковать моей враждебностью к Совету.

Гвоздь воззвания: «Сберегая каждую союзную копейку с обновленными силами, (Главный Совет) надеется улучшить прежний порядок для строгой отчетности в будущем» (я выше уже указывал на новый порядок и строгую отчетность). При мне, выходит, не береглась каждая копейка, и я виноват в нестрогой отчетности; спасибо и за то, что не обвинили в присвоении. Эта неудавшаяся попытка не остановила Главного Совета. Использовать попытались новый случай, и на этот раз вышло более удачно; я не выдержал и дал свое дополнительное разъяснение. Читайте темное опровержение о темных деньгах:

«Главный Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода> в заседании 6 апреля, рассмотрев отчет о приходе и расходе

сумм Главного Совета за январь, февраль и март месяцы 1910 года, а также такой же отчет за истекший год, постановил отчет за указанные месяцы признать правильным и единогласно удостоверить, что при новом обновленном составе Главного Совета никаких темных денег в кассу Совета не поступало*.

С подлинным верно, и. д. секретаря Глав<ного> Совета А. Кудинович».

Получив такое серьезное по содержанию опровержение за подписью мальчика-студента Кудиновича и ознакомившись с его содержанием, я тотчас же по телефону обратился к А. А. Римскому-Корсакову (свидетели весь наличный персонал редакции). Удостоверившись в подлинности опровержения, я указал ему на допущенную в опровержении грубую и недостойную выходку, направленную, несомненно, против меня, прося исправить редакцию. А. А. Римский-Корсаков повышенным тоном мне ответил, чтобы я печатал так, как есть, что изменений редакции он не сделает. «Тогда я дам свое дополнение», – ответил я. «Делайте, что хотите, а я остаюсь при своем», – возразил А. А. «Прекрасно, – добавил я, –я долго сдерживался, но ведь всему есть конец; теперь, извините заранее, я отмалчиваться больше не буду». Разговор прекратился. Поместив опровержение на 1-й странице, я сделал свое необходимое дополнение:

«К постановлению Главного Совета заявляю, что, как известно, новому, обновленному составу Главного Совета за время моего управления Главным Советом никаких “темных денег” в Совет не поступало, что видно по книгам Совета. Совет имел существенную поддержку от своего же члена Елены Адриановны Полубояриновой, которая дает возмож-

* Это постановление вызвало справедливое негодование и запрос Главному Совету Н. Тихановича-Савицкого (См. ниже). Г. Соколов в частном письме все происшедшее объяснил неудачной редакцией – нагло соврал, что видно из нижеследующего.

ность существовать и газете “Русское Знамя”, добавляя недостающие на издание средства.

Прошу все газеты перепечатать.

Поч<етный> пред<седатель> Союза
Рус<ского> Народа Дубровин

Примечание. Новый, обновленный состав Гл<авного> Совета: Римский-Корсаков, Говорухо-Отрок, Марков, Соболевский, Полубояринова, Коновницын, Соколов, Баранов, Машкевич, Тимошкин[46], Верещагин, Надеждин. Из них *вновь* вошедшие: Римский-Корсаков, Говорухо-Отрок и Соболевский. Остальные – целиком представляют собою состав *старого* Совета. Из трех вновь вошедших, – Соболевский вышел из Совета; таким образом, обновление Главного Совета выразилось вступлением в состав старого совета двух новых лиц. Вместо выбывшего Соболевского в обновленный состав Гл<авного> Совета был избран старый член Совета и тов<арищ> председателя А. А. Майков (вероятно, для дальнейшего обновления Совета), но, как нам известно от самого А. А. Майкова, – он отказался от оказанной ему чести состоять членом обновленного Совета.

Обновленный строй – обновленный Совет! – similia–similibus[47]…

Д<убровин>».

И, о Боже, какая поднялась буря!

Как смел я вступить в полемику с Главным Советом, – с самим Главным Советом! Немедленно получаю грозное предписание Главного Совета:

«Милостивый Государь Александр Иванович!

Во исполнение постановления Главного Совета прошу Вас, как редактора-издателя газеты “Русское Знамя”, сделать распоряжение по редакции, дабы впредь в ней не появлялись выступления полемического по отношению к Главному Совету характера со стороны редакции.

Главный Совет находит недопустимым, что в вестнике Союза – печатающем постановления Главного Совета, рядом с этими постановлениями помещаются излишние комментарии редакции, критикующие эти постановления, как это было допущено в № 79 “Русского Знамени” от четверга 8 апреля 1910 года (10 апр<еля>, № 357).

Товарищ председателя Главного Совета Союза Русского Народа граф Эммануил Коновницын.

За секретаря Кудинович.

Прим<ечание> ред<акции>. Редакция имеет честь просить Гл<авный> Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода> не отказать почтить уведомлением, на каком заседании Гл<авного> Совета и в каком составе такового состоялось постановление за № 357, так как на повестке заседания 9 апреля вопрос о полемических выступлениях “Русского Знамени” не значился.

Ред.»

На примечание редакции по обыкновенно заведенному неприличию и грубости в отношении меня ответа от Глав<ного> Совета *не последовало.*

А вот и мой ответ на нахальство, допущенное со мной Главным Советом:

«От редакции.

До сих пор “Русское Знамя”, будучи *вестником Союза Русского Народа, не являлось органом Главного Совета*. Тем не менее, остерегаясь всяких выступлений полемического характера, “Русское Знамя”, как известно Главному Совету, не печатало ни одного слова, клонящегося к умалению авторитета Гл<авного> Совета, хотя письма и от провинциальных отделов, и от отдельных лиц поступали в редакцию десятками. Письмо досточтимого профессора А. И. Соболевского, от напечатания которого редакция до сих пор уклонялась, было напечатано в “Русском Народе”[48] – и до сих пор по этому поводу нашей газетой не сказано ни одного слова.

Вышеприведенное отношение за № 357 Главного Совета, претендуя на контролирующее, чтоб не сказать распорядительское, отношение к “Русскому Знамени”, *вестнику Союза Русского Народа*, вместе с тем вызывает газету на скользкий и опасный путь партийной и принципиальной полемики. Честно обслуживая интересы Союза, руководясь *исключительно* проведением в жизнь и защитой интересов Союза не как *партии*, а как всего объединенного Русского Народа, “Русское Знамя”, оставаясь вестником Союза, *подлежащим единственно решающей компетенции Всероссийского Союза Русского Народа в полном его составе*, обслуживает и будет обслуживать интересы Союза, его отделов и Гл<авного> Совета, как одного из органов Союза Р<усского> Н<арода>.

Поэтому, печатая вышеприведенное постановление Главного Совета, редакция вместе с тем имеет честь покорнейше просить высокоуважаемого академика А. И. Соболевского не отказать ответить на постановление Главного Совета, в желаемой мере воспользовавшись для этого столбцами нашей газеты, – а равно – редакция широко открывает свои страницы для всех, – как столичных, так и провинциальных – отделов Союза и всех союзников, признавая за ними безусловное право на “Вестник Союза Русского Народа” для выяснения вопросов, имеющих то или иное отношение к общему родному делу.

Почетный председатель Союза Русского Народа, редактор-издатель вестника Союза Русского Народа “Русского Знамени”
А. И. Дубровин»

Иначе поступить был не в силах – наглость и высокомерие, которые проявлял Главный Совет в ответ за мою сдержанность, перешли всякие границы. Это произошло 11 апреля сего года и послужило поводом Глав<ному> Совету для открытого разрыва. Главный Совет торжествовал; он наконец добился своего, заставил меня публично порвать с ним приличные отношения – развязать ему руки для приведения своего плана в исполнение: вытеснить «Русск<ое> Знамя» из Союза и вместе

с тем лишить и меня связи с дорогим мне Союзом. И, что хорошо, вину можно свалить на меня, и тем *скорее удастся подойти к гибели или разрушению Союза, или, забрав его в свои руки, сделать послушным и повести по новому пути, предначертанному доверителями*. А сколько было мелочных уколов и выступлений? Постановления Главного Совета, напр., печатались раньше в «Земщине» и уже потом поступили в «Русское Знамя», а то и вовсе не поступали, – запрещение полицией собрания Совета и учредителей «Русское Знамя» вынуждено было перепечатать из «Земщины»; копия с адреса, который постановили мне поднести по уходе моем из председателей, на другой же день появилось в «Земщине» и спустя три дня была прислана в «Русское Знамя» с препроводительной бумагой, предлагающей напечатать эту копию.

Сначала печатают адрес в газетах, а потом подносят его мне через сторожа спустя два месяца, завернутый в старую, грязную газетную бумагу. Невольно рождается желание порекомендовать обновленному Совету обзавестись 75-копеечной книжкой, трактующей о том, как невоспитанным людям держать себя прилично.

«Русское Знамя» не зависимо ни от кого и ни в каком отношении. Редактору его не может даже сам Петр Аркадьевич[49] нагнать страху угрозой закрыть «Русское Знамя». Так было поступлено только с «Земщиной».

Я понимаю еще, если бы угрозы Петра Аркадьевича были высказаны к «Русскому Знамени», ведь окрестил же его Н. Е. Марков в Главном Совете *революционной газетой*! Но «Земщина» – этот образец корректности и благорасположения к кому следует, и вдруг, – о ужас: «Перемените тон и даже между строк не смейте высказывать то, что нам не нравится, а то будете закрыты. Знайте, что проходит безнаказанно в хулиганском “Русском Знамени”, вам не позволяется». И «Земщина» стала еще слащавее. «А чтобы им угодить»…, оскалила зубы и неприлично, грубо, по-хулигански укусила не только «Русское Знамя», но и всех союзников, прибавив к их кличке новую: «Знаменитости с пустыми мозгами». Спасибо

вдохновителям и хозяевам «Земщины» гг. Маркову и Володимерову. С присущим русским добродушием мы принимаем новую кличку и по-прежнему останемся гордыми сознанием своей независимости, своей свободы – также исконных качеств Русского Народа.

Е. А. Полубояринова, давая «Рус<скому> Зн<амени>» материальную поддержку, исполняет только обязанности казначея. Как редактор, я – единственный распорядитель, и без меня никто и никакого приказания отдать не может. Если кто-либо за моим отсутствием обращается к Е. А. Полубояриновой за решением какого-либо вопроса, ответ ее один: «У нас есть редактор, обратитесь к нему». Кстати, Е. А. Полубояринову нов<ый> «Вест<ник>» рекомендует женщиной необразованной, неумелой, виновницей полного развала в Союзе. Не угодно ли ознакомиться с выдержками из письма к ней управлявшего Союзом *кое-как* члена Совета В. П. Соколова – кое-кака; письмо это прислано им из деревни, куда он уехал к тяжко больному папеньке, свалив все на Е. А. Полубояринову:

«Многоуважаемая и дорогая Елена Адриановна.

Простите, что до сих пор не писал Вам. Если я всегда был Вашим искренним поклонником, то лишь за время совместной работы я сумел понять Вашу изумительную работоспособность, Вашу чисто мужскую деловитость и решительность. Я уже не упоминаю о той бездне самопожертвования, которую Вы проявляете, изнуряя себя огромным трудом без отдыха, без награды, взамен которой Вас венчает злобное шипение клеветы и злобы, исходящее, *к нашему стыду, не только из враждебного лагеря*.

Если я не могу Вам предложить в помощь ничего осязательного, то пусть Вас нравственно поддержит сознание, что искренно преданный и уважающий Вас единомышленник и соработник радуется вместе с Вами успехами Святого дела, которому Вы служите, и скорбит вместе с Вами о его неудачах, что уставший и удалившийся с поля битвы боец проклинает свои немощи и завидует тем, кто, благодаря своей стойкости и

силе, может дольше без отдыху биться. Получил сегодня письмо от А. И. <Дубровина>, ему, слава Богу, лучше.

Не забывайте преданного Вам всем сердцем
Виктора Соколова».

Читаешь и поражаешься, как слова не сходятся с поступками. Тут и искреннее расположение, и беспристрастная оценка Елены Адриановны, и трогательное внимание, и даже любовь к Александру Ивановичу (т.е. ко мне).

Сегодня получил письмо А. И., ему, слава Богу, лучше! Под сурдинку же, а потом и открыто?! Но не буду вдаваться в подробности. От большинства читателей это отнимет напрасно дорогое время, а тем, которые могут сделать беспристрастную и прочную оценку В. П. Соколову излишне, ибо они сами видели и слышали все выступления его против меня и всех ко мне прилично относящихся[*].

Новый «Вестник» продолжает:

«Факт привлечения редактора “Р<усского> З<намени>” к суду по обвинению в оскорблении Величества также не мог не обратить самого серьезного внимания Гл<авного> Совета.

Ряд статей “Р<усского> З<намени>”, натравливающих друг на друга коренные сословия Русского Народа, а также и вносящих раздор и в среду самого Союза, окончательно укрепил Гл<авный> Совет в его решении приступить к изданию независимого от личных действий “Вестника Союза Русского Народа”, о чем и состоялось 11 мая с.г. Постановление Гл<авного> Совета, утвержденное ныне соединенным собранием Гл<авного> Совета и его учредителей.

Протокол последнего печатается особо, так как в “Р<усское> З<намя>” постановление от 11 мая было передано в искаженном виде. В действительности же положение было таково: с января 1910 года у Союза Русского Народа нет свое-

* Его собственные слова из письма к Е. А. Полубояриновой: *«Злобное шипение клеветы и злобы, исходящее, к нашему стыду, не только из враждебного лагеря»*, – пусть будут и его характеристикой.

го “Вестника”, нет органа, объединяющего его деятельность в общей и согласной работе».

В «Русском Знамени» (см. ниже) я уже дал подробное изложение печальной истории привлечения меня как редактора к судебной ответственности по 103 ст<атье> Угол<овного> ул<ожения>, предусматривающей оскорбление Величества.

Тяжело мне было указать на *Главный* Совет, как и на *главного* виновника распространения злонамеренных слухов с целью подорвать «Русское Знамя». В своем обращении к русским людям, объясняющем всю нелепость этих слухов, распространителей этих слухов я назвал злонамеренными людьми. В своем «Вестнике», как видите, Главный Совет сам себя предает и вдобавок в положительной форме, как будто бы действительно «Русским Знаменем» было совершено тяжкое преступление. Пока воздерживаюсь назвать имя того члена Главного Совета, который в заседании, обсуждавшем вопрос о «Русск<ом> Зн<амени>» как вест<нике> Союза, в числе разных (вздорных) провинностей «Русск<ого> Зн<амени>» против Союза и его Устава заявил о факте привлечения меня к суду по 103-й ст. Вот выписка из его письма ко мне: «Как на разительный пример я указал и на факт привлечения редактора газеты к суду по 103-й ст., т.е. по обвинению в оскорблении Величества. Факт привлечения Вас к суду по 103<-й> ст. был в свое время опубликован в газетах и в “Русском Знамени”».

Факт привлечения к суду не есть признание виновности привлекаемого; неужели это нужно объяснить обновленному Глав<ному> Совету и его г. *члену*. Факт привлечения относится к 21 марта, а заседание Совета было 11 мая. За это время дело выяснилось: Главноуправляющий по делам печати признал свою ошибку, судебная же палата, не найдя в *факте привлечения* состава преступления, дело дальнейшим производством прекратила и сняла запрещение с арестованного номера, о чем было своевременно опубликовано в газетах. Прежде, чем бросать в «Русское Знамя» обвинение в тяжком преступлении, не обязательно ли было г. члену Главного Совета справить-

ся, в каком положении в данное время *факт привлечения*; но он этого как будто не сделал, а если сделал, то тем хуже, тем злонамереннее его выступление против «Русского Знамени». Зная о *факте привлечения* своего почетного председателя, не следовало ли г. члену Главного Совета, да и всему Совету, немедленно же выяснить суть дела, точно узнать, неужели случилось с «Русским Знаменем» такое ужасное несчастие, как оно произошло, и кто же виновник; сознательно ли это допущено или же по случайности – просто по недосмотру, или же попались на удочку провокации. Я не говорю уже про простое сочувствие к единомышленнику, попавшему в беду, о желании помочь ему в беде; на такие общечеловеческие чувства наивно было бы рассчитывать.

Нельзя же в самом деле от каждого требовать быть *человеком*!

Указав на целый ряд самых нелепых по существу преступлений «Русского Знамени», г. член Главного Совета выдвинул против «Русского Знамени» не вину его, а ошибку правительства, *факт* привлечения окрасил как бы в действительно совершенное преступление и со спокойною совестью высказал мнение о немедленном изъятии «Русского Знамени» из Союза, как его вестника. А большинство справедливых членов Главного Совета оказалось на стороне своего члена и в то же время громко кичатся своею законностью, напоминая об ней союзникам в новом вестнике.

Для большего уяснения смысла брошенного в меня Главным Советом и г. членом обвинения привожу полностью мое обращение к русским людям:

«К русским людям.

Русским людям ведомо, как, со дня своего возникновения, “Русское Знамя”, твердо стоя на защите Царского Самодержавия, всегда с особенной чуткостью зорко следило за всем, что в наше смутное безвременье, ужасное своей возмутительной безалаберностью и неуважением к священнейшим заветам русского народа, – клонилось к посягновению на пре-

рогативы Священной Царской Власти, или – к умалению Священного Имени Русского Самодержца. Не первый день знает русский народ “Русское Знамя”, – знает и то, как под градом бюрократических преследований наша газета отстаивала Высокую Государеву Власть и Обожаемого Государя Императора от козней врагов явных и тайных.

Однако те преследования, которым за последнее время подвергалась наша газета и ее руководитель и редактор, дошли, наконец, до того, что злонамеренными людьми, тщетно желающими подорвать значение и добрую славу “Русского Знамени”, теперь упорно распространяются слухи, будто газета “Русское Знамя”, вестник Союза Русского Народа, редактируемая основателем и почетным председателем Союза, на своих страницах позволила себе совершить тяжкое преступление, караемое 103<-й> статьею Уголовного Уложения, предусматривающей *оскорбление Величества*.

Слухи дошли до провинции, и в этом смысле нам был сделан запрос от Ковенского Губ<ернского> отдела Союза Русского Народа. Чтобы прекратить эти вздорные слухи, нелепость которых понятна без объяснений нашим союзникам, мы заявляем, что никогда “Русское Знамя” не было и не будет виновником в распространяемом против него обвинении. Слух же возник и подхвачен лицами, которым наш Союз и “Р<усское> Зн<амя>” стоят поперек горла, – людьми, преследующими цель во что бы то ни стало погубить ненавистное им “Русское Знамя”, – просто по ошибке Главного управления по делам печати, неосмотрительно наложившего арест на № 65 “Русск<ого> Знамени” за приложение к этому номеру романа “Красные и черные”[50].

На другой же день после ареста № 65-го А. И. Дубровин лично имел объяснение с главноупр<авляющим> по делам печати А. В. Бельгардом[51], а в 67-м поместил следующее объяснение:

“*От редакции.*

21 марта по распоряжению правительства конфисковано приложение к № 65 “Русского Знамени” – главы V и VI ро-

мана “Красные и Черные”. Редакция считает долгом заявить, что вышеуказанные главы романа были целиком напечатаны и разосланы подписчикам газетою “Сокол”, №№ 41, 42 и 43 ,причем конфискованы не были, что и послужило для редакции “Русского Знамени” достаточным основанием для печатания этой части романа в газ<ете> “Русское Знамя”.

Ред.”

А. В. Бельгард сознался, что Главное управление поступило ошибочно, и тут же обещал сделать распоряжение о снятии ареста. На запрос же о прекращении возбужденного Главным управлением по делам печати дела против “Р<усского> З<намени>” в судебной палате по 103 ст. Угол<овного> Улож<ения> ответил, что дело должно пойти своим порядком, и что, конечно, “Русское Знамя” будет оправдано. И действительно, дело уже рассмотрено в судебной палате и прекращено *за отсутствием* состава преступления, а запрещение с № 65-го снято, о чем было опубликовано в газетах.

По поводу этих же слухов А. И. Дубровин обращался письменно во фракцию правых членов Госуд<арственной> Думы и в ответ получил оттуда письмо за подписью председателя фракции. Берем из письма окончание:

“На фракционном собрании было вполне разъяснено печальное недоразумение, приведшее к возбуждению правительством безусловно неосновательного обвинения, которое уже взято назад. Повторяю, никто из правых не сомневается в Вашей верноподданнической преданности Самодержавному Вождю Русского Народа”.

С чувством глубокой признательности и благодарности относясь к приведенному постановлению правой фракции, считаем его лучшей оценкой твердости того направления, которого держится “Русское Знамя”, и которому, несмотря на всевозможные преследования, не изменит до конца своего существования.

Распускающим же ложные, злонамеренные слухи да будет ответом презрение всех честных людей.

Редактор "Русского Знамени"
А. И. Дубровин».

О таких же пошлых и ни на чем не основанных обвинениях нов<ого> вестн<ика>, как натравливание друг на друга коренных сословий и сеяние раздора в Союзе, и отвечать не стоит. Советуем Главному Совету присмотреться к самому себе и к своему новому «Вестнику»; ведь все три вышедших номера нового «Вестника» – самая беззастенчивая ложь, и притом сознательная, клевета и хамское подхалимство, направленные на возбуждение в Союзе раздоров. Вам не нравится, г. обновленцы, «Русское Знамя», и я рад и счастлив – это ему лучшая рекомендация его порядочности. «Русское Знамя» все происходившее в заседании Главного Совета 11 мая передало правильно; мы можем назвать имена говоривших; мы знаем, кто первый предложил прибегнуть против «Русского Знамени» к административному воздействию. Напрасны ваши старания подменить нашу правду вашей ложью. Перестаньте-ка рядиться в не принадлежащий вам костюм «Русского Знамени», заслуженный пятилетним честным и неуклонным служением Родине, пережитыми им гонениями и страданиями. Костюм этот вам не к лицу; вы изгнали уже его из своего обихода. Не стыдитесь же вашего нового костюма – он малость грязноват, но зато собственный.

Только что радовался при мысли, что кончаю крайне неприятную работу, как получил письмо читателя, на которое пришлось ответить и которое заставило еще раз окунуться в неприятную муть. Я хотел обойти молчанием помещенное в 3-м номере «Вестника» злобное, грубое, пропитанное ложью и бездоказательное письмо В. П. Соколова, но мой читатель вынуждает сказать еще несколько слов. Г. Соколов в своем задоре и угаре самообожания грубостью хочет сказать то, чего не умеет передать иначе. Не думайте, г. В. П. Соколов, что Вам удалось: уколы Ваши только Вас же характеризуют.

«Ответ Дубровину» – что это, как не грубое неприличие?! Я – почетный председатель Союза Русского Народа и его основатель. Если Вы находитесь в Союзе, то обязаны мне и никому другому. Будьте хотя по внешности приличны. Вы грубо относитесь не ко мне, а к тому званию, которое обязует Вас быть сдержанным и приличным. Ваши выходки напоминают, как бы Вам объяснить, ну, напр<имер>, когда слуга знает, что его поддержит сильный и властный барин и поощрение окажет. Неужели Вы, В<иктор> П<авлович>, не чувствуете того цинизма, с которым Вы сознаетесь за себя и за заправил Совета в тех приемах отношений ко мне, которые Вами практиковались; Вы пишете:

«Дубровин говорит, что постановление Совета о том, что он в качестве почетного председателя имел право председательствовать в Гл<авном> Совете, ему до сих пор было неизвестно. Если это правда, то выясняется с полной очевидностью некрасивая роль тех его "друзей", которые передавали Дубровину в искаженном виде малозначащие фразы отдельных членов Совета во время прений и не передали такого важного постановления».

О важном постановлении Совета руководители этого Совета меня не сочли нужным осведомить. Почему? Да я мог это узнать от своих друзей! Если мне моими друзьями передавалось все в искаженном виде, почему же это важное постановление не могло быть искажено? Почему Главный Совет не позаботился передать мне важное постановление в настоящем виде? Ведь это могло устранить многое! Вывода не делаю. Он ясен.

В. П. Соколов упорно отстаивает факт помещения заметки о сановнике с моего ведома и ссылается на непредставление мною до сих пор доказательства противного. Николай Иванович Спасский, состоящий с февраля на службе «Земщины», как я указывал, всегда мое утверждение подтвердит. Я надеюсь, что Николай Иванович, отличающийся правди-

востью и честностью, не замедлит восстановить и утвердить истину гласно. Г. Соколов пишет:

«А. И. Дубровин утверждает, что я был осведомлен о том, когда он приезжает. Это неверно. В своих письмах ко мне он все время рассказывал о своей слабости и болезни и ничего о приезде своем не говорил. Последнее его письмо было написано на тему “ныне отпущаеши раба Своего”[52]. В этом письме он поздравляет меня с удачным пополнением Совета и говорит, что теперь он спокоен за дело, которое, по его мнению, в надежных руках».

Письмо к В. П. Соколову я начал именно фразой: «Ныне отпущаеши раба Своего». Изнуренный работой, обессиленный и не видя впереди просвета, я в мае прошлого года неожиданно был почтен визитом только что удаленного из ярославских губернаторов А. А. Римского-Корсакова. Издали привыкнув смотреть на почтенного А<лександра> А<лександровича> как на энергичного и убежденного черносотенца, слыша непрерывно и неизменно об нем самые лестные отзывы со стороны И. Н. Кацаурова, появление А. А. на петербургском горизонте, да еще свободного из службы (сенаторство ведь немного отнимает времени), я принял с неописуемой радостью. У меня тотчас же явилась мысль, что наконец-то мне приходит на помощь тот, которого нам не доставало в Совете. Вот тот работник, который и поведет дело, а с меня снимет часть непосильной ноши. Обласкав А. А., я тотчас напрямик приступил к делу и предложил А. А. вступить к нам в Совет, чтобы занять мое место. Положительного ответа А. А. не дал, но и не отказался. Вскоре я заболел, а потом по болезни уехал из Петербурга. Все, что без меня происходило, я уже изложил. Я упоминал уже о письмах моих друзей; кроме этих писем я получал также от времени до времени и письма В. П. Соколова, который мне писал, что все обстоит благополучно, что Совет наладили – ввели новых трех надежных членов – А. А. Римского-Корсакова, А. И. Соболевского и члена Государств<енного> Совета М. Я. Говорухо-Отрока, что меня ждут и надеются на

мой скорый приезд. Я был в недоумении – кому же верить, – одни пишут одно, а В. П. Соколов совсем другое; а ведь все друзья. Меня успокаивал выбор А. А. Римского-Корсакова и А. И. Соболевского; М. Я. Говорухо-Отрока я лично не знал, да и не помню, видел ли его хотя раз в жизни. Сознаюсь, при его имени у меня почему-то складывалось представление о корнете в отставке. Повторяю, я вовсе не знал и не знаю г. М. Я. Говорухо-Отрока. На меня успокоительно действовало вступление в Совет А. А. Римского-Корсакова, что, как я уже упоминал, совпадало с моими желаниями. Под влиянием этого успокоения я и написал В. П. Соколову письмо, начинавшееся: «Ныне отпущаеши». Из прежде мною изложенного и из всего чистосердечного раскрытого Ив<аном> Ник<олаевичем> Кацауровым теперь ясно видно, в чем было дело. Но за тысячи верст можно было и ошибаться, и колебаться. Предупреждения друзей я считал откровенно преувеличенными и не имел основания не верить искренности В. П. Соколова. В одном из последних к нему писем я точно обозначил ему время моего возвращения в Петербург (начало декабря) и намерение проездом пробыть с неделю в Москве. В. П. отрицает это.

Пусть так; доказать не могу; черновиков не пишу и копий не снимал и не свидетельствовал у нотариуса. Маршрут пришлось изменить и вместо Москвы я попал в Киев, вызванный туда союзниками. Как уже я писал, в Киеве я узнал из «Р<усского> З<намени>» об экстренном выборе тов<арища> предс<едателя> графа Коновницына. Тогда-то я понял значение писем и моих друзей, и друга В. П. Соколова. Созревшее в Киеве решение я выполнил уходом из Глав<ного> Совета.

Стоя в стороне от дел, я старался во что бы то ни стало сохранить хорошие отношения с А. А. Римским-Корсаковым, что, хотя и с трудом, удавалось, но с каждым днем становилось труднее. И на это проливает свет данное Ив<аном> Ник<олаевичем> Кацауровым объяснение. А. А. Римский-Корсаков окончательно подпал под влияние. Пошли, чтобы не сказать больше, странные выступления. С каждым днем я разочаровывался и дивился, как у меня могло сложиться раньше

совершенно иное представление. Впрочем, ведь оно складывалось на расстоянии; вот Ив<ану> Ник<олаевичу> Кацаурову менее простительно – он видел все вблизи. От оценки деятельности по Союзу А. А. Римского-Корсакова воздержусь. Оно вытекает из всего изложенного; ведь до половины апреля во главе Совета стоял он. Сошлюсь только на приведенное выше ко мне отношение за подписью А. А. Римского-Корсакова, трактующее контроль простых объявлений о собраниях союзников как вопрос общегосударственного значения. А. И. Соболевский вскоре же убедился в невозможности работать и поспешил уйти из Совета; третий вступивший в Главный Совет, М. Я. Говорухо-Отрок, тоже ничего не внес в совет; его участие в Совете совершенно равно безучастию. Главная беда заключалась в том, что никто не знал Союза и его жизни; никто не стремился, так сказать, войти в Союз, жить с ним одной жизнью. На первом плане у заправил явилось личное «я» и желание приказывать, а не служить. Однажды я заехал в Совет к А. Римскому-Корсакову, и в разговоре он мне высказал удивление, как я мог справляться один с таким делом; ведь одни посетители бесплодно отнимают массу времени; сейчас, напр., он потратил более двух часов на беседу с союзником. Причем ясно было видно отсутствие того одухотворяющего начала, которое двигает все и всему дает энергию. Плох был, не спорю, прежний Главный Совет, но все же *дела шли кое-как*. Союз рос, русские люди как-никак все больше и больше объединялись. Что сделал обновленный Совет, не стану повторять – и без того все видят и чувствуют его творчество. Всюду растут рознь и раздоры и гибнет наше русское святое дело.

Недалек уже тот момент, назойливые мысли о котором упорно стараюсь отогнать от себя. Да, я жестоко, непростительно ошибся, уверив себя словами: «Ныне отпущаеши».

В. П. Соколов пишет:

«Г. Надеждин по своей преданности к Дубровину подтвердит что угодно. Но ссылка на уважаемого А. А. Римского-Корсакова совершенно неуместна.

Я убежден, что А. И. Дубровин взводит поклеп на Александра Александровича только в тайной надежде, что последнему не захочется ввязываться в полемику с таким человеком, как А. И. Дубровин».

Пошлое выступление В. П. Соколова против Г. Г. Надеждина говорит само за себя. По поводу же А. А. Римского-Корсакова г. В. П. Соколов, пожалуй, прав; – едва ли он пожелает ввязываться в полемику с А. И. Дубровиным, так как прекрасно знает, что последний не говорит ни слова без документальных данных, которыми всегда может подтвердить свои слова. Кроме того, после своего неудачного выступления в Гл<авном> Совете А. А. Римский-Корсаков едва ли не совершенно утратил в глазах Союза свой ореол деятеля-патриота, создавшийся в Ярославле благодаря исключительному по энергии и преданности русским началам ярославскому Союзу Р<усского> Н<арода>, а потому совершенно естественно «ввязываться» в полемику с А. И. Дубровиным Римскому-Корсакову резонов нет.

Я кончил. Господи! Пошли свою помощь Союзу и дай ему силы и крепости пережить и это испытание. Аминь.

* * *

Многие из вас, дорогие союзники, должно быть, думают, зачем я трачу время и силы на то, чтобы подробно обо всем рассказывать в «Русском Знамени» и на каждую ложь обновленного Главного Совета приводить опровержения, основанные на документах и цифрах; многие из вас спрашивают, зачем Александр Иванович тревожит себя, объясняя каждую мелочь и каждое слово, сказанное на протяжении чуть не пяти лет, с самого возникновения нашего родного Союза Русского Народа?..

И вот теперь я дам ответ перед вами, дорогие друзья и соратники, чтобы окончательно открыть вам глаза на все, что в обновленном Главном Совете творится и почему творится, и

прошу вас с особенным вниманием выслушать эти слова вашего старого друга, который не первый год говорит вам правду и в своей газете, и лично, во время своих приездов к вам.

Описал я подробно все, чтобы знали вы доподлинно все до мелочей, что касается основания, первых шагов и дальнейшей деятельности Союза; чтобы узнали всю правду и были готовы дать кому угодно ответ и отповедь на ту ложь и клевету, которую до сих пор горстями сваливают на Союз Р<усского> Н<арода> его враги во главе с обновленным Гл<авным> Советом.

А кроме того затем, чтобы в конце моей простой, правдивой повести о нашем Союзе дать вам мои *последние предупреждения*, дать вам мои *последние указания*, которые памятуйте особенно – останетесь ли со мною или оставите ли меня; памятуйте *крепко*, чтобы не дать окончательно погибнуть нашему святому русскому делу, чтобы не дать погибнуть нашей Родине *от жидов*, уже готовых *совсем и навсегда* осесть на Русской земле и задушить мертвой петлей все святое, дорогое русскому православному народу.

И вот эти мои последние указания вам, мои дорогие союзники.

Все вы прекрасно знаете, что перед каждым решительным, особенно важным нападением, перед каждым особенно опасным натиском на Россию и русский народ жиды *заранее подготовляют* силы и нарочно стараются отвлечь внимание своих врагов от того скверного дела, которое замышляют, не жалея денег ни на подкупы, ни на газетную травлю, ни на убийство, если в нем встречается надобность.

Ведомо вам, что затеяли жиды обработать дело, которое отдает им на съедение всю нашу святую Русь и весь наш православный народ. Это ужасное, небывалое дело – «*уничтожение черты еврейской оседлости*». Нужно ли вам говорить, что если даже теперь, когда жиды могут жить только в разрешенных, немногих местах, они уже мертвой петлей душат народ, пробравшись даже на самые высшие должности в столицах, – то тогда, когда им по закону будет можно жить, где угодно, они

окончательно задушат русских людей?! Нужно ли объяснять вам, что ежели теперь жиды наживаются на счет русского народа, то тогда в их руках будет вся Россия с ее богатствами, и тогда силе их и горю России не будет предела?! Нужно ли говорить вам, что не пожалеют жиды многих миллионов, чтобы добиться закона, разрешающего им жить повсеместно, ибо тогда все свои затраты, все убытки они с лихвой вывернут с русского серого православного люда, а теперь готовы все отдать, чтобы добиться закона *о снятии черты оседлости…*

И вот… *перед самым роспуском Госуд<арственной> Думы* на лето в Г<осударственную> Думу *внесен законопроект о снятии черты еврейской оседлости*.

Повторяю: не было и нет для России и русского народа ничего опаснее, ничего страшнее, как разрешить жидам жить повсеместно, и *нет для жидов выгоднее этого* разрешения. Теперь смотрите, как жиды ведут это выгодное для себя дело.

Самый опасный враг жидов – это *наш Союз Русского Народа*. Пока живет Союз, жидам и думать нечего добиться закона об отмене черты еврейской оседлости. И вот, жиды стремятся теперь провести этот закон через Г<осударственную> Думу.

Прежде всего, законопроект внесен *почему-то как раз перед окончанием занятий в Г<осударственной> Думе*. Казалось бы, почему не внести его *осенью*, когда опять съедется Дума?.. Ведь все равно законопроект будет лежать в думской канцелярии и с места не тронется до приезда депутатов. Вы знаете, что жиды никогда и ничего *зря* не делают. Раз законопроект внесен, членам Государственной Думы неминуемо придется его рассматривать осенью, – каждый депутат уехал домой с этой мыслью и… вернется в Петербург *достаточно подготовленным*. Памятуйте это, дорогие союзники! – все свои силы, все уменье, всю изворотливость и сатанинскую хитрость, *все способности по части подкупов и обещаний* пустят в ход жиды, чтобы подготовить депутатов для принятия желанного жидами закона, который им дороже жизни, воздуха, – дороже денег, ибо когда депутаты, подготовленные жидами на местах,

одобряют этот закон, то жиды наживут на нем сотни и тысячи миллионов с несчастного русского народа! Но это еще не все.

На страже России стоит Союз Русского Народа. Жидам нужно отвести ему глаза от предательского закона об отмене черты оседлости. Жидам нужно *разъединить* Союз, нужно *ослабить* его, нужно *лишить его возможности единодушно действовать*.

Дубровина лишили возможности работать в Г<лавном> Совете, но у Дубровина осталось «Русское Знамя», которое объединяет союзников лучше и сильнее, чем двадцать обновленных Главных Советов. И вот хлопоты по внесению в Г<осударственную> Думу законопроекта о снятии черты еврейской оседлости по странной случайности совпадают с хлопотами о снятии с нашей газеты подзаголовка «Вестник С<оюза> Р<усского> Н<арода>»; совпадают с хлопотами о замене «Русского Знамени» «Земщиной». Роковым образом внесение в Думу жидовского законопроекта *почему-то* совпадает с угрозами «административного воздействия» со стороны Гл<авного> Совета, если «Русское Знамя» не откажется от своего дела – обслуживать Союз Р<усского> Н<арода>».

Но этого мало – Гл<авный> С<овет> начинает издавать «Вестник», до сих пор ни одним словом не заикнувшийся о жидовском законе, отдающем Россию в рабство всесветным паразитам. Мало того.

Разруха в Гл<авном> Совете только часть, и небольшая часть жидовской задачи. Другая и крупнейшая опасность жидовскому закону грозит на местах, где отделы сумели бы и сами откликнуться сотнями ходатайств на проклятый жидовской законопроект. И вот видим адски хитрый губительный для русского дела выпад: в провинцию посланы люди, действующие как будто со специальной целью поддержать местных смутьянов и вышедших из Союза предателей, объединить их до открытых недоразумений и таким образом ослабить отделы, попутно всячески стараясь подорвать доверие к старому председателю Союза, которому союзники привыкли верить, который ни разу не обманул доверия своего Союза!..

И вот – жиды «подготовляют» гг. депутатов на местах к приему жидовского закона, а уполномоченные с новым «Вестником» в руках отводят сварой глаза провинциальных отделов и «подготовляют» предателей, изменивших Союзу, местных восторговцев… *к осеннему съезду*, который тоже оттягивается *до осени*, как раз к тому времени, как в Г<осударственной> Думе «подготовляемые» жидами «народные избранники» будут проводить закон об уничтожении черты еврейской оседлости.

Значит, теперь весь Союз занят внутренними делами; все внимание отделов направлено на «уполномоченных», и Гл<авный> Совет упорно молчит о жидовском законе в то время, когда все силы надо употребить на то, чтобы обратить внимание провинциальных отделов на ужас, грозящий русскому народу; а *осенью* представителей отделов позовут на съезд, и боюсь, что все будет направлено к тому, чтобы не дать съезду и вспомнить о том, что думцы спокойно передают жидам в вечное пользование Русь с ее народом и богатствами!..

И вот – фактически Союз Р<усского> Н<арода>, единственный главнейший враг жидов и помеха, будет связан по рукам и ногам в самую отчаянную минуту, когда именно нужно заступиться за Россию и ее народ! *Союз будет бессилен*, ибо ведь на съезде будет обсуждаться вопрос, кому быть во главе Союза, кому руководить Союзом, а, стало быть, как же может выступить Союз против жидовского закона, когда еще не решен вопрос – кому вести Союз в бой с врагом, уже вцепившимся в горло?!

А теперь усердно прошу дорогих союзников подумать и взвесить: куда, в какую пропасть его толкают! Умоляю понять, что тогда первый встречный будет вправе крикнуть Союзу: «Ты начертал на знамени борьбу с инородческо-жидовским засильем и… в самую трудную для Родины минуту, когда решается судьба России, *без бою* передал ее жиду в руки, занимаешься внутренними спорами и раздорами!»Что ответит такому обидчику Союз?! И разве не рухнут в позорную пропасть все заслуги Союза, не пойдут прахом все его труды и самое его

существование, если в самый отчаянный час, час передачи жидам всей России законодательным порядком, Союз будет принимать уполномоченных, читать новый «Вестник» и на съезде отчитываться перед обновленным Гл<авным> Советом?!

Вот что хотят сделать с нашим родным Союзом жиды; напоследок еще два слова.

Братья-союзники! Как бы вы ни решили: быть со мной или оставить меня, пусть в сердцах ваших огнем горят мои последние слова: «Берегитесь! Не выдавайте Россию врагу! И, отпуская осенью своих депутатов в Питер, накажите им непременно, что за проведение жидовского закона, за отмену черты оседлости ответ перед народом будет тяжкий!.. Накажите им, что отдача Руси в рабство жидам навеки есть измена Родине, измена вере и измена народу, которому за эту измену придется платить слезами и кровью своих детей и внуков!..

Предупреждаю вас, родные союзники, – час приближается роковой, страшный; вам издали не видно, мне ближе, виднее! И что бы ни было впереди для меня – нет об этом речи и не должно быть. Одно горе у нас у всех должно быть, а у вас одна забота: не даться в обман, не дать отвести себе глаза, не дать в обиду Россию и народ и в трудный час, как пять лет тому назад, встретить врага лицом к лицу, свято памятуя, что цель Союза, его существование, каждое дыхание, каждая капля крови союзника – на благо и спасение России, ее Царя и ее народа.

* * *

«Милостивый Государь, Александр Иванович!

Живо интересуясь Союзом Русского Народа, я с увлечением читаю Ваши записки в “Русском Знамени”. Не касаюсь внешней стороны изложения, которую я считаю безупречной, и как непосвященный решаюсь позволить сделать Вам указания на существенные с моей точки зрения дефекты Вашего труда. В некоторых местах встречается неясность, – недоговоренность, замалчивания. Может быть, для знакомых с делами Союза это и ладно, но посторонний читатель остается

неудовлетворенным. Например, Вами прекрасно развернута картина нестроения Главного Совета, особенно восхитительно описание самоизбирания в почетные члены-учредители. Недурен и прием, употребленный для обновления Совета. Но подробностей, интересных для многих, в том числе и для меня, нет. Вы отсылаете к списку, помещенному во 2-м номере нового «Вестника» (Ваше название?) Во-первых, у меня его нет, да, как старый читатель “Русского Знамени”, я его и в руки не возьму (не хочу быть изменником); кроме того, я не знаю никого из заполняющих списки, а, следовательно, все имена и звания, с которыми я там встречаюсь, для меня пустой звук. Вы пишете: из первых учредителей никто не удостоился звания почетного члена. Для примера Вы указали только на г. Борисова; да, может быть, только один он и остался из прежних учредителей? Скажите откровенно, какую роль играет в разгроме Союза, который теперь ведется, Ваш бывший друг В. П. Соколов? При чтении Вашей истории невольно складывается представление, что Соколов – главная пружина всех неурядиц, а что другие ловко увлечены хитростью и интригой. Скажите прямо, так ли?

Извините за мое послание. Но, право, не простое любопытство. Хочется проникнуть в суть, которой Вы не досказываете. Бросьте деликатничать. Надеюсь, что Вы не обидитесь и обратите внимание на мои замечания.

Прим<ите> и пр<очая>.

Почитатель Ваш и читатель “Русского Знамени” А. Н. Б.»

М<илостивый> Г<осударь>, г<осподин> почитатель и читатель!

Благодарю за замечания; со многими указаниями Вашими согласен, и, в чем могу, постараюсь вас удовлетворить. Прежде всего, мой труд Вы называете историей. Это не так. История еще впереди, а я пишу только свои возражения на лживо-клеветническое выступление против меня нов<ого> «Вест<ника>» обновленного Совета, т.е. самого Совета. Я долго воздерживался от выступлений и теперь со злобой на себя

же исполняю эту отвратительную работу. На себя же я злюсь за то, что не в силах был справиться сам с собой и промолчал, обойдя полным презрением злобные, бесчестные нападки на меня. Homo sum![53] Ничего не поделаешь. Неясности и недомолвки Вам право не интересны; они не меняют сути дела; кому же нужно понимать, они ведомы и понятны. Повторяю, это не история, а возражение, а потому и не может претендовать на полноту; упоминается обо всем постольку, поскольку нужно для восстановления истины и правильного понимания и оценки злонамеренного «необходимого разъяснения» нового обновленного «Вестника». О роли В. П. Соколова сказано достаточно; вывод предоставляю сделать самим.

Постараюсь удовлетворить Ваше желание и сделать более подробный обзор списка состава Совета, кандидатов и учредителей.

Старых учредителей осталось: Баранов, В. <Ф.> Борисов, А. Борисов, Булацель, Верещагин, Голубев, Юскевич-Красковский[54], А. Майков, Оборин[55], Сиверс, В. Соколов, Тришатный.

Все означенные лица звания почетных членов не удостоены. Случайное исключение составляет только П. Ф. Булацель; но и он в списке не значится учредителем, а почетным членом с правами учредителя.

Главный Совет П. Ф. Булацеля лишил учредительских прав, о чем он и получил извещение за подписью В. П. Соколова. Павел Федорович опротестовал незаконное деяние Главного Совета и как компенсацию получил звание почетного члена-учредителя, все-таки оставшись лишенным звания действительного учредителя. Главносоветская законность! Ничего не поделаешь.

А. А. Майков и А. И. Тришатный, первые товарищи председателя и основателя Союза, до сих пор еще не дождались чести быть отмеченными званием почетных членов, о других же, конечно, и говорить не стоит.

Из курских – все почетные члены с правами учредителей: Говорухо-Отрок, Марков, Вишневский[56], Белогуров[57], Лукин[58],

Шетохин[59]. Я уже раньше указывал, что в Главном Совете почти все почетные члены; но не только в Главном, а и в курском Совете шесть с председателем Марковым (значит, большинство) – все почетные члены Главного Совета. Попробуйте-ка указать еще на какой-нибудь отдел, в Совете которого было бы большинство из почетных членов Главного Совета. Единственно Курский отдел так исключительно отличен.

Вероятно, все его члены прославили себя особыми заслугами на благо Родины. Прошу простить мое невежество: за пять лет со дня основания Союза я, его председатель, только по спискам узнал о некоторых из них и лично с ними не знаком, да и не помню, чтобы когда-нибудь их видел. Я знаю только одного Н. Е. Маркова, да слыхал кое-что о Говорухо-Отроке. Зато группа из шести своих, да все почетных членов, в Главном Совете – сила; это не один человек, а боевой резерв; пущенный вовремя в бой, он всегда будет решителем судьбы сражения.

Победа обеспечена за курскими; им остается только разливаться соловьиными трелями, как я уже упоминал. Я думаю, что этих дополнительных сведений довольно, и мой читатель удовлетворится, дополнив кое-что личными соображениями.

К вопросу о сооружении в Петербурге Союзом Русского Народа храма в память 300-летнего благополучного царствования Дома Романовых

В газете «Русский народ», органе ярославского Союза Русского Народа, в передовой статье № 717 от 11 апреля с. г. напечатано нижеследующее:

«В 1908 году на февральском съезде представителей отделов Союза Русского Народа в С.-Петербурге почетным и действительным председателем Союза Александром Ивановичем Дубровиным было предложено съезду в ознаменование близкого наступления трехсотлетия воцарения в России

Дома Романовых приступить к сооружению великого памятника – храма во имя Феодоровской <иконы> Божией Матери. Храм этот должен был быть сооружен на добровольные пожертвования членов Союза Русского Народа. Тут же, во время съезда, было положено начало этим пожертвованиям, послужившим основанием отдельному фонду, специально собираемому на этот предмет.

Нам известно, что А. И. Дубровин предварительно испросил благословение митрополита Антония, разрешившего для этой цели в день Покрова Пресвятой Богородицы кружечный сбор по церквам.

Все союзники и все русские люди были счастливы иметь возможность участвовать в этом национальном сооружении, в устройстве этого памятника о неизреченной милости Божией Русской Земле в годину лихолетья, в постройке храма, где будут непрестанно возноситься молитвы за первых Венценосных Работников Земли Русской.

Храм в память трехсотлетия Дома Романовых должен был наглядно показать потомству, что и в смутную годину русской истории Россия имела верных сынов, незыблемо стоявших на древле-русских устоях.

В настоящее время без ведома Союза Русского Народа Главный Совет взошел в соглашение с архимандритом Феодоровского монастыря Нижегородской губернии и ограничил участие Союза Русского Народа в построении будущего храма надписью на доске, гласящей, что и Союз Русского Народа принимал участие в сооружении этого храма.

Место для предполагаемого храма выбрано на окраине города близ Волкова кладбища.

Интересно знать:

1) Известна ли Главному Совету история вышеизложенного дела?

2) Доложены ли Главным Советом все эти подробности комитету по постройке этого храма?

3) Известно ли председателю этого комитета, кому именно принадлежит мысль о сооружении храма?

Вопросы эти интересуют всех союзников, а между тем, ни на страницах “Русского Знамени”, вестника Союза Русского Народа, ни на страницах “Земщины”, близко стоящей к Главному Совету, ни в других монархических газетах не появлялся текст соглашения Главного Совета с отцом архимандритом, а также неизвестен Союзу Русского Народа взгляд на это соглашение инициатора дела А. И. Дубровина.

Полагаем, что как А. И. Дубровину, так и Главному Совету следует высказаться по этому вопросу и во всяком случае уведомить отделы Союза Русского Народа о состоявшемся соглашении».

Печатая настоящую статью газ<еты> «Русский Народ», предоставляю Главному Совету опубликовать свои разъяснения по существу дела, за собою же оставляю право дать подробный ответ Ярославлю по обнародовании разъяснений Главного Совета*.

А. И. Дубровин

Дальнейший ход дела

Как мы уже сообщали, соглашение группы из трех лиц Главного Совета с Феодоровским монастырем по делу о постройке храма Союза Р<усского> Н<арода> в память 300-летия Царствования Дома Романовых Министерством вн<утренних> дел найдено незакономерным, о чем и было послано уведомление в комитет Феодоровского монастыря по постройке храма. В то же самое время Министерством Императорского двора соглашение было признано также неприемлемым, и, вследствие изложенного тождественного заключения этих двух министерств, соглашение с Феодоровским монастырем было нарушено.

Соглашение группы лиц Гл<авного> Совета с Феодоровским монастырем было второй попыткой обновленного

* Разъяснений не последовало. – *Прим. редакции «Русского Знамени».*

Гл<авного> Совета сбыть с своих рук дело постройки храма Союза Р<усского> Н<арода>. Казалось бы, что теперь, после того, как почетным председателем С<оюза> Р<усского> Н<арода> А. И. Дубровиным выработано положение о комитете по постройке храма и представлен в Министерство внутренних дел список лиц, составляющих комитет по постройке, – казалось бы, Гл<авному> Совету, дважды пытавшемуся избавиться от бремени хлопот по осуществлению великой мысли Всероссийского Съезда, теперь бы надлежало успокоиться и предоставить осуществление этого дорогого Союзу Р<усского> Н<арода> дела тому, кто был инициатором, руководителем, а за последнее время и единственным лицом, стараниями коего это дело снова, слава Богу, переходит целиком в ведение Союза Русского Народа.

Между тем Гл<авный> Совет вопреки логическому смыслу своих действий неожиданно после несостоявшегося соглашения с Феодоровским монастырем проявляет необычайную энергию: снова обсуждает вопрос о постройке, составляет собственную комиссию по постройке храма и вводит в нее только угодных ему лиц; так, член Гл<авного> Совета доктор Надеждин не принят в состав комиссии, как человек, почему-то не внушающий доверия обновленному Гл<авному> Совету, так же поступили и с инженером Н. П. Покровским[1]. Между прочим, когда составлялся список комитета и был возбужден вопрос о включении в число членов почетного председателя А. И. Дубровина, то г. Марков иронически заметил: «Совершенно излишне! – Ведь он устроил свой комитет, а мы устраиваем свой»…

Такое рвение, проявленное Гл<авным> Советом при условии двух попыток отстранить Союз от дела постройки храма и после того, как А. И. Дубровиным уже исполнена вся подготовительная работа по официальной постановке дела, наводит на очень печальные размышления. Невольно приходишь к заключению, что бесцельная и совершенно ненужная работа Гл<авного> Совета по устройству особого, собственного комитета вызывается ничем иным, как стремлением

внести элемент разрухи и всевозможных трений и в это дело, уже прекрасно налаженное без участия Гл<авного> Совета; – стремлением тормозить благополучное завершение почина увековечить великую годовщину 300-летия благополучного царствования Державного Дома Романовых, стремлением всячески помешать нашему родному Союзу от искреннего, преданного Престолу сердца выступить чествователем и вершителем идеи всемерного возвеличения Державного Вождя Русского Народа…

Обидно и больно видеть такую тактику со стороны лиц, претендующих на руководительство делами Союза Русского Народа и «защиту» его интересов.

Заседание Гл<авного> Совета и учредителей 23 мая — незаконно

> «Соединенное собрание Совета и учредителей считается законным, если членов Совета будет более половины, – причем отсутствующие члены Совета могут быть заменены кандидатами, – а членов-учредителей будет не менее половины»
>
> (Пункт 24 Устава С<оюза> Р<усского> Н<арода>).

В воскресенье, 23 мая, состоялось заседание Совета и учредителей С<оюза> Р<усского> Н<арода> в количестве, как видно из подсчета участвовавших при голосовании, – *не свыше 25 человек*.

Для признания заседания дееспособным на нем должно было присутствовать членов Совета не менее *двенадцати* человек (семь действительных членов Совета, а недостающее число до 12 из кандидатов), хотя бы и дополненных до недостающего числа кандидатами, и членов-учредителей не

менее *двадцати одного* человека, таким образом, заседание могло состояться только при безусловной наличности *тридцати трех человек*.

Если уже допустить несколько иной подсчет, а именно из 43 членов-учредителей исключить 10 членов Главного Совета, тоже состоявших в списке учредителей, то и тогда из оставшихся 33 учредителей половина будет 16, а состав соединенного собрания выразится цифрой 16+12=28.

Из присутствовавших же 25 человек мог быть составлен или только Совет с кандидатами, или же только состав учредителей, но никоим образом не соединенное собрание.

Для составления требуемых Уставом состава Совета и состава учредителей в данном случае в них входили почти те же лица; в числе 10 членов Совета они два раза подавали свои голоса. Нужно учредителей – извольте 10, нужно Совет – извольте тех же 10…

Согласно продолжению того же вышеприведенного п. 24 Уст<ава> С<оюза> Р<усского> Н<арода>, если на заседание не собралось узаконенного числа членов, то оно объявляется несостоявшимся и назначается новое, которое заранее объявляется дееспособным при всяком числе явившихся членов.

Так как заседание 23 мая, сразу состоявшееся чуть ли не в первый раз со дня основания Союза при недостаточном числе (25) членов, законным признано быть не может, то считаю долгом предупредить союзников, что при незаконности заседания Совета и учредителей, происходившего 23 мая, постановленные на нем решения, в силу вышеизложенного, – законными и обязательными для союзников признаны быть не могут.

Кроме Устава Союза не мешало бы заглянуть во 2-й том Свода законов, где изложены указания для руководства всех обществ, каковые бы у них ни были собственные уставы.

* * *

Мною было заявлено в № 117 «Русского Знамени» от 26 сего мая, что соединенное заседание Совета и учредите-

лей, бывшее 23 сего мая, – *незаконно.* Не подтверждается ли полностью мое заявление подробной выпиской из протокола заседания? Налицо было только 25 лиц, и из них комбинировался состав и учредителей, и Совета: из одной и той же группы 25 составили и группу учредителей, и группу Совета, и еще третью группу кандидатов – одним словом, решали алгебраическую задачу о соединениях и сочетаниях: из такого-то числа лиц, постольку-то, сколько можно составить различных соединений? – Настоящему собранию нужно было два соединения – состав учредителей и состав Совета – извольте два, если бы понадобилось больше – извольте столько, сколько допускает математика, а если и этого мало, то можно и еще больше – сколько допустит ваш крепостнически-бюрократический произвол, а союзники – потрудитесь ему подчиниться без возражений.

В незаконном заседании 16 человек подали голос не считать «Русское Знамя» вестником Союза Русского Народа, – не срамное ли это постановление само по себе, не говоря уже о причинах, по которым пришли к подобному постановлению и о которых мною будет подробно изложено особо.

Представляем шестнадцати, мнящим себя вершителями судеб Союза, считать «Русское Знамя» за что им угодно. «Русское же Знамя» будет по-старому обслуживать Союз и указывать на своих страницах все, что может клониться ко вреду Союза, хотя бы это исходило от *самого* Главного Совета, который «Р<усское> З<намя>», в свою очередь, *не* считает Главным Советом Союза Русского Народа, а группой из нескольких лиц, захвативших власть и вообразивших, что Союзом можно командовать, как стадом баранов. Самоизбрав себя почетными членами с правами учредителей и составляя из самих себя и учредителей и Совет – несколько лиц вообразили, что они-то и есть хозяева и распорядители в Союзе. Подобное положение дел дальше так оставлять нельзя.

Союзники должны требовать съезда, на котором и установить законную над собою власть, или же на местах легализироваться в самостоятельные единицы, которые, войдя в

соглашение, образовали бы Всероссийский Союз Русского Народа. Еще какого-либо выхода нет. Нужно торопиться.

Заседание исключило из Союза обслуживающий честно и добросовестно его вестник «Русское Знамя»; предлагаю собранию не останавливаться на полпути и исключить по всему Союзу его почетного председателя Дубровина с воспрещением союзникам вступать с ним в какое-либо общение.

Мы ждем.

Шестерянский отдел С<оюза> Р<усского> Н<арода> (с. Шестерня Херсонской губ.)

Дела отдела – в таком положении. Когда год тому назад отдел освятил знамя, местные революционеры, попросту хулиганы, подбили крестьян силою вынести знамя из местной церкви, и когда это было сделано, то в отместку за расследование, произведенное полицией, подонки сельского общества в течение полумесяца бомбардировали камнями дом председателя отдела А. Трипутина. Ужас, пережитый семьей несчастного борца за Веру, Царя и Родину, не поддается никакому описанию. Результаты невозбранного преследования Трипутина в течение последнего времени таковы.

Измученную, больную жену Трипутин, немало пострадавший в хозяйственном отношении, был вынужден отослать на Кавказ, в Сухум, для излечения – у несчастной от постоянных ужасов открылась чахотка.

Любопытно, что ни мольбы, обращенные к местному батюшке, ни просьбы к земскому начальнику, ни, наконец, *ходатайство к преосвященному Димитрию Херсонскому*[1] – не вызвали никаких результатов, оставшись без ответа, между тем, по местным условиям, – двух слов на сходе было бы совершенно достаточно, чтобы прекратить безобразия сельских разбойников. Теперь А. Трипутин просит указать ему санаторию, где бы за небольшую плату можно было поместить больную

жену – жертву освободительских подвигов херсонских хулиганов и попустителей.

* * *

Советую А. Трипутину обратиться с этой просьбой к Главному Совету, со своей стороны полагаю, что одною из самых настоятельных задач Главного Совета является возможно скорейшее *учреждение санатории для пострадавших от смуты союзников*. Нравственный долг Главного Совета немедленно придти на помощь дорогим союзникам, устроив хотя бы временно, в наемном помещении, впредь до соответственного оборудования санатории, убежище для страждущих, подыскав таковое в подходящей местности, и тотчас же открыть подписку доброхотных пожертвований на это святое дело. Члены родного Союза, принося в жертву Царю и Родине все свои силы, не щадя жизни, средств и ежечасно рискуя потерять все в борьбе за родные заветы – вправе рассчитывать на самую широкую поддержку Главного Совета, коему настоятельно необходимо принять для этого самые решительные, энергичные меры*.

Жену А. Трипутина следовало бы поместить пока в большую санаторию, напр., Гагры, или лучше Халилу, – бесплатно, возбудив об этом соответствующее ходатайство.

Тифлис

Гонение на русских людей правого направления у нас продолжается все с тою же энергиею, как и раньше, а если, Боже упаси, высшие кавказские власти заподозрят кого-либо не только в принадлежности, но даже в каком-нибудь соприкосновении с Союзом Русского Народа, то участь такого черносотенника[1], если он состоит где-либо на службе, немедленно

* Обновленный Совет принимает самые решительные меры не к созиданию, а к разрушению Союза. – *Прим. редакции «Русского Знамени».*

сводится к получению волчьего паспорта с правом умирать голодною смертью вместе со всем своим семейством. Все дела подобного рода решаются у нас ведь в канцелярии наместника, которая, как известно, монархизм считает направлением *вредным*, преследуя проявления его даже в офицерстве; я лично, например, знаю одного офицера, подвергшегося сильному гонению только за то, что на него пало подозрение в сношениях с монархистами. Замечательно то, что ближайшее его военное начальство, не зная за ним никаких провинностей, всецело стоит на его стороне, а канцелярия наместника подняла против него поход и, кажется, задалась целью погубить этого человека во что бы то ни стало.

Да, за что же, спросите вы. А просто по подозрению его в сношениях с монархистами

Параллельно с этим наблюдается весьма усиленная деятельность по розыску корреспондентов. Эта отрасль деятельности наших администраторов достигла таких размеров, что многие из русских людей, зависимых от начальства, начали остерегаться вести переписку с петербургскими родными и знакомыми из опасения, что письма их будут перехвачены и прочитаны совсем не теми, на чье имя адресованы.

Дознания, производящиеся по делам, касающимся Союза Русского Народа или кого-либо из членов его, ведутся с явным пристрастием, в целях осветить дело в направлении, желательном все для той же канцелярии наместника.

На днях, например, приезжал в Белый Ключ жандармский полковник и допрашивал там обоих старшин и всех писарей по поводу прошлогоднего случая, заключавшегося в том, что мировой посредник, летом зайдя в правление, между прочим в присутствии крестьян заявил: «Дубровина скоро повесят, а потом может и ваша очередь настать». Надо заметить, что по этому поводу это уже шестой или седьмой штаб-офицер приезжал производить дознание; видимо, требуется, чтобы запуганные в конец крестьяне *отреклись* от происшедшего. В этот раз, как слышно, цель была, кажется, достигнута вполне, что и доказать требовалось.

Сегодня я получил и еще печальное, но очень хорошо характеризующее положение русского дела на Кавказе известие. Уволили со службы без пенсии и объяснения причин некоего Скрипниченко, прослужившего в лесном ведомстве 18 с половиной лет. Прослужив такой период времени беспорочно, думается, что человек имел все данные на то, чтобы считать себя для службы пригодным и, во всяком случае, не рискующим быть выброшенным на улицу без хлеба, тем более, что в 1906 году он при исполнении служебных обязанностей подвергся нападению армян и был изранен. Но у нас на Кавказе подобного рода неожиданности вошли в систему, а увольнение Скрипниченки со службы объясняется только тем, что она состоял председателем отдела Союза Русского Народа в Джелал-Оглах. Конечно, в этом не может быть ни малейшего сомнения, ибо нельзя же допустить, чтобы в негодности его, как служащего, убедились только спустя 18 с половиной лет после определения его на службу.

Ввиду же того, что у нас это уже не первый случай преследования русских людей за принадлежность их к Союзу, Главному Совету следовало бы обратить внимание на это обстоятельство. Ведь все наши маленькие отделы и подотделы возникают в надежде иметь в лице Главного Совета поддержку, без которой на нашей отдаленной окраине существовать, по крайней мере, на первых шагах деятельности, мелким отделам Союза, вкрапленным в инородческое население, совершенно немыслимо. Между тем на практике наши мелкие отделы Союза остаются в положении каких-то бедных сирот среди враждебно настроенных инородцев и не менее враждебной местной администрации, исполняющей веления канцелярии наместника.

Отсутствие средств материальных лишает нас возможности обзавестись хотя бы самыми скромными библиотеками; отсутствие поддержки нравственной со стороны учреждения гораздо более ослабляет в нас ту энергию, с которой мы приступаем к делу; а отсутствие честной и правдивой русской газеты на Кавказе лишает нас возможности ознакомлять со своею деятельностью широкие круги русских людей и отстаивать свои интересы против нападающих на нас.

На все это следовало бы обратить внимание Главному Совету*, имея в виду, что на инородческой окраине все эти недостатки сказываются гораздо сильнее, чем в центре России, а борьба с кадетствующей администрацией гораздо труднее, чем там.

Стремление объединиться заметно растет среди русского населения; открываются все новые и новые отделы Союза; недавно открыли отдел в Бесташенах, предстоит открытие в Манглисе; но что будет с нами, если при существующем положении вещей наиболее энергичных работников, пользующихся особым доверием монархистов, администрация будет выгонять со службы, оставляя без хлеба только за то, что они приняли на себя председательствование в отделе Союза.

Петергофскому отделу С<оюза> Р<усского> Н<арода>

Напечатанное вчера в «Русском Знамени» обращение Ваше ко мне обязывает меня для выяснения истины дать ответ; но я боюсь, что он заведет нас слишком далеко, а потому ограничусь пока приведением того заявления, которое я послал в Главный Совет, уходя из его председателей и членов:

«В Главный Совет Союза Русского Народа.

По не зависящим от меня обстоятельствам, возникшим в последнее время моего отсутствия по болезни из Петербурга, я слагаю с себя звание и обязанности председателя и члена Главного Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода>. Сохраняя за собою звание почетного председателя С<оюза> Р<усского> Н<арода>, которым я почтен Всероссийским Съездом Союза в феврале 1908 г., я надеюсь, что Главный Совет не откажется занести меня в списки заурядных членов, состоящих при Главном Совете, и не преминет распорядиться присылкой мне

* Главному Совету нет на это времени – нужно интригу вести – лгать и клеветать. – *Прим. редакции «Русского Знамени».*

билета на 1910 год, причем препровождаю членский взнос в размере 50 коп. Глубоко убежден, что Главный Совет сумеет проявить всю энергию, твердость и стойкость к сохранению главных основ Союза незыблемыми, что под его мудрым водительством союзное древо разрастется еще пышнее и своими могучими ветвями подобно дереву, виденному во сне царем Астиагом[1], покроет всю необъятную нашу Родину и напитает ее своими плодами; ведь поддержать дальнейший рост и предохранить от гнили гораздо легче, чем посеять и возрастить! Как издатель-редактор газеты «Русское Знамя», вестника С<оюза> Р<усского> Н<арода>, я употреблю все силы и дарованные мне Богом способности на служение Союзу. Почтительнейше прошу Главный Совет о благожелательном ко мне, как редактору-издателю, отношении, – промахи и ошибки, если таковые случатся, прошу вовремя и по-дружески мне указывать, дабы они не могли повторяться.

До свидания, дорогие союзники! Оставаясь вашим почетным председателем и редактором-издателем вестника Союза Русского Народа, «Русского Знамени», я не порываю с вами установившейся нравственной связи и до конца жизни буду стоять на страже наших святых заветов.

(Моя подпись)».

Я всеми силами стремился свято исполнить взятый на себя долг; насколько же и близок к идеалу, насколько Главный Совет оказался на высоте своего призвания, судить не мне и не Главному Совету; выполнить эту задачу может только беспристрастный судья – Союз.

В газете «Земщина», № 304, напечатано…

В газете «Земщина», № 304, напечатано:

«*От Главного Совета Союза Русского Народа.*

Главный Совет считает своим долгом извиниться перед гг. учредителями и почетными членами С<оюза> Р<усского>

Н<арода> в том, что по не зависевшим от Совета обстоятельствам соединенное собрание Главного Совета и учредителей, назначенное на воскресенье в 3 часа дня, не могло состояться.

Утром в день заседания в помещение Гл<авного> Совета явился пристав и заявил, что, согласно полученного от г. градоначальника приказа, он не допустит собрания.

Этого мало. В 1 ч. 30 мин. дня было назначено заседание Главного Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода>. Кандидатов, имеющих, согласно Устава Союза, право и обязанность присутствовать на заседании Главного Совета, полиция не пускала в помещение Гл<авного> Совета, заявив, что на заседании могут присутствовать лишь 12 членов Главного Совета.

Почти пять лет собирается Главный Совет на свои заседания и на соединенные заседания с учредителями. Столько же лет отделы г. Петербурга собираются регулярно на такие же заседания и ни разу не было подобного вмешательства администрации, которое не останется без надлежащего протеста со стороны Главного Совета».

Вполне присоединяемся к справедливо выраженному негодованию Главного Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода> на вмешательство полиции во внутреннюю жизнь Союза. Главный Совет подтверждает, что почти пять лет ничего подобного раньше не допускалось не только в отношении Совета, но и в отделах Союза в Петербурге; за последнее же время при обновленном составе Совета за короткое время это уже второй случай вмешательства полиции.

24 января настоящего года полиция совершенно неожиданно накануне собрания заявила председателю Путиловского отдела через полицмейстера полковника Григорьева, что по распоряжению градоначальника собрание отдела допущено не будет. О собрании чуть не ежедневно в продолжение всего января объявлялось на страницах «Русского Знамени»; кроме членов своего отдела приглашались и другие отделы, приглашения были разосланы и многим членам Главного Совета.

Полученное накануне запрещение полиции поставило в безвыходное положение распорядителей собрания: не могли

же они в одну ночь оповестить союзников о том, что собрание не состоится. В воскресенье, 24 января, к назначенному времени собралось около 4 000 народу, и к удивлению всех собравшиеся наткнулись на вывешенное на дверях собрания объявление о недопущении собрания. Двери были заперты, и около них стояла полицейская стража. Все были поражены, возмущались, не хотели расходиться и требовали объяснения небывалого за 5 лет жизни Союза подобного вмешательства полиции. Находящиеся при этом полицейские чины заявили, что они исполняют только требование Главного Совета, переданное им через градоначальство. После долгих увещаний, длившихся 2–3 часа, наконец, удалось уговорить массу, недовольную и возмущенную действиями полиции, разойтись. Путиловский отдел обратился в Главный Совет за выяснением обстоятельств дела, и Главный Совет, как и следовало ожидать, с достоинством отверг взведенное на него полицией обвинение.

Нам тоже не могла и на секунду прийти мысль допустить запрещение собрания отделу, исходящее не только от всего Совета, но даже от кого-либо из его членов.

Главный Совет тогда не опротестовал вмешательства полиции, а в результате 16 сего мая последовало повторение, и уже не в отделе, а по отношению к Главному Совету.

Мы твердо уверены, что Главный Совет при выражении всего протеста не преминет опротестовать также и вмешательство полиции 24 января, не допустившей разрешенного самой же полицией общего собрания Путиловского отдела.

Полагаем, что и градоначальство не замедлит выяснить гласно мотивы, послужившие поводом к вмешательству полиции во внутреннюю жизнь Союза, обратив особое внимание на случай, бывший 24 января в Путиловском отделе и вызвавший общее неудовольствие полицией 4 000 народа.

А. Дубровин

Примечание. Из достоверного источника выяснилось, что накануне соединенного заседания Совета и учредите-

лей г. Кудинович по поручению некоторых членов Совета был у пристава Литейной части, заявив ему о каком-то будто бы предполагающемся нападении союзников на Главный Совет и просил г. пристава о принятии мер к защите собрания. Пристав обо всем уведомил градоначальника, а последний дал приказ о запрещении собрания и распорядился о наряде полиции для порядка в Главном Совете. Разбойников, которых опасался Главный Совет, ни одного не оказалось!

От Главного Совета Союза Русского Народа

(Печатается на основании протокольного постановления Главного Совета от 11-го мая 1910 г., п. IV)

«Циркулярно.

Всем отделам Союза Русского Народа и прочим монархическим организациям, входящим в его состав.

В № 97 "Русского Знамени" в отделе по Союзу помещено следующее: "В Москве на съезде Союза Русского Народа 15 июля 1907 года было постановлено, как выражение личного мне доверия, что ни одно предложение или постановление, полученное в отделы, не подлежит исполнению, если не будет моей подписи.

Во избежание недоразумений, несообразных выступлений, а также запросов ко мне отделов, как поступить, напоминаю о постановлении Московского съезда, которым и дóлжно руководствоваться.

Почетный председатель С<оюза>
Р<усского> Н<арода> *Дубровин*».

В разъяснение и опровержение сего Главный Совет считает нужным заявить следующее:

По ныне действующему уставу Союза, § 18: «Всеми делами Союза управляет Совет, который называется Главным Советом Союза и находится в Петербурге».

«На обязанности председателя Совета лежит приведение в исполнение постановлений Совета и Соединенного Собрания Совета и учредителей».

Постановления Съездов, касающиеся внутреннего распорядка Союза, имея, несомненно, значение нравственного характера, получают и юридическое обоснование по утверждению их Главным Советом или Соединенным Собранием Главного Совета и учредителей. Так, февральский Съезд в С.-Петербурге в 1908 году[1] выработал и принял новый Устав Союза. Когда же уполномоченные Съездом лица внесли его в особое по обществам и Союзам присутствие на утверждение, то последнее вернуло проект Устава, указав на необходимость утверждения его со стороны высшей инстанции Союза, т.е. Соединенного Собрания Главного Совета и учредителей.

Такого же мнения и взгляда придерживался и А. И. Дубровин. Но постановление Московского съезда губернских и областных председателей Союза и прочих монархических организаций 15 июля 1907 года, на которое ссылается А. И. Дубровин, было внесено им на утверждение Главного Совета, что видно из протокола № 61 от 21 июля 1907 года, стр. 31:

«Слушали:

4) Сообщение А. И. Дубровина: на Съезде 15-го июля сего года в Москве постановили, чтобы ни одна бумага без подписи председателя Главного Совета при сношениях с отделами, партиями и учреждениями, а также правительственными лицами не должна исходить без подписи председателя Главного Совета. Бумаги, присланные без подписи председателя, исполнению подлежать не должны. Уполномоченное председателем лицо опубликовывается в “Русском Знамени” с указанием срока уполномочия. По вступлении председателя в исполнение своих обязанностей будет объявлено в «Русском Знамени».

Постановили:

4) Главный Совет выразил согласие с постановлением Съезда и принял его, постановив посылать бумаги от Главного Совета за подписью председателя его или заменяюще-

го его лица с опубликованием срока замены. О вступлении председателя в исполнение своих обязанностей публикуется в “Русском Знамени”».

Из означенного протокола ясно, что А. И. Дубровин неверно ныне толкует это постановление.

С уходом А. И. Дубровина из Главного Совета его подпись на циркулярах Главного Совета совершенно не является необходимой.

Все циркуляры Главного Совета подписываются его должностными лицами. С января по апрель т<екущего> г<ода> исполняющий обязанности председателя – А. А. Римский-Корсаков, и все циркуляры подписаны им или товарищем председателя Главного Совета графом Э. И. Коновницыным, который вступил в исполнение обязанностей председателя Главного Совета с 9 апреля т<екущего> г<ода>.

С подлинным верно, и<сполняющий> д<олжность> секретаря Главного Совета *А. Кудинович».*

Печатая настоящий хитромудрый циркуляр в «Русском Знамени», не могу воздержаться от нового нарушения грозного предписания Главного Совета, воспрещающего мне допускать на страницах «Вестника Союза Русского Народа» какую бы то ни было полемику с Главным Советом или вообще все, *не нравящееся* ему. Прочитав означенный циркуляр, я сразу почувствовал прилив веселого настроения и осмелел до дерзости взяться за перо. Приведя полностью мое последнее предупреждение союзникам, сделанное с целью удержать их от нецелесообразных выступлений, циркуляр переходит в подражание бессмертному Гоголю. «Позвольте представиться, Петр Иванович сын Бобчинский; в таком-то городе живет Петр Иванович сын Бобчинский»[2]. Главный Совет, господа, называется Главным Советом и находится он в самом что ни на есть С.-Петербурге. Председатель обязан исполнять; интересно было бы знать, что, кроме обязанностей, не имеет ли он и кое-какие права, напр. хотя бы не допускать вреда

Союзу и останавливать благоглупости? Говоря о своих правах, Главный Совет не обмолвился ничем о правах других, – он есть вершитель всех дел. А ведь по Уставу кроме прав на Главном Совете лежит немало обязанностей серьезных и ответственных, напр., не только самому строго блюсти Устав и не вступать в соглашения с враждебными или приносящими вред Союзу организациями, но и следить в этом смысле за отделами; между тем Главный Совет, если бы его не остановили выступления А. И. Соболевского, имел намерение вступить в тесное соглашение с организацией, принесшей много вреда росту и развитию нашего Союза. По поводу этого соглашения пили здравицу за представителей в Русском Собрании, и представитель Союза Русского Народа, не возразив ни словом, здравицу принял. Я не отрицаю, что Главному Совету по Уставу предоставлены известные права, но дело не в этом, а в том, чтобы, пользуясь правами, сохранить к себе доверие, без которого все права – мыльный пузырь.

Не думаю, что Главный Совет намеренно забыл, что Устав писался в то время, когда Союз был еще невелик, и съезды не могли играть особой роли в Союзе. Благодаря этому обстоятельству, можно сказать, совершенно случайно Главному Совету и были предоставлены известные права. Когда же возникли съезды, то никому из союзников не приходило и в голову, чтобы решения съезда могли быть поставлены по значению ниже постановлений Совета.

Съезд постановлял передать свои решения Главному Совету для исполнения, нимало не сомневаясь в своем высшем нравственном авторитете и в обязанности для Главного Совета безусловного исполнения своих постановлений. Так это было и должно быть. Воля всего Союза должна быть законом, хотя и не записанном в Уставе, для всех членов Союза, и тем более для временного и случайного состава Главного Совета, большинство которого совершенно неизвестно Союзу и, конечно, не может пользоваться его доверием. Так смотрел и смотрю на дело я, и, без сомнения, также смотрят и все союзники, за исключением нескольких человек, желающих властвовать.

Ведь, господа, союзники не рабы, а добровольцы. Если хотите, чтобы они исполнили Ваши постановления, то отнюдь не приказывайте, а установите между собою и ими такую нравственную связь, чтобы они сами себе отдавали приказание; тогда, поверьте, не нужно будет никаких ссылок на Устав и свои права, стоит только сказать слово, и все будет исполнено. Нравственной связи, взаимного доверия побольше, господа! Бюрократический деспотизм к Союзу не подойдет, кроме полной разрухи ничего не выйдет. Прежде, чем командовать, нужно приобрести на это нравственное право, которое само собою не приходит; чтобы стать капралом, не довольно только взять в руки палку.

Хочу писать серьезно, а Гоголь не выходит из головы. В мозгу невольно возникают одна за другой картины: и городничий, расправляющийся с бородачами, и высекшая сама себя вдова Пошлепкина, по комнате распространяется амбре какого-то сладковатого противного вкуса; перед глазами алые и розовые ленты, а в довершении всего около стула, хоть и не борзый, щенок Бойка, раздражающий своим противным визгливым лаем.

Как ни стараюсь, но никак не могу удержать серьезный тон, приличествующий тону циркуляра.

Циркуляр подтверждает постановление Московского июльского съезда 1907 года. Сомневаясь в чистоте намерений некоторого (-ых) лица <(лиц)>, союзники, пользуясь съездом, хотели оградить себя от возможности быть отуманенными и пойти не по прямому пути, постановили обязательным для себя считать подлежащими исполнению только те предложения, которые будут удостоверены моей подписью. Доверие выражено мне лично, как Александру Ивановичу Дубровину, и не зря.

На Съезде ловко было подстроено проведение блока с октябристами[3], которое я постарался провалить в своей вступительной программной речи, а князь Михаил Николаевич Волконский, почуяв своим тонким обонянием, где зарыта собака, разоблачил всю подстройку. Благодаря этому Союз

был спасен, а с ним остались чистыми и неприкосновенными наши святые устои.

О постановлении Съезда я доложил Главному Совету не для утверждения, которое считал пустой, но обязательной формальностью, а просто к сведению, да и Главный Совет понимал это не иначе, что явствует из его немедленного, без возражений, утверждения постановления.

Выйдя из состава Главного Совета и отказавшись от звания действительного председателя, я остался основателем и почетным председателем, т.е. в званиях, которые, кроме прав, которых я не искал и не ищу захватным путем, налагают на меня и обязанности по отношению к Союзу. Я должен и буду следить, чтобы ничто не могло вредить Союзу, и везде и во всякое время, ничтоже сумняшеся, подам свой голос, не взирая, будет ли он люб или нелюб. Кроме того, уходя из Главного Совета, я не передавал никому данных мне полномочий всем Союзом, да и права не имею этого сделать. Полномочия я возвращу тем, от кого получил, т.е. Всероссийскому съезду Союза. Если бы я и надумал передать свои полномочия, то не могу этого сделать по причинам, довольно понятным для всех. Напрасно Главный Совет силится доказать, что он – носитель власти над Союзом; никто на его власть не посягает. При выходе моем из Главного Совета им же было постановлено, что за мной должны оставаться права действительного председателя и председательское место в заседаниях Совета. Но я ни разу этим постановлением не воспользовался, предоставляя место любителям. Напоминания же и указания союзникам, как им поступать в возникающих за последнее время недоумениях, я вынужден был сделать потому, что по отделам стали поступать нелепые, вредные, ведущие к неразумным выступлениям циркуляры, некоторые без номера, числа и года. Главному же Совету это обстоятельство оставалось как будто неизвестным, ибо с его стороны не было сделано ни малейшей попытки рассеять недоумения союзников.

Верно или неверно я понимаю свои обязанности по отношению к Союзу, пусть обсудят сами союзники на местах,

в своих отделах; уже многие из отделов выразили мне свое полное прежнее доверие, что дает мне право надеяться, что и весь Союз, за исключением, может быть, нескольких лиц, преследующих какие-либо особые цели, не лишит меня своего доверия. Если же я ошибаюсь, то прошу, не стесняясь об этом, мне заявить, и я не премину отказаться от моего звания, покорно став в ряды простых союзников. Многое еще имею сказать своим дорогим союзникам, но удержусь пока говорить в газете, а сделаю свои сообщения иным путем.

Да не посетует на меня Главный Совет на мое простое слово. Опять Гоголь и шепчет мне в уши: будет, остановись пока…

Я умолкаю…

В Главный Совет Союза Русского Народа

Копия

«В жизни Союза Русского Народа с временным уходом из Главного Совета председателя А. И. Дубровина по случаю болезни в прошлом 1909 г. произошла как бы некоторая заминка: на просьбы, обращенные к нему – помочь так или иначе в затруднительных обстоятельствах – Главный Совет не только не обращал никакого внимания, но даже не удостоивал и ответом (напр., на просьбу Совета Донского отдела от 30 августа 1909 г. за № 64. То же, оказывается, было и с Екатеринодарским отделом – см. № 107 “Рус<ского> Знам<ени>” за 1910 г.).

С так называемым “обновлением Главного Совета” мы, вдали живущие от С.-Петербурга, стали замечать в делах его как бы новое направление, не гармонирующее с прежним его направлением. Так, основатель Союза А. И. Дубровин уходит из Главного Совета не по болезни; на запросы союзников печатно отвечает, что о действительной причине его ухода из Главного Совета он предоставляет ответить самому Главному совету; но Гл<авный> Совет упорно молчит. Уходят также из Главного Совета видные члены его – г. Полубояринова и

академик Соболевский. Один из его членов (г. Соколов) дает объяснение выхода из Совета г. Соболевского, но при этом дозволяет себе крайне резкие выражения и, кроме того, взводит на него серьезные обвинения. Вызванные объяснением с обвинениями ответы и разъяснения различных лиц ясно показали нам, что в Главном Совете произошел нежелательный разлад, обыкновенно к добру не ведущий. Мало того. Достоуважаемый А. И. Дубровин добился от Св<ятейшего> Синода разрешения ежегодно производить 1 октября по всем церквам России кружечный сбор на устройство храма в С.-Петербурге в память 300-летия Царствования Дома Романовых и получил Всемилостивейшее соизволение на это Государя Императора, а Главный Совет самовольно, ни с кем из весьма многочисленных союзников даже не посоветовавшись, отказался от своей прямой обязанности относительно самостоятельного устройства храма и уступил свое право строить храм архимандриту подворья Феодоровского монастыря Нижегородской епархии, ограничив участие Союза в постройке храма только постановкою в имеющем быть созданном храме приличной о том надписи, совершенно умалив чрез это достоинство Союза Р<усского> Н<арода>.

Далее, Главный Совет ничего не предпринял против необыкновенно дерзкой и наглой выходки Милюкова[1] в Госуд<арственной> Думе, тяжело оскорбившего не только Союз, но и Государя Императора. Зато Главный Совет как бы принял все меры к тому, чтобы насколько возможно умалить достоинство А. И. Дубровина пред лицом Союза и всей России. Сюда нужно отнести: и заявление о каких-то темных деньгах, получаемых будто бы им откуда-то; и исключение Л. Катанского из Союза без точного указания причин его исключения с воспрещением А. И. Дубровину, как редактору-издателю «Русского Знамени», иметь его в числе сотрудников газеты, а союзникам – всякие с ним сношения, рекомендуя в то же время отделам выписывать от Главного Совета брошюру Катанского – «Письма к епископу Таврическому Алексию[2]» – и постановление, обязывающее А. И. Дубровина не возражать в

своей газете против взводимых на него (с явно предвзятой целью) обвинений. Кроме того, Главный Совет обещал созвать на Пасху текущего года Всероссийский съезд союзников, и не только не созвал, но и не объяснил, почему так вышло; вступил в соглашение с Палатой Архистратига Михаила[3], не спросивши союзников, желают ли они какого-нибудь соглашения или нет, причем некоторые пункты соглашения оказываются явно унизительными и разрушительными для Союза Русского Народа. Кроме того, Главный Совет заявил совершенно неосновательную претензию на звание высшей инстанции Союза, обладающей будто бы правом утверждать постановления съездов Союза. Откуда это? Только в Римской Церкви папа присвоил себе право быть непогрешимым главою Церкви и утверждать постановления Вселенских и Поместных соборов. Главному Совету, как учреждению, *бывшему сначала совершенно частным и местным*, претендовать на полное и безусловное господствование во всем Союзе без выражения согласия на это со стороны отделов Союза совсем не подобает. Он может быть не признан в этом достоинстве. Наконец, Главный Совет постановил: снять с газеты “Русское Знамя” слова: “Вестник Союза Русского Народа” и взамен “Русского Знамени” издавать еженедельную газету *«Вестник»*, конечно, навязав последнюю отделам Союза, опять без опроса согласия на это союзников. По-братски ли это?

Все вышеизложенное для нас ясно свидетельствует, что в Главном Совете существует нестроение, разлад и уклонение от основ и целей Союза на радость и издевательство многочисленных врагов Союза. А так как по неложному слову Спасителя: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12, 25); «кто не с нами, тот против нас, и кто не собирает, тот расточает» (Лк. 11, 23) – то Совет Донского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> усерднейше и убедительнейше братски просит Главный Совет: оставить всякие личные и иные счеты со своими, с союзниками, избегать всяких нестроений и бездеятельности, всяких посягательств на безусловное господство в

Союзе и соглашений с организациями, хотя и родственными, но самовольно отделившимися от Союза и преследующими подчас совершенно иные, чем Союз, цели, и поступать всегда обдуманно и осмотрительно. Главный Совет должен не забывать, что как именуемый Главным, он должен быть образцом для союзников во всех отношениях, потому что «от всякого, кому дано много, много и потребуется; кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12,48).

По нашему искреннему убеждению, лучшим средством к поднятию значения Союза в жизни нашего дорогого Отечества было бы возвращение А. И. Дубровина на подобающее ему в Главном Совете место – председательское. Ведь А. И. Дубровин в пятилетний период своей деятельности в Союзе ни разу не отступил от основных устоев и задач Союза; к тому же среди нас, союзников, он один пользуется безусловным доверием. Мы уверены, что подобный наш взгляд вполне разделяют с нами и все отделы Союза, оставшиеся верными его задачам и целям.

Усерднейше поэтому просим Главный Совет принять все меры к возвращению А. И. Дубровина на должность действительного председателя в Главном Совете, тем более, что эта должность до сих пор состоит вакантною.

Председатель отдела Леонтий Епифанович.

Товарищ председателя, отставной войсковой старшина Александр Молчевский.

Казначей, статский советник С. Дьяконов.

Пр. Васютин, Арсений Андреевич Булкин, Михаил Феодорович Мамонов. Александр Иванович Чернояров, Г. Н. Мишарев, титулярный советник В. Новгородов, Борис Матвеевич Калинин.

Секретарь П. Ф. Попов не подписал за выездом из города.

С подлинным верно.

Председатель отдела Л. Епифанович».

Главный Совет, наоборот, употребляет все средства, не стесняясь их выбором, чтобы сделать возвращение Дубровина в Главный Совет совершенно невозможным.

А. Дубровин

Приличие г. Пуришкевича

Во вчерашнем № «Р<усского> З<намени>» в отделе «По Союзу» вкралась, как оказалось, существенная ошибка по недоразумению со стороны заведующего выпуском газеты: под моим обращением к союзникам о дружном приеме самарского хора подписано – почетный и *действительный* председатель, а нужно было подписать только словом «почетный». Спешу оговорить эту ошибку. Не имею никакого желания и поползновения именоваться тем званием, от которого сам отказался. Благодаря этому званию, я в продолжение пяти лет подвергался всевозможным нападкам, лжи, клевете и всякой грязи, обильно на меня выливаемой, и, полагая, что я уже достаточно перенес для одного человека, решился предоставить испытать эту честь другим. Редакционная ошибка имела для меня нежелательные последствия. Утром же вчера я был вызван к телефону и награжден глубокочтимым Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем такими выражениями, которые вряд ли кто решился бы запечатлеть на бумаге. Спешу успокоить взволновавшегося Владимира Митрофановича. Никто меня в действ<ительного> председателя не выбирал, а произошла простая ошибка г. <Ф. Д.> Клюева в подписи. Не понимаю, почему такое простое обстоятельство могло так взволновать Владимира Митрофановича, вывело его совершенно из равновесия и побудило послать мне те ругательства, которые я выслушал в телефон. Люди одарены особой способностью, без которой им было бы слишком тяжело жить на свете: привыкают ко всему. И я привык к брани В<ладимира> М<итрофановича>, как в печати, так и по телефону, и нисколько на него не обижаюсь. Есть такие

счастливые люди, которым все прощается и на которых серьезно никто не может сердиться; к таким-то счастливцам я отношу и глубоко почитаемого Владимира Митрофановича, предоставляя ему ругать меня, сколько угодно, и по телефону, и в печати, в стихах и в прозе.

Не могу уяснить себе только одного: какое дело В<ладимиру> М<итрофановичу> до меня и до Союза?

А. Дубровин

Трогательная солидарность

В письме г. Пуришкевича, оглашенном г. Гучковым, названный депутат во время поименного голосования вопроса о евреях-мировых судьях находившийся в думской уборной, просит в случае своего оштрафования за непосещение заседания без уважительных причин – удержанные с него деньги «препроводить в отдел Союза Русского Народа для избиения тех жидов, которые будут выбраны мировыми судьями».

Мы находим это заявление г. Пуришкевича совершенно равнозначащим с заявлением г. Милюкова, кощунственно возгласившего в Гос<ударственной> Думе на всю Россию о принадлежности Государя Императора к партии «погромщиков и убийц», с тою разницею, что заявление г. Милюкова было сделано не из думской уборной, а с думской кафедры, причем заявление г. Пуришкевича как депутата, принадлежащего к правой думской фракции, квалифицируется нами как вдесятеро недостойный порядочного человека выпад против Союза Русского Народа.

С негодованием отмечая это открытое выступление правого депутата, т<оварища> председателя Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевича против Союза Русского Народа, выступление, откровенно засвидетельствовавшее истинное отношение г. Пуришкевича к нашему родному Союзу, с нетерпением ожидаем, как отнесется обновленный состав

Главного Совета к выступлениям депутатов Милюкова и Пуришкевича, проявивших столь ярко выраженную солидарность в оценке деятельности, программы и репутации Союза Русского Народа.

Об уполномоченных Главного Совета

(По Сеньке и шапка)

«Русское Знамя» уже дважды указало союзникам на незаконность действий как Главного Совета, так и некоторых членов-учредителей.

Первое указание было вызвано явным нарушением Устава Главным Советом 23 мая, когда состоялось заседание из 25 человек, признанное дееспособным и постановлявшее решения.

Второе указание последовало вслед за двойным нарушением закона Главным Советом 30 мая, когда, во-первых, после незаконного собрания 23 мая на 30 мая было объявлено второе собрание, являющееся само по себе незаконным; и, во-вторых, на повестку этого второго, якобы самодовлеющего собрания были поставлены, за исключением первого, – новые пункты, не входившие в повестку предыдущего заседания, как об этом и было указано в «Русском Знамени».

Кучка из одиннадцати лиц, признав себя дееспособной, постановила считать заседание 30 мая – одновременно и первым, и вторым; первым – в отношении незаконно поставленных на повестку новых вопросов и вторым в отношении вопроса, бывшего на повестке заседания 23 мая.

Затем следует новый экстренный созыв членов и учредителей на *вторичное* новое собрание, назначенное на 1 июня. Рассылаются повестки, приглашающие на это вторичное заседание, причем вопросы, выставленные на повестке, – опять искажены и не соответствуют вопросам, поставленным на повестку предыдущего, *первого* заседания. А

в общем получается такое впечатление – собирается кучка лиц, постановляет незаконные решения, с явным пренебрежением относясь к тому, как взглянет и что будет думать о ее действиях встревоженный бестолковщиной Союз Русского Народа. Мы же считаем себя вправе, не входя в подробности и ограничиваясь вышеприведенными фактами, сделать следующее заключение.

Группа лиц, именующая себя Главным Советом, и несколько человек, принявших на себя роль учредителей, решили подчинить своему произволу Союз Русского Народа и ворочать им по своему усмотрению в ту или иную сторону; а в тех случаях, когда Союз осмеливается не подчиняться явному произволу и открытым дерзким нарушением Устава, то кучка заправил Гл<авного> Совета с равнодушием, близким к удовольствию, предоставляет огромной сплоченной организации распадаться…

Ярославский отдел уже официально заявил о своей полной независимости от обновленного Главного Совета; многие отделы, в свою очередь, открыто на страницах своего вестника – «Русского Знамени» – <заявляют> недоверие и твердое решение не признавать решения Гл<авного> Совета обязательными… Самому Гл<авному> Совету, как таковой группе главносоветских бюрократов, этого недостаточно: он сознательно и торопясь идет к намеченной роковой цели…

Невольно возникает вопрос – неужели высокомерным «вершителям» судеб Союза Р<усского> Н<арода> еще недостаточно того общего порицания и открыто свидетельствуемого провинцией недоверия, которого для всякого уважающего себя деятеля с избытком достаточно для признания себя негодным для общего дела, <которого> достаточно для немедленного отстранения от ошибочно и не по силам взятых на себя ответственных обязанностей, дабы не губить великого дела, созданного *не им* и ежедневно сотнями неоспоримых фактов доказывающего неумелость лиц, обретающихся во главе только по недоразумению и благодаря преувеличенной оценке своих данных как деятелей и руководителей?..

Не довольно ли бесплодных потуг и жалких усилий оправдать надежды конституционной бюрократии, уже начинающей понимать, что выпад пришелся в полном смысле слова «не по коню, а по оглобле»?!

Значение Гл<авного> Совета в провинции падает все ниже, как можно видеть из заявлений провинциальных отделов, что делается совершенно понятным, если вспомнить оскорбительно-высокомерное и пренебрежительное отношение «обновленного» Гл<авного> Совета к нуждам и запросам отделов, обращавшихся к Гл<авному> Совету.

Теперь, дабы поднять свой авторитет в провинции, обновленный Гл<авный> Совет *посылает от себя по отделам особых уполномоченных,* снабженных соответственными инструкциями и… суточными.

Неужели главносоветская бюрократия серьезно убеждена, что эти «уполномоченные» поднимут акции Гл<авного> Совета среди провинциальных союзников, прекрасно осведомленных о том *действительном* отношении Главного Совета к делам союзников, которое до глубины души возмущает своей бессердечностью, недоверием и чисто бюрократической пренебрежительностью?!

Поднимать свой авторитет надо *действиями*, а не посылкой агитаторов, которым союзники смело укажут на действия Главного Совета, разрушающие родное русское дело на радость жидов и масонов.

Ред.

* * *

Дорогие союзники! Сейчас я получил из Орла письмо, помеченное 10 июня; привожу из него выписку:

«Вчера здесь был Щекин (Курский), убеждал здешний Союз относиться к Главному Совету одобрительно, а к Вам отрицательно; но, увы, добиться ничего не мог, получив единогласный отпор. Вчера он уехал в Одессу (по его заявлению)».

Мне кажется, этой выдержки совершенно достаточно, чтобы всякому видно было, с какой целью посланы Главным Советом уполномоченные!

(Щекин – один из уполномоченных).

Почетный председатель С<оюза> Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

* * *

В № 325 газеты «Земщина» напечатано нижеследующее «открытое письмо».

«Милостивый Государь! Сим заявляем, что опубликованные в № 125 “Русского Знамени” сведения относительно уполномоченных Главным Советом лиц ложны.

Уполномоченным Главного Совета даны соответствующие полномочия и инструкции, но среди их нет *такого “секретного полномочия”, какое напечатано в “Русском Знамени”*.

Единственно, что приведено верно – это выдержки из «уполномочия», выкраденного из канцелярии Главного Совета.

“Русское Знамя”, однако, побоялось опубликовать его целиком, ибо тогда бы была ясна цель посылки Главным Советом этих уполномоченных. Вообще всякую полемику с “Русским Знаменем” и с лицами, способными на выкрадывание документов, мы прекращаем, ибо предоставляем всем честным людям судить, чего стоят патетические выкрики лиц, пользующихся печатанием подложных документов, как средством борьбы во имя своих личных эгоистических стремлений и добывающих бумаги столь некрасивыми средствами.

Независимо от этого, считаем нужным обратиться ко всем отделам и членам Союза Русского Народа с покорной просьбой. Те бумаги, документы, статьи и т.п., какие они пожелают помещать в “Русском Знамени”, направлять непосредственно в редакцию, а не в Главный Совет. С того момента, как “Русское Знамя” перестало быть вестником Союза,

Главный Совет лишен возможности пересылать в "Русское Знамя" что-либо с иной резолюцией, чем "на усмотрение редакции", ибо "Русское Знамя" ныне свободно от всякого контроля Главного Совета. Подобная же резолюция вызывает бестактные и злобные разглагольствования редакции "Русского Знамени".

За председателя, товарищ председателя Главного Совета Союза Русского Народа *граф Эммануил Коновницын*.

За товарища председателя, член Главного Совета Союза Русского Народа *Виктор Соколов»*.

Сим заявляем господам «за председателя» и «за товарища председателя» обновленного Гл<авного> Совета:

1) Что опубликованные в № 127 «Русского Знамени» сведения относительно уполномоченных Гл<авным> Советом лиц *безусловно достоверны*;

2) Что уполномоченным Гл<авного> Совета даны соответствующие полномочия и инструкции, и среди них *имеется* «секретное полномочие», целиком напечатанное в «Русском Знамени»; достоверность сего обстоятельства неоспорима хотя бы потому, что на экземпляре секретного полномочия, хранящемся в редакции, – черным по белому *проставлена Главным Советом фамилия того уполномоченного, коему сие секретное полномочие дадено*;

3) Что «уполномочие» общего характера не напечатано полностью потому, что пункты его не представляют решительно никакого интереса для Союза и служат только средством *скрыть истинную цель* командировки главносоветских уполномоченных.

В рассуждении же прекращения «полемики с лицами, способными на выкрадывание документов», можем выразить Главному Совету свое живейшее сочувствие, пожелав ему распространить свое решение до прекращения и *вообще всякой прикосновенности* к лицам, способным на выкрадывание документов, и напомнив Гл<авному> Совету инцидент с кражей документов в 1907 году.

Не находя нужным касаться подробно вопроса о том, каким образом секретнейшие документы обновленного Гл<авного> Совета поступают в редакцию «Русского Знамени», напоминаем генералам от Гл<авного> Совета, что редактор «Русского Знамени» вместе с тем – и основатель Союза Русского Народа, и почетный его председатель, пять лет плечом к плечу с союзниками боровшийся с жидо-кадетским засильем, сроднившийся с Союзом Петербурга и провинции; мудрено ли, что преданность союзников своему старому вождю дает возможность вестнику Союза Русского Народа – «Русскому Знамени» – оповещать Союз правдиво, подробно и своевременно обо всем, касающемся Союза и русского дела?..

Просьбу Гл<авного> Совета направлять документы, бумаги и статьи помимо Главного Совета непосредственно в «Русское Знамя» всемерно приветствуем, ибо, во-первых, бумаги и документы не будут по несколько месяцев залеживаться в архиве обновленного Гл<авного> Совета без рассмотрения и ответа, а во-вторых, эта просьба уже была давно высказана нами отделам, и в этом смысле Гл<авный> Совет только идет нам навстречу в осуществлении нашего искреннейшего желания – желания редакции «Русского Знамени», *не перестающего ни на секунду быть старым, правдивым, испытанным вестником Союза Русского Народа*.

Касательно же обвинений в «личных, эгоистических стремлениях» и «злобных разглагольствованиях» заметим, что за все время «руководительства» Гл<авного> Совета «Русское Знамя» ни разу не выходило из пределов корректнейшего отношения к выступлениям Гл<авного> Совета – только констатируя факты и в подавляющем большинстве случаев предоставляя делать выводы самим союзникам. В «эгоистических личных стремлениях» скорее можно упрекнуть тех «деятелей», которые не только вопреки корректности, но наперекор простому здравому смыслу, с постоянством, достойным лучшего применения, продолжают числиться «в рулевых», несмотря на настойчивые заявления со всех концов России о несоответствии их своему назначению.

Вот все, что мы хотели сказать в ответ на сердитое письмо обескураженных «руководителей» обновленного Гл<авного> Совета и на обвинения их, продиктованные не беспристрастием и справедливостью, столь нужными русскому делу, а жалким, бессильным старчеством или задорным, необдуманным мальчишеством.

Ред.

<Деятельность А. К. Щекина>

А. И. Дубровиным получено следующее письмо о выступлении главносоветского уполномоченного Щекина[1] в Воронеже.

«Достоуважаемый Александр Иванович! Был здесь, и, по-видимому, прямо из Курска, уполномоченный Г<лавного> С<овета> г. Щекин. Прием состоялся в моей квартире, в присутствии тов<арища> председ<ателя> Ю. И. Кошутского и чл<ена> Совета П. А. Кутепова (пред<седатель> Р. М. Карцев[2] в отъезде, а Совет в каникулярном роспуске). И вот мы – трое за весь Совет – приняли на себя "тяготу и вар" объяснения, длившегося с 7½ ч<асов> вечера до 4½ часов утра, и это без передышки! Не стану утомлять Вас сообщением всего выслушенного нами, ибо на ¾ это было подробнейшим curriculum vitae[3] главносоветского посланца о его личных качествах, о его деятельности и службе Родине, Курскому отделу и русскому крестьянству – как землевладельца, борца с губернатором Борзенковым за русское дело, агента Ряз<ано>-Ур<альской> ж<елезной> дороги по отчуждению земель, земского начальника в г. Сочи в смутное время, и пр. и пр. и пр. В роли же своего посланничества он, если только тактика его везде одинакова, опирался на два козыря. Первый – это посланная Вами в начале июня Курскому отделу копия присланного Вам письма каким-то Заниным (или Иониным) с надписью на ней – уведомить, есть ли содержание

письма единоличное мнение Занина, или же оно разделяется и членами Совета отдела, и затем с благодарностью корреспонденту за сообщаемое как нечто для нас важное. Особенно на эту благодарность упирал Щ<екин>, как бестактнейший, грубый, непозволительный поступок Ваш: спрашивать мнение отдела, разнесенного вдребезги в письме, вместе с преосвященным Питиримом[4], и… благодарить корреспондента! На замечание, что, не зная содержания письма, решительно невозможно признать за благодарностью чего-либо непозволительного и грубого, и на просьбу прочесть самую копию А. К. Щекин не согласился, отнеся снисходительность взгляда присутствовавших к непонятному для него пристрастному отношению к Вам. Так или иначе, но первая козырная карта была бита, и не нами, а самим же Александром Кузьмичом, и он не мог не сознавать этого (к Вашему сведению: Щ<екин> выпустил свой козырь только <после> признания мною, что надпись писана Вашею рукою).

Вторым козырем было разоблачение древней «истории», относящейся к лету 1907 года, разыгравшейся-де на Съезде уполномоченных монархических организаций, в Москве, – деятельным участником и оратором которого был Ар К–ч. Как раз у меня на письменном столе была фотографич<еская> группа Съезда: Вы, справа от Вас Э. И. Коновницын, слева – Пеликан[5], Грингмут и др. Щекина на ней нет, но он чем-то объяснил свое отсутствие. Это à propos[6].

На этом-де Съезде обнаружились такие "дела" Дубровина, Восторгова и его тогдашнего друга-приятеля Грингмута, что для разбора их пришлось сделать особое заседание *только* главарей С<оюза> Р<усского> Н<арода>, чтоб не срамиться публично. Суть: Восторгов, задумав реорганизацию Союза в Областные Палаты (Управы), с целью забрать Союз в свои руки и централизовать союзное дело (Гл<авную> Управу) в Москве, а Дубровину предоставить роль председателя Петербургской Палаты, – предложил за сие Д<уброви>ну 20 т<ысяч> откупного единовременно и по 5 т<ысяч> ежемесячно. Дубровин-де согласился, но потом (как это с ним

постоянно бывает!) отказался, почему это дело и расстроилось. На этом особом заседании произошла-де очная ставка Восторгова с Дубровиным, причем Восторгов сознался в подкупе Д<уброви>на, а Д<уброви>н не нашел ничего лучшего, как выругать Восторгова. На удивление, почему уполномоченный Ворон<ежского> отдела (Карцев – на группе четвертый вправо от Эм<мануила> Коновницына, в заднем ряду) не осведомил отдел об этой истории, Щ<еки>н объяснил, что это произошло, вероятно, потому, что тогда же было решено предать дело забвению навсегда по его скандальности, ибо обнаружилось, что у таких могиканов Союза, как Д<убровин>, В<осторгов> и Грингмут (ибо он приятель В<осторго>ва!) нечисты руки, а делать союзное дело можно только чистыми руками. Не позволял огласки и момент – получение Д<убровины>м Высочайшей телеграммы 6 июня. Он, Щекин, тогда высказался в своей речи, что всех троих надлежит исключить из Союза, но собрание на это не решилось, и… вот последствия! Кто же может теперь работать с Д<убровины>м, кто поручится, что при нем союзное дело будет в более надежном положении, чем было в 1907 году, при наскоке Восторгова? Мы возражали, что если даже допустить факт финансирования в 1907 г. Союза (Д<уброви>на) через Восторгова, то еще ничто не говорит за “позорность” такового, ибо источник финансирования, цель, условия, качества – все это остается неясным, более того – неизвестным. Финансовая сделка сама по себе не позор, надо знать условия ее, подкладку дела, а этого-то мы и не знаем. На это Щ<екин> заметил, что у Гл<авного> С<овета> имеются неопровержимые документальные доказательства всего этого, и что на предстоящем Съезде все это выплывет наружу.

Далее. Дуб<рови>н-де вышел из председателей не добровольно, а под давлением, ибо с ним никто не хотел работать. Заявление же об уходе было подано Дуб<рови>ным после решения Г<лавного> С<овета> о том, что Д<уброви>н выбыл. Поэтому Гл<авный> С<овет> и не мог опубликовать мотивов заявления Д<уброви>на, ибо этого сделать было нельзя,

не поднимая всей грязи. Поднимать же таковую Гл<авный> С<овет> все еще не решается.

Еще далее. Дубровин окончательно уронил себя в сферах (высоких) фразою, каковую только Дубровин и мог по своей бестактности сказать. Именно, после Государевой телеграммы Д<убровин> высказал публично, что для него (Союза) эта телеграмма – мертвая петля. Фразу эту “друзья” Союза, конечно, передали, куда и кому следует, и на Д<уброви>не теперь окончательно поставлен крест. Детали: Гл<авный> С<овет> (отдельные лица его) предлагали Д<уброви>ну выяснить, сколько ему необходимо, чтобы выйти из затруднений с газетою. Он отвечал, что необходимо 20–25 т<ысяч>, чтобы «обернуться». Тогда вопрос был поставлен так, сколько нужно, чтобы ликвидировать дело, передав его Гл<авному> Сов<ету>. Последовал ответ – от 73 до 75 тыс. Пошли и на это, как ни трудно было, и Д<убровин> согласился. Но потом (как это в обычае Д<уброви>на!) отказался, ибо подвернулась Полубояринова с своими капиталами. И Полубояринова все забрала в свои руки, и типографию, и газету, на таких условиях: весь барыш по изданию “Р<усского> З<намени>”, если таковой будет, – Дубровину, а дефициты будут покрываться Е. А. П<олубоярино>вою из своих средств. Так дело и стоит. Вот почему Е<лена> Адр<иановна>, когда ей в Гл<авном> С<овете> указали на нетактичную статью в “Р<усском> Зн<амени>”, отвечала, что это не дело Г<лавного> С<овета>, а ее, ибо “Р<усское> З<намя>” – ее собственность (Ну может ли стоять так дело?! – Щ<екин>).

Заключение. Он, Щ<екин>, считал бы свою миссию исполненною, если бы ему удалось склонить отделы высказаться в том смысле, чтобы в “Р<усском> Зн<амени>” раз и навсегда была прекращена полемика с Г<лавным> С<оветом>, которая на руку жидовским газетам.

Между прочим на вопрос, есть ли у него секретное уполномочие, Щ<екин> ответствовал, что собственного секретного у него ничего нет, но что в тех отделах, где нет миру-ладу, напр. в Одесском, ему предоставлена дискредиционная[7] власть – устранять вредных отделу лиц и даже закрывать отделы.

Уж, кажется, все существенное передал. Письмо написано после соглашения с Ю. И. Кашутиным и П. А. Кутеповым, и ими может быть подтверждено все изложенное. Можете располагать им по вашему усмотрению. Прошу передать поклон Елене Адриановне.

Преданный Вам слуга *Н. Пантелеевский*».

Вышеприведенное письмо от лиц, заслуживающих исключительного доверия, – настолько характерно для нынешнего состава главносоветчиков, или, вернее, группы лиц, руководящих Гл<авным> Советом; – настолько ярко характеризует личность самого г. Щекина, что мы берем на себя труд остановиться на пребывании г. уполномоченного в Воронеже и его сообщениях, сделанных воронежскому отделу С<оюза> Р<усского> Н<арода>, – подробно.

Предпослав выполнению возложенной на него миссии Гл<авного> Совета подробный перечень своих заслуг, как патриота и общественного деятеля в разных местах Земли Русской, г. Щекин, о деятельности которого в Курске у нас, кстати сказать, имеются кое-какие документальные данные, от обнародования коих мы пока воздерживаемся, – начал, как видно из письма, работу по дискредитированию Дубровина докладом присутствующим о письме одного из курских союзников к А. И. Дубровину с описанием деятельности г. Маркова, каковое письмо, однако, А. И. Дубровиным использовано не было, а в копии послано Курскому отделу с запросом о мнении отдела по поводу сведений, сообщенных в письме, причем А. И. Дубровин выразил автору письма благодарность за ценные сведения.

Г. Щекин, очевидно, усвоивший вполне главносоветскую обновленную точку зрения на порядочность, – беспощадно разругал А. И. Дубровина за вышеприведенный факт, называя поступок Дубровина «бестактным», «грубым», «непозволительным»…

Позволяем себе предложить читателям вопрос: не будет ли свидетельствовать о *высшей* корректности и порядочно-

сти любого деятеля, если он вместо того, чтобы немедленно опубликовать вредные для своего врага сведения, предпочтет сначала проверить их, не увлекаясь чисто субъективным чувством неприязни и деланием елико возможно насолить противнику?.. До сих пор мы полагали, что такое отношение к противникам свидетельствует о высоком беспристрастии, благородстве и крайней осмотрительности в выборе средств борьбы. Главный совет в лице г. Щекина гласит об этом иначе, что ж – suum cuique[8]!..

На просьбу присутствовавших прочесть содержание копии с письма ввиду невозможности без осведомленности о факте судить по поводу него, г. Щекин ответил отказом, отметив «пристрастное» отношение присутствующих к А. И. Дубровину.

Скептическое отношение слушателей к попыткам г. Щекина подорвать их доверие к Дубровину было понято и им самим, как видно из письма Н. Н. Пантелеевского, а значит, – сорвалось!..

Тогда главносоветский комиссионер пустился в туманную даль прошлого, откуда обновленцы с таким рвением выхватывают отдельные моменты, урезывая их значение и искажая их смысл в тех или других собственных целях.

Опровергать грубую ложь г. Щекина о согласии А. И. Дубровина на подкуп Восторгова; о решении Съезда не разглашать якобы обнаруженного беззакония Дубровина, Восторгова и Грингмута; а также о выходе А. И. Дубровина из Г<лавного> Совета, о выбытии его, – едва ли нужно после «Необходимого разъяснения» А. И. Дубровина, к которому мы и отсылаем читателей. От себя же заметим, что лживость г. Щекина с особенной рельефностью явствует прежде всего из того, что Всероссийский Съезд 1907 года тогда же единогласно постановил выразить А. И. Дубровину полное доверие и подчеркнул это постановление другим исключительным актом своего доверия, решив, что ни одно распоряжение Гл<авного> Совета не действительно и не обязательно для Союза без подписи А. И. Дубровина.

Думается, что если бы инсинуации Щекина имели бы хотя тень правдоподобия, – упомянутое постановление Съезда едва ли могло бы состояться.

Кроме того, не можем обойти молчанием и не высказать своего негодования на те гнусные выходки, которые позволил себе Щекин по адресу покойного В. А. Грингмута. Как ни велики заслуги обновленного Гл<авного> Совета перед Россией и Союзом, а гг. главносоветским генералам не мешало бы помнить о том, что грязнить славное имя В. А. Грингмута едва ли послужит к большой популярности и уважению к Гл<авному> Совету от русских людей!.. Больно и обидно слышать грубо-лживые заявления по адресу почившего деятеля от лиц, которым едва ли удастся сочетать невинность с их двусмысленною ролью по бюрократизации Союза согласно «соответственным указаниям»…

О том же, кто действительно *пытался* продать Союз и был позорно уличен и изгнан А. И. Дубровиным, видно из его «разъяснений», да, кроме того, интересно еще, что на возражения присутствующих г. Щекин сам с полной очевидностью доказал ложь своего заявления, сказав, что Гл<авный> Совет располагает «неопровержимыми документами», и что на предстоящем съезде все «выплывает наружу». О том, на какой «съезд» рассчитывают г. обновленные главносоветчики, мы уже сообщали (№ 138, см. ст. Полтавца[9] – «Подвиги главносоветчиков»), а «неопровержимые документы»… до сих пор союзники видели от Гл<авного> Совета одни дутые бумажки за подписью Коновницына и общие фразы в «Вестнике» Гл<авного> Совета; думается, если бы Гл<авный> Совет имел счастье располагать неопровержимыми документами, – они давно бы проявились в «Земщине», горе в том, что у обновленного Гл<авного> Совета кроме усердия не по разуму в исполнении «соответственных поручений» – ничего нет. Какие уж тут «документы»! Тут дай Господь отчитаться перед давальцами да поскорее сбежать куда подальше…

Так же лживо заявление Шекина о «мертвой петле», каковою будто бы является для Союза Р<усского> Н<арода>

Высочайшая телеграмма. В тесном кругу единомышленников А. И. Дубровин заметил, что теперь, после священных для Союза милостивых слов Государя Императора, выражающих такое доверие союзникам, Союзу грозит «мертвая петля» от сановной бюрократии и высокопоставленных предателей – врагов С<оюза> Р<усского> Н<арода>. Эти слова ни до каких «сфер» не доходили, и искажение г. Щекиным смысла этих слов, будучи совершенно схоже с выпадом Гл<авного> Совета, обвинявшего «Русское Знамя» в оскорблении Величества, лишний раз показывает, к каким средствам прибегают обновленцы, чтобы подорвать доверие Союза к его основателю.

Попытки – гнусные и, что самое главное, совершенно бесплодные, ибо цели не достигают, ударяя по головам самих изобретателей…

Тяжело писать и… не стоит писать, ибо провинциальные отделы и сами прекрасно разгадали *истинную цель* главносоветских бюрократов и не верят им ни на грош.

Не довольно ли срамиться, гг. обновленцы?

Сорвалось!..

Ред.

* * *

«Достоуважаемый и глубокоуважаемый Александр Иванович!

Хотя и поздно, но, к сожалению, раньше не мог по случаю отсутствия из Воронежа написать в дополнение сообщения к Вам из Воронежа относительно приезда г. Щекина (см. № 142 “Рус<ского> Зн<амени>”).

Вернувшись домой, я узнал, что в Воронежский Отд<ел> С<оюза> Р<усского> Н<арода> приезжал г. Щекин и сообщил такие новости, по коим можно определить г. Щекина как комиссионера для Курской губ. и коммивояжера для России от пресловутого “обновленного” Гл<авного> Сов<ета> для сбыта и распространения главного основного фабриката “обновлен-

ного" Гл<авного> Сов<ета> – это хулы и бесчестия на Вас, дорогой Александр Иванович, и, вероятно, для большей рекламы, и на покойного Грингмута.

Я удивляюсь сочиненному сообщению г. Щекина о Съезде 1907 г.

Какое злохуление с прикраской лжи и превратного толкования об особом заседании для личной ставки Вас с Восторговым!..

Я был на Съезде 1907 г., но сказанного г. Щекиным не слышал, а посему не знаю, как назвать поступков г. Щекина – ложью или иначе?!

Едва ли такие выходки могут привлечь кого-нибудь из честных русских людей в лагерь пресловутого "обновленного" Гл<авного> Сов<ета>.

А о "мертвой петле" правильное понятие г. Щекин может иметь по очерку деятельности Ворон<ежского> От<дела> С<оюза> Р<усского> Н<арода> за первый год его существования 1906–1907 гг., стран<ицы> 23–24: "А время было (да и не есть ли) таково, что вокруг каждого Царского слова, а их немало слышала Русь в последнее время, поднимался такой оглушительный вой шакалов свободной "русской печати", нагромождались такие тенета лжи "освободительных" пауков, что надо было много стойкости, чтоб не придти в отчаяние.

Замолкало любвеобильное слово Кроткого Царя, а вой шакалов печати, по невидимому камертону и сигналу дирижерской указки, все продолжался; пауки плели свою паутину клеветы, хулы и оплевания, пока не достигали своей цели…" и т. д.

В заключение, считая нелишним добавить и посоветовать господам Щекиным не доставлять щеки для пощечин во всяком месте без опаски из-за того только, что они за этот риск получают вознаграждение большое. Этот заработок не только не похвален, а позорен – пагубен: дает пользу карману, а душу губит и смуту на Руси все больше плодит…

Г. Щекину, Александру Кузьмичу, не следовало бы забывать (благо, самое его отчество – Кузьмич – напоминает ему) Кузьму Минина, который не вносил смуты-розни в общество,

а, наоборот, призывал к единению и обогащению не личного кармана, а общественной казны!..

Пора опомниться всем гг. Щекиным и стать Кузьмами, иначе долготерпению Божию исполнится мера, и оно заменится гневом, и гнев Божий грозен – страшен: отъемлется Царство Божие от нас и дастся другому народу…

Это и история подтверждает…

Если гг. Щекины сознают себя членами С<оюза> Р<усского> Н<арода>, то не должны забывать, что С<оюз> Р<усского> Н<арода> стоит за "Веру, Царя и Отечество". Вера на первом месте, значит, нужно жить: "Думать, говорить и делать" только согласно требованию веры христианской, т.е. все во имя Иисуса Христа и для Христа; а если гг. Щекины будут продолжать жить для анархиста, то им место деятельности не в С<оюзе> Р<усского> Н<арода>, а начиная с октябристов и продолжая вплоть до масонских лож включительно…

Имею честь быть сердечно преданным Вам слугой.

Рафаил Карцев».

Дорогие союзники! Смотрите, как наглядно сама судьба раскрывает всю ложь и клевету. Чем более люди забывают стыд и совесть, тем скорее карает их Высший *Суд*. Не позор ли для Союза такой Главный Совет, который рассылает по отделам своих уполномоченных с низкими преступными поручениями?

И не по-негодяйски ли себя ведут г. Щекины?

Союз должен наконец властно прекратить издевательство над собой людей, потерявших понятие о стыде и чести!

А. Дубровин

Г. основателю и почетному председателю Союза Русского Народа А. И. Дубровину

«Дорогой и глубокоуважаемый Александр Иванович!

Во исполнение постановления своего от 25 сего июня за №№ 91 и <9>2 Совет Донского отдела Союза Русского На-

рода честь имеет уведомить Вас, что 22-го сего июня Донской отдел в лице его председателя посетил уполномоченный "обновленного" Главного Совета Александр Кузьмич Щекин. Предъявив свое уполномочие на право ревизовать отделы Союза, созывать Советы таковых и общие собрания и председательствовать на них; устранять должностных лиц и закрывать отделы, уклонившиеся от Устава Союза (т.е. то самое полномочие, которое в № 127 "Русского Знамени" за текущий год в ст<атье> г. Полтавца "Сверхсенаторские ревизии" названо тайным), старался доказать, что напрасно Совет Донского отдела жалуется на бездеятельность Главного Совета, выразившуюся, между прочим, в том, что Главный Совет не только не оказывает никакой помощи обращающимся к нему отделам Союза, но даже и не отвечает на их письма, – а равно и на существующие в нем нестроения и разлад; что Главный Совет желал бы работать. Но ему мешают, и в числе мешающих первое место принадлежит А. И. Дубровину, не идущему ни на какие уступки, даже очевидно выгодные для него (напр., на предложение некоторых членов Главного совета – принять от них 73 тысячи рублей на погашение всех его долгов по союзным делам, но с тем, чтобы основанная им газета "Русское Знамя" впредь находилась под контролем Главного Совета, – он ответил отказом), что Дубровин находится под сильным влиянием Е. А. Полубояриновой, женщины недалекой, но самолюбивой, желающей властвовать в Союзе и потому оказывающей ему материальную поддержку, в особенности по изданию «Русского Знамени»; что созыву на Пасху текущего года обещанного Главным Советом съезда, кроме отсутствия на это потребных денег, помешал тот же Дубровин из опасения, как бы Съезд не лишил его того высокого положения в Союзе, которое он в нем занимает, что утверждению и проведению в жизнь нового Устава Союза препятствует все тот же Дубровин, составивший старый Устав с преднамеренною целью – оставить навсегда за собою в Союзе главенствующее положение, что он – Дубровин – неизбежно погиб бы, если бы от него отказался Главный Совет, и что, наконец, и Дубровин

получал денежное вспомоществование из того же источника, из которого получали и получают пособие Восторгов и Пуришкевич, т.е. от правительства. Против других замечаний, сделанных Советом отдела Главному Совету в письме от 29 мая 1910 г. за № 22 по поводу его непонятных для союзников действий г. Щекин не возразил ни слова, хотя держал письмо в руках и прочитал его тут же от начала до конца. Цели своей командировки Главным Советом г. Щекин, однако, не достиг, Совета отдела не созывал и никакой ревизии отдела не производил, может быть ввиду сделанного председателем с самого начала из беседы заявления, что Донской отдел легализован на месте помимо Главного Совета, и что открыто высказаться в данном разе в пользу Главного Совета для союзников Донского отдела нет никакого основания, так как они живут очень далеко от С.-Петербурга и судят о существующем разладе как в Главном Совете, так и между союзниками только на основании газет. А. И. Дубровина знают давно, а "обновленного" Главного Совета, можно сказать, совсем не знают, и что разобраться надлежащим образом в существующей распре между А. И. Дубровиным и Главным Советом может только съезд после тщательного расследования самого дела с относящимися к нему документами. На другой день, 23-го июня, г. Щекин опять был у председателя, дал ему свою брошюру "Значение сахарной промышленности в экономическом развитии государства", показал различные фотографические снимки с торжественной процессии союзников в г. Курске, очень много рассказывал, как и накануне, о своей многоплодной деятельности в качестве земского начальника в Курской губернии, записал сведения о размерах возводимой для Донского отдела постройки, количество денег, одолженных на производство последней генералом Б. М. Калининым (11 тысяч руб.) и имя строителя воздвигаемого дома войскового старшины А. П. Молчевского, и затем уехал.

Сообщая Вам о сем к сведению, Совет Донского отдела Союза Русского Народа считает своим долгом присовокупить, что, согласно своему единогласному постановлению

от 25 июня сего года за № 91, п. 2-й, он впредь будет признавать над собой властью только тот Главный Совет, действительным председателем которого будете состоять Вы, и будет исполнять лишь те его циркулярные распоряжения, на которых, согласно постановлению Съезда представителей губернских и областных отделов Союза Русского Народа, бывшего в июле месяце 1907 года в Москве, будет находится Ваша подпись или подпись уполномоченного Вами Вашего заместителя.

Председатель отдела Л. Епифанович.
Секретарь П. Попов».

Я дал уже настолько точные, основанные на документах опровержения всех гнусностей, лжи и клевет, которые распространяют на счет меня наемные…, разъезжающие по отделам С<оюза> Р<усского> Н<арода>, что не нахожу нужным вступать еще в какие-либо объяснения.

Я не оправдывался, ибо мне в этом нет никакой надобности, а если писал, то только хотел показать всю гадость тех людишек, которые надеются разрушить Союз. Но им этого не достичь; довольно и того, если досыта выкупаются в собственной грязи.

А. Дубровин

* * *

Своевременно я указал на страницах «Русского Знамени» об уполномоченных Главного Совета, разосланных по всему Союзу. Ясно понимая смысл и цель посылки, я воздержался от ознакомления союзников со своими заключениями. Дальше молчать не нахожу возможным. Сведения, доставленные пока из Ярославля, Нижнего Новгорода и особенно Орла достаточно характерны, чтобы иметь право сделать из них правильный и законный вывод.

Некоторые из членов Главного Совета, чтобы удержать захваченную в свои руки власть над Союзом, видимо, не на-

мерены разбираться в средствах. Поведение г. Щекина дает полное право сделать подобное заключение.

Представляя в истинном освещении взведенную на меня пасквиль в №№ 1 и 2 «Вестника» Главного Совета и разбирая смысл и достоинство статьи «Необходимые разъяснения» в помещенной мною в «Русском Знамени» статье, я не хотел вдаваться в подробности и только вскользь упомянул о деятельности протоиерея Восторгова, сославшись на «Голос Русского»[10]. Извещенный Орловским отделом о гнусном обвинении, возведенном на меня полномочным Обновленного Главного Совета г. Щекиным, будто бы о готовившемся мной в компании с Восторговым предательстве Союза за 20 тыс., я вынужден более подробно осветить хотя одну частицу деятельности прот. Восторгова и отношений к нему Главного Совета. Я уже писал о том, как провалил вместе с князем М. Н. Волконским на июльском съезде 1907 г. в Москве блок с октябристами, который стремился провести на съезде протоиерей-патриот Восторгов по поручению от кого-то! Свирепствуя за неудачу, Восторгов употреблял все средства мне отомстить и выполнить угрозу мое имя опорочить и меня оставить в одном белье. Подготовляя себе почву для успеха, он вошел в соглашение с 2–3 членами Главного Совета.

Я уже писал, что материальное положение Союза в это время было крайне стесненное. Это-то обстоятельство он и попытался использовать, заявив о своем желании сделать свой доклад Главному Совету, на что и получил согласие Главного Совета.

Зная враждебное ко мне отношение митрофорного батюшки, я заранее заявил, что не буду в совете. Председательствование было поручено Э. И. Коновницыну (засед<ание> Гл<авного> Сов<ета> 20 авг<уста> 1907 г.). Явился Восторгов и с первого же слова начал меня чернить, позволяя себе самые пошлые непристойности. Председатель вынужден был несколько раз останавливать увлекшегося циника, а граф Комаровский, возмущенный поведением разошедшегося во всю митрофорного, подал свое отдельное мнение с оценкой пове-

дения о. Восторгова. Жестикулируя, топая ногами, протоиерей схватил номер «Русского Знамени», смял его и бросил на пол, назвав тряпкою. (Не купленный ли гнев Восторгова против «Русского Знамени», которое *почему-то* он хотел во что бы то ни стало уничтожить вместе со мной?)

Не стесняясь, откровенно о. Восторгов обратился с предложением к Главному Совету: «Вы в безвыходном положении, у вас, кроме долгов, ничего нет; удалите из председателей Дубровина, и я вам выдам 20 тысяч, по 5 тысяч на сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, а может быть и уплачу ваши долги. Деньги даст одно известное лицо под условием удаления Дубровина из председателей». Главный Совет ответил невозможностью сразу решить этот щекотливый вопрос.

Через 2–3 дня во время моих занятий в Совете ко мне в комнату явились два члена Совета, Ив<ан> Ив<анович> Баранов и В. А. Андреев[11], по поручению Совета переговорить о делах Совета. Разговор был короток: денег нет; о. Восторгов дает 20 тыс., но с тем, чтобы я ушел из председателей.

Для спасения дела депутаты предложили мне отказаться от председательствования, или же, что для них было бы гораздо приятнее, – не могу ли я достать денег помимо Восторгова и по-старому оставаться председателем. Напомнив мне об Иуде, я указал им на дверь. На следующем заседании *старого* Совета состоялось постановление: считать предложение митрофорного протоиерея унизительным и неприемлемым. Вот краткая история 20 тыс., которыми жонглирует уполномоченный обновленного Главного Совета г. Щекин. Обновленный же Главный Совет позволил себе несколько раз проявить совершенно иные отношения к прот. Восторгову. Не в упрек будь сказано Н. Е. Маркову, он при всяком удобном и неудобном случае в заседаниях Главного Совета воскурял фимиам прот. Восторгову.

Выводы предоставляю делать самим. Да простят мне мои союзники и дорогие читатели мое слово. Больно мне и тяжело выносить на базар житейской суеты пережитые неприятности; но чаша переполнена.

Не могу удержаться от просьбы к некоторым членам Главного Совета. Господа! Не довольно ли?! Прекратите ваши враждебные выступления. Пощадите отделы Союза и не растлевайте их чистоту. Отзовите ваших уполномоченных; ведь роль их уже достаточно выяснилась…

А. Дубровин

К характеристике уполномоченного обновленным Главным Советом г. Лиховидова

Сегодня случайно попала мне в руки одна из неопубликованных телеграмм от 21 марта сего года:

«Баку.
21 марта.
А. И. Дубровину.

Высокоуважаемый Александр Иванович! Все истинно русские люди давно уже привыкли окружать Ваше имя ореолом тех заслуг, которые были сделан Вами в то время, когда крамольная сила готова была затушить наши дорогие заветы; поэтому Ваш отказ от председательства в Главном Совете ввиду Вашего весьма понятного утомления глубоко огорчил всех русских людей; выражаем твердую надежду, что посеянные Вами добрые семена дадут богатые плоды при содействии Ваших заместителей, Россия Вас никогда не забудет.

Уполномоченный Советом действительный и почетный председатель Бакинского губернского отдела Союза Русского Народа <Ф. Д.> Лиховидов».

В настоящее время г. Лиховидов разъезжает на главносоветские деньги по отделам и употребляет все свои способности, чтобы побольше вылить на меня помоев перед союзниками, не стесняясь в обилии сыпать ложь и клевету.

Перед получением денег от Главного Совета г. Лиховидов был у меня со своими предложениями и повторил их при свидетелях в редакции «Русск<ого> Зн<амени>». О его предло-

жениях пока умолчу, я об них сообщил некоторым из правых членов Думы. Предложения его мною были отвергнуты.

После этого соглашение с двумя членами Главного Совета состоялось, и г. Лиховидов отбыл в свое артистическое турне по отделам.

А. Дубровин

* * *

«Добрейший Александр Иванович!

Спешу уведомить Вас, что 13 сего июня был в Нижнем от Главного Совета некто Лиховидов и весьма неудачно сыграл роль Хлестакова.

По приезде ему повезло: белознаменцы, где участвуют более попы восторговцы и провокаторы вроде председателя отдела “Белое Знамя”[1] Карташева, приняли Лиховидова, что называется, с распростертыми объятиями – назначен был на воскресенье, 15 июня, доклад Лиховидова на общем собрании белознаменцев, о чем я случайно узнал, и с некоторыми из членов своего отдела явился, к удивлению Лиховидова, на этот доклад, который заключал в себе буквально одно порицание действий, как лично Ваших, так и нашей газеты “Русское Знамя”.

Нельзя было хладнокровно слушать ту грязь, которую он выливал на Вас в провокаторском докладе, вследствие чего как я, так и прочие союзники сорвали это собрание, – произошел скандал, и собрание было закрыто раньше времени.

На вопрос мой Лиховидову, почему он, как уполномоченный от Главного Совета, не приехал прямо в губернский отдел и скитается третий день в Нижнем *инкогнито*, он ответил мне, как и должен был ответить настоящий провокатор:

– Мне, – говорит, – делать у Вас нечего; если попросите письменное извинение у Главного Совета за постановление Ваше от 30 мая, то, пожалуй, заеду и к Вам.

Тут нам пришлось немного схитрить. “Пожалуйте, Ваше высокоблагородие, – там видно будет”, – ответили мы ему.

Взял я извозчика и повез его к нам в канцелярию губернского отдела, хотел было порешить с ним по дороге – столкнуть его с пролетки, да думаю себе – жаль лишить удовольствия прочих, уже дожидавшихся его союзников.

Не буду утруждать Вас, Александр Иванович, описанием количества тех гостинцев, которые сыпались на нашем Георгиевском собрании этому Хлестакову; скажу только одно, что он, как из пушки выстреленный, выбежал из нашего помещения и надел фуражку уже на улице.

Глядя ему вслед и вспомнив пророчество Полтавца, что *“Нижегородцы-то народ все здоровый”*, я не мог удержаться от смеха, как эта фуражка, окаймленная красным околышем с приделанной к ней кокардой стремительно удалялась от заслуженного ею черносотенного внушения.

Мужайтесь и бодрствуйте, вождь наш Александр Иванович!

Помните и не забывайте, что у врагов Ваших только деньги, а за Вами великий русский народ.

За Вами и за Вас готовы все как один умереть потомки незабвенного нашего Минина.

Председатель губернского Георгиевского отдела *Гавриил Стрелков»*

* * *

«Многоуважаемый Александр Иванович!

Здравствуйте на многая лета!

1910 года июня 13 дня в Н<ижнем>-Новгороде в помещение отдела “Белое Знамя”, а не в губернский Георгиевский отдел, приехал уполномоченный от Главного Совета, предварительно собравши председателей провинциальных отделов. В речи своей он объяснил нам, что Главный Совет и Вы ни в чем друг с другом не расходитесь, но Вас будто бы заставляют расходиться с Главным Советом обстоятельства. Вы будто бы находитесь в каких-то тисках у Полубояриновой. Что она прикажет, то-де Вы должны и делать и печатать в “Русском Знамени”,

хотя сделанному и напечатанному сами не сочувствуете. Потому и передали нам от Вас привет, принятый присутствующими с радостными рукопожатиями. Несмотря на это объяснение г-на уполномоченного, ни один из присутствующих представителей отделов, кроме “Белого Знамени”, ему не поверил, а все просили для разъяснения недоразумений собрать Всероссийский Съезд. На эту просьбу уполномоченный ответил, что отделы сами подставляют ногу этому будущему съезду, съезд должен собираться по ходатайству Главного Совета, а отделы постановлений Главного Совета не признают. Александр же Иванович Дубровин, как находящийся не у дел, ходатайствовать о собрании съезда не может. Посему и на съезд могут быть приглашены представители отделов, сочувствующие Главному Совету.

Председатель Лысковского отдела Союза
Русского Народа *Александр Жуков*.
Секретарь свящ. *Николай Тибрин*».

Спасибо дорогим нижегородским союзникам. Не сомневался, что вы раскусите ложь обновленного Гл<авного> Совета, и знал, что не поверите «уполномоченному».

Безусловно, – все, что говорил вам комиссионер Гл<авного> Совета, – *ложь от слова до слова*. С обновленным Гл<авным> Советом я расхожусь решительно во всем и не имею ничего общего, как уже говорил не раз.

Главный Совет устраивал соглашение с пуришкевическим Союзом Архангела Михаила захватным путем без ведома отделов.

Главный Совет позволил себе ряд грубо-незаконных действий, нарушая Устав, которому верен наш Союз со дня основания.

Главный Совет позволил себе циркулярами просить о поддержке провинциальную и столичную бюрократию; рекомендовал в том циркуляре Союз, как людей низкого культурного уровня, и без ведома отделов ручался, что Союз не позволит себе впредь таких «незакономерных деяний», как до «обновленного» Совета

Главный Совет пренебрежительно относится к провинциальным отделам, с которыми я пять лет иду и работаю рука об руку, как с родными.

И главносоветский уполномоченный позволяет себе нагло лгать, заявляя, что я «ни в чем не расхожусь с обновленным Гл<авным> Советом», который упорно добивался посредством непристойных выходок своих руководителей по моему адресу не допустить меня даже присутствовать после моего ухода на заседаниях Главного Совета?! Уполномоченный сказал вам ложь, которую приказал ему сказать обновленный Гл<авный> Совет.

Смекайте сами, что такое этот Гл<авный> Совет.

Уполномоченный по приказу обновленных главносоветчиков сказал, что я «в тисках Е. А. Полубояриновой», и что она прикажет, то я и должен печатать в «Русском Знамени». Другая наглая ложь. Е. А. Полубояринова не имеет решительно никакого касания к «Русскому Знамени», которое я веду *безусловно самостоятельно*. Даже в тех случаях, когда кто-нибудь из состава редакции в мое отсутствие спрашивает Елену Адриановну, как поступить в том или другом случае, Е<лена> А<дриановна> предлагает обратиться ко мне лично, даже в мелочах отстраняя от себя участие в «Русском Знамени», – отсюда видно, насколько нагло по своей лживости заявление уполномоченного о том, что я получаю приказания от Е. А. Полубояриновой.

Уполномоченный сказал вам, что я, «как находящийся не у дел», не могу созвать Съезд, и что Съезд должен собираться по ходатайству Гл<авного> Совета, которого-де «отделы не признают».

Третья ложь. Съезд может быть созван не только Дубровиным, но и любым союзником, которому это будет разрешено правительством, ибо в Уставе Союза Р<усского> Н<арода> по этому поводу нет никаких указаний и ограничений. Обновленный Гл<авный> Совет *упорно оттягивает* созыв Всероссийского Съезда, так как *боится его* и знает, что Съезд положит конец хозяйничанью и издевательствам главносоветчиков над Союзом и провинциальными отделами. Из этого вы видите настоящую цену словам главносоветского комиссионера.

Заговорил же он о Дубровине ласково по той очень простой причине, ибо после моих сообщений о попытках «уполномоченных» закидать меня грязью Гл<авный> Совет «сбился с ноги», – и, совершенно резонно рассудив, что за выходки против меня отделы примут уполномоченных дубьем, – решил изменить тактику: заманить отделы в ловушку, расхваливая меня и выставляя жертвой. Как теперь видно – и эта затея провалилась с треском: союзники не дети, чтобы позволить водить себя за нос, и прекрасно поняли, куда гнет главносоветская бюрократия. Благодарение Господу: крепок Союз Р<усского> Н<арода>, и пора главносоветчикам покаяться конституционной бюрократии, что дельце сорвалось так же, как и восторговский Съезд, и что «вышвырнуть мавра» гг. Соколовым и Коновницыным – не по плечу!..

А. Дубровин

Почетному и действительному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину

«Высокочтимый вождь наш, Александр Иванович!

За отсутствием председателя Г. М. Стрелкова[2], журнальным постановлением от 15 июня с.г. Совета Нижегородского Георгиевского отдела я уполномочен довести до Вашего сведения о нижеследующем.

Июня 9-го или 10-го прибыл в Н.-Новгород уполномоченный обновленного Главного Совета Ф. Д. Лиховидов. О его приезде мы, члены Георгиевского губернского отдела, ничего не знали. В воскресенье, 13 июня, в местной прогрессивной газете “Волгарь” мы прочли объявление, которым на 13 июня Нижегородский отдел Союза “Белое Знамя” приглашает своих членов и всех сочувствующих задачам Союза в мещанскую управу на собрание, в котором будет прочитан доклад уполномоченным Лиховидовым о деятельности Главного Совета. Таким образом,

оказалось, что уполномоченный Главного Совета не нашел ничего лучшего, как обратиться к тому самому отделу, который своим председателем Карташевым и членами Совета супругами Мышатиными, явными провокаторами, состоящими на службе у жида Плотеля, более двух лет был приведен к полному бездействию, по какой причине Главный Совет под Вашим еще, Александр Иванович, председательством снял с отдела "Белое Знамя" звание "губернского" и передал это звание нашему Георгиевскому отделу за его кипучую беспрерывную деятельность.

Уже одна эта умилительная солидарность уполномоченного Лиховидова с председателем "Белого Знамени" показала нам, каким разрушительным духом несет от обновленного Главного Совета, так как руководитель "Белого Знамени" Карташев немало положил стараний к развалу местных отделов Союза, и когда это ему не удалось, то он теперь возрождает отдел "Белое Знамя" с целью захватить руководящую роль над отделами губернии для их, конечно, провала.

По желанию Лиховидова один из членов Совета "Белое Знамя" частными письмами пригласил на собрание 13 июня председателей отделов нашей губернии, из которых прибыли председатели: Лысковского, Балахнинского, Сормовского, Городецкого и Канавинского. Мы же, члены Георгиевского отдела, во главе с своим председателем г. Стрелковым, присутствовали на собрании без приглашения, в качестве «сочувствующих». И мы, конечно, образовали большинство собрания.

Лиховидов начал свой доклад с заявления, что обновленный Главный Совет, признавая Ваши, Александр Иванович, заслуги в Союзе, относится к Вам с уважением и ничего не имеет <против>, чтобы Вы, Александр Иванович, были вновь действительным председателем Союза. Но вскоре же Лиховидов перешел к резкой критике Ваших действий по Союзу и по изданию газеты "Русское Знамя". Совершенно вздорные нападки на Вас встретили должный энергичный отпор со стороны председателя Георгиевского отдела г. Стрелкова и многих союзников, а когда Лиховидов позволил себе передавать бабьи сплетни из частной жизни г. Полубояриновой, то чаша терпения собрания перепол-

нилась, и все союзники дружно запротестовали, а председатель Лысковского отдела г. Жуков сказал Лиховидову, что из его речи ясно стало для всех, что уполномоченные посланы не для примирения, как заявил в начале речи Лиховидов, а для внесения в семью союзников того же раздора, какой уже сделал обновленный Главный Совет в Петербурге. После этого г. Стрелков сказал, что если обновленный Совет не состоит сплошь из врагов Союза, то он созвал бы немедленно Всероссийский Съезд для улажения возникших при новом составе Главного Совета неурядиц по Союзу. Это выражение г. Стрелкова обнаружило истинную цель командировок по отделам Союза уполномоченных, так как Лиховидов сказал: "Съезд будет созван в октябре, но не для таких самозваных председателей, как Стрелков, и не для таких отделов, как Георгиевский, существующий по очень сомнительному разрешению от Главного Совета старого состава". И, хотя Лиховидов по настойчивому требованию г. Стрелкова принес ему извинение, но Лиховидову уже продолжать "доклад", состоявший из одних оскорблений Вас, Александр Иванович, и союзников, солидарных с Вами, члены Георгиевского отдела не допустили, и собрание было закрыто.

Из слов Лиховидова всем союзникам стало ясно, что уполномоченные командированы с целью разузнать, какие отделы склонны примкнуть к обновленному Главному Совету, чтобы, пригласив на Съезд только своих сторонников, обеспечить одобрение Съезда себе и своей деятельности.

Губернский председатель г. Стрелков, желая разузнать, какими мерами Главный Совет предполагает окончательно устранить от руководящей роли Вас, Александр Иванович, и тем нанести непоправимый удар делу Союза, – пригласил Лиховидова для переговоров в помещение Губ<ернского> Георгиевского отдела, куда он после некоторого колебания согласился с г. Стрелковым отправиться. В помещение Георг<иевского> отдела собрались члены отдела, члены Совета и председатели других отделов. И здесь в беседе с Лиховидовым так его прижали неопровержимыми доводами о зловредной деятельности обновленного Главного Совета, что он – давай Бог ноги – вско-

чил из собрания, как пробка из бутылки доброго старинного русского крепкого квасу, и даже шапку спохватился одеть только на другой стороне улицы.

Как мы узнали от белознаменцев, Лиховидов уехал в Казань, но мы уверены, что куда бы он ни приехал, а прием он встретил везде такой же, какой ему сделали отделы Нижегородской губернии во главе с губернским Георгиевским отделом.

Могут, конечно, они завербовать некоторых отщепенцев, вроде отдела "Белое Знамя", – рядовые члены которого, впрочем, все поголовно на нашей стороне, – но мы не думаем, что такая шаткая опора для Главного Совета может оказаться надежной.

Сообщая о вышеизложенном, почтительнейше просим у Вас, Высокочтимый Вождь наш, Александр Иванович, Ваших приказаний, как мы должны и какими способами бороться с нашим общим внутренним врагом – обновленным Советом.

Товарищ председателя *П. Троицын»*

В единении сила. Держитесь крепко друг за друга. Я еще с вами.

А. Дубровин

<Обвинения Главного Совета против редакции «Русского Знамени»>

«Копия.

1910 г., 27 мая.
Главный Совет Союза Русского Народа,
С.-Петербург, Басков пер., д. 3, кв. 2.
21 мая 1910 года, № 481.

Могилевскому отделу Союза Русского Народа

Вследствие отношения Могилевского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> от 17 мая 1910 года за № 39, Главный

совет сообщает, “что в № 106 “Русского Знамени” никакое постановление Главного Совета не опубликовано, в нем помещена статья, воззвание А. И. Дубровина, искажающая цель и мысль предположения, которое еще только рассматривается Главным Советом. Когда это постановление состоится, Главный Совет известит об этом все отделы Союза Русского Народа, равно как и те причины, которыми руководствовался в своем постановлении Главный Совет.

Подлинное подписали: за председателя – товарищ председателя Главного Совета Союза Русского Народа граф Эммануил Коновницын, за секретаря (подпись неразборчива) и печать Союза приложена. С подлинным верно: председатель Могилевского губернского отдела С<оюза> Р<усского> Народа *А. Громыко*»

Правильно ли заявление, напечатанное в № 106 «Русского Знамени», – доказывают факты, лучше бюрократических отписок обновленного Гл<авного> Совета свидетельствующие, что заявление «Братья-союзники» не только «не искажает цель и смысл главносоветских предположений, но точно и верно предупреждает союзников об истинных намерениях обновленного Гл<авного> Совета, настойчиво разрушающего не им созданное, родное нам всем святое русское дело. Вот эти факты.

На незаконном заседании 23 мая г. Марковым сделан доклад, в котором указаны пункты, послужившие Главному Совету поводом к признанию «Русского Знамени» непригодным для Союза Р<усского> Н<арода>, ввиду его Гл<авный> Совет постановил потребовать от А. И. Дубровина – снять с «Русского Знамени» слова «Вестник Союза Русского Народа», прибегнув, в случае отказа А. И. Дубровина, к административному на него воздействию, и заменить нашу газету еженедельным журналом «Вестник», предположенным к изданию на средства г. Маркова. Пункты эти таковы.

1) Полемика «Русского Знамени» с обновленным Главным Советом.

На страницах «Русского Знамени» уже было сказано, что интересы Союза и провинциальных отделов настолько дороги «Русском Знамени», что редакция считает своим непременным, священным долгом немедленно отмечать все, клонящееся к ущербу общего союзного дела, и указывать союзникам на все, могущее принести вред Союзу Русского Народа или нарушающее его задачи и цели, выраженные в его Уставе, причем мы подчеркнули, что редакция будет указывать на сознательные и несознательные ошибки в деле – откуда бы они не исходили, хотя бы *от самого обновленного Главного Совета*. Главносоветской бюрократии не по сердцу такая преданность нашей газеты интересам Союза Русского Народа, – что делать! Если бы Гл<авному> Совету было бы в одинаковой степени дорого русское дело, он пошел бы с «Русским Знаменем» рука об руку по тернистому пути патриотического дела; Главный Совет предпочитает убрать непокорную газету со своей торной бюрократической дороги, угрожая А. И. Дубровину административным воздействием. Что ж, к административным воздействиям «Русскому Знамени» не привыкать стать, а врагов так много, что – одним больше или меньше – едва ли существенно…

2) Следующий пункт обвинения против «Русского Знамени» – это «резкие выступления» нашей газеты «против правительственных лиц». Пункт – особенно знаменательный для «обновленного» Гл<авного> Совета и чрезвычайно характерный для его небогатого днями, но чреватого последствиями «руководительства» Союзом Р<усского> Н<арода>.

Прежде всего, исключительно для союзников считаем необходимым отметить, что в числе «правительственных лиц» России еще так недавно обретались гг. Витте[1], Кутлер[2], Лопухин[3], Герасимов[4], Герард[5], Бекман[6] и иные прочие, не менее прогрессивно настроенные сановники, и Главный Совет глубоко ошибается, если думает, что его новоявленный марковский еженедельный «Вестник», не выступая с обличением этих «правительственных мер», будет пользоваться среди союзников славой и названием порядочной газеты.

Это второе обвинение «Русского Знамени» как нельзя более поясняет, почему Гл<авный> Совет предполагает сделать володимеровско-марковскую «Земщину» органом обновленного Главного Совета. «Земщина» не грешит «резкими выступлениями» против «правительственных лиц» и их мероприятий. Довольно вспомнить, как, выступив по вероисповедному вопросу, «Земщина» немедленно, после соответственного внушения от П. А. Столыпина, умолкла – чтобы понять, насколько орган Володимерова и Маркова, рекламирующий английский конституционализм, соответствует задачам и целям главносоветской бюрократии, выкуривающей «Русское Знамя» за «резкие выступления против правительственных лиц», Главному Совету нужно лишить Союз Русского Народа его газеты, дабы важнейшие, существеннейшие стороны русской жизни не были освещены для союзников соответствующим образом. Осуществить эту затею сразу – было бы слишком резко, слишком заметно, и вот выработан подробный план: приучить постепенно союзников к «Земщине», с каковою целью рассылать ее бесплатно по отделам С<оюза> Р<усского> Н<арода>, а затем сделать эту покладистую и послушную бюрократическим внушениям газету ежедневным вестником Союза Р<усского> Н<арода>, пользуясь еженедельным журналом «Вестник» как официальным органом для сообщения распоряжений по Союзу, обязав – быть может – провинциальные отделы даже принудительной подпиской на субсидируемый г. Марковым свежеиспеченный «Вестник» обновленного Главного Совета.

3) Наконец, третьим пунктом можно поставить заявление г. Маркова на последнем заседании Гл<авного> Совета 30 июня, что «Русское Знамя» – *газета революционная*, в доказательство чего г. Марков указал на передовую статью одного из номеров нашей газеты, где говорилось *о злоупотреблениях бюрократии*. Подробно останавливаться на этом диком обвинении «Русского Знамени», пять лет неотступно стоящего на защите Самодержавия, мы, конечно, не будем, отметим только, что нелепость обвинения была

тотчас же доказана членом Г<осударственной> Думы и кандидатом <в члены> Гл<авного> Совета И. И. Балаклеевым[7], давшим г. Маркову обстоятельный отпор веским указанием, что приведенной г. Марковым статьей «Русское Знамя» исполнило лишь категорически и определенно выраженный параграф Устава Союза Русского Народа. Интересно отметить, что в этом же заседании Д. И. Соколовым в качестве доказательства непригодности «Русского Знамени» было сообщено письмо рабочих Экспедиции заготовления государственных бумаг, в котором рабочие высказывают неудовольствие против А. И. Дубровина и выражают порицание «Русскому Знамени». Правому Петербургу слишком хорошо известна революционность рабочих Экспедиции, чтобы не понять, какое значение не в отрицательном, а положительном смысле имеет такой отзыв для А. И. Дубровина и «Русского Знамени»!..

Об остальных обвинениях – речь будет особо, а пока – вот пункты, на основании которых обновленный Гл<авный> Совет незаконно постановил не считать «Русское Знамя» вестником Союза Русского Народа.

Главный Совет в вышеприведенном ответе Могилевскому отделу обещает известить о своем предположенном постановлении, а равно о причинах его. Будем ожидать, дабы с своей стороны дать к этому постановлению необходимые объяснения, а пока считаем не лишним коснуться вопроса о том, что же будет представлять собою еженедельный главносоветский журнал «Вестник»?..

Вот – выписка из прошения от Главного Совета министру внутренних дел:

«Находя необходимым установление более тесного единения с отделами *для постоянного направления закономерной и плодотворной деятельности их*, Главн<ый> Сов<ет> С<оюза> Р<усского> Н<арода> ныне приступает к изданию *своего** еженедельного журнала под назв<анием> “Вестник Союза Русского Народа”».

* Курсив наш. – *Примечание редакции «Русского Знамени».*

Как в этих официальных строках ярко и откровенно выразилось чисто чиновничье пренебрежение обновленного Гл<авного> Совета к нашему родному Союзу и к союзникам!..

Вместо светлого, евангельского *«единения духа в союзе мира»* Главный Совет собирается обучать союзников «закономерности», «направлять» их деятельность посредством *своего* (!?!) еженедельного журнала… Главный Совет даже приблизительно еще не знает, как отнесется Союз Р<усского> Н<арода> к этому главносоветскому журналу (не своему *союзному*, а своему *главносоветскому*!); не знает еще – *желают ли* отделы этого журнала; не знает, пожелают ли отделы вступать *в единение* с ним, с «обновленным» Главным Советом, а уже готовится «направлять». Гл<авный> Совет уже видел в «Русском Знамени», как начинают откликаться отделы Союза Р<усского> Н<арода> на главносоветские бюрократические начинания и… все-таки настойчиво желает властвовать над отделами С<оюза> Р<усского> Н<арода>, из которых добрая половина образовалась *совершенно самостоятельно,* – независимо от Гл<авного> Совета ни морально, ни юридически, и, *Главный Совет знает это*, – ни охотою, ни поневоле не пойдут в учение к главносоветским бюрократам, и тем не менее Гл<авный> Совет упорно лезет на разруху, на дробление великой русской могучей организации!..

«Направляет деятельность»!.. Невольно напрашивается мысль – что сделал обновленный Гл<авный> Совет для религиозно-нравственного просвещения провинции? Издал ли он хотя одно воззвание, разъяснение, указание, брошюру?.. *Ничего*, кроме вторичного отпечатания брошюры Тришатного, давно изданной – ничего, кроме оскорбительного для союзников циркуляра к провинциальной бюрократии с просьбой о поддержке (!?!) отделов, в каковом циркуляре союзники выставлены существами с «низким культурным уровнем» и дано обещание *за Союз* (!!), что *теперь* он будет в границах закономерности?!

В горячее революционное время провинциальные отделы действовали самостоятельно среди всеобщей бюрократиче-

ской растерянности и попустительства; и *тогда* союзники не учились у Гл<авного> Совета закономерности, а *теперь* обновленный Гл<авный> Совет хочет взять их на выучку, рекомендуя провинциальным начальствам как людей некультурных и просит «поддержать»… Почему же тогда, когда надо было спасать Россию, гг. бюрократы дрожали от страха и не лезли к Союзу Р<усского> Н<арода> с проповедью и «направлением» в сторону закономерности??! Теперь г. Марков великодушно предоставляет из своих средств 5 000 р. в год «Вестнику». Если Гл<авный> Совет действительно желает поработать на пользу Союза, то не лучше ли употребить эти пять тысяч ежегодно на издание патриотических брошюр?

Вместо этого Гл<авный> Совет пытается задушить «Русское Знамя», которое не стоит ему ни копейки; стремится внести в обиход Союза «Земщину» и приступает к изданию совершенно не нужного Союзу «Вестника», – два органа, из которых ни один не имеет даже приблизительно такого тесного, непосредственного общения с отделами С<оюза> Р<усского> Н<арода>, как «Русское Знамя».

Наконец, невольно является мысль, – да действительно ли так нужен печатный орган обновленному Гл<авному> Совету? Пользовался ли он хотя бы «Русским Знаменем» или той же «Земщиной» для сообщения своих столь ценных союзникам мыслей и руководящих указаний? Поместил ли, напр., граф Э. И. Коновницын в «Русском Знамени» хотя одну строчку?..

«Русское Знамя» предпочтительно перед «Земщиной», столь соответствующей бюрократическим вкусам Гл<авного> Совета, пользуется постоянным сотрудничеством правых членов Гос<ударственной> Думы, но из членов Гл<авного> Совета в качестве сотрудника «Р<усского> З<намени>» обретается только член Гос<ударственной> Думы Ф. Ф. Тимошкин, – остальные даже в деле опубликования копий, присылаемых из отделов, постоянно заслуживают упреки и жалобы союзников… Зачем же, спрашивается, собственный орган?..

А готовое, налаженное, не стоящее Гл<авному> Совету ни копейки субсидии дело – газета «Русское Знамя» – губится Гл<авным> Советом, между тем как слишком хорошо известно, какое вообще громадное значение имеет орган печати. Перед нами предложение крупной немецкой фирмы, ведущей переговоры о том, чтобы создать в России свой орган. Фирма «Фишер и Мюллер» (Франкфурт-на-Майне) предлагает *500 тыс.* в обеспечение предприятия газеты, которая бы обслуживала их интересы. Предлагаем устроить главную контору в Петербурге с филиальными отделами в провинциальных центрах.

Главный Совет стремится погубить газету со сложившейся репутацией, на полном ходу, с готовыми прочными связями на местах, – стремление, не объяснимое ничем иным, как только *злою волей…*

Кому, зачем это нужно?! Предоставляем решить союзникам.

Ред.

<Кто может быть избран в Главный Совет?>

Гродненские союзники запрашивают редакцию о том, могут ли быть избираемы членами Главного Совета Союза Русского Народа и кандидатами к ним – *не союзники*.

Ответ – один, краткий, определенный, не допускающий никаких толкований, отклонений и рассуждений: *никоим образом не могут*.

В Главный Совет членами или кандидатами могут быть избираемы только члены Союза Русского Народа, мало того: *надежнейшие, преданнейшие* из союзников, зарекомендовавших себя с самой лучшей стороны как лица, достойные этих ответственнейших должностей.

При ином порядке в Главный Совет легко могут попасть лица не только недостойные, но даже принадлежащие к заведомо революционным партиям.

Ред.

Издательский комитет Союза Русского Народа

Раздается иногда голос сожаления о том, что более не существует при Главном Совете Союза Русского Народа Издательский комитет. Между тем надобность в нем ощущается весьма сильная, так как одним выпуском, хотя бы и ежедневным, газеты потребность Союза Русского Народа в литературе удовлетвориться не может, а литература правого направления выпуском в свет почти замерла. Старые брошюрки всеми зачитаны, да, наконец, они потеряли в значительной степени свой смысл, так как издавались по какому-либо уже давно минувшему случаю. В настоящее время во всей своей грозной силе выступил жидовский вопрос. Явилась настоятельная необходимость в выпуске народу грошовых изданий с разъяснением различия жидов от обычных людей. Возникли аграрные волнения на почве выдела в хуторские участки, и необходимо успокаивать народ разъяснением великой важности значения перехода к подворному владению. Наконец, по другим делам, – выпуск союзнических календарей, уставов потребительских обществ, домов трудолюбия и проч. и проч. – нива обширная, а деятелей нет.

Вполне соглашаемся с необходимостью учреждения Издательского комитета и не можем не подивиться тому, как Главный Совет в «обновленном» составе не поспешил его воссоздать, тем более, что он только недавно окончил свою деятельность. Ввиду же того, что упреки в прекращении деятельности ложатся на старый состав Главного Совета, считаем необходимым сообщить историю Издательского комитета.

Издательский комитет при Союзе Русского Народа организован был в 1906 году В. М. Пуришкевичем. Он потому назван был лишь состоящим при Союзе, а не входящей в него организацией, что его состав был первоначально из лиц, даже не принадлежащих к Союзу Русского Народа. Более того, в него вошли лица, отрицательно относившиеся к Союзу Русского Народа и голосовавшие на выборах за Партию правового

порядка[1] и даже октябристов. Во избежание же противоречий между деятельностью при Союзе Русского Народа и своими убеждениями члены Издательского комитета из бюрократических его представителей именовали себя беспартийными.

Как бы то ни было, но Издательский комитет начал работать; на деньги, переданные В. М. Пуришкевичем, приступил к изданию избирательных листков, прокламаций антиреволюционного характера, брошюрок, биографий убитых монархистов и даже книжек со стихами и проч. Издания эти частью составлялись сочленами Комитета, часть покупалась им у авторов. Получилось обширное издательское дело, и правая литература выразилась в огромном количестве. Одновременно Издательский комитет предложил разным издателям прислать книги на комиссию. Те откликнулись на приглашение, и склад Издательского комитета уже едва стал помещаться в четырех комнатах. В 1907 году деятельность Комитета была наиболее энергичною. Ежедневно десятки ящиков с монархической литературою сдавались на вокзалах всех железных дорог. Провинциальные отделы Союза свои требования на литературу все увеличивали и увеличивали, и деятельность Издательского комитета разгоралась.

Распоряжался всем В. М. Пуришкевич, председателем Комитета был А. В. Ососов[2]. При Комитете состоял особый платный секретарь, конторщик и несколько служащих лиц. В конце 1907 года, перед выборами в третью Государственную Думу, получился среди членов Главного Совета разлад. В. М. Пуришкевич нашел возможным согласиться на предложение бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов и по своему самоволию, в качестве товарища председателя Главного Совета стал осуществлять эту идею вопреки указаниям председателя Главного Совета А. И. Дубровина. Последнему пришлось лишить В. М. Пуришкевича права делать какие-либо распоряжения по Союзу. Из-за этого вышла ссора, окончившаяся выходом из Союза В. М. Пуришкевича. С оставлением деятельности по Союзу Русского Народа г. Пуришкевича прекратил и участие в Издательском комитете председа-

тель г. Ососов. Деятельность Комитета сразу замерла, так как с уходом г. Пуришкевича изъят был и единственный денежный источник его существования. Председатель Издательского комитета прислал ведомость оставляемых им книг, денежный отчет и ключи от складов.

Тем временем в Главный Совет начали поступать от различных лиц жалобы на то, что Издательский комитет не производит с ними расчетов. То были авторы приобретенных изданий и издатели, приславшие книги на комиссию. Положение этих счетов по отчету г. Ососова совершенно не уяснилось. Ввиду сего председателем Главного Совета были приглашены члены Издательского комитета с просьбою ликвидировать прежние дела и расчеты и выяснить вопрос о дальнейшей деятельности Издательского комитета. В течение 1908 г., под председательством Н. Н. Жеденова[3], Издательский комитет приводил все счеты в порядок, и наконец, выяснил огромный счет за Главным Советом на сумму до 20 тысяч рублей. Тогда Главный Совет потребовал списки кредиторов Издательского комитета, и председатель Главного Совета А. И. Дубровин, ввиду сделанной на него ссылки, что и он также разрешил иногда выдавать за счет Главного Совета отделам Союза литературу бесплатно, принял на себя уплату всех выясненных к тому времени Издательским комитетом долгов, и в настоящее время таковой расчет им произведен.

Необходимость для председателя Главного Совета расплатиться личными средствами за непорядки и неумение вести дела в совершенно частном учреждении при Союзе Русского Народа вызвало обсуждение в Главном Совете о допустимости такого положения вещей в будущем. Издательский комитет, не представляя собою юридического лица и будучи независимым от Главного Совета, вел в то же время чисто коммерческие операции, за каковые предстояло нести ответственность Главному Совету Союза Русского Народа. В то же время и потребность в литературе настоятельно ощущалась. Тогда решено было издавать литературу. Редакция «Русского Знамени» успела скопить таких изданий уже порядочное количество и

от времени до времени снабжала ими нуждавшиеся в литературе отделы Союза. Успешный и притом не ответственный в материальном отношении способ снабжения союзников литературой указал на возможность обойтись без независимого учреждения по изданию брошюр и потому Издательскому комитету было предложено ликвидировать свою деятельность. Члены Комитета, однако, приведя в известность состояние счетов, приступили к составлению каталогов для союзных библиотек и предполагали продолжать коммерческую деятельность. Предстоящее переизбрание состава Главного Совета побудило не предрешать дальнейшего течения дел, дабы не навязывать таких условий деятельности, взгляд на которые может составиться иной, и прежний Главный Совет не решился взять под свою материальную ответственность дальнейшие операции Издательского комитета.

Ввиду сего Издательский комитет постановил прекратить свою деятельность, и в настоящее время библиотека его в количестве тысячи экземпляров сочинений со всем инвентарем и погашенными из личных средств А. И. Дубровина счетами передана Главному Совету обновленного уже состава. Осенью тому же Совету в его распоряжение был передан редактором-издателем «Русского Знамени» А. И. Дубровиным целый склад изданий редакции.

В чем же выразилась просветительская деятельность обновленного Главного Совета – пока неизвестно. Дела Издательского комитета ему сданы со всем инвентарем; представлен и отчет за все время существования Комитета, но на обсуждение Главного Совета этот отчет не вносился.

Общее собрание Литейно-Рождественского отдела Союза Русского Народа 6 января 1910 года

В обширном помещении читальни на центральной Спасской ул<ице> столицы к семи час<ам> вечера собрались члены Союза Русского Народа в количестве до 1 000 человек. Союз-

ники от превосходительных до простых рабочих, не считаясь положениями и не дробясь на группы, радостно приветствовали друг друга и обменивались общими новостями.

Председательствовавший на собрании любимец русских людей Василий Васильевич Филиппов открыл собрание в 7 ч. 15 мин. предложением по русскому обычаю воздать хвалу Богу. Хор союзников прекрасно исполнил «Царю Небесный», тропарь праздника Богоявления Господня и народный гимн. Кстати, следует заметить: русские люди, особенно простонародье, считают гимн «Боже Царя храни» не простым торжественным песнопением, а молитвою – во время исполнения гимна они все усердно осеняют себя крестным знамением и творят поклоны, присоединяя к хору свои голоса. Оставалось бы и войсковым частям последовать этому прекрасному примеру русских людей и не ограничиваться одним музыкальным исполнением гимна, но научиться хоровому исполнению его. Какое чудное впечатление получалось бы и для войск, и для посторонних слушателей, если бы гимн исполнялся целой дивизиею, полком, батальоном или ротою. В Германии так заведено, а у нас все еще не собрались.

Собрание открылось речью Л. Е. Катанского.

– Братья и сестры, – возгласил оратор, – судьба нашего объединения одна из тяжелых, и чем дальше, тем все труднее становится. В первые месяцы жизни Союза мы встретились с открытыми и, следовательно, очень удобными врагами – было видно по прокламациям, по револьверам, по бомбам и по нерусским физиономиям, где русские враги, с чем они идут, на кого идут и даже сколько их. Дело совсем было принимало оборот великой регулярной войны православной русской народности против восставших инородцев. Русские силы и способности всеми дозволенными законом и совестью мерами и средствами противостояли инородческому набегу, заслоняя своими трупами и головами исторические святыни собственной православной государственности. Рождалась в дыму и пламени инородческого террора воодушевляющая светлая идея национального мученичества и, поэтому объединение русской семьи росло не

по дням, а по часам. Даже самому Основателю Союза Русского Народа приходилось сдерживать народный порыв к патриотическому мученичеству. Один вид русской бесстрашной готовности на всякие жертвы ради спасения Православия, Самодержавия и прав исторического первенства русской народности был ужасен для восставших инородцев. Это видело и понимало все русское общество и дарило Союз Русского Народа своим самым горячим сочувствием, а инородцы трепетали.

К сожалению, в то время, в пылу борьбы и в океане вскипевшего могучего патриотизма мало кто из русских людей уяснил себе действительные цели инородческого набега. Возникшая в 1905 году под флагом «свобод» политическая борьба, – как мы убедились после долгого, горького опыта только теперь, – представляла собою особого рода нашествие иноплеменников на нашу государственность, – такое нашествие, при котором целью иноплеменников были не только наши имущества, но и наши умы, нравы и добрые, жизненно важные для целости государственности русские обычаи и порядки. В такой войне бомба и пуля поражают борцов, а в то же время прокламация, подлая газета и книжонка поражает отравою народную душу. Пораженный выстрелом и взрывом становится мучеником и живым примером народного геройства. Смерть таких только вредила нашим врагам и кости убитых братьев, так сказать, делались оружием для нашего патриотизма и превосходили своею нравственною силою террористическую силу бомб и пуль. Но вот те, которых поражала печатная отрава, становились уже не в ряды светочей русского патриотизма, а делались колеблющимися и оглядывающимися назад и по сторонам и, следовательно, неблагонадежными для русского дела.

Мы уже знаем и видим, как ходко идет посредством инородческой печати завоевание русских умов и нравов и разрушение жизненно важных понятий и обычаев. Все эти жидовские редакции, английские, французские и американские благодетели русского просвещения и нравственности и всевозможные сектанты действовали и действуют именно в целях покорения под свое влияние русской народной души.

В руку этим духовным разорителям русской государственности всегда действовало пресловутое либеральное благодушие русской бюрократии, а с конца 1906 года начали действовать и некоторые наши друзья. Появление подобных друзей составляет второй период революционного завоевания России. Тактика этих «благодетелей себе на уме» самая иезуитская. Они пустили в ход политику дурных советов и подмены положительных понятий более двусмысленными, объясняя рекомендуемые ими мелкие компромиссы, как временные маневры и как неизбежную дань политическим моментам. Вследствие такого незаметного наклонения корабля Союза Русского Народа на левый борт почувствовались внутренние столкновения, а затем тогда же повеяло духом сомнений и подозрительности.

Под шумок возникших внутренних недоразумений забегали на позиции Союза Русского Народа разные мелкие бесы, сплетники и вообще грызуны. Конечно, от этого в корабле нашего Союза образовалась течь, вызвавшая замешательство. И вот этим-то моментом воспользовались «дурные друзья» и в тайном заговоре с «хорошими врагами» устроили по дрейфусаровскому[1] руководству пресловутый процесс государственного преступника Герценштейна. С помощью этого процесса они почти три года купали в грязи великое имя Русской Народности, разбивая таким путем всякие надежды высшей власти на всенародное русское объединение. Такой способ революционной войны против нас был успешнее прямых нападений террора, потому что врагам удалось добиться некоторой деморализации на самой позиции союза Русского Народа и удалось поставить нескольких деятелей Союза в положение очерненных, заподозренных. Ведь и навязанная грязь есть все же грязь, а не что-либо другое. А так как у русского общества в это боевое, смутное время очень ослабела способность разбираться в хаосе политической неурядицы, то вот из тех, которые ценят события по внешности и склонны к поверхностным, неглубокомысленным заключениям, создалась для «заговорщиков внутреннего за-

воевания» очень удобная армия посторонних недоброжелателей Союза Русского Народа.

Но еще более ужасно наблюдающееся теперь в среде русских людей стремление к внутренней переоценке ценностей нашего объединения. Возникла целая армия сплетников – переносчиков всевозможных толков и пересудов, чем нарушается то мирное, доброе, союзное настроение, без которого немыслима никакая положительная работа.

Наконец, явились и такие люди, которые осмеливаются советовать, что для успеха русского дела необходимо отдать управление Союзом в руки новоявленных вождей – в руки тех, которые не были с нами в тяжелые дни 1905 и 1906 гг. и не были даже с Основателем Союза А. И. Дубровиным в те великие моменты, когда он удостоился воспринять от Государя Самодержца священные заветы Его Величества с Русскою Народностью. Словом, А. И. Дубровина, его живую душу, родившую Союз, испытавшую с Союзом горести и радости и воспринявшую на себя указанный Самодержцем исторический долг по объединению русских людей и по созданию из них надежной опоры для Престола теперь предлагают заменить безличною организациею. Как видите, пробирается на исторический пост непосредственного, ответственного перед Богом, Царем и Народом Основателя Союза новомодная парламентская сила со всеми качествами и свойствами так называемого «случайного большинства». Отдать руководительство Союзом этому «случайному большинству» значило бы предоставить Союз на произвол случайностям, – значило бы сдать позицию Союза безличной власти, – значило бы спустить Союз вниз по течению рокового хода событий.

Братья и сестры! Вражеский расчет верен. Они рассчитали, что мы, раздраженные беспрерывными и долговременными опасностями и травлею, готовы предаваться всяким преувеличенным опасениям и склонны видеть друг в друге виновников своих неудач. Враги собрались использовать зародившееся в некоторых из нас недовольство внутренним состоянием Союза. Словом, враги привлекли на свою сторону всех тех из

Союза, которые дают волю своему воображению и ничего не имеют в себе, кроме воображения, да еще предательской привычки хвататься без разбора за всякие поводы к подозрению и почитать их за несомненные доказательства.

Братья и сестры! Нельзя забывать, что самый ближайший враг человека – это его собственное воображение. Под влиянием воображения мы нередко преувеличиваем свои надежды и опасения, на основании которых и приходим к неправильным выводам, т.е. к самообманным ошибкам, – иногда роковым и непоправимым. А ведь по условиям политической войны, которую мы ведем, всякое перемирие и малейшее колебание могут привести нас не только к проигрышу драгоценного времени, но и к еще худшему, – именно к опаснейшей неосмотрительности. Помните: политическая война куда похуже обыкновенной регулярной войны – кто из противников замешкался и сплошал, тот готовься быть не пленником, а раздавленным. Политическая война беспощадна и не знает, что такое обоюдоудобные, мирные договоры. В этой борьбе может быть только два результата: или восторжествуй над врагом и раздави его силою своего духовного и практического превосходства, или приготовься под его ярмо, омоченное в твоих же собственных слезах и в священной крови лучших патриотов.

Вот почему должны все русские люди самым положительным образом уяснить себе, что именно значит, что Союз Русского Народа объединился под Георгиевским знаменем Православия, Самодержавия и Русской Народности. Объединились не для того, чтобы сделаться какими-то самозванными истолкователями Православия, а для того, чтобы призывать русскую семью к идеалу детского сердца и к полной, безусловной покорности воле Божественной Церкви, просвещающей всякий дух и спасающий всякую жизнь. Мы не сочинять собрались какую-то новую нравственность и возвещать миру какие-то новые нравственные идеалы, а только исповедуем перед всем миром, что вложенное в нас Православием учение о нравственности величественно, полно и не нуждается ни в каких преобразовательных реформах.

Равным образом и за Самодержавие мы стоим не как политические соперники министров и властей, а как слуги законности и порядка, исповедующие в образе Самодержавия Божественное Личное Начало и орудие Благого Промысла, возвещающее нам государственную истину и правящее судьбами Отечества нашего и, следовательно, не подлежащее никакому подмену и устранению.

Наконец, ополчившись за русскую народность, мы добиваемся не водворения социалистических «свободы, братства, равенства», а только восстановления наших наследственных исторических прав политического преимущественного первенства в нашем Отечестве. Мы настаиваем, чтобы у нас в России не водворились никакие инородческие интересы за счет русского интереса, и чтобы русский вопрос был для всех властей самым близким к сердцу.

Ратуя за такие насущные начала родной государственности, мы твердо заявили и заявляем, что ни один православный человек не смеет потворствовать безбожному вольнодумству, бунтовскому сектантству, предательскому космополитизму, диктатуре нерусских по духу партий и переустройству государственных порядков для надобностей вредных нам инородцев и иностранцев. Непристойно православному миру заботиться о жизненных удобствах международных паразитов! Кто о себе и о своих не заботится, тот изменник и предатель!

Вот о чем говорит нам Георгиевское знамя Союза и вот на страже чего стоит Основатель Союза А. И. Дубровин! Заявим же, что он в наших глазах стоит на таком посту, который даже он сам может оставить только с последним вздохом. Он для нас не председатель Главного Совета Союза, а несменяемый блюститель воспринятой Союзом от Великого Самодержца великой непередоверяемой обязанности по религиозно-национальному собиранию и объединению русской народной семьи. Кто с нами не согласен, кто не почитает Основателя Союза несменяемым, тому вон дверь, – пусть уходит от нас! Правильно ли я говорю?! – заключил оратор.

– Правильно. Согласны! – прогремели в ответ союзники.

Не успело утихнуть движение, вызванное речью оратора, как возникло новое движение, с радостными восклицаниями и с громом рукоплесканий. Посреди расступившихся союзников показался А. В. Половнев. Он шел, едва передвигая ноги, как будто на них волочились двухпудовые финляндские кандалы, от которых его только что освободили всемилостивейшие руки Правосудного Самодержца.

А. В. Половнев простер объятия к первому попавшемуся из старых союзников, и все близ случившиеся увидели на его руках кровавые запястья.

– Боже! – громко вскрикнула одна из союзниц при виде этих следов финляндского варварства над невинным русским человеком.

– Братья! Сестры! Выслушаем, что поведает нам этот дорогой гость! – предложил председательствующий В. В. Филиппов.

– Цела голова моя и уцелело во мне русское сердце! – заговорил А. В. Половнев. – Двухпудовые кандалы волочил я по финляндским смрадным тюрьмам, но это ничто по сравнению с тою мукою и с теми душевными пытками, которые за полтора года испытал я от извергов. Самые обыкновенные человеческие законы попирались финнами только для того, чтобы сделать меня из невинного виноватым и из разумного сумасшедшим. Мне отказывали в справедливейших просьбах и надо мною издевались, злорадствовали. Изо дня в день попрекали мне: «Где твои русские братья и русские законы? Они оставили тебя, и ты не уйдешь живым. Скажи лучше, – предлагали враги, – все, что научит Вебер, не настаивай на каких-то своих просьбах. Если понадобится, то и законы новые напишем, чтобы только ты от нас не вырвался.

Но все это я перенес, все во мне переболело, и изготовился было я даже душу свою положить за чистое русское имя вдали от вас. Однако Бог судил иначе, и вот я опять с вами, хотя теперь у меня впереди один голод. Не пришлось пока восторжествовать, так будем бедствовать, и авось и на бедствия откликается Божие и Царское милосердие и приведет русскую

правду к победе над инородческою кривдою. Тяжело страдать невинно, незаслуженно, но зато чувствуешь, что Бог твой с тобою, у самого сердца. Стойте же, братья, на своем, потому что если бы не было на нашей стороне Божеской правды, то не лютовала бы так супротив нашего Союза вся нечистая сила. Мы победим, победим, потому что с нами Бог и Царь!..

– Ура! – воскликнуло все собрание.

Хор исполнил гимн.

Был объявлен перерыв, во время которого по требованию собрания произведен сбор в пользу А. В. Половнева.

В момент возобновления беседы прибыл основатель Союза А. И. Дубровин, встреченный такою всеобщею радостью, которая достается в удел только дорогим, родным, долгожданным гостям.

– С Новым годом, дорогие союзники! С новым счастьем! – воскликнул Александр Иванович. – Долго я не виделся с вами, но душою и сердцем оставался ваш. В пору своей болезни я чувствовал на себе теплоту ваших молитв и добрых пожеланий. Во все время вражьих нападок, позоривших мое имя и отравлявших угрозами каждое мгновение моей жизни, не ослабевала у меня вера в русскую любовь. Вот и теперь, явившись сюда с истерзанным сердцем, я во мгновение ока почувствовал, как чудодейственна ваша любовь и как много она может сделать с каждым, кто ищет не славы от вас, а одной горячей готовности к совместной патриотической работе. Мое настоящее воодушевление – это ваше воодушевление, это тот дух, который более тысячи лет веет над русской землей, заставляет биться могучее народное сердце и создает из русских сил и способностей славу Православия, величие Самодержавия и неодолимую народную мощь. Не стану говорить, что я выстрадал, а скажу: «Слава Богу, что выстрадал, и дай Бог выстрадать до конца». Видно, так надо! Видно, все доброе должно рождаться на свет только в муках. Вот и Союз Русского Народа родился на свет дорогою ценою. Многим он жизни стоил и многие за него страдали и страдают, но разве лучше было бы, если бы Союз не рождался?! Можно с уверенностью сказать, что если

бы я в момент основания Союза побоялся своих и чужих мук, тогда, наверное, теперь на Руси было бы уже не Православие, а людоедская религия, и не Самодержавие, а конституционное варварство! Пусть говорят, что ничтожен Союз, но эти тысячи Георгиевских знамен, осеняющие наше Отечество, – не ничтожество и не звук пустой. В них угроза врагам! По ним видят враги, что еще жива русская народная сила, не ослабела богатырская русская воля и несокрушен неукротимый русский патриотизм! Пусть враги грозятся, что еще сто раз, по примеру дела Дрейфуса, они поднимут процесс иллюминатора Герценштейна. Этот процесс – не дело Союза! Кто приписывает его Союзу, тот сам перед собою лжет. Видите, как чисто имя нашего Союза?! Даже дьявольская изобретательность врагов, даже самые щедрые подкупы на счет международной складчины оказались не в силах сочинить против Союза сколько-нибудь правдоподобных выдумок. Вот почему спасибо врагам! Они, именно они дали нам полное право заявить, что Союз Русского Народа, как в первые дни существования, так и до сей поры остается незапятнанным даже вражьею кровью. Все теперь убедились, что мы оставались и остаемся верны девизу: «На начинающего Бог!» – и поэтому только сопротивлялись врагам, но не нападали на них, как они на нас, смертным боем. Бойтесь же не вражьих нападок и клевет, не интриганских обвинений и процессов, а бойтесь только всего того, что может омрачить Верховное доверие к русскому духу и может поразить Союз Царским гневом. А пока Государь не прогневан нами, пока Он видит нас бодрствующими на патриотическом посту во имя законности и порядка, до тех пор мы вправе продолжать свое доброе, русское дело.

Где бы я ни был и что бы ни случилось со мною, я все снесу безропотно, но одного не потерплю – это измены русскому интересу. Бойтесь изменять, бойтесь колебаться. Бойтесь прислушиваться к тому общественному мнению, которое звучит не из русского православного самоотверженного сердца. Держитесь все со мною у русского знамени. Я выпущу его из рук только с последним дыханием!

– Клянемся! Не покидайте нас! – прогремело в один голос тысячное собрание.

1905-м годом повеяло от этого неизъяснимо удивительного всеобщего подъема.

Поэт Потехин произнес обращенный к А. И. Дубровину высокопоэтический призыв.

Председатель Бакинского отдела поведал, что кавказские союзники, хотя задыхаются в чаду смуты, но остаются по-прежнему стойкими на своем посту и поклялись быть бесстрашными перед страхами и радостными перед самою смертью за великие русские права.

В заключение Л. Е. Катанский по требованию собрания обратился к А. И. Дубровину с такою речью:

– Все присутствующие здесь до Вашего прибытия единогласно порешили не менять Вас на безымянный партийный орган и считать Вас для всего Союза Русского Народа несменяемым главою и вождем. Таким образом обеты, лежащие в основе Союза, теперь еще раз торжественно возобновлены. Народное решение выше и важнее какого угодно решения кучки людей с парламентским духом. Помните это и располагайте Союзом, как своею семьею.

«Ура» прокатилось по собранию с громом рукоплесканий.

Собрание закончилось молитвою и народным гимном. К 11 часам вечера все разошлись, унося по домам светлое, отрадное чувство о пережитых мгновениях.

Дай Бог, чтобы эти мгновения почаще повторялись!

За своего

«Обновленный» Главный Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода>, к которому были обращены недавно напечатанные в нашей газете «Необходимые разъяснения» А. И. Дубровина, оказалось, должен был бы, по общепринятым обыкновениям, противопоставить приведенным фактам и документам равносильные доказательства. Однако – как свидетельствует

помещенная в № 6 его «Вестника» анонимная статья под заглавием «Измена» – он по-прежнему обратился к помощи все тех же голословных против А. И. Дубровина обвинений, которые он уже опроверг по существу. Таким образом распря Главного совета с А. И. Дубровиным оказывается бесповоротно потерявшею всякие свойства деловитости и превратилась в самое обыкновенное «беличье колесо». В подобном «колесе» прилично вращаться одним праздным людям, имеющим уши только для того, чтобы слушать самих себя. Но в Союзе нет таких баловней судьбы, и поэтому, не видя никаких фактов и документов в опровержение фактов и документов, приведенных А. И. Дубровиным, весь Союз имеет полное право считать победу этой словесной войны оставшеюся за ним.

Тем не менее Главный Совет, отступив с поигранных позиций и мобилизовав остатки своих сил в «беличьем колесе», победоносно махает оттуда своею вышеназванною «Изменою» и приглашает А. И. Дубровина явиться на единоборство. Вот ясные доказательства, насколько недействительны самые сильные и даже смертоносные доводы против людей, имеющих в кармане «волшебный кошелек». В словесной войне и вообще-то невозможно довести противника до того, чтобы он сам признал себя логически мертвым. А тут ведь не один противник, а целая масса их, и все закованы в золотые доспехи и пользуются неистощимыми подкреплениями из благоприобретенного волшебного кошелька и из не менее волшебной сокровищницы собственной фантазии. Что им факты и документы, логически уличающие их, когда сами они чувствуют, что способность говорить и писать вздор ничуть не отнята у них. Ведь одна эта способность даже при отсутствии всех других есть сама по себе такое волшебное оружие, которое в наше «конституционное время» отлично помогает существовать всякой неправде и даже служит магическим балансом для плясунов на карьерном канате. В удел таким обладателям волшебного кошелька и магических орудий полагается по штату не уязвимая никакими фактами и документами розовая жизнерадостность, которая с успехом заменяет собою для них всякую логику.

Где нет логики, там пустое место, там не с кем спорить. Но, к сожалению, нам, союзникам, приходится спорить, потому что во всех нападках Гл<авного> Совета проглядывает довольно отчетливый характер косвенных услуг «конституционному делу», т.е. тому расшатыванию и просеиванию русского народа, которое с легкой руки заграничного капитализма и масонства сделалось главнейшею жизненною задачею «нового режима», подрядившегося во что бы то ни стало искоренить в России всякое патриотическое творчество.

Наглядным доказательством всего этого оборота политики служит упомянутая главносоветская «Измена».

Анонимная статья под таким заглавием начинается у Главного Совета трагическим восклицанием: «Жребий брошен и Рубикон перейден».

Да! – можно сказать: вам возврата нет, ибо ваш политический вексель попал в железные руки.

Далее в той же статье громко сказано словами покойного князя Трубецкого[1]: «Страшное слово “измена” произнесено! Нас обвиняют…» и т. д.

Твоими устами будем судить тебя, – должны мы ответить на это, и вот наши доводы.

Да, именно вы, обновленцы, поселили раскол в Союз и дробите его силы. Кто не вертится вместе с вами в беличьем колесе, тому хорошо видно, что вы не творчеством занимаетесь, а делаете диверсию, ложную тревогу с целью увлечь внимание всего Союза в сторону мелочных внутренних дрязг. А кто так отводит глаза сторожевым патриотическим отрядам и делает это в самый разгар «конституционно-торговой спекуляции» русскими интересами, тот оказывает даже не косвенную, а самую прямую помощь жидам и всем, в ком есть охота поживиться на счет России. Словом, своею шумихою вы доставляете нашим врагам «удобную минуту» для стрижки русских овец.

К чему речь о каких-то пяти миллионах, которые будто бы предлагал А. И. Дубровину банкир Мендельсон. Он настолько наивен, чтобы считать А<лександра> И<вановича>

человеком, олицетворяющим собою дух и волю всей русской народности. Ведь даже основанный им Союз Русского Народа по своей сущности представляет собою не новое явление. Тот дух, который воплощен в союзе, существует от начала Св. Руси и ратоборствовал под знаменами Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, Александра Невского, Андрея Боголюбского и Дмитрия Донского. «Дух старой партии народной» свергнул татарское иго, помогал Ивану Калите в деле собирания государственных сил и дал его сыну Симеону прозвание Гордого. После того с Иоанном Грозным раздавил родоначальников современных «конституционалистов» – своекорыстных и своевольных столпов «земщины», покорил татарские царства и победоносно прошел всю сибирскую землю. Тот же русский народный дух по смерти Феодора Иоанновича отверг предложенную дьяком Щелкаловым[2] подмену Царской власти боярскою думою, рассеяв смуты самозванщины, сокрушил польское иго и со знаменами Пожарского отпраздновал избрание боярина Михаила Романова на Царство. Наконец, победы Царей Алексия, Феодора и Петра Великого, достигавшие берегов Балтийского, Белого, Каспийского и Черного морей, были делом рук все того же бессмертного русского народного духа. Он не дал себя задушить железным тиском «бироновщины», говорил правду Екатерине Великой на последнем земском соборе[3], прогремел под Чесмою, на Альпах, и прошел, водворяя мир, по всей Европе до Парижа, а потом, приняв огненное крещение в Севастополе, покорил Кавказ, усмирил поляков и провозгласил славянскую свободу на Балканах. И если бы ему не помешали вожди-инородцы в Японскую войну и во время недавнего жидовско-инородческого мятежа[4], если бы русскими львами по-прежнему командовали львы, то звено православного мира уже теперь облегало бы японский архипелаг и сомкнулось бы на Гималаях. Но что не сбылось, то отложено, ибо русский дух, переживший 10 столетий, переживает и переживет и «конституционные годы». Это знают враги, и недаром они так пугаются мирного шелеста знамен Св. Георгия, развевающих на позициях Союза Русского Народа.

Следовательно, знал и знает банкир Мендельсон, что не А. И. Дубровиным, а историей создан Союз Русского Народа, и нет такой власти, которая была бы в силах приостановить эту историческую силу и направить ее по окольным от русского дела путям. Итак, спрашивается, с какой стати мог предлагать Мендельсон А. И. Дубровину 5 милл<ионов> руб., когда даже от малого ребенка легко мог узнать, что руль судьбы российской не в его руках, и что вообще от начала мира неслыханна торговля народною душою. Одни конституционалисты да их доброхоты могли по своему недомыслию взяться ради жидовского золота за такой безнадежный подряд. Поэтому у одних у них в карманах надо поискать мендельсоновских миллионов.

Что касается ставимой А. И. Дубровину в упрек «попытки г. Витте подкупить его», то эта его неумная затея действительно была. Он подсылал к нему помещика Пронина, о чем доподлинно известно многим членам Русского Собрания. Подкупал, да не подкупил, – в чем же тут худо со стороны А. И. Дубровина?

На вопросы: «Кто посеял раздор в Союзе и кто первый выступил против Главного Совета?» уже дан А. И. Дубровиным ответ в его недавних «Разъяснениях», так что поднимать снова те же вопросы – все равно, что разводить известный хохлацкий спор о «кожухе». Пусть этим слововерченьем занимаются те, которых к тому «должность» обязывает, а А. И. Дубровин стар для подобной потехи конституционных «приготовишек».

Неправда и то, будто он «посылал по отделам своих уполномоченных». У него, как всем известно, нет «волшебного кошелька» для расходов на подобные затеи. Если же в начале его «словесной перестрелки» с обновленцами ездил г. Половнев в Нижний, то сами нижегородцы легко могут доказать, что выписывали его по собственному почину и на свои деньги. А вот пусть-ка Главный Совет поименно назовет тех дубровинских уполномоченных, которые после воцарения обновленцев ездили по отделам «потрясать авторитет конституционной опричнины». К счастью, придется обновленцам и в этом случае брать над А. И. Дубровиным верх одним криком.

Так же несостоятельно обвинение его в том, будто он «нанимал Катанского, Борка[5], Половнева, Тополева и т.п. для ведения компании против Главного Совета».

Всем, хоть сколько-нибудь знающих Катанского, отлично известно, что он не скрывал своих мнений о многих лицах даже и в эпоху владычества в Союзе Восторгова и Пуришкевича и совсем стоял в стороне в те времена, когда настоящие члены Главного Совета целый год только и делали, что вздорили и упражнялись над превращением мух в слонов и дела в безделье. Если же Катанский выступил, как только в прошлом году увидел, что борцы за Православие принялись потворствовать еретичеству, и стражи законности и порядка пустились в надругательство над авторитетом церковных канонов, то, во-первых, это случилось без всякого участия А. И. Дубровина, а во-вторых, в чем же тут худое? Ведь даже любой дворник вправе приостановить замеченный беспорядок и помешать скандалу. Все мы, петербургские союзники, отлично знаем, что А. И. Дубровин с 1 июня 1909 г. и до начала января сего года не касался в дела. Без него произнес Л. Е. Катанский «инкриминируемую» ему Главным Советом речь. Кстати, речь была им произнесена составленная, и напечатана она тогда же в «Рус<ском> Зн<амени>» полностью, причем в ней нет ни малейшего намека на подкуп Главного Совета с чьей-либо стороны. Поэтому выражение журнала Главного Совета, будто бы Катанский тогда «назвал членов Главного Совета и др. союзников наемниками Столыпина» есть не более, как отголосок странного внутреннего беспокойства самих же его обвинителей..., вероятно, по известной пословице о самовозгорании шапки. Иногда и вздох бывает предателем.

Какая беда в том, что А. И. Дубровин высоко ценит в Л. Е. Катанском искру Божию и фанатическую твердость. Пусть сами обновленцы укажут в его литературных трудах хоть одну строку, которая клонилась бы во вред священным целям нашего Союза. Наконец, они не могут не знать, что Катанский не состоит в списках Союза, и что вообще всякие нападки на этого неподкупного писателя неосновательны и безобразны по свое-

му существу. Тем не менее, когда Главный Совет же совершил свое незаконное дело с исключением Катанского из Союза, то А. И. Дубровин немедленно опубликовал в № 36 «Рус<ского> Зн<амени>» постановление об этом и удалил его от сотрудничества. Следовательно, даже и в ту пору, когда Главный Совет вызывающе обижал одного из лучших сотрудников и задорно накладывал свою руку на редакторские и издательские интересы, А. И. Дубровин не противился и покорно шел навстречу подобным «обновленческим» мероприятиям Главного Совета, явно клонившимся к доведению газеты до выморочного состояния. Конечно, теперь, когда все мы убедились, что в отношениях к обновленцам худой мир «хуже хорошей ссоры» и когда сам Главный Совет заявил о полном разрыве с «Рус<ским> Зн<аменем>», нет ничего предосудительного для А. И. Дубровина в том, что Катанский опять возвратился на свой литературный пост в Союзе.

Относительно того, был ли «нанят А. И. Дубровиным доктор Борк», наверное, А. Н. Борк скоро ответит анонимному автору «Измены» Главного Совета.

Относительно «найма Половнева и Тополева» можем и мы за А<лександра> И<вановича> сказать одно: действительно, был грех, давал он Половневу с семьею денег, чтобы не помирали с голоду, и также сам сознавал, что более года назад подал без ведома Главного Совета Тополеву 20 коп. на хлеб и с тех пор потерял его из виду.

О «найме же тому подобных» нельзя ничего сказать, пока автор «Измены» не расшифрует своих «и т. п.» и не назовет, кого именно он подразумевает.

Таким образом, самые убийственные места статьи об «Измене» можно назвать вполне исчерпанными, причем на дне оказываются одни только «благоразмышления» анонимного рыцаря Гл<авного> Совета о том, что именно «думал» А<лександр> И<ванович> по поводу роли почетного председателя» и как «понимает он относительно того, если бы ему пришлось возвратиться к обязанностям председателя при нынешнем составе Гл<авного> Совета».

Да чего же ему «думать» и о чем «понимать», когда в Гл<авном> Совете пребывают все те же лица, которые целый год перед его уходом изволили «обновляться» на бесполезных препирательствах: ведь теперь там только двое новых – А. А. Римский-Корсаков и Говорухо-Отрок, а остальные «знакомые все лица». Вот только нас, союзников, удивляет, кем, каким образом и с каких пор Гл<авный> Совет возведен в звание «Советской коллегии» с законодательными правами?! Уж не зачислены ли члены этой новоявленной «Коллегии» в «состоящие по какому-либо министерству»?! Все может быть в наш век волшебных превращений! И если они действительно теперь попали в министерский штат, тогда и говорить нечего, что А. И. Дубровин со своим чином «статского советника» слишком мал для председателя такого второго по счету «высокого собрания».

Однако «Коллегия»… «tres faciunt collegium»[6] … напоминает и средневековые судилища инквизиции, и мрачные времена венецианских дожей... Дух тех времен так и веет от новоиспеченной «Коллегии» и от ее безграничной веры в собственную непогрешимость, насквозь замороженную холодом неприступного величия. Даже рота телохранителей заведена под командою Горностаева.

Где уж тут думать А. И. Дубровину «об изгнании большей половины членов», когда, небось, и сам П. А. Столыпин только и старается, как бы поискуснее вести политику с новоявленною «Советскою коллегиею». А. И. Дубровин сам сознается, что только и помышляет о добром ответе на этом судилище, которое собирается притянуть его «в свое время за нанесенный Союзу ущерб». Только нам кажется, что в этой угрозе проявилась одна из тех «поэтических вольностей», которыми так богата молодая деятельность «обновленцев». Ведь вот свалили же на А<лександра> И<вановича>, будто он выдумал, что «они» собирались «сдать Союз Пуришкевичу и Восторгову», тогда как в действительности это не выдумано, а прямо застигнуто академиком А. И. Соболевским перед самым интересным моментом.

Точно так же сами попались в непредставлении никаких основательных опровержений против приведенных А. И. Дубровиным документальных и фактических доказательств, да сами же и говорят, что так и не дождались от него доказательств. Одним словом, такая у них богатая фантазия, что перед нею факты бледнеют и документы изглаживаются. Настолько срослись со своею фантазиею, что ни огонь, ни меч, ни самый горький опыт не расторгнут этой связи до самой смерти. Многообещающая «Советская коллегия»! Пусть будут милостивы к ней небеса, а потому что грешная земля от нее далеко, равно как и она от земли держится на высоте птичьего полета и взвивается все выше и выше.

В заключение до́лжно всем нам вот на чем условиться: не будем мешать этому волшебному возвышению «Советской коллегии» и не станем отвлекать ее от соколиного полета… Чем выше она улетит, тем спокойнее будет Союзу. Ведь наше земное, народное, русское дело не по плечу этому «высокому собранию». А потому самое лучшее для нас – продолжать свое дело, как начали, – тихо, дружно и настойчиво, надеясь не на «волшебный кошелек», а на Господа Бога да на свой русский разум.

Редакция

Самообновленческая толчея

«Как только человек вообразил себя непрерывно идущим в гору, так с того же момент он перестает двигаться и начинает вращаться вокруг собственной оси».

Эта глубокая психологическая истина, высказанная впервые историком Томасом Карлейлем[1], вполне подтверждается письмом г. Маркова 2-го, которое появилось в № 10 «Вестника» обновленцев, собравшегося не на шутку сделаться родоначальником «беличьей литературы».

Г. Марков 2-й в первых строках своего письма предупредительно заявил, что он «манией величия не страдает» и

в доказательство отсутствия у него подобного неизлечимого недуга описал в высокопарных фразах свою патриотическую деятельность в Курской губ. и скрепил это «скромное» повествование всеми своими патриотическими титулами, составляющими 58 слов, которые едва уместились в восьми строках. Все его писание удивительно выдержано в тоне девиза якобинцев: *«Единение или смерть»*.

Приглашая русских людей к полному подчинению обновленному Главному Совету, г. Марков подробно перечислил позаимствованные из послужных списков титулы своих сочленов. Сверх того, прямо сказал про них, что все «они принадлежат к достойным, заслуженным и выдающимся деятелям нашего святого правого дела, конечно, известным во всей России и уважаемым всеми порядочными людьми».

Излишни подобные уверения! Никто не сомневается, что современным составом Гл<авного> Совета не тяготятся ни небо, ни земля. Каждый из его членов, может быть, и заслуживает уважения. Но, к несчастью, все они попали в какой-то заколдованный круг, с которым теперь действительно, – как выразился г. Марков, – «приходится считаться всем истинно-правым людям на всем пространстве великой родины». Тем не менее, их голосов не слышно. Из всего обновленного состава гремят только трое: «скромный» Н. Е. Марков 2-й, «величественный» бывший студент Соколов и «послушный» им обоим гр. Э. Коновницын при участии «бдительного их адъютанта», отставного сыщика Горностаева. Таким образом, только вот с этою почтенною компанией волей-неволей приходится считаться, как с выразительницею мнения современного Гл<авного> Совета. Мы не спрашиваем у названной «высокой советской коллегии трех», имеется ли у нее доверенность на формальные выступления «трех» от имени всего состава, а потому приступаем прямо к приятной беседе с автором вышеназванного «скромного письма».

Г. Марков в прокурорском тоне обвиняет редакцию «в науськивании русских людей на возмущение против законности и порядка с целью заставить Гл<авный> Совет – этого

единственного руководителя 4 500 отделов Союза – отступить от исполнения его прямого долга и повести Союз не по пути мощного единения для достижения заветной цели – торжества Царского Самодержавия, а по пути сумятицы, вечевого своевольства и пугачевщины». Сверх того, г. Марков 2-й обвиняет нас «в травле передовых бойцов правого дела и в желании утопить их честное имя на радость и ликование злейших врагов русского народа».

Обвинение было бы крайне серьезным, если бы не исходило из комической компании «трех». Стоит только внимательно вдуматься в приведенные обвинительные, фразы и сейчас же делается понятным, что, по мнению г. Маркова 2-го, все преступление наше заключается в нежелании покориться его единомышленникам, «взявшим в свои руки руководство делами Союза». В его словах сквозит убеждение, что в данное время все правое дело и все идеи Союза сбежались изо всех уголков России под защиту его мудрости и красноречия и что таким образом в сущности не миллионный Союз Русского Народа, а один Гл<авный> Совет «десяти» в лице его, Маркова, является живым воплощением всей русской народности.

Однако это хотя и сильно сказано г. Марковым 2-м, но не убедительно. Прежде всего, он сам в своей прокурорской роли очень похож на человека, который стал спиною к свету и, показывая на свою тень, отразившуюся на освещенной стене, старается уверить всех, что этот свет около его тени именно от него исходит.

Спрашиваем, где и в чем факты, свидетельствующие «о науськивании нами масс на возмущение против законности и порядка», и из чего видно, что мы стремимся «завести сумятицу, вечевое своевольство и пугачевщину»? Не сам ли обновленный Гл<авный> Совет был зачинщиком раздора?! Не его ли «уполномоченные» пронеслись по России с террором угроз и предписаний?! Не они ли вызвали сумятицу, бросая в народные массы вечевую идею «земско-соборности» и лозунги пугачевщины, выразившейся в одних местах в громогласных уверениях о том, что «Столыпин с ними», а в других

местах в том, что за г. Марковым 2-м наверняка обеспечена кандидатура в премьеры, т.е. как раз кресло того, который сейчас «с ними». Остается только удивляться, как до сих пор не дошли до П. А. Столыпина полицейские сказания о подобных действиях «в порядке конституционного дня», проявленных всенародно ревностными «уполномоченными» Гл<авного> Совета. Одни эти факты представляют собой вполне осязательные признаки того, что «обновленная» политика Главного Совета, пустившись в поиски себе сторонников, махнула сразу за границу здравого смысла. Хотя теперь повсюду и во всем распространяется мода на всякую «совместность», но, тем не менее, если бы и мы стали следовать подобной модной политике, то это было бы похоже с нашей стороны на осужденную «Козьмой Прутковым»[2] попытку «совместить несовместимое и объять необъятное».

Вполне понятно, что маги и волшебники, проповедующие кто <во> что горазд, сами этим топят свое честное имя, где кому вздумается, и сами же без всякой посторонней помощи заслуживают себе от злейших врагов русского народа радость и ликование, о чем свидетельствуют многочисленные поощрительные статьи «Речи» и ее жидовских подголосков в пользу «новой» политики Гл<авного> Совета. Ведь вся подобная печать наперебой одобряет обновленный Гл<авный> Совет за недавние его патриотические маневры на позиции Союза Русского Народа. Нет сомнения, что в этих восхвалениях «Речью» и другими в ее роде органами «новой» главносоветской политики выразилась жидовская радость тому, что наконец-то Н. Е. Марков 2-й обнаружил солидные задатки к исправлению в желательном для нашего времени духе. Жиды вспомнили первый конституционный шаг г. Маркова 2-го в виде его речи на дворянском съезде, когда он призывал к провозглашению председателя Совета Министров верховным, бесконтрольным главою всех губернаторов Империи (см. «Земщину» за 17 марта с. г., № 246). Жиды вспомнили, что г. Марков 2-й, устроив в Щигровском земстве соглашение союзников с октябристами, подал тем самым довольно основательные конституционные

надежды. Жиды, наконец, оценили союзническую деятельность г. Маркова 2-го, выразившуюся в том, что под его руководством Курский отдел С<оюза> Р<усского> Н<арода> в течение «почти двухлетней плодотворной работы в качестве могучей самостоятельной партии» *не имел за последний год ни одного общего собрания*. Само собой разумеется, что было бы очень на руку всем жидам, если бы таким же курским манером принялись «плодотворно» трудиться все прочие отделы С<оюза> Р<усского> Н<арода> по России. Сам же г. Марков 2-й хвастается, что революционные газеты именуют теперь Курскую губ. его родиной, т.е. поднесли ему титул «шефа целой губернии». По заслугам и плата. Видимо, и жидовская печать умеет быть признательною.

Однако при всей солидности этих точек соприкосновения марковского патриотического творчества с жидовскими вожделениями и при всей знаменательности подобного соприкосновения двух политических лагерей мы не понимаем, чему тут радоваться, и не понимаем этого, вероятно, потому, что нам неизвестен открытый г. Марковым 2-м секрет «плодотворного ничегонеделания». Мы не намерены ставить по примеру курско-марковского отдела весь С<оюз> Р<усского> Н<арода> на мертвую точку в деле патриотического творчества и на наклонную плоскость в деле отношений Союза к другим политическим партиям, да и сама жизнь не позволяет сделать этого. Никто из русских людей никогда не согласится замереть во фронте перед г. Марковым 2-м, как бы он не уверял, что именно в этом законность и порядок и все прочие черты парламентской любезности по промену союзного дела на субсидии.

Пусть он считает нашу газету «вестником злобы, зависти, раскола и вражды между сословиями русского народа и между русским народом и Царским правительством», но всякий беспристрастный человек легко поймет, что на политических знахарей, подобных г. Маркову 2-му, нет надобности злобствовать и не в чем им завидовать. Бессильные угрозы людей, «плодотворно ничего не делающих», кроме фразерских выступлений, всегда только жалки. Его толки о сеянии

нами раскола и вражды между сословиями русского народа совершенно вздорны. Мы предлагаем кому угодно пожаловать в нашу редакцию для пересмотра всех номеров «Рус<ского> Зн<амени>» за 5 лет, и заранее утверждаем, что не найдется ни одной статьи, в которой была бы хоть малейшая попытка обострить сословные вопросы и вызвать их столкновение. Не наше дело касаться этих вопросов, составляющих внутреннюю мелкую частность общей жизни великой русской народности. Мы стоим только за права и преимущества этой народности в законе и на деле, а для охраны сословных подразделений и привилегий у нас, слава Богу, есть специальные казенные и выборные люди, которые отлично справляются с такою неголоволомною работою.

А вот обновленный Гл<авный> Совет так еще недавно поместил письмо Н. Н. Ознобишина[3] о необходимости образования «сословно-бытовых организаций» в недрах Союза Русского Народа, т.е. о разделении Союза «на белую и черную половины». Это как называется и что собою знаменует?! По нашему мнению, просто-напросто затевается самое грубое дробление добровольческой и единодушной армии Союза с рассортировкою ее по цвету кантов. Но куда же в таком случае девать ту великую массу, которая вместо кантов имеет за свое беспорочное служение делу родной государственности не канты, а заплаты, и тем не менее стоит на своей позиции гораздо тверже и в некоторых случаях благороднее, чем многие «люди с кантами».

Чистейшая напраслина и в обвинении нас г. Марковым 2-м «в сеянии вражды между народом и правительством». Каждый союзник понимает, что без правительства нельзя обойтись ни при каком порядке управления, но вполне можно обойтись и следует обходиться без бюрократических конституционалистов там, где владычествует Самодержавие в ореоле своих исторических заслуг и величия. Если мы не отождествляем Самодержавие с каждым без разбора чиновником, одержимым недугом конституционализма, и настаиваем на необходимости отделения таких вненародных козлищ от верноподданных

овец, то какое же в подобных пожеланиях «сеяние вражды между народом и правительством»?!

Поистине, г. Марков 2-й в своих обвинительных фразах положительно впадает в непристойный для него лжесвидетельский тон прусаковщины. Доказательством соприкосновения его с логикою прусаковщины служит то местечко разбираемого «скромного» письма, где он, издеваясь над прошлогодним отъездом больного А. И. Дубровина в Крым, истолковывает это обстоятельство в возмутительном тоне, целиком позаимствованном от жидовских писак. Впрочем, пословица недаром говорит: «Когда нечего сказать, то и “да” хорошо». Подобным образом же поступает и г. Марков, делая путем своих прямых нападений на нас косвенное, но очень прозрачное поддакивание в ту сторону, где находится его духовная родина и куда влекут его затаенные цели парламентского бытия, так что совершенно напрасно «Земщина» посвятила ему подобострастную статью «Редко, но метко» (см. № 391).

Очень правдив г. Марков 2-й, а вот не хватило духу откровенно признаться, откуда у него взялись деньги на издание «Сплетника»… виноваты – «Вестника». Заговорив по этому простому вопросу, он моментально свернул в сторону В. А. Богданова и набросился на него с кулаками: как-де смеет этот человек обвинять его, Маркова, в том, что он некогда заставил сотрудников и работников газеты «Русский с Кавказа» ни за что ни про что несколько месяцев поголодать и разориться. Бедный Богданов и редактор названной газеты полк<овник> Антонов в прошлом году разыскивали «основателя и благодетеля своей газеты» г. Маркова 2-го, а потом несколько месяцев обивали понапрасну пороги его гостеприимной квартиры, и только благодаря вмешательству нескольких лиц наконец удостоились счастья получить по гривенничку за рубль своих затрат, в которые были вовлечены «плодотворным патриотизмом» сего господина. И вот теперь он затеял «разъяснить» г. Богданова за его естественный крик от боли и за неумение голодать в таком случае, когда это входит в патриотическую политику самого г. Маркова 2-го. Это ли не плодот-

ворная деятельность?! Это ли не административные задатки «земско-соборной» справедливости?!

А все-таки, откуда же у Вас, г. Марков 2-й, взялись 5 тысяч руб. на ненужный «Вестник» и потом неизвестно сколько тысяч на рассылку «клоунов парламентского патриотизма»? Хотя Вы и выразились однажды в Гл<авном> Совете, что *«деньги без запаха»*[4], однако поневоле приходится спросить об этом, потому что от них вдруг нежданно-негаданно запахло какими-то странными ароматами. Пользование подобными деньгами, кажется, не полагается, да нехорошо и Вам, порядочному человеку, одолжаться из таких источников, о которых сказать неловко.

Впрочем, у г. Маркова 2-го завелись не одни неловкие воспоминания о происхождении его волшебного кошелка. Есть за ним еще и другой факт нравственного свойства, о котором он так недавно громко говорил, а теперь молчит и только старается из своих обвинительных фраз создать нечто сильное в оправдание своего далеко не меткого поступка с чужою совестью. Он ведь обвинял нашу газету ни много ни мало, как в оскорблении Величества, и продолжал обвинять даже тогда, когда само правительство не усмотрело никаких признаков преступления. Одним словом, отличился в *юриспруденции будущего*, которая, вероятно, должна немедленно наступить, как только весь Союз Русского Народа замрет во фронте перед г. Марковым 2-м, красующимся на парламентском коне во главе свиты из уполномоченных обновленного Гл<авного> Совета и из представителей от «Речи» и ей подобных песнопевцев его патриотических талантов, так как, следовательно, для такого парламентского парада он торопится во что бы то ни стало поскорее превратить Союз Русского Народа в союз немых и глухих патриотов, глядящих на вещи только его «меткими» глазами и повинующихся одному его мановению. Мечтать никому не возбраняется, и всякий вправе величать себя владельцем воздушных замков.

Однако напрасно г. Марков 2-й обиделся на выражение одного из союзников о его желании «подменить своею

персонoю А. И. Дубровина». Он прочит собственную особу гораздо повыше, – именно на то место, которое находится в неосязаемом мире и предназначено самою природою для одних бесплотных, но вечных идей жизни. Он вообразил себя живым воплощением идей и святынь Союза Русского Народа и потому-то так раздражается всякий раз, когда ему вдруг покажется, что его неприступной особы кто-то касается или хочет не признавать. При таком состоянии духа, действительно, остается очень недалеко от громовых патриотических фраз до якобинского лозунга: *«Единение или смерть».* При этих условиях, конечно, всякие словесные препирательства с таким великим господином не должны иметь места. Тут надо бы преподнести *«Его Парламентаризму»* более существенное средство, способствующее урегулированию умственного и физического состояния. Но так как у нашей редакции нет времени заниматься подобным нежным ухаживанием за лицами, утратившими единение с логикой, то мы и ставим точку, рекомендуя г. Маркову 2-му попробовать и у себя в своем «Вестнике» сделать то же самое и не прикасаться к чистому, неподкупному и не продающемуся «Русскому Знамени».

Сотрудники «Русского Знамени»

«Столыпин с нами»

Посланцы обновленного Главного Совета отличаются… Читая и слушая рассказы о подвигах господ Боброва, Щекина, Лиховидова, Степанова и т.п. милостивых Государей, навербованных самозванными «главарями» обновленного Главного Совета, приходится спрашивать себя: который хуже?.. Который наглее и беззастенчивее лжет, не краснея, который больше пыли в глаза пускает честным союзникам, решившимся придти на приглашение залетных питерских пташек…

Однако господин Бобров, кажется, перещеголял всех своих соперников удивительными новостями, привезенными

им из столицы в Тульский железнодорожный отдел Союза Русского Народа…

Вот как передает нам то, что происходило на этом заседании, очевидец, готовый клятвенно подтвердить каждое слово своего интересного рассказа…

Приезд г. Боброва в отделе ожидали и, припоминая бесстыдные выходки других «уполномоченных» обновленного Главного Совета против Дубровина и возмутительную клевету, которую они распускали о всеми любимом и уважаемом вожде Союза, тульские союзники заранее решили не допускать поношения своего почетного председателя и при первой же подобной попытке залетной питерской пташки торжественно «вывезти ее» из залы заседания. Почетная тачка была уже приготовлена вместе с громадной метлой, долженствующей «замести след» за клеветником.

Но, вероятно, г. Бобров пронюхал кое-что о приготовляемом ему приеме, потому что был необычно сдержан, несмотря на свое обычное «восторженное» состояние, результат усердных поклонений собственному божку… Не единым словом не обмолвился на сей раз посланец немирнообновленцев Главного Совета о Дубровине и даже имени его старался не произносить.

Важным и удивительным оказалось сенсационное известие, привезенное г. Бобровым из столицы, известие о том, что «Столыпин с нами», т. е. с уполномоченными и обновленным Советом!..

Эти многозначительные слова произнес буквально посланец обновленного Главного Совета перед союзниками Тульского железнодорожного отдела *в доказательство необходимости* подчиняться пресловутому триумвирату: Маркова, Соколова, Коновницына.

Интересно было бы знать, уполномочивал ли председатель Совета кого-нибудь объявлять так громогласно о своем единении с этим триумвиратом? Тульские союзники были немало удивлены столь сенсационным заявлением, и, пожалуй, еще больше тем, что последовало.

Продолжая восхвалять доблести и заслуги обновленного Главного Совета, г. Бобров, очевидно, увлекся желанием заслужить ту сумму, которую получил от обновленцев за их восхваления. В порыве восторженной благодарности к г. Маркову, доставляющему путешественникам обновленного Главного Совета возможность заработать, г. Бобров принялся расхваливать своего «хозяина», да ведь как!.. По его уверению, г. Марков-второй личность настолько гениальная и выдающаяся, что заслуги его признаны всем цивилизованным миром… «Сам Государь удостоил г. Маркова-второго отдельного приема, Его Величеству благоугодно было объявить г. Маркову, что он, г. Марков, единственный из всех правых депутатов Государственной Думы является ближайшим кандидатом на пост Столыпина»…

…Повторяем, что таковы были буквальные слова заврашегося рассыльного обновленческого Совета… и… умолкаем…

Можно врать и завираться, ибо язык без костей… Можно клеветать на Дубровина, можно предлагать союзникам деньги за полное повиновение обновлен<ческому> Глав<ному> Совету, можно объявлять Маркова-второго русским Ротшильдом, которому-де «ничего не стоит выбросить один или два миллиона», можно пользоваться именем председателя Совета Министров для своих целей, нагло объявляя, что «Столыпин с нами», ибо за эту ложь головы не снимут и даже не высекут в наше «конституционное» время.

Но припутывать Священное Имя Государя Императора к болтовне… это уже слишком!..

Неужели подобное кощунство останется безнаказанным и пройдет даром для посланца обнов<ленного> Глав<ного> Сов<ета> потому только, что «Столыпин с нами», как утверждает г. Бобров…

Монархическим газетам и особенно «Русскому Знамени» запрещается печатать без предварительной цензуры текст депеш, отправляемых верноподданными своему Государю.

Неужели же посланцам соколовско-марковского Глав<ного> Сов<ета> разрешить вкладывать в уста русского Императора небылицы, нужные для прославления некоторых членов-обновленцев.

Председатель Совета Министров может не обратить внимания на глупое заявление какого-то Боброва, утверждающего от имени обновленного Главного Совета, что «Столыпин с нами»… Но ни один верноподданный не может пропустить без внимания наглое заявление о том, что будто бы *говорил Государь Маркову-второму на приеме*. Как согласует г. Бобров свои два заявления неважно, конечно! Мы охотно верим, что Марков-второй спит и во сне видит министерское кресло, путь к которому и расчищен при помощи *русского народного дела*… Но как согласовать свои вожделения с торжественным заявлением о том, что «Столыпин с нами»?

Чтобы Государь Император делал г. Маркова поверенным своих отдаленных планов, давая ему обещание посадить его на место своего доверенного советника, которым все же является председатель Совета Министров г. Столыпин – этому мы никогда не поверим… И как г. Марков-второй дозволил г. Боброву так нагло злоупотреблять священным именем, для нас непонятно… Простые русские люди, верноподданные тульские союзники, справедливо негодуют на подобное кощунство, которое лишний раз и уже *окончательно* доказало, что обновленный Главный Совет перестал быть русским и понимать чувства русского народа.

Актюбинский отдел

Актюбинский отдел Союза Русского Народа обратился ко мне с заявлением, что месяц тому назад, при отношении Оренбургского губернского отдела Союза Р<усского> Н<арода> было послано в обновленный Гл<авный> Совет заказным письмом *Всеподданнейшее прошение* от имени союзников Герман о помиловании их, осужденных по делу об

убийстве известного конокрада-киргиза, систематически разорявшего бедных переселенцев и убитого доведенными до отчаяния местными жителями. Вина за это была, кажется, как водится, всецело взвалена на союзников, и в результате братьям Герман грозит тюремное заключение.

До сих пор от обновленного Главного Совета нет ни слова.

Актюбинский отдел, измучившись ожиданием, просит меня «сделать всевозможное» и сообщить о судьбе посланного Германами Всеподданнейшего прошения.

Ввиду того покорнейше прошу Гл<авный> Совет в возможно непродолжительном времени препроводить мне посланное Гл<авному> Совету прошение, или сообщить о предпринятых по содержанию прошения мерах.

Почетный председатель Актюбинского отдела Союза Русского Народа А. Дубровин

<Закрытие Самарского губернского отдела Союза Русского Народа>

30 августа губернатором, согласно с заявлением обновленного Главного Совета, закрыт Самарский губернский отдел Союза Русского Народа, причем помощник пристава забрал книги и документы отдела.

Почин сделан. Продолжайте, гг. обновленцы, преступное ваше дело – разрушайте Союз и сдавайте Мать-Родину ее врагам.

Привет вам сердечный от жидов и масонов и вечное проклятье, позор и презрение от русских людей!!!

Оракул «самообновленцев»

«Какую пыль я поднимаю!» – восклицала эзопова[1] муха, сидевшая на спице колеса мчавшейся повозки.

Удивительно похож на нее не учащийся студент Виктор Соколов, выступивший на страницах номера 9 «обновленческого» Вестника со своею статьею «Еще о раздорах». Прибавив себе роста ходулями якобинца и стараясь держаться протодиаконского тона, этот новоявленный политический чревовещатель с места в карьер объявил войну ни в чем не повинной логике. А так как логика умеет побеждать, не сопротивляясь, то и ходульный чревовещатель с первых же строк очутился «по ту сторону мудрости» и зарекомендовал себя заправским кандидатом на видное место в галерее ломброзовских[2] типов.

Доказательством его прав и преимуществ на бессмертие в психиатрической кунсткамере служат первые 17 строк упомянутой его статьи. Заговорив с одобрением о статье А. А. Майкова «Почему союзники ссорятся», чревовещатель подтверждает, что «так называемые ссоры хотя и происходят на личной почве, но имеют и принципиальный характер». Следом за этою фразою изложена такая пояснительная прелесть, которую за полною невозможностью пересказать собственными словами приходится волей-неволей привести буквально с сохранением «обновленческого» правописания в надежде, что авось найдется какой-нибудь досужий психиатр, который займется исследованием подобного нового способа выражаться. Вот эта фраза чревовещателя, – повторяем, – непосредственно следующая за вышеупомянутым выражением о характере ссор:

«Причем указывалось (А. Майковым) на два основных течения – непримиримых, объявивших себя вне времени и пространства, готовых скорее идти в революцию, чем признать современный строй, и другого крыла, тоже недовольных современным строем, но признающих будирование бесцельным и даже вредным, а стремящихся своим участием в государственном строительстве добиться проведения в жизнь возможно большей части нашей программы и свести к минимуму зло, происходящее от недостатков современного строя».

Не поздоровится А. А. Майкову от подобных похвал и пояснений. Тем не менее вышеприведенное жужжание Эзо-

повой мухи, очевидно, было «апробировано» Советом «самообновленцев» без участия психиатрической экспертизы и пущено в печать в качестве той пыли, которая клубится из-под любого колеса. Таким образом, с № 9-го «самообновленческий» «Вестник» вступил в новый период своей деятельности и вознамерился не на шутку превратиться в основательный орган психиатрических архивов. Расчет – трижды верный. Во-первых, психиатрического материала хватит на использование хотя бы миллиардной субсидии. Во-вторых, печатанием всего без разбора «самообновленцы» легко могут стереть ту неуловимую черту, которая отделяет помешательство от гениальности. И, в-третьих, тотчас же по отмене этой черты можно им будет все «желтые дома» переименовать в самые натуральные отделы проектируемого чревовещателем «земско-соборного» Союза Русского Народа. Это будет не лишним приобретением для пустующего конституционного здания, воздвигаемого на песке бездушных законопроектов и продажного пустословия.

Чревовещатель, взявшись с вышеуказанным успехом за истолкование «двух основных течений, объявивших себя вне времени и пространства и готовых идти в революцию», выдал этим целую тайну «самообновленчества». Он, видите ли, и его единомышленники сошлись под знаменем Союза не с целью отстоять права Православия, Самодержавия и Русской Народности, а только ради собственного желания «вложить в этот триединый символ» свое особенное «содержание». Но каково их «содержание» и в чем оно заключается, будем добираться по обрывкам смысла из этого бреда.

По его словам, оказывается, что вся самообновленческая компания будто бы стоит за освобождение Российской Церкви от «тяжелого и несвойственного состояния бюрократического ведомства» и за восстановление «прежнего соборного, выборного патриархального строя». Значит, и о Церкви думают на конституционный лад эти господа, не считающие за грех искать себе сторонников среди сектантов и являться к духовным властям с угрозами в тех случаях, когда цер-

ковные каноны оказываются не на стороне «самообновленческих» понятий о Православии. Пример в прошлогодней защите ими иоаннитства[3] и монаха, позволившего себе за гонение против иоаннитов публично проклинать иерархов и переделывать при этом литургийную молитву за Царя, в которой Царское Имя всенародно подменял именем иоаннитских главарей[4].

Не лучше этого «самообновленского» понятия и представление о неограниченности Самодержавия. О Самодержавии он бормочет что-то невнятное. Доберитесь-ка смысла вот в этих его высокопарных фразах:

«Подхватив лозунг неограниченности Самодержавия, одни мечтают о воплощении славянофильского учения, другие путают Самодержавие с абсолютизмом и даже восточной деспотией, охотно называя и германского императора, и турецкого султана самодержцами; третьи, говоря о Самодержавии, втайне мечтают вернуться к прежнему полицейско-бюрократическому режиму. Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков[5], Аксаков[6] и др., с одной стороны, и Катков[7], гр. Толстой[8] и т. д., с другой стороны, то все они были бы в наших рядах. Но, конечно, настало бы время, когда Союзу Русского Народа пришлось бы решить, за кем идти, чью идеологию принять. И рано или поздно наступило естественное расслоение. И, мне кажется, что это время ныне наступило. Ни особенно пугаться этого, ни горевать об этом нет оснований. Подобное деление может даже послужить на пользу дела».

Мало слов, а вздору реченька! Наговорил много, чтобы в общем ничего не сказать. Вот что значит угодничать перед тою новомодною властью времени, которая одною рукою делает угрожающие жесты для обуздания патриотов, а другою нежно отстраняет от себя преждевременные объятия всех племен и партий, пособляющих ее замыслам о государственном перевороте. В одном не ошибся чревовещатель, это в том, что «наступившее естественное расслоение может даже послужить на пользу дела». Впрочем, и тут ошибся.

На самом деле, польза уже обозначилась: во-первых, в том, что сам он теперь «при деле», а во-вторых в том, что и его единомышленники все же хоть сколько-нибудь себе зарабатывают, служа для целей конституционных заговорщиков, которые боятся нас хуже всяких революционеров и давно померли бы со страха, если бы у них не было подобного патриотического прикрытия. Мы ведь им мешаем, как живая совесть самой государственности и как тень нашего великого прошлого. Само собою разумеется, что именно нас, т.е. ту часть Союза, которая не дает себе затуманивать глаза, надо заговорщикам во что бы то ни стало устранить со своего пути. Но ведь как нас ни величай революционерами справа, а в кутузку не посадишь. Поэтому вот теперь и выпускают на нас либо фокусников, наподобие Восторгова и Пуришкевича, либо конституционных соловьев вроде «самообновленческих уполномоченных», либо прямо оракулов и героев из галереи ломброзовских типов. Подобными своими мероприятиями против Союза Русского Народа эта шайка удивительно напоминает ребятишек, обворовывающих фруктовый сад. Разбились на несколько партий и в то время, как одни отвлекают к себе внимание сторожей, другие преблагополучно воруют. Этим же самым способом вводится у нас и конституция. Занялись нами, а у самих из-под носа инородцы, иностранцы и просто доморощенные воры растаскивают все, что под руку попадает. В результате будет победа хуже поражения, но ведь конституционалистам и их сообщникам из ломброзовских типов важно не государство спасти, а только перестроить его так, чтобы они, прежде всего, сами, несмотря на свою полную бесталанность, оставались бы в положении политически нужных людей.

Хищническое дело осуществляется только хищническими путями. Конституционалисты, пользуясь безгранично казенным сундуком, уже «сотворили себе други от Мамона неправды» и теперь помышляют о превращении всей административной армии в орудие государственного переворота. И вот для отвода глаз от подготовляемого переворота партий-

ные фокусники совершают набег на русскую народность в качестве эмиссаров конституции, и, будучи вооружены масонскими ножницами, старательно стригут до корня малейшие всходы патриотической предприимчивости и творчества.

Обновленческий чревовещатель уже с гордостью объявил о возникновении «земско-соборной группы, не схожей по своим идеям с историческими идеями Союза Русского Народа». Какова физиономия у этой воображаемой группы, ясно видно из его слов. Он открыто заявил себя противником «Русского Знамени» и демонстративно указал на кн. В. П. Мещерского[9] как на бывшего друга покойного В. К. Плеве[10], этого последнего ратоборца за неограниченность Самодержавия. Следовательно, чревовещатель открыто осуждает тот патриотизм, представителями которого являются в истории последнего времени кн. В. П. Мещерский и В. К. Плеве. А для того, чтобы не очень бросалось в глаза подобное осуждение таких двух столпов патриотизма, самообновленческий «ломброзовец» старается сконфузить кн. Мещерского тем, что он будто бы стоит на стороне гр. Витте. Из сего явствует, что «ломброзовец» даже хорошенько не читает «Гражданина», так как иначе он не сказал бы подобного вздора о солидарности кн. Мещерского с Витте. Но еще более вздорным является его выражение, что «типичный представитель полицейско-бюрократического направления друг С. Ю. Витте ныне оказывается другом А. И. Дубровина».

Между тем, кажется, малым ребятам известно, что А. И. Дубровин и кн. В. П. Мещерский – оба в течение последних четырех лет почти ежедневно выражают удивление тому, как у Государственного Совета до сих пор хватает духу терпеть заведомого изменника и праотца конституции гр. Витте, которого помещик Дуранте[11] в печати величал вором и грабителем и обязался даже поколотить. Уж если у этого Полусахалинского графа не хватило смелости защитить от Дуранте свою честь, то за какие бы знамена он ни хватался, они не прикроют всей его ужасающей гнусности. Проклятие в сердцах русских людей и в среде отдаленных русских поколений

бесповоротно обеспечено за этим предателем Православия, Самодержавия и Русского Народа.

Самообновленческий чревовещатель не разглядел, в чью сторону командует Витте своею «дирижерскою палочкою», а если бы хорошенько разглядел, то увидел бы перед собою на стене мрачную тень этого «маэстро» нашей государственной гибели. Наконец, в волшебную полночь под Иванов день, наверное, деньги, лежащие в кассе самообновленцев, пели свой хвалебный гимн графу Полусахалинскому.

Напрасны все вопли чревовещателя о том, будто наша газета «старалась и старается всячески дискредитировать правую фракцию Г<осударственной> Думы», на которую правительство, по его словам, главным образом, и может опереться в своей национальной политике. Нечего дискредитировать ту фракцию, в которой значительное большинство уж давно не знает, куда деваться от шутовства Пуришкевича, проказничества Восторгова и побратимов Пергамента[12] и Караулова[13]. Поздно дискредитировать тех, которых любители всякой «совместности» на все руки из самих же правых успели отвести от настойчивого протеста против учреждения в недрах Думы заведомо масонской «русской группы междупарламентского союза». Многое и многих дискредитировали вот такие «правые», которые теперь за грех не считают громить Союз Русского Народа. Тем не менее, повторяем, что мы касаемся отдельных личностей, а не целой фракции правой, которая в огромном большинстве заслуживает полного нашего сочувствия

Мы весьма польщены преподнесенным нам за несолидарность с самообновленческим новым пониманием о государственности названием «истинных реакционеров». Хотя таким именем назвал нас ломброзовец, но ведь он числится у самообновленцев в гениях, а, следовательно, его речь есть эхо из ума. По нем видно, что за прелести теперь сидят в Главном Совете, объявившем себя «Советскою коллегиею» и «Высоким собранием сторонников земско-соборности».

«Земско-соборность»… Вот новое слово, обозначающее место закладки мостика для перехода на конституционный

берег. Загляните в шпалерную говорильню[14]: там тоже сидит земский собор из всех племен, наречий, наций, объединившийся на одном стремлении кормить Россию бездушными законопроектами и за это вымогать с нее больше денег и власти. Собрались переучить всю русскую народность по системе ослиного терпения и намереваются превратить ее в рабочий скот для своих земско-соборных разноплеменных приятелей. Если там пока существует деление на партии, то этот подстроено только для отвода глаз. В действительности же там все партии давно играют условные роли под команду из масонского подполья и представляют собою специальные конституционные отряды, назначенные действовать кто где может: одни – у правых, т.е. у непримиримых врагов конституции, а другие – у тех, которые испокон веков укрылись под знаменем подлого девиза: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Что же касается соц<иал>-демократов и революционеров, то ведь это, в сущности, не враги конституции, а ее верные палачи и эмиссары. Они при всем своем буйстве очень деликатно умеют воздерживаться от голосований во всех тех случаях, когда это нужно для проведения конституционных замыслов. Следовательно, демократы и революционеры представляют собою в руках шпалерного жидо-масонского Самсона самую обыкновенную «ослиную часть»[15], от которой теперь маленьким обломком запаслись самообновленцы для разгрома Союза Русского Народа.

Неудачный чревовещатель сам сознался, что за свои подвиги «с обломком ослиной челюсти» самообновленный Гл<авный> Совет уже сподобился получить от многих отделов выражение недоверия. Он считает это пустяками, но ведь отдел – не один человек, и всем известно, что в каждом отделе должно быть не менее 12-ти членов Совета, не считая рядовых союзников. Следовательно, если хоть сто отделов выразили недоверие, да еще сто сочли за низость что-либо выражать по поводу очевидной пакости, то вот уже целых 2 400 человек представителей народного мнения. Плевать на подобные факты способен либо безнадежно помешавшийся, либо бесповоротно

продавшийся, но отнюдь не человек, хоть сколько-нибудь понимающий жизнь и знамения времени.

Впрочем, мы едва выудили хоть какой-нибудь смысл из всей статьи чревовещателя. Тем не менее, пусть никто не думает, что мы считались с ним. Для сведения счетов с подобными умниками и без нас давно существуют у психиатров холодные души. Если же мы и возражаем, то только на обрывки тех мыслей, из которых скомкана ломброзовцем статья, свидетельствующая, что этот паренек слышал конституционный звон, да не знает, где он.

«Продолжение следует», – важно подписал ломброзовец под своею статьею. Нечего и сомневаться, что в вышеприведенной начальной фразе его статьи имеются все задатки для продолжения подобного вздорного бреда до бесконечности. Мы же продолжать совсем не собираемся, а только считаем необходимым сказать сторонникам самообновленческого Совета, что в его среде замечаются все признаки новомодной болезни, занесенной конституционным поветрием и называемый «Mania contradicens» (мания противоречия). Пойти за такими значило бы назад никогда не вернуться…

Редакция

Открытое письмо Н. Е. Маркову

Милостивый Государь, Николай Евгеньевич!

Ваши думские речи в защиту Православной Церкви и исторических прав Царского Самодержавия и коренного Русского Народа доставили Вам среди членов Союза Русского Народа широкую популярность. Ваше вступление в состав Главного Совета приветствовалось союзниками с радостью. Они надеялись увидеть Вас в ближайшем будущем надежным сотрудником А. И. Дубровина. Но вдруг Вы, понадеявшись на свои первые успехи, сделали такие шаги, от которых в Главном Совете почувствовался очень странный поворот идеалов Союза в противоположную темную сторону.

Прежде всего показалось странным то, что Главный Совет, празднуя свой переход в новое помещение, открыл свои двери не для председателей и членов Советов местных отделов Союза, а для таких монархических организаций, которые явно враждебны Союзу и его основателю А. И. Дубровину и близки к конституционным правящим сферам. Таковы – В. М. Пуришкевич и о. И. Восторгов, состоящие агентами олигархов и проводившие на политических выборах созданную исключительно для насильственного упрочения конституции и для противодействия противящемуся ей Союзу Русского Народа октябристскую партию. Эта их прикосновенность к конституционному заговору давно побуждала союзников смотреть на их преданность началам Союза Русского Народа с большим недоверием. Поэтому очень дружеское приглашение подобных лиц на семейное Союза Русского Народа торжество при ясном пренебрежении к членам Союза всем показалось дурным предзнаменованием. Союзники сразу почувствовали, что между ними и Главным Советом возникла пропасть. Затем обмен открытых мнений между А. И. Дубровиным в «Русском Знамени» и Вами в «Земщине» относительно председательского кресла и факт оспаривания Вами у основателя Союза власти совершенно подтвердили грустные догадки союзников о том направлении, которое Вы со своими единомышленниками внесли в сферу Главного Совета.

Наконец, особенно безотрадным для союзников показалось Ваше уклонение от прямых выступлений во всех тех случаях, когда в планах и действиях членов Г<осударственной> Думы и бюрократии явно проглядывал конституционный умысел против священных прав Самодержавия. Когда же жидовская газета «Речь» опубликовала о том, что и Вы не брезгуете совместностью с кадетами и октябристами на бюрократических вечеринках и не побрезговали поцелуем Пергамента, то все симпатии исчезли, и Вы превратились во мнении большинства союзников в самого заурядного «парламентария» и непротивленца конституционному заговору.

Для меня лично это великолепно подтвердил Г. А. Шечков[1], который однажды в Русском Собрании, услышав, что я назвал «народными представителями» правых членов Государственной Думы, остановил меня замечанием: «Мы – не народные представители. Мы только Царские советники». Однако после того, через неделю, Вы и В. М. Пуришкевич с кафедры Государственной Думы заявили: «Правая фракция не отрицает народного представительства», «мы – народные представители». Эти Ваши выражения тогда же засвидетельствовали, что Вы проникнуты парламентским духом.

Принявшись оспаривать у А. И. Дубровина председательствование, Вы повели против него такую политику, что сделали невозможным его пребывание в Главном Совете. Так, например, на заседании Совета Александро-Невского отдела 28 июля из слов, сказанных от имени Главного Совета, и. д. товарища председателя Главного Совета графом Э. И. Коновницыным и членом его В. П. Соколовым выяснилось, что Главный совет якобы идет против произвола А. И. Дубровина, но в чем именно этот его произвол, – ни граф Коновницын, ни г. Соколов так и не разъяснили. Судя же по действиям Главного Совета, это ограничение власти должно было прежде всего коснуться «Русского Знамени», которое если и виновато, то только в том, что является для олигархов бельмом на глазу.

Когда для преобразования направления «Русского Знамени» в желательную для конституционалистов сторону не хватило у Главного Совета сил и возможности, тогда вдруг нашлись у Вас 5 000 рублей для замены этого прямого и чистого патриотического органа.

Я не верил тому, что эти деньги даны не Вами лично, но письмо А. В. Богданова в «Голосе Русского» и затем кое-какие личные впечатления убедили меня, что это деньги не только не Ваши, но врагов Союза Русского Народа.

Теперь же вопрос окончательно поставлен ребром, а в таких случаях надлежит выкинуть стеснения, которые только заволокут дело пеленой и помешают его благоприятному разрешению. Поэтому я считаю необходимым спросить Вас:

Разве Вы не сознаете, что среди всех членов Главного Совета, интригующих против основателя Союза, приходится считаться только с одним Вами? Для союзников всей России имена графа Эммануила И<вановича> Коновницына, Виктора П<авловича> Соколова и других – ничто. С ними одними не стали бы и считаться, и только Ваше имя в силу мимолетной патриотической славы, ставившей Вас наравне с профессором А. С. Вязигиным[2], В. А. Образцовым[3], Тимошкиным[4] и друг<ими>, побуждает союзников к разговорам с Вами.

Вот и я по чувству того же уважения к Вашему патриотическому недавнему прошлому должен теперь заявить, что напрасно, очень напрасно Вы обвиняете А. И. Дубровина за отказ бывать на заседаниях Главного Совета, пока там участвует граф Э. И. Коновницын. Я сам убедился на недавнем собрании Александро-Невского отдела (28 июля), что граф имеет неудобную в общежитии привычку называть «провокаторами и подкупленными А. И. Дубровиным» всех тех, кто не безмолвствует раболепно перед графом и его руководителем на политическом пути Союза В. П. Соколовым. Само собою разумеется, что А. И. Дубровин, озабочиваясь сохранением приличия в Главном Совете и своего достоинства в глазах Союза Русского Народа, не только мог, но *обязан* был *потребовать* от Главного Совета *удаления* графа Э. И. Коновницына из Главного Совета, как нарушающего порядок и препятствующего правильному ходу занятий.

Получив это требование, Вам предстояло выбрать между А. И. Дубровиным и графом Э. И. Коновницыным. Вы предпочли последнего.

Этим все сказано! Ваша затаенная мысль обнаружилась ясно. Вы воспользовались графом, как обстоятельством, отталкивающим А. И. Дубровина от участия в Главном Совете, и затеяли подменить А. И. Дубровина собственною персоною. Захотелось Вам подменить человека, сумевшего вызвать в русской народности геройскую преданность историческим началам в минуты шатания даже властей и дворянства.

Наконец, разве Вы забыли, что А. И. <Дубровин> – тот человек, в лице которого Государь объявил Союз «надежною для себя опорою»; он имеет полное право требовать удаления из Союза всякого, кто мешает положительной работе по осуществлению желания Самодержца опираться на сомкнутые многочисленные ряды русской народности.

Следовательно, подстроив помеху А. И. Дубровину в великом деле объединения русского народа, Вы и остальные члены Главного Совета тем самым показали, что все вы вместе считаете себя пригодными на это дело. Но скажите, какие же заслуги Ваши дали Вам основание так полагать? Вы лично хорошо вели свое дело в Государственной Думе и руководили отделом Союза в г. Щиграх. А. А. Римский-Корсаков заслужил большую благодарность как монархист-губернатор и только теперь обозначился как помещик-жидолюб. Вы все притом сами по себе очень хорошие люди, но, сознайтесь, этого еще недостаточно для политического руководства союзною миллионною организациею.

Когда вы, члены Государственной Думы и монархисты, приезжали в столицу, где находили вы место для того, чтобы, сойдясь, пообсудить общие нужды? Кто помог вам сорганизоваться и взять верное направление? Как же теперь все это вы позабыли и возомнили только себя спасителями Отечества?

Как только остались вы без руководства, тотчас начали блуждать в разные стороны. Вспомните ваше соглашение с организациями, находящимися под руководством у конституционных заговорщиков. Вспомните свой слабый протест против организации в Гос<ударственной> Думе заведомо масонской «русской группы междупарламентского союза». Вспомните неумелую постановку вопроса о постройке храма в память 300-летия Дома Романовых. Вспомните ваше ничем не вызванное обращение к полиции за содействием против союзников, ваше пренебрежение к почину Самарского отдела устроить поездку монархического хора, вспомните некрасивую интригу, которую вы вели против «Русского Знамени» и ряд мелких других… Вспомните, одним словом, все свои

шаги, клонящиеся ко вреду единодушия русского народа, и покраснейте за них.

Вы хотите заменить А. И. Дубровина. Но для этого недостаточно даже того, чтобы быть равным А. И. Дубровину. Необходимо быть лучше его. А чем Вы лучше и что Вы сделали лучшего?

Ведь никто не назовет лучшим для русского дела Ваше приятельство с такими кругами, которые только и мечтают о конституционном перевороте в России. Организованная Вами посылка «уполномоченных» по стране для агитации против А. И. Дубровина и неблаговидные приемы их – сплетни, угрозы закрытием за нежелание повиноваться Вашему диктаторству, не терпящему возражений, обман в виде образования бумажных отделов – все это показывает, что Вы идете во след собственному властолюбию в Союзе. Всем теперь видно, что в своей борьбе с А. И. Дубровиным Вы чем-то особенным заинтересованы, что сам Союз Вам не дорог и что для Вас важен лишь успех в виде полного устранения влияния на Союз несговорчивого А. И. Дубровина.

И вот за это Вам теперь уже преподнесен от всего Союза титул *«вчерашнего патриота»*.

Не льстите себя надеждою, что с добровольным выходом из Главного Совета сторонников А. И. Дубровина вы со своими единомышленниками приобрели власть и значение в Союзе. Нет у Вас этой власти и не будет. Союз – не департамент. Так для чего же эта комедия, этот обман – штаб без войска?!

На Россию ползет жид. Жиду этому мешает только сплоченность Союза Русского Народа. Вы ведь сами тоже боретесь с жидом. Как же Вы не замечаете, что, подняв в Союзе Русского Народа раздор, Вы тем самым даете жиду лазейку, а заговорщикам конституции повод болтать вздор, что они сломили и устранили упрямство русского народа и теперь могут хозяйничать над Империей, как им заблагорассудится.

Измените же Ваше поведение и примите меры, чтобы А. И. Дубровин мог по-прежнему руководить Союзом не только через «Русское Знамя», но также и через Главный Совет.

Союз Русского Народа больше не в силах быть для Вас ни другом, ни врагом. Ему дорого время, призывающее его к зоркой работе, а не к междоусобице.

Прошу верить совершенному к Вам уважению Вашего покорного слуги.

Н. Жеденов

По поводу статьи г. Виктора Соколова в 9<-м> номере «обновленного» «Вестника» «Еще о раздорах»

В № 9 «обновленного» «Вестника» напечатана статья Виктора Соколова под названием «Еще о раздорах», написанная, как видно, с предвзятой целью и с весьма нечистоплотным приемом подтасовки, извращения и умалчивания некоторых фактов, но с сильным нагромождением всякой всячины, совершенно не относящейся к делу. Не стоило бы и копаться во всем этом ворохе мусора; но нельзя обойти молчанием некоторых выпадов по отношению к нам, не примкнувшим к «обновленцам» союзников; чтобы поймать их же самих на слове, только требуется сделать две небольшие выдержки из упомянутой статьи: *«Вокруг А. И. Дубровина и “Русского Знамени” группируются истинные реакционеры»* (это что-то похожее на «революционеры справа»[1]). *«Вокруг Главного Совета собираются сторонники земско-соборности»* (а тут уже пахнет конституцией). Даже г. Соколов говорит: *«На самом деле число отделов, откликнувшихся на происшедшее в Главном Совете, не превышает сотни; выразивших же недоверие Главному Совету еще гораздо меньше».* Вот и хочется спросить «обновленцев»: почему они боятся и не желают Всероссийского Съезда? Ведь, кажется, что такое сознание своей правоты и силы должно было бы побудить «обновленный» Совет собрать Всероссийский Съезд, на котором мы, «реакционеры», и они, «прогрессисты», выскажут свои взгляды и программы, и тогда уже

без догадок, а в действительности выяснится число их и наших сторонников. Кажется, чего проще, а между тем, как видно, у «обновленцев» есть на это свое какое-то «но».

Под статьей написано: «Продолжение следует». Поживем – увидим, какие еще там перлы выложит г. Соколов.

Н. Дунин-Борковский[2].

Еще о статье Виктора Соколова

К несчастию, получаем и мы, казанцы, даже бесплатно, в целых четырех экземплярах тот паскудный еженедельный печатный орган «обновленного» Главного Совета, который он для вящего издевательства над русским народом и надувательства его назвал «Вестником Союза Русского Народа». Издают его и руководят им из шайки «обновленного Главного Совета» главные провокаторы в лице гр. Э. Коновницына и В. Соколова, которые называют себя членами Союза, но на самом деле три месяца назад уже *исключены* из Союза Русского Народа Петербургским Путиловским отделом, в который они, как тати в нощи, для кражи союзного плаща с целью нарядить себя и обмануть честный русский народ, *прокрались*.

Участвует в этой шайке провокаторов, особенно в издании «Вестника», и «правый» член Думы Н. Е. Марков 2-й со своею вдруг откуда-то взявшеюся толстою мошною, по признаку которой, к счастию нашему, Божией милостью открылось потом, что он отнюдь не правый, а настоящий левый и ярый враг Союза Русского Народа, называющий *подлинный* вестник Союза Русского Народа «Русское Знамя» *революционным*; почему мы, союзники, и принуждены теперь изблевать его из среды своей, пожалев, однако, вместе со св. ап. Петром и о других подобных жалких людях. Так, лучше бы им не познавать пути правды*, нежели, познав, возвратиться на-

* Исповедуемой Союзом о государственных устоях: Православии, Самодержавии и Русской Народности.

зад (во вражеский стан) от преданной им священной заповеди Помазанника Божия, нашего Царя: «Объединяйтесь, русские люди, Я рассчитываю на вас». «Но с ними, – как вещает далее св. апостол, – случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину и вымытая свинья *идет* валяться в грязи» (2-е Посл<ание> ап. Петра 2, 21–22).

Теперь посмотрим, что написал поддельный союзник В. Соколов.

В № 9-м «обновленческого» «Вестника», в статье «Еще о раздорах», мы читаем: «Мне хочется осветить и отметить нечто новое, проявившееся с особою ясностью в той борьбе, которую ведет ныне А. И. Дубровин с Главным Советом.

Под напором революции образовался Союз под стяг Георгия Победоносца с начертанным на нем триединым символом: Православия, Самодержавия и Русской Народности, сошлись лица, сильно разнящиеся между собою (хотел разграничить и сказать: способные на предательство и подкуп и неспособные, но не сказал, а своротил вот на что) по тому содержанию, которое они вкладывали в этот символ.

Этим, между прочим, объясняется, что кандидаты Союза, прошедшие в Гос<ударственную> Думу, оказались сидящими не в одном месте, а рассеянными (бюрократическим решетом, кстати, добавим мы) по разным фракциям, начиная с правых и кончая октябристами».

Здесь Соколов не только не возмущается, что кандидаты Союза, прошедшие в Думу и отклонившиеся от крайних правых – превратились, во-первых, в «умеренно-правых» (тайные октябристы)[1], во-вторых, в «националистов»[2] (тоже тайные октябристы) и, в-третьих, в форменных «октябристов», но даже с особенною любовью смешал их с причислением и себя в одну конституционную кучу, а нас бессовестно морочит, что будто бы они все, как и мы, исповедуют неограниченность Самодержавия. Вот его слова: «Подхватив лозунг неограниченности Самодержавия, одни (это он про себя с Марковым) мечтают о воплощении славянофильского учения с земско-соборностью, другие (а это про отклонившихся

в Думе от крайних правых) путают (с нашей стороны нужно понимать – *опутывают* конституционными путями) Самодержавие с абсолютизмом, охотно называя и германского императора, и турецкого султана самодержцами, третьи (это про нас, союзников с А. И. Дубровиным), говоря о Самодержавии, втайне <мечтают> вернуться к прежнему полицейско-бюрократическому режиму».

Кажется, глупее этого рассуждения и особенно такого наглого вранья в отношении к нам и представить нельзя. Хорошо еще, что сказал «втайне мечтают», а потому это почти безгрешно: ибо и он, студент Соколов, чтобы пролезть со временем в крупные бюрократы, и быть, как Марков, приглашаемым на чашку чая к П. А. Столыпину (на что он и намекал уже) втайне мечтает быть… коллежским регистратором, т.е. китайским императором. Но если рассуждать здраво, то мы, по «умному» соколовскому определению, долженствуем оказаться в числе тех глупцов, которые подрубают тот же самый сук, на котором сидят сами, а подрубаем мы этот «сук» через вестник Союза Русского Народа «Русское Знамя» весьма основательно, так, что чуть ли не за каждый сильный взмах топора-*пера* вылетают из кассы союзного «Вестника» многочисленные штрафы. Но еще более непроходимыми глупцами становимся мы тогда, когда, раскрывая язвы и прежнего, и нового полицейско-бюрократического режима (которые: два сапога – пара), громим его чрез неподкупное «Русское Знамя» и в то же время якобы «втайне мечтаем о царстве этого самого полицейско-бюрократического режима». Где тут смысл? И возможно ли это нам, христианам, твердо знающим притом ту евангельскую истину, которая гласит, что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Мф. 12, 25)?

Далее этот духовно искалеченный субъект пишет: «Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и друг<ие>, с одной стороны, и Катков, граф Толстой и т.д, с другой стороны, то все они были бы в наших рядах».

«Но, конечно, настало бы время, когда Союзу Русского Народа пришлось бы решить, за кем идти, чью идеологию

принять. И рано или поздно наступило бы естественное разложение. И, мне кажется (только не высовывается), что это время ныне наступило. Ни особенно пугаться этого (еще бы за конституционно-бюрократической-то сидя!), ни горевать (а, тем более, питаясь не крупицами, падающими со стола *господей своих*[3], а попадающими в рот целыми галушками) об этом нет оснований. Подобное деление может даже послужить на пользу дела».

Но какого дела, Соколов не говорит. Однако, ясно, как день, что для пользы собственного их, главно-советской шайки дела, а не союзного сплочения, единения и умножения, которое они теперь, не «пугаясь» и не «горюя», разрушают. А взявшись за это разрушение, они все-таки прикидываются – чтобы легче погубить Союз, – друзьями Союза, для чего и придумывают касательно Самодержавия какую-то «идеологию», по которой будто бы, помимо личной борьбы А. И. Дубровина с обновленным Главным Советом, «получилось два течения: полицейско-бюрократическое и земско-соборное». За последнее, видите ли, борются они, «обновленцы», а за полицейско-бюрократическое А. И. Дубровин и мы. Только это в отношении нас, разумеется, злостная клевета, ибо мы ни бюрократическое, ни земско-соборное течение по их выдумке не признаем и вполне отвергаем, кроме такого земского собора, Царем собранного, от которого в случае надобности по какому-либо важному государственному делу Царь мог бы услышать сыновне-верноподданнический совет и *только совет*, а не дерзкое требование решения, какое собор укажет.

Дальше сей соколик Соколов пишет, или, вернее сказать, – брешет: «Если вглядеться в состав доброжелателей, сторонников и сподвижников “Русского Знамени”, то прежде всего бросается в глаза трогательное единение этого органа с “Гражданином” кн. Мещерского, воспевавшего при жизни Плеве его программу. Того самого Мещерского, что после убийства (всего в сонном видении) стал на сторону гр. С. Ю. Витте, а ныне идет по стопам последнего

и защищает неограниченность Царского Самодержавия… Типичный представитель полицейско-бюрократического направления друг С. Ю. Витте ныне оказывается другом А. И. Дубровина».

Мне кажется, пишущий «обновленец» от злости своей совершенно потерял рассудок. Во-первых, что же тут позорного, если два правые печатные органа – «Русское Знамя» и «Гражданин» – имеют, по выражению Соколова, «трогательное единение»? Нам помнится, да и он, чай, не забыл тот недавний съезд правой печати, на котором более всего и ратовали-то за это *трогательное единение*. И мы от всей души желали бы такого единения не только двух, но 202-х – словом, всей России правых органов. Но что же мы поделаем с такими предателями святынь Союза, которые под флагом правой печати создают и издают на какие-то, черт знает, деньги подобные органы, вроде «Прямого пути», «Земщины» (которая предлагала работать в ней литератору Меньшикову, стоящему 40 т<ысяч> в год), восторговской «Русской Земли» и прочих его изданий, новоиспеченного «обновленческого» «Вестника» и т.п. дряни, вредящей в конец нашему русскому делу. Во-вторых, если Соколов издевается над такими патриотами, ратовавшими за неограниченность Царского Самодержавия, как здравствующий князь Мещерский и покойный В. К. Плеве, и порочит политическую программу последнего, то это именно и значит, что Соколов явно выказал себя изменником, и во времена не нынешние бюрократическо-конституционные, а во времена Плеве подлежал вместе с Петрункевичем высылке в места не столь отдаленные. И, в-третьих, Соколов должен быть совершенно без ума, чтобы утверждать, будто князь Мещерский друг гр. Витте и идет по стопам его.

До войны с Японией и до начала смуты, может быть, кн. Мещерский и одобрял что-либо из руководителей политики скрытого изменника гр. Витте. Но это далеко не то значит, чтобы сказать, что кн. Мещерский с гр. Витте в дружбе, как нельзя еще сказать, что нынешний первый министр в друж-

бе с гр. Витте, потому что бывает с ним и у него на банкетах, состоит с ним в переписке, и <они> разъезжают друг к другу на паровом катере. Но последние пять лет с начала революции, которую создал сам же Витте, обещавший тогда своим горбоносастым и другим друзьям, что в крайности у нас *«подленькая конституция не будет»*, князь Мещерский все время против гр. Витте восставал, восстает и возмущается до сих пор: почему этот предатель с печатью проклятья от народа русского на челе своем не сидит где-нибудь в мрачной крепости за свои подлые дела и измену Царю и Родине, а пребывает вместе с незапятнанными людьми в Государственном Совете?

Дальнейший бред свихнувшегося «обновленца», кажется, и приводить бы не следовало, но так как он из-за спины гр. Э. Коновницына и члена Думы Маркова выступает главносоветским *оракулом*, то мы, скрепя сердце, приведем еще несколько его безумных фраз, полных противоречий. Например: «Верхи инородцев граф С. Ю. Витте, князь В. П. Мещерский и А. И. Дубровин (что за чушь!) – вот неожиданное (именно неожиданная соколовская брехня) и непонятное на первый взгляд сочетание… Но вместо взлелеянной ими (то есть князем Мещерским и А. И. Дубровиным; Витте тут, очевидно, пристегнут для обморочения здравомыслящих) конституции выросло что-то особенное. Что именно выросло – этого никто еще решить не мог. Во всяком случае, тем, что выросло, не удовлетворены все существующие (а рассуждал выше только о инородческих верхах) в России партии, все оттенки политической мысли».

Итак, г. «обновленец» Соколов, если мы не знаем, что выросло у нас на Руси по новоизданным Основным Законам, то зато мы теперь очень хорошо знаем, что у Вас-то на носу выросла из дикого мяса пребольшущая шишка, ибо иначе Вы в начале статьи своей не сказали бы таких слов о непримиримых правых союзниках, «готовых скорее идти в революцию, чем признать современный строй». Только какой же это, в самом деле, *современный строй*? Нельзя ли уж как-нибудь, го-

сподин Соколов, открыть нам?! Впрочем, нам и без того ясно, что Вы проповедуете: строй этот конституционный, прикрытый Вами, «обновленцами», с одного боку славянофильским Самодержавием, а с другого «земско-соборностью», за которой Вы с начала настоящего года горой стоите и на борцов *подлинного* Самодержавия вот какую брехню строчите: «После того, как начали страдать весьма ощутительно их карманы от революции, они сделались ярыми поклонниками (это князь-то Мещерский и Дубровин) конституции»… Это, значит, те самые «конституционалисты», о которых Вы, г. Соколов, в конце статьи писали так: «Вокруг А. И. Дубровина и "Русского Знамени" группируются *истинные реакционеры*. Вокруг Главного Совета собираются сторонники конституционалистов, то бишь земско-соборности».

Здесь, подчеркнув Ваши слова «истинные реакционеры», бессознательно сказанные Вами, оказавшиеся для нас святой истиной, я намерен Вас за все Ваши остальные глупости простить, так как Вы, гонимые и истязуемые бичом сатанинской злобы, мчась куда-то вдаль с намерением сломить себе шею, превратились в такое жалкое и беспомощное существо, что я невольно опускаю свою руку, занесенную на Вас с обличительным «кнутом» моим, боясь, как бы Вы не влезли в шкуру ветхозаветного осла Валаамского[4] и, осквернив ее, не изрекли для нас вторую истину, которую от Вас нам, по примеру Господа (Мк. 3, 12), нежелательно и слышать.

Выходит, стало быть, Вы послужили нам хотя и на пользу, прорекая о нас *истину*, но она все-таки нам не очень-то оказалась приятна. Вот другое бы дело, если бы эту истину изрек кто-либо из друзей наших.

Наконец, чтобы действительно похвалить Вас и погладить Вас по головке за откровенность Вашу, мне для этого необходимо перед моими друзьями воспроизвести следующие слова Ваши: «Вот почему не значащая ссора *двух людей* (курсив мой) могла дать брожение в Союзе». Что верно, то верно! Отдавшись в объятия конституционной бюрократии, Вам действительно кажется *«ничего не значащей» ссора* из-за

Православия и Самодержавия, но у А. И. Дубровина, а с ним и других (но вовсе не его одного) бывших членов Главн<ого> Совета, заподозривших в Вас и иже с Вами измену союзному знамени или девизу, началось дело <не> совсем немаловажной ссорой, а большой набатной тревогой по всему Союзу. Значит, А. И. Дубровин занимается не ссорой, а борется с той изменой, в которой Вы явно приняли участие посредством разрухи объединенного Союза Русского Народа, чего ни он, ни мы допустить не можем.

Что же касается Вашего выражения «ссоры *двух людей*», то Вы, ратуя против А. И. Дубровина, с очевидной ясностью подразумеваете единолично только себя, а не Главный совет. Сказать же о Главном Совете, как *об одном человеке*, идущем против г. Дубровина, будет безумием. Следовательно, эта Ваша болтовня еще раз подтверждает ту первоначальную мысль в начале сей статьи нашей, что Главного-то Совета в действительности не существует, а только существуете Вы на содержании члена Думы Маркова 2-го, дающего Вам за подобные статьи Ваши и на издание «Вестника» деньги, издаваемого якобы Главным Советом в лице товарища председателя Главного Совета гр. Э. Коновницына, который с переднего лицевого фасада своей графской персоны служит Вам в деле разрушения государственных устоев *вывеской*, а заднюю часть тела своего предоставляет Вам пользоваться вместо *заслонки*, за которою – как сами же Вы проболтались А. И. Дубровину, – *вам удобнее работать*… на пользу конституционной бюрократии (см. книгу «Куда временщики ведут Союз Русского Народа», стр. 8 и 9-я)[5].

Ну как же теперь не похвалить Вас: за такие откровенные мысли Ваши, пойманные нами, и не пожелать себе дальнейшего продолжения с успехом выуживания их из той грязной клоаки, которую Вы, «обновленцы», с целью обморочить нас, союзников, именуется «Вестником Союза Русского Народа».

Патриот из Казани
21 августа 1910 г.

На хлебах у конституции

Весь номер 16 обновленческого «Вестника» изображает собою всю ту кривду и путаницу, которая в настоящее время господствует «в верховной советской коллегии», заправляемой кем пришлось, но все еще гнездящейся под вывескою «Главного Совета». Впрочем, там даже не путаница, а целая смута в умах и чувствах, т.е. такое опасное состояние, которое характеризуется русскою пословицею: «Кого Бог захочет наказать, у того разум отнимет». Смута до того глубоко отразилась на всех действиях «обновленцев», что они прежде всего потеряли всякое представление о времяисчислении и позволяют себе шутить неподходящими для шуток вещами.

На второй странице № 16-го их «Вестника», в отделе под заглавием «Высочайшие благодарности» помещены документы, относящиеся к 10 апреля, 17 и 20 мая *прошлого 1909 года*. Оглашены бумаги, которые получены полтора года назад и давно напечатаны. Очевидно за неимением, чем похвалиться, вынуждены были выставить прошлогодние факты в надежде, что авось публика не разглядит, к какому времени относятся эти факты. Следовательно, «обновленцы» даже своих сторонников в грош не ставят, да и в собственном лагере не имеют ни одного человека, который хоть сколько-нибудь понимал бы всю непристойность демонстраций прошлогодними бумагами, заключающими в себе Высочайшие благодарности русским людям.

Впрочем, в том же номере, следом за указанными прошлогодними бумагами они поместили еще такой документ, по которому легко произвести психиатрическую экспертизу над совестью «советской коллегии». Их воззвание о пожертвованиях на постройку храма в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых заимствовано из того воззвания, которое в прошлом году по распоряжению А. И. Дубровина было составлено Л. Е. Катанским, напечатано несколько раз в «Русск<ом> Зн<амени>» и разослано чрез епархиальных

властей по всем церквам Империи. Следовательно, и в этом случае у «обновленцев» ни на грош не оказалось собственного творчества, если не считать творчеством сделанный ими в воззвании выпуск нескольких существенных выражений. Для характеристики рассмотрим часть тех выражений прошлогоднего воззвания, которые в настоящем году «обновленцы» не посмели повторить, вероятно, по указке своих вдохновителей из конституционных кругов.

В нашем прошлогоднем воззвании говорилось, что смуты начала XVII стол<етия> были «вызваны засильем западных иноверцев и их безбожных учений», и что от подобного засилья иноверцев и их лжеучений тогда «все стихии нашей православной государственности были в великом шатании и расстройстве», вследствие чего в то время «русские люди, как путники в бурю и как овцы без путеводителя, испытывали неизъяснимые бедствия».

«Обновленцы» же в своем воззвании исключили все эти выражения, наводящие русских людей на мысль о сопоставлении нашего времени со смутною порою безгосударственного состояния Отечества. Не ясно ли, что этим новоявленным извратителям патриотических понятий кем-то внушено, чтобы они избегали в своей продажной литературе всяких руководящих намеков на внутреннюю одинаковость современной политики с тою политикою измены и потворства инородцам и иностранцам, которая раздирала Россию 300 лет назад.

По тем же соображениям они исключили из нашего воззвания выражения: «За такую самопредательскую рознь и междоусобицу было попущено гневом Божиим тяготевшее над государством польское католическое иго. Поляки и изменники, – говорилось у нас, – тогда были в такой силе, что готовились навсегда повергнуть русский народ в кромешную тьму и сделать его своим жалким, бесправным рабом». Эти слова исключены у них – ясное дело – потому что для них показалось очень неудобным упоминание о «самопредательской розни и междоусобице», в которых они, прежде всего, сами виноваты. Упоминание о католическом иге и подавно для них неудобно,

как заключающее в себе намек на то, что такое же иго готово отяготеть над Россиею и теперь при новом режиме, особенно после того, как П. А. Столыпин допустил летучие отряды иезуитов[1] и базилиан[2] к свободной пропаганде в России и к сбору «лепты св. Петра» для далай-ламы Запада, а также провел законопроект от 4-го марта 1908 г. Об обратной раздаче непримиримому зложелателю Православия – католическому духовенству – всех зданий и имуществ, частью конфискованных в XIX в. за пособничество польским мятежам, а в большинстве взятых православными войсками с бою во время усмирения этих мятежей. По тем же соображениям «обновленцы» исключили из воззвания фразу, упоминающую «о поляках и изменниках, готовых угасить светильник Православия, чтобы в кромешной тьме завладеть русским народом», так как, вероятно, хватило толку догадаться, что как раз такое же направление по примеру смутного времени начала XVII века приняла бюрократическая политика и теперь. Словом, как передовые застрельщики этой политики постарались воздержаться от выражений, наводящих русский народ на страшную разгадку, и в этих целях исключили и нашу фразу о том, что в смутное время Русь объединялась и действовала «по набатному призыву православных храмов и обителей».

Следовательно, «искалеченное воззвание» есть ни больше ни меньше как документ, прошедший через «некую» предварительную цензуру и просеянный через конституционное решето. Очевидно, это же самое решето не пропустило в их воззвании и нашу фразу «о преемственности крестного целования на верноподданническую верность Самодержцам из рода Царя Михаила Романова».

Теперь нечего сомневаться, что в лице «обновленцев» мы имеем дело с людьми, во-первых, бесталанными и промышляющими «литературными экспроприациями» и, во-вторых, безусловно, зависимыми от конституционно-инородческих усмотрений. На этом основании их грубое замечание в поддержку восторговско-марковского воззвания к членам Союза Русского Народа представляет собою злоб-

ный, но бессильный лай из-под конституционной подворотни. Не удивляйтесь их оскаленным зубам: они вынуждены лаять под влиянием того кнута, который невидимо для нас гуляет по их гибким спинам.

До какого бесстыдства они дошли в своем угодничестве перед конституционными поильцами и кормильцами, об этом лучше всего свидетельствуют еще два их произведения, помещенные в разбираемом номере «Вестника».

Первое произведение: на стр. 6 помещено подписанное Главным Советом опровержение сообщения нашей газеты от 23 июля (№ 164) о деловой близости г. Римского-Корсакова с жидом Янкелем Финкельштейном. Кому неизвестно, что Главный Совет с 23 июля по сие время был полностью в отъезде, и от его имени по новому правилу передоверия здесь орудовали: студент из недорослей Соколов из-за спины гр. Э. Коновницына и фокусники, совсем не принадлежащие к формальному составу Главного Совета, бывшие люди: Щекин, зубатовец Лиховидов и специалисты по дебоширствам Горностаев и Степанов. Вот эта-то небольшая, но отважная компания под руководством юриста без определенных занятий Л. Боброва все время заменяла собою должностной состав Главного Совета и председательствовала «за законность и порядок», будучи сама олицетворенным нарушением всякой законности и порядка. Они-то и разразились вышеупомянутым опровержением спустя два месяца после появления в нашей газете вполне проверенного сообщения о близости г. Римского-Корсакова с Янкелем Финкельштейном. Опровергают, как водится, одною руганью и пользуясь личным самозванством. Но на это мы вправе сказать: почему же сам А. А. Римский-Корсаков не решился выступить с опровержением по такому делу, которое набрасывает черную тень на его патриотизм. Очевидно, нелегко ему решиться на опровержение такого факта, который отлично известен русским людям не только на месте в его имении «Старый Двор» Лепельского уезда Витебской губ., но и здесь, в столице. Ведь Янк<еля> Финкельштейна видели здесь многие в роли полно-

мочного деятеля при сенаторском дворе, да он и сам по свойственной жидам кичливости не скрывал, что «мы с шенатором вже давно дело имеем и жнаем себе».

Предлагается русским людям решить, совместима ли со званием «ис<полняющего> об<язанности> председателя Главного Совета Союза Русского Народа такая близость с жидом, за спиною которого стоит целая колония других пейсатых паразитов, высасывающих соки у окрестных жителей «сенаторского Старого Двора».

Еще большее недоумение должно вызвать у русских людей сообщение «от Главного Совета» по поводу бегства «обновленческого» кассира В. Степанова. «Обновленцы» уверяют, что Степанов был у них простым писцом и рассыльным, и ему более 10 руб. не доверялось, и что он никаких важных документов у них не крал, а просто по болезни уехал на родину. Между тем наша летопись борьбы с «обновленцами», недавно изданная в виде особой книги под заглавием «Куда временщики ведут Союз Русского Народа», уличает Главный Совет в полной бессовестности их вышеприведенного сообщения о писце-рассыльном Степанове. На стр. 395 помещено письмо председателя Гомельского отдела Акима Харлампиевича Давыдова[3], на стр. 464 имеется письмо предс<едателя> Ковенского отдела прот<оиерея> Дмитрия Успенского и на стр. 466 – письмо предс<едателя> Гродненского отдела В. П. Волосюка, по которым видно, что «обновленческий» писарь-сторож, пользовавшийся у них доверием не свыше 10 руб., путешествовал так еще недавно по отделам Союза, имея в руках два уполномочия – общего характера и секретное, подписанное горе-графом Э. Коновницыным и двумя неучащимися студентами В. Соколовым и А. Кудиновичем (см. на стр. 426–428). Следовательно, сторож-писарь Степанов, не заслуживавший доверия более как на 10 руб., был, тем не менее, облечен от главносоветчиков серьезнейшим деловым уполномочием ревизовать отделы Союза, созывать общие собрания, председательствовать на них, устранять должностных лиц Союза и открывать и закрывать отделы.

Вот ясное доказательство, что ничтожные люди с помощью ничтожных в нравственном отношении пособников не дело делают, а издеваются над патриотическими деятелями, и притом над такими, которые по своему общественному положению и заслугам стоят неизмеримо выше этой наемной шайки. Отвратительное, гнусное издевательство над людьми, над правдою, над священным делом и над самою великою историческою, жизненною идеею Союза Русской Народности. «Обновленцы» в своем сообщении о Степанове солгали даже и в пустяках. Степанов захватил у «обновленцев» не только деньги, но даже и билеты на получение почтовой корреспонденции и переводов. Ведь со времени его бегства они не получали корреспонденции, невзирая на двукратные повестки, и только на днях явились на почту с новым билетом. О деньгах же мы не говорим:

Этой пропажей никто не подавится,
Если на тысячу в кассе убавится:
Убыль ведь та никому не больна,
Так как изрядная сумма дана
На разрушение русского дела…
Знай только крадь, хулиганствуя смело!..

Спрашивается, к чему же эти иезуитские завывания «обновленцев» о том, будто А. И. Дубровин внес раздор в Союз и разрушает дело. Они твердят, что «правые должны во что бы то ни стало прекратить вражду и соединиться в дружную семью, забыв личные интересы». Факты же свидетельствуют, что раздор возник не из-за вопроса, кто правые и кто еще правее, а единственно о продажности и непродажности, о кривде и правде. Никто не спорит, что и «обновленцы» правые, но только зачем у них и откуда «темные деньги», и почему они так бессовестно лгут, попирая всякое уважение к личному чувству русских людей и даже к тому Уставу Союза, по которому они сами действуют? Верна пословица: «Наня-

лись – продались», но пусть бы продавались только сами и не продавали бы всенародного русского дела.

Вот ввиду этой-то продажности мы – их непродажные противники – лишены возможности считать их принадлежащими к правой партии. Не только к правой, но и ни к одной левой партии их причислить нельзя. Они просто представляют собою новые политические плевелы, которые следует назвать «междупартийными зайцами и маклерами конституции». Гнать надо таких людей как можно подальше от всякого человеческого дела, потому что это не люди, а мутные отстои современной конституционной разрухи.

Лев Катанский

ОБРАЩЕНИЯ А. И. ДУБРОВИНА К СОЮЗНИКАМ

Мое слово родному Союзу Русского Народа

Думается, что союзникам довольно нижеприведенного письма для доказательства гнусной, изменнической задачи главносоветских уполномоченных!..

Исключительно за лживый донос Залесского[1], – «истинно русского» *Владислава Францевича Залесского*, пишущего в местной газете «Казанский телеграф» статейки за автономию поляков; – Залесского, всею душой *преданного Восторгову, от которого обновленный Совет лицемерно предостерегает* союзников в своем Вестнике (№ 1); этого самого Залесского делать председателем казанских монархистов?! Полагаю, что этого возмутительного безобразия достаточно и, исстрадавшись душой за разрушаемое главносоветчиками русское дело, объявляю во всеобщее сведение дорогим союзникам следующее:

Исключительно ради спасения родного Союза Русского Народа от окончательной гибели; ради предотвращения разрухи, смуты и умышленно, предательски поселяемой вражды между союзниками провинциальных отделов, предлагаю отделам к строгому, безусловному, неукоснительному исполнению *постановление Всероссийского Съезда Союза Русского Народа в июле 1907 года, по коему каждое распоряжение Главного Совета по Союзу должно быть скреплено моей собственноручной подписью.*

А потому, как почетный председатель Всероссийского Союза Русского Народа, предлагаю председателям отделов – от всякого лица, являющегося к отделам с каким-либо полномочием по какому бы то ни было союзному делу, *требовать удостоверения за моею личною подписью и именною сургучною печатью*, и ежели такового представлено не будет, *веры такому лицу не иметь и ни в какое общение с ним по делам Союза Русского Народа не вступать*.

Почетный председатель Союза
Русского Народа *А. Дубровин*
4 июля 1910 г.
С.-Петербург.

* * *

«Дорогой Александр Иванович!

21 и 22 сего июня в Смоленске был уполномоченный Коновницына и Кº Бобров[2].

Устроить собрание союзников ему не удалось за отсутствием председателя Смоленского губ<ернского> отдела ген<ерала> Громыко[3], живущего постоянно в имении и изредка приезжающего в Смоленск.

В помещении Смол<енского> отдела Бобров оставил 500 экз. № 1 главносоветского "Вестника" для рассылки по уездным отделам.

Из Смоленска Бобров с кипой № 1 своего "Вестника" направился в Калугу, решив на обратном пути снова заехать в Смоленск и устроить собрание.

В Смоленске на Риго-Орловском вокзале у представителя железнодорожных союзников В. А. Синицына Бобров спрашивал, какого они мнения о Вас.

В. А. Синицын из маленьких людей (носильщик), но пламенный патриот, активный борец с революцией, получавший от революционеров смертные приговоры – отвечал Боброву, что все смоленские железнодорожные союзники преданы Александру Ивановичу Дубровину, глубоко чтут его и не про-

меняют его ни на кого, так как в революцию, когда нужно было жертвовать жизнью, они видели во главе себя одного Александра Ивановича, а теперь многие, сидевшие раньше по щелям, захотели на его место.

Преданный Вам председ<атель> Новодворского Отд<ела> С<оюза> Р<усского> Н<арода>.

28 июня 1910 г.»

Братья-союзники

Неоднократно на страницах «Русского Знамени» я писал о том, что нашей газете и всему нашему русскому делу угрожает опасность от тайных врагов, которые, прикрываясь общим с нами делом, втайне ведут подкоп под наше родное дело, играя в руку всесильной бюрократии, давно объявившей, что «мавр должен уйти» и не мешать конституционерам продолжать предательское разрушение нашей дорогой Родины в угоду жидам и масонам.

Опасения мои блестяще оправдались.

Вчера, 11 мая, было заседание Главного Совета, на котором состоялось следующее постановление, имеющее быть в самом ближайшем времени внесенным в общее собрание членов-учредителей С<оюза> Р<усского> Н<арода>. Главный Совет признал, что газета «Русское Знамя» более не пригодна для Главного Совета, как вестник С<оюза> Р<усского> Н<арода>, ибо «допускает на своих страницах полемику с Главным Советом»; под полемикой Главный Совет разумеет те предупреждения, которые делались мною в нашей газете о ложных шагах обновленного Главного Совета; о ложных и опрометчивых действиях, могущих вредно, а иногда и гибельно отозваться на деятельности нашего родного Союза; о тех выступлениях, которые вместо руководящего значения роковым образом ведут наше общее дело к гибели.

Главный Совет постановил снять с газеты «Русское Знамя» слова «Вестник Союза Русского Народа», и таким об-

разом лишить газету «Русское Знамя», неустанно в течение пяти лет боровшуюся под руководством основателя Союза Р<усского> Н<арода> с революцией, живого постоянного общения с Союзом и оборвать нить, связывающую печатный орган Союза Р<усского> Н<арода> с союзниками. Взамен «Русского Знамени» Главный Совет постановил издавать еженедельную газету «Вестник», которая имеет обслуживать Союз Русского Народа.

Предполагаемый Гл<авным> Советом «Вестник» будет издаваться на средства деп<утата> Маркова, который предоставляет «Вестнику» 5 000 руб. в год субсидии.

В случае, если А. И. Дубровин не согласится подчиниться постановлениям Гл<авного> Совета, то *решено заставить его исполнить требование Совета административным путем*.

Очевидно, снятие Главным Советом с «Русского Знамени» подзаголовка «Вестник Союза Русского Народа» – лишь первый шаг к тому, чтобы посредством суровых мер, имеющихся в распоряжении конституционной бюрократии, совсем задавить нашу черносотенную газету, сроднившуюся с Союзом, созданную трудовыми союзными копейками и всегда неустрашимо защищавшую Союз от его непримиримых сановных врагов.

Братья-союзники! Пять лет «Русское Знамя» твердо стоит на страже наших родных начал: Православия, Самодержавия и Русской Народности. Пять грозных *революционных* лет «Русское Знамя» не уступало ни шагу врагам, отбивая беспрерывные удары, сыпавшиеся на Союз от врагов и предателей Родины. Пять мучительных для сердца русского патриота лет «Русское Знамя» неразрывно, рука об руку, плечом к плечу с отделами Союза, разбросанными по широкому лицу Русской Земли, не ослабевая ни минуты, бьется с жидовской крамолой и ее подкупленными слугами за Царя Русского. Много друзей за это время легло костьми, много борцов, на столбцах «Русского Знамени» работавших на пользу русского дела, сошли в преждевременную могилу, много слабых духом ушло с поля битвы, а «Русское Знамя» стоит и будет стоять, пока у Дубро-

вина есть хоть крупица сил, хоть капля энергии, которую еще можно отдать за родное Русское дело.

И ни разу за все пять лет «Русское Знамя» не пошло на сделки с озлобленной им бюрократией, ни разу не заслужило упрека в измене своему знамени.

И вот теперь «Русское Знамя» Главным Советом признано непригодным для обслуживания Союза Русского Народа, основанного, как и «Русское Знамя», все тем же Дубровиным.

Предупреждая дорогих союзников о новых грядущих опасностях и вражеских кознях, объявляю по Союзу, что «Русское Знамя», *вестник Союза Русского Народа*, попрежнему открыт для союзников; как и прежде, будет твердо, *не смущаясь никакими постановлениями*, стоять на страже родных заветов.

Верю, что связь наша газеты с Союзом не ослабеет от требования Гл<авного> Совета, а еще более окрепнет. Я же, с Божией помощью, буду держаться на своем посту – часовым святого Русского дела, пока жив, до последнего вздоха, до последней капли крови.

А. Дубровин

От редакции

До сих пор «Русское Знамя», будучи *вестником Союза Русского Народа, не являлось органом Главного Совета*. Тем не менее, остерегаясь всяких выступлений полемического характера, «Русское Знамя», как известно Главному Совету, не печатало ни одного слова, клонящегося к умалению авторитета Гл<авного> Совета, хотя письма и от провинциальных отделов, и от отдельных лиц поступали в редакцию десятками. Письмо досточтимого профессора А. И. Соболевского, от напечатания которого редакция до сих пор уклонялась, было напечатано в «Русском Народе» – и до сих пор по этому поводу газетой не сказано ни одного слова.

Вышеприведенное отношение за № 357 Главного Совета, претендуя на контролирующее, чтоб не сказать, распорядительское отношение к «Русскому Знамени», *вестнику Союза Русского Народа*, вместе с тем вызывает газету на скользкий и опасный путь партийной и принципиальной полемики. Честно обслуживая интересы Союза, руководясь *исключительно* проведением в жизнь и защитой интересов Союза не как *партии*, а как всего объединенного Русского Народа, «Русское Знамя», оставаясь «Вестником Союза», *подлежащим единственно решающей компетенции Всероссийского Союза Русского Народа в полном его составе*, обслуживает и будет обслуживать интересы Союза, его отделов и Гл<авного> Совета, как одного из органов Союза Р<усского> Н<арода>.

Поэтому, печатая вышеприведенное постановление Главного Совета, редакция вместе с тем имеет честь покорнейше просить высокоуважаемого академика А. И. Соболевского не отказать ответить на постановление Главного Совета, в желаемой мере воспользовавшись для этого столбцами нашей газеты, – а равно редакция широко открывает свои страницы для всех, как столичных, так и провинциальных отделов Союза и всех союзников, признавая за ними безусловное право на «Вестник Союза Русского Народа» для выяснения вопросов, имеющих то или иное отношение к общему родному делу.

Почетный председатель Союза Русского Народа, редактор-издатель вестника Союза Русского Народа «Русского Знамени» *А. Дубровин*

Председателю Николаевского отдела Союза Русского Народа

Вполне разделяю Ваши и всего отдела намерения созвать в Николаеве к 20-му августа с.г. съезд представителей отделов и подотделов. Постараюсь всеми силами и мерами повлиять к

тому, чтобы наш съезд был многолюдным и составился бы из одних верных знамени Св. Георгия людей. Поэтому Вам необходимо немедленно учредить организационную комиссию для подготовки к съезду важнейших вопросов.

Со своей стороны считаю необходимым поставить на очередь нижеследующие вопросы:

1) О разборе отношений обновленного Главного Совета ко мне и отделам и о принятии мер к полному прекращению разрушительной деятельности обновленцев.

2) О поддержке соединенными силами издания «Русского Знамени» и патриотических брошюр и воззваний, как органов, способствующих единению русской народности.

3) Об устранении отдельными постановлениями отделов всех тех лиц, которые проявили себя как распространители в Союзе духа продажности, раздора и подозрительности.

4 О выработке мероприятий для более тесного и правильного делового единения отделов с центром жизни Союза.

5) О выработке тактики, которой придется держаться всему Союзу в случае ожидаемой отмены черты еврейской оседлости.

6) Об устройстве при каждом отделе справочных контор для надобностей других отделов и для исполнения их деловых поручений, а также об организации в С.-Петербурге центральной деловой конторы для удовлетворения запросов и разных поручений со стороны провинциальных отделов и подотделов.

7) Об образовании в приходах кружков «на страже Православия» по правилам, выработанным членом Союза и Гос<ударственной> Думы священником Саввою Богдановичем[1], которые напечатаны в «Церк<овных> Вед<омостях>» за 18 апреля сего года и уже применяются с успехом в некоторых приходах Киевской губернии.

8) О составлении программы для всероссийского участия православного народа в деле постройки в С.-Петербурге храма в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых.

9) Наконец, я предполагаю вскоре выслать проект нового Устава Союза Русского Народа, причем в этом Уставе заключаются вызванные временем изменения.

10) Сверх означенных вопросов следует поднять также вопрос о том, каким образом и в чем именно мы должны немедленно противопоставить культурному натиску инородцев и революционеров свои культурные же мероприятия.

Вот в главных чертах те задачи, которые я со своей стороны предлагаю повергнуть на обсуждение предстоящего съезда. Конечно, главное правило общее одно – не совмещать свет со тьмою и наши стремления – с какими-либо уступками в угоду конституционалистам и инородцам. Желая идти быстро вперед, мы не должны оглядываться, и, желая оказать посильную помощь Отечеству, мы не должны останавливаться ни перед какими жертвами. Надо всем и каждому помнить, что большая часть наших государственных и экономических сил находится в плену у инородцев. Особенно со стороны политики иностранной и финансовой Россия попала в такое небывалое положение, при котором иностранные государства уже располагают тысячами предлогов к вмешательству своими влияниями и воздействиями в нашу внутреннюю жизнь. В сущности, под видом революционных вспышек и забастовочных движений ворвалась в наше Отечество сила иностранного капитализма. Возникшие синдикаты, недавно признанные продажными бюрократами за нормальное, вполне законное явление, угрожают нам бедствиями от сокращения промышленности и от дороговизны на жизненные потребности. В то же время иностранный подкуп лишает нас верных чиновников и преданных интересам России дипломатов. Проведенное масонскою группою международного союза международное право уже добилось такого признания со стороны нашего правительства, что недавно заключена конвенция для мирного разрешения международных недоразумений. Таким образом, как справедливо выразился наш сотрудник в недавнем своем фельетоне под заглавием «Правда о нашем времени», теперь судьба наших государственных интересов взята из рук Самодержца и Его доблестного народа и отдана на произвол такого международного судилища, в котором все враждебные силы легко могут издеваться над нашим Отечеством

и его интересами. Будет так же, как в дурном суде, – бесчестные, но ловкие адвокаты будут брать верх над честною и правою стороною. Все это знаменует собою успехи масонства и жидовства, которые идут рука об руку. Они расшатали устои нашей государственности и теперь только стараются хорошенько разжечь сектантство, чтобы окончательно ниспровергнуть наш главный устой – Божественное Православие. Следовательно, именно с этой стороны мы соединенными силами должны принять все меры для самозащиты. Поэтому на съезде необходимо будет обсудить вопрос о самом решительном ограждении семьи и школы от влияний сектантского изуверства и масоно-жидовского безбожия, а также составить на имя Св<ятейшего> Синода просьбу о представительстве перед Государем Императором за поруганное господство Православной Церкви и за попранные права православного народа.

От всей души желаю Вам полного успеха в деле организации съезда. Дай Бог, чтобы громче прежнего раздался русский голос съезда в защиту заветных святынь. Призывайте к себе на помощь Св<ятого> Георгия и Пр<еподобного> Сергия, как благодатных вождей нашего национального самосознания.

Помещаю настоящие мои взгляды и намерения в вестнике Союза Русского Народа «Русском Знамени», чтобы дать возможность всем союзникам заранее ознакомиться с моей программой, обсудить ее на местах и явиться на съезд с обоснованным мнением.

Почетный председатель Союза
Русского Народа *А. Дубровин*

К сведению союзников

В № 144 нашей газеты помещена заметка под заглавием «К строительству храма-памятника». В указанной заметке заключается приглашение от имени строительного комитета к пожертвованиям на сооружение в Петербурге храма в память 300-летия Царствования Дома Романовых. Прошу иметь в виду, что,

в сущности, означенный храм будет храмом при подворье Нижегородского Феодоровского монастыря, которое давно нуждается в храме и только теперь постаралось воспользоваться случаем юбилея, чтобы побольше собрать денег и поскорее отстроить храм. Обновленный Главный Совет Союза Русского Народа по своей неопытности пошел навстречу этому монашескому строительству и хотел уступить монахам дарованное Союзу Русского Народа Указом Св<ятейшего> Синода от 7-го апреля 1909 г. за № 2692 право на постройку отдельного храма к увековечению 300-летия благополучного Царствования Дома Романовых.

Предупреждаю, что с этою затеею «обновленцев» я, как инициатор дела постройки храма, не согласен, равно как не согласны и тысячи союзников. Еще 13-го сентября 1909 года член Государственной Думы священник-миссионер Савва Богданович в передовой статье, помещенной в № 204 за прошлый год, высказался совершенно правильно, что на деле постройки юбилейного храма в Петербурге весь Союз Русского Народа должен показать все свое усердие к Церкви и Царю. Мои воззвания в том же году, начиная с № 211, печатались в «Рус<ском> Зн<амени>» и были во множестве разосланы по епархиям. Таким образом, все сборы, произведенные в установленный день 1-го октября, являются результатом инициативы Союза Русского Народа, а потому и не могут быть употреблены для монашеских надобностей хотя бы и с согласия новоявленных «обновленцев». Этим «обновленцам» приличнее всего придумать себе что-нибудь свое собственное, а не жать там, где не сеяли.

Мною уже приняты меры к самостоятельному осуществлению Союзом Русского Народа возложенной на него великой исторической обязанности по сооружению храма во славу Господа Бога, вручившего судьбу Св<ятой> Руси Благословенному Дому Романовых. Общими силами мы избежим тех злоупотреблений, от которых теперь страдает монашеско-бюрократический строительный комитет по сооружению храма для Феодоровского подворья. Ведь, как видно из недавних приказов С<анкт>-П<етер>б<ургского> градоначальника, от того комитета появились во множестве самозванные сбор-

щики. Дело ясное, что сам комитет не совсем осторожен. Его ошибки да послужат для нас наукою.

Приглашаю всех председателей отделов и подотделов Союза Русского Народа принять на себя строгое наблюдение за появлением каких-либо сборщиков на означенный храм и немедленно передавать их в распоряжение подлежащих властей. Кроме того, прошу тех же председателей немедленно прислать мне свои сообщения о себе и о тех лицах, которые желают быть деятельными сотрудниками по содействию постройке храма. В этих сообщениях следует обозначать о каждом лице подробные сведения о звании, имени, отчестве и фамилии с указанием почтового адреса. Это требуется для того, чтобы, во-первых, привести в известность всех сотрудников, на которых можно рассчитывать, а во-вторых, для того, чтобы поскорее снабдить их через подлежащие отделы Союза всеми необходимыми указаниями относительно того, как и чем они могут быть полезны.

Сверх того, вслед за сим будут объявлены дальнейшие инструкции. Вообще с сего времени «Русск<ое> Знамя» будет непрерывно помещать руководящие данные по делу постройки храма, а также публиковать имена сотрудников этого дела и жертвователей.

Еще раз повторяю, что отделы Союза и сочувствующие нашей задаче лица должны считать для себя обязательными только такие объявления, которые будут исходить от образуемой Организационной комиссии.

Основатель и почетный председатель
Союза Русского Народа *А. Дубровин*

Ратоборство за позицию.

Вниманию председателей отделов и подотделов Союза Русского Народа

Недавно образованная представителями всех партий при участии главарей жидовства и сектантства *Исполнительная ко-*

миссия по окончательному введению конституционного строя в России постановила: в течение времени до открытия осенней сессии Государственной Думы принять самые решительные меры *повсеместно к проявлению всенародных требований об объявлении конституционного порядка управления Империею.*

Во исполнение означенного постановления комиссии была организована командировка «уполномоченных» с двоякого рода инструкциями. Одним вменено в обязанность *«ослабить противоконституционную волну»*, а другим поручено в то же время *«подогреть благоприятные для конституции народные течения».* Агенты первого рода пущены вперед, а вторые за ними следом, причем те и другие снабжены средствами и секретными письмами к «главным представителям конституционных преобразований на местах».

В настоящее время, как свидетельствуют тысячи писем и телеграмм из отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода>, напечатанных в нашей газете только в незначительном количестве и тем не менее составивших солидный том под заглавием «Куда временщики ведут Союз Русского Народа», вполне выяснилось, что передовые агенты нисколько не успели «ослабить противоконституционную волну» и разбились об утесы провинциальных позиций С<оюза> Р<усского> Н<арода>.

Однако по поводу неуспеха лазутчиков конституции нам еще рано радоваться. Положительно известно, что в подкрепление «подогревателям конституции», т.е. агентам второго рода, уже «мобилизованы» прежние и новые агитаторы демократической и революционной выучки, прошедшие провокаторскую школу Зубатова[1]. Следовательно, «подпольные адвокаты», безработные «зубные врачи» и «коммивояжеры» вместе с «зубатовцами» снова призваны на анархическую службу, которою и поправят выяснившийся неуспех изменников С<оюза> Р<усского> Н<арода>.

При этом необходимо принять во внимание, что к указанным осадным силам присоединились теперь еще пропагандисты хлыстовства, скопчества и т.п. до толстовцев и «нового израиля» включительно. Само собою разумеется,

что *Исполнительной комиссии*, прибегшей против нас к содействию этих разрушительных сил, не удастся удержать их в строгом повиновении, да она и не помышляет об этом, потому что страстное стремление к захвату верховной власти над Империею и частичные успехи последних лет совершенно ослепили всех высших заговорщиков конституции. Они на недавнем опыте научились указывать на каждое мятежное обстоятельство как на доказательство, что народ требует себе конституционных прав, т.е. желает подчинить Самодержавное Начало под власть народных представителей. Они также знают, что между конституционными главарями Государственной Думы и Совета уже были совещания о том, как и чем ввиду приближающегося конца полномочий понадежнее обеспечить себе избрание на новое пятилетие, причем решено *«начать леветь с осени сего года»*. Таким образом, если вспыхнут мятежные явления по России да при этом «депутаты» проявят тяготение «влево», то оба эти события легко будет конституционным заговорщикам истолковать, как народное требование об уничтожении Самодержавного строя. А если они одновременно успеют с помощью «обновленцев» расстроить Союз Русского Народа, вызвать убыль в его рядах и заглушить его голос, тогда до водворения *«конституционного деспотизма»* останется один шаг.

Все меры с вражеской стороны уже приняты. События не за горами, равно как не за горами и удобные обстоятельства для самовластного подобного хозяйничанья конституционных заговорщиков над народною судьбой.

Итак, рано, очень рано нам радоваться совершившемуся провалу «обновленческих» лазутчиков конституции, так как – что не успели сделать они, то постараются доделать за них «более левые» агитаторы.

Конечно, нечего и сомневаться, что внушаемые ими русским простакам «конституционные требования народа» будут проявляться всеми способами до террора включительно.

Ввиду такого недалекого будущего председатели отделов и подотделов должны сделать на общих собраниях соответ-

ствующие предостережения и учредить через верных союзников строгий надзор за появлением каких-либо враждебных Православию, Самодержавию и нашим историческим правам агитаторов и лазутчиков с «обновленческими полномочиями». Наш настойчивый голос должен быть слышен по-прежнему всюду. Всякое вражеское движение мы должны оглашать в своих правых газетах. Своим «депутатам» русские люди должны дать строгие наказы не леветь, а праветь.

Словом, наступило время последнего натиска на нас со стороны конституционных и инородческих заговорщиков. Противопоставим же им нашу веру в Бога, любовь к Самодержцу и собственную патриотическую зоркость. Верующие, любящие и решительные всегда и во всем побеждают.

А. Дубровин

Председателям отделов и подотделов Союза Русского Народа

Прошу вас на общих собраниях объявить союзникам о нижеследующем.

Ко мне поступает ежедневно множество писем, наполненных тревогою за судьбу Союза Русского Народа. Беспокойство вызвано распространенными медвежьим усердием уполномоченных «обновленного» Главного Совета нелепыми слухами о том, будто бы П. А. Столыпин собирается скоро закрыть Союз, если к тому времени союзники не отдадутся на крепостнических основаниях под владычество «обновленцев».

Во всех этих слухах нет ни капли правды.

Хотя мы и не пользуемся милостями П. А. Столыпина вследствие своей русской привычки не стесняясь говорить правду, но не надо забывать, что он прежде всего администратор, понимающий жизнь, и поэтому способен понять и оценить дух и требования этой жизни. Он знает, что Союз Русского Народа, имеющий 4 500 отделов на пространстве Империи, пред-

ставляет собою не случайное и праздное сборище досужих людей, а деловой народный кадр патриотических добровольцев и ратников, готовых к самопожертвованию за исторические святыни нашей православной государственности, созидаемой и предшествуемой Самодержавным Помазанником Божиим. Одних только членов местных советов в 4 500 отделах, считая по 12 в каждом, имеется по всей России 54 000 челов<ек>, и все они – люди с сильно развитым политическим интересом и служат у себя на местах постоянными проповедниками дорогих и понятных для русского сердца идей Союза и блюстителями народных знамен. Приглядитесь только к портретам их, помещаемым в «Русском Знамени», и без слов поймете, каковы они. Если считать в каждом отделе сверх того хотя по 100 союзников, то в сложности с 54 000 членов местных советов получается *полумиллионная армия* убежденнейших и пламенных ратоборцев. А разве в действительности только по 100 человек имеется в каждом отделе? Ведь почти ежедневно ко мне приходят вести, что существующие отделы вынуждены вследствие недостатка помещений для общих собраний разбиваться в одном и том же месте на два, на три и более отделений.

Регистрация союзников, если бы ее аккуратно произвести, походила бы на народную перепись и потребовала бы для себя огромнейших сил и средств. Наконец, дух Союза давно веет, где хочет, и успел приобрести себе множество сторонников, которые при малейшей государственной надобности во мгновение ока удесятеряет нашу многомиллионную армию.

Само собою разумеется, что о такой охранительной силе Земли Русской, в составе которой каждый член проникнут ясным сознанием, когда, за что и при каких обстоятельствах обязан он ратовать, отлично известно П. А. Столыпину.

А так как вся семья нашего Союза воодушевлена воспринятыми от Великого Самодержца заветами и сплочена доброю волею всех и каждого, то П. А. Столыпин не может не понимать, что из-за возбуждающего поведения какой-то горсточки новоявленных «обновленцев» принудительные мероприятия в отношении всего Союза и крутая расправа

над всеми в угоду немногим положительно немыслимы. Подобное незаслуженное нападение административной власти на миллионную силу союза, хотя бы и в угоду желанию «обновленцев», было бы чистейшею нелепостью по нижеследующим соображениям. Во-первых, всякое такое нападение легко может быть сочтено союзниками во всех уголках Империи за попытку «конституционных сил» пробиться сквозь позицию Союза к святыням самой государственности, оберегаемым нами и огражденным нашими народными знаменами от какого бы то ни было переворота. Во-вторых, подобная колоссальная несправедливость вызвала бы обоюдорискованный взрыв повсеместного народного неудовольствия и дала бы русским людям полное основание прямо обвинить администрацию во враждебных действиях против патриотизма безусловно безупречных и бдительных верноподданных сил Великого Самодержца. В-третьих, в таком случае весь Союз оказался бы вправе заподозрить администрацию в стремлении к государственному перевороту. И, в-четвертых, наш Верховный Вождь несомненно не потерпел бы подобного со стороны своих властей дерзкого оскорбления народного чувства и бессмысленного нарушения благонамеренного настроения такой великой исторической позиции, которая Его Державным словом создана и от Его Православного благочестия восприняла Всемилостивейшее благословение.

Повторяю, не верьте, никому не верьте, что П. А. Столыпин способен на грубый набег против Союза Русского Народа и может решиться на разгром нашей позиции. Правда, что он не любит меня, что неоднократно проявил как ко мне, так и к «Русскому Знамени», но я отлично знаю его политическое благоразумие и безусловно ручаюсь за его неспособность к вызывающим поступкам в отношении всего Союза. Известные слова его брата А<лександра> А<ркадьевича> о Союзе: «Мавр сделал свое дело и должен уйти» нельзя принимать в расчет как заведомо неумные.

Правда, могут быть какие-либо вызывающие действия со стороны группы «обновленцев» с целью навлечь админи-

стративную кару на Союз. Несомненно, что «обновленцы» теперь обозлены полною неудачею парламентских замыслов покорить Союз под «высокую руку конституционной шайки» и готовы сорвать сердце на Союзе и хоть чем-нибудь поставить его перед правительством в положение общества, уклонившегося от прямой цели своего Устава. Однако и этого не бойтесь, так как у меня на счету каждое слово и движение конституционных соглядатаев. Все их действия – простая шумиха, и все их угрозы – пустая похвальба неудачных и неумелых политических игроков. Отвернитесь от них, и тогда она сами рассеются.

Еще раз повторяю: не бойтесь и не мучайте себя опасениями за судьбу Союза. А пока жив наш Союз, до тех пор и наше Отечество далеко от всякой «конституционной опасности». Поэтому на разные толки о введении у нас конституции вместо исторического Самодержавного строя отвечайте одно: *«Пока знамена Союза с нами, конституции не бывать».*

Для приведения же в порядок настроения в Союзе, нарушенного политическими буйствами зарвавшейся и завравшейся горсточки «обновленцев», уже сами отделы Союза возбудили через Николаевский отдел ходатайство о разрешении Всероссийского Съезда Русских Людей в г. Николаеве, Херсонской губ., на время с 1-го по 8-е октября сего года.

Вот по тому, последует или не последует разрешение на Съезд, будет видно, разделяет или нет П. А. Столыпин вероломные намерения «обновленческой» политики.

А. Дубровин

Открытое письмо Н. Е. Маркову 2-му

На страницах № 1 «Вестника» Вы заявили, что взяли дела Союза Русского Народа в руки нового состава Главного Совета вследствие моей неспособности к управлению Союзом и повинуясь всеобщему среди Союза» желанию, выраженно-

му в постановлениях «ярославского частного совещания». Но разве можно признавать за неспособность одно нежелание человека быть слепым орудием случайного большинства или сговорившейся компании приятелей?! В живом деле должна быть живая инициатива и живое положительное творчество, а не бесцельные разглагольствования и препирательства и не пустая парламентская «игра в голосование». Кажется, я с достаточной ясностью и с документами в руках доказал, что Вы, милостивый Государь, со своими сторонниками целый год занимались в Гл<авном> Совете одними упражнениями в никому не нужном красноречии, оставляя в стороне все текущие дела Союза. Для одного этого незачем было брать на себя управление Союзом, тем более, что «всеобщего среди Союза желания» на это не было, о чем с положительной ясностью свидетельствуют многочисленные протесты отделов, напечатанные на страницах «Рус<ского> Зн<амени>» в течение последних девяти месяцев.

Что же касается Вашего указания на постановления «ярославского частного совещания», то Вы, прежде всего, сами их не исполняете. Вспомните, как Вы выразились о них, когда поставлен был указанный совещанием вопрос об исключении из Союза прот<оиерея> Восторгова и проф<ессора> Залесского. Вспомните, с каким пренебрежением Вы отнеслись к постановлениям совещания, когда Вам захотелось провести слияние с «безнародной» организацией г. Пуришкевича. Подобное двойственное отношение к одному и тому же постановлению называется, милостивый Государь, самовластием и проступком против обыденной логики.

Напрасны Ваши указания, что я на ярославском совещании согласился на назначение соредактора «Рус<ского> Зн<амени>» и подписал это соглашение, но в действительности его не выполнил. Я соглашался на это с целью заставить хоть кого-нибудь из Ваших единомышленников работать со мною. Однако никто из вас не нашелся для такой роли особенно, когда я категорически заявил, что не приму на себя жалование соредактору. Повторяю, на заседаниях Гл<авного> Со-

вета все время проходило только в одних разговорах, которые отравляли настроение и не двигали дела ни на йоту. Потрудитесь назвать хоть один свой положительный шаг, который Вы сделали в Гл<авном> Совете со времени своего вступления членом с июля 1908 года. Нечего винить меня за то, что я уговорил Вас и других членов Гос<ударственной> Думы вступить в Гл<авный> Совет. Я надеялся, что имею дело с работоспособными людьми. У меня в Вашем вступлении не было ни эгоизма, ни расчета, а только хотелось предоставить Вам же возможность послужить Союзу ближайшею деятельностью. Теперь подсчитайте все результаты Вашей деятельности и в них найдете себе ответ, едва ли лестный.

Заслуг Ваших по борьбе с крамолою в Курской губ. никто не отнимает. Однако так еще недавно вся наша курская слава скомпрометирована соглашением с октябристами в Щигровском земстве. Принятая помощь от врагов Самодержавного строя похожа в некотором роде на предательство.

Ваши указания на захват мною и Е. А. Полубояриновою отечественной типографии более чем неосновательны. Этой типографии давно не было бы, если бы Е. А. Полубояринова не спасала ее от материальных затруднений, созданных расточительностью г. Пуришкевича и бездействием членов Гл<авного> Совета. Наконец, всем известно, что Вы настаивали на скорейшем капитальном переустройстве типографии и дополнении ее новыми машинами, желая передать в нее печатание «Земщины». Ради этого Вашего желания Е. А. Полубояринова экстренно сделала надстройку корпуса, приобрела новую ротационную машину и пополнила все прочие запасы для усиленной работы. Но когда все было готово, то Вы бесцеремонно, молчаливо отказались от своего первоначального условия без всяких к тому поводов с чьей бы то ни было стороны. Таким образом, на Вашей совести лежит вовлечение Е. А. Полубояриновой в напрасный 60-тысячный расход.

Положительно затрудняюсь, как назвать Ваш упрек в том, что я в прошлом году «скрылся во время процесса об убийстве Герценштейна на целых полгода из Петербурга и оставил все

дела на произвол судьбы». Непристойно Вам, борцу за Православие, говорить обо мне не по-христиански. Пять недель я был между жизнью и смертью. После того еще два месяца не в силах был обходиться без посторонней помощи и только последние два месяца из своего «бегства» действительно употребил на восстановление подорванных болезнью сил. Кто скрывается, тот не оставляет своего адреса: мое местопребывание было известно властям и союзникам.

Не менее неосновательны Ваши указания на незаконность и малочисленность состоявшихся при мне заседаний Гл<авного> Совета. Каждое заседание происходило при мне вследствие неявки членов по первому вызову обыкновенно вторично, когда по Уставу собрание считается законным при явившемся наличном составе. Вы не укажете за мною ни одного такого грубого нарушения Устава, какое было допущено Вами и Вашими единомышленниками в заседаниях сего года, которые состоялись при недостаточном числе участников и ознаменовались иезуитскою постановкою вопросов.

Наконец, Ваше обвинение меня в проповедовании возмущения против Устава, т.е. закона, и в нарушении порядка и единения Вы уж примите на себя. Я Устава не нарушал, порядок уважаю и единения добиваюсь, т.е. делаю как раз все то, в чем Вы пока не отличились. Именно с Вашего поступления возникло в Гл<авном> Совете полное смешение статей Устава с Вашим настроением. Вы первый завели правило выполнять только такие статьи и принятые решения, которые на руку Вашим собственным взглядам. С Вашего поступления начался раскол в среде членов Гл<авного> Совета и беспорядочное отношение к запросам отделов Союза. И в настоящее время в сущности Гл<авный> Совет сосредоточивается в лице гр. Коновницына и Соколова. Уж если они двое могут изрекать целые постановления от имени Гл<авного> Совета и целые рассуждения от имени всего Союза, то нечего Вам упрекать в том же меня, который больше названных лиц осведомлен о настроении Союза и располагает единомышленниками во всех отделах Союза и в многочисленных уголках нашего Отечества.

Одним словом, советую Вам, милостивый Государь, восстановить прежде всего порядок, совершенно отсутствующий в собственных действиях, и тогда уже браться за обучение других порядку. Громкими и многочисленными титулами Вы подписались под своим письмом от 10 августа, но не забывайте, что Вы сейчас находитесь в положении лица, привлеченного мною к суду чести. Еще 12 мая я предлагал Вам этот суд, назначив для ответа трехдневный срок, когда все нужные мне и Вам люди были налицо. Но Вы только спустя три недели ответили мне уже на второе письмо, предложив суд чести отложить до осени под тем предлогом, что Ваши свидетели уже разъехались из Петербурга. Вы сами дали им время разъехаться и этим постановили себя на целых полгода в не совсем удобное положение. Следовательно, Вам пока рано выступать с какими-либо обвинениями других.

На обвинения, брошенные Вами редакции «Русского Знамени», предоставляю ответить собранию сотрудников.

Примите уверение в моем почтении

А. Дубровин

К сведению союзников

Дорогие союзники!

Вы нетерпеливо ожидаете созыва нашего Съезда в Николаеве, а «обновленный» Главный совет не желает этого Съезда, о чем сам неоднократно объявлял в своем новом «Вестнике». Поэтому получение разрешения на созыв Съезда замедлилось, очевидно, по проискам тех, кому Съезд нежелателен и страшен, *хотя власти уже согласились на Съезд.*

Как только все препятствия, мешающие получению разрешения на созыв Съезда, будут устранены, так немедленно же в «Русском Знамени» я объявлю о времени открытия Съезда. А пока прошу не трогаться с мест и спокойно ожидать.

А. Дубровин

Русские люди!

Триста лет назад наши предки на горьком опыте видели, как страшно быть без Самодержавной Верховной Власти. В то время Царский Престол по случаю прекращения законной державной отрасли Рюрикова рода оставался праздным. Дошло до того, что в 1610 году в эти дни августа месяца управляла русскою землею своекорыстная Боярская Дума под председательством Мстиславского[1]. Захват власти, захват владения был целью всех бояр. Они стремились не служить для блага Св. Руси, а только верховенствовать над нею, и делали неслыханные по коварству преступления, чтобы добиться торжества своей воли.

В то же время яростные ненавистники Православия нечестивые поляки под предводительством самого короля Сигизмунда[2] свирепствовали в русских пределах: мутили и грабили народ и вербовали себе предателей с целью уничтожить религиозную и государственную самостоятельность нашего Отечества и окончательно поработить его.

От этого тогда страшная государственная и земская рознь раздирала не только законность и порядок, но и самую душу русского народа. Русские люди не знали, как быть, что делать и куда деваться от бедствий и ужасов боярской и польской смуты.

При таком-то невыносимом состоянии Царства Русского совершилась 27-го августа 1610 года невиданная, неслыханная предательская присяга русских изменников польскому королевичу Владиславу[3]. Изменники рассчитывали подманить русский народ на конституционные вольности и выгоды, которые обещали им поляки. Всем изменникам думалось, что наш простой народ, измученный смутою, отдастся под польское владычество без всякого сопротивления.

Однако наш народ, как народ исторический и свято дороживший своим почетным местом во всемирной истории и благородными чертами своей геройской души, не захотел изменять Вере Православной и не согласился допустить над собою владычество предателей и инородцев.

И вот поэтому-то ровно 300 лет назад, с осени 1610 года, началась великая народная самозащита от смуты. Спокойный, вечно страдающий и бедствующий русский народ, собрав весь остаток собственных сил и средств, вступил в решительную борьбу с поляками, завладевшими тогдашним правительством, изолгавшимися и изворовавшимися. Жесток был народный суд над изменниками-перелетами, запродавшими родную землю в иноземные руки, но все совершилось разумно, рассудительно, по-божески. Народ «не переставлял», не переделывал свою государственность по иноземным образцам, а только «уставлял по-старому», т.е. водворял покой, тишину и верность историческим святыням и основам и добивался духовного объединения всех частей Царства – «как было при прежних Государях».

Единодушная народная сила, вдохновляемая духовенством и руководимая героями-патриотами, в два года покончила со смутою. День праздника Образа Божией Матери Казанской – 22-го октября 1612 года – ознаменовался блистательною победою над поляками в Москве. А спустя четыре дня – именно в праздник Св. Дмитрия Солунского[4] – современника и сподвижника нашего благодатного покровителя Св. Великомученика и Победоносца Георгия[5] – 26 октября – народная рать окончательно очистила Московский Кремль от поляков. Одна весть об этом народном торжестве так напугала польского короля Сигизмунда, что он торопливо убежал со своими войсками из русских пределов.

Идея государственного единства восторжествовала как раз в такую пору, когда буйство и измена служилых людей и засилье инородцев чуть было не стерли с лица земли самое имя нашего Отечества. Бог помог нашим предкам не только отстоять родную землю своими руками и жертвами, но и восстановить предопределенную Божиим Промыслом для счастья народов Самодержавную Власть.

Народный избранник, юный боярин и братанич Царя Феодора Иоанновича Михаил Феодорович Романов, венчанный на Царство 11-го июля 1613 года, сделался родоначальником Царственной Отрасли русских Самодержцев.

«И паки весна усмехнуся и лето благоверия повсюду промяся», – написали наши предки в последней строке своей скорбной летописи о смутном времени» (См. Доп<олнения> к Акт<ам> Истор<ическим>; Избран. 204; Арх. Калач. 1850 г., <т.> 1, кн. 38; Палиц. 263). Этот их взгляд на своего Царственного избранника оправдался, и надежды их на Дом Романовых все сбылись. Самодержцы – потомки Царя Михаила Первого – за 300 лет своего неограниченного правления русскою землею вырастили из малого и слабосильного Московского Царства Великую Империю – владычицу шестой части земного шара и могущественную царицу всего Православного мира.

Давно бы и весь земной шар находился под скипетром Русского Белого Царя, если бы мы не допустили инородцев и иноверцев к святому делу управления страною и если бы не давали заведомым изменникам гулять на свободе и хвастаться своею безнаказанностью на срам Божьему и Царскому закону и на соблазн малодушным неучам.

Но время от нас не ушло. Заговорил геройский дух победителей смуты и в нас, их наследниках. С благословения Великого Самодержца из Рода Романовых собирается, объединяется народная сила под знаменем Св. Великомученика и Победоносца Георгия, а зачем, для чего – Бог укажет, Государь скажет и чистая совесть разгадает.

Само время как бы торопится воскресить светлую память о заветах родной старины и о подвигах народных героев стародавних времен. Много великих юбилеев пришлось и еще придется нам отпраздновать в переживаемую пору шатания бюрократии и повсеместного засилья инородцев. Но всем юбилеям юбилей предстоит в 1913 году по случаю 300-летия Самодержавного Царствования Дома Романовых.

Весь рост нашей Империи, ее слава и величие представляют собою священные плоды веры, мудрости и любви Самодержцев из Рода Романовых. Они вывели наше Отечество из ничтожества и сделали его крепкою, единою, неделимою, необъятною державою. Поэтому в Царствующем Государе, являющемся единственным во всем мире Неограниченным Са-

модержцем, и в благополучии и долгоденствии Дома Его вся наша опора в настоящем и наше светлое счастье в будущем.

Народная душа полна горячею благодарностью Господу Богу, создавшему Род Романовых и повелевшему ему царствовать над Св. Русью. Народное сердце преисполнено желанием ознаменовать достойным образом приближающийся 300-летний юбилей благотворного Царствования этой могущественной династии. Наша вера и благодарная любовь и наш патриотический долг перед историею и героями-предками требуют от нас великого вещественного дара Богу и Царю и в назидание всем грядущим русским поколениям.

Государь-Самодержец уже дозволил нам, и Св<ятейший> Синод благословил соорудить средствами всей Царелюбивой России Божий храм в С.-Петербурге в ознаменование предстоящего великого юбилея, дабы Государь, Его потомство и все человечество во веки веков видели бы, как Св. Русь любит Бога и Помазанника Его, ценит Царственные подвиги и умеет быть благодарною за них.

Русские люди! Не посрамим веры и любви своей! Спешите жертвовать, кто и сколько может, на всенародное дело, на новый исторический священный храм-памятник нашей благодарной любви и сыновней привязанности к Царствующему Дому Романовых. Направляйте свои пожертвования местным председателям <отделов> Союза Русского Народа для отсылки в редакцию «Русского Знамени» или присылайте сами по адресу редакции: С<анкт>-П<етер>б<ург>, Шпалерная, 26. О каждой копейке будет опубликовано в нашей газете, а Господь Бог по обетованию Своему сделает руки благотворителей неоскудевающими.

Жертвуйте, русские люди, и пусть видит мир, что Русский Народ есть самый верующий, самый единодушный самый Царелюбивый и самый великий народ во всем свете.

Основатель и почетный председатель Союза Русского Народа
Александр Дубровин

К Всероссийскому Съезду Союза Русского Народа 21-го ноября 1911 года в Москве

Недавнее злодейство, совершенное среди киевских торжеств на глазах Самого Царя[1], и другие убийства и грабежи, участившиеся за последние дни, не оставляют сомнения, что приутихшее революционное движение в России возобновилось.

Мы должны ждать нового нападения внутреннего врага России на все то, что дорого каждому русскому, и должны быть готовы дать опять отпор обагренному русскою кровью инородцу и своему предателю.

Для этого нам необходимо собраться, посоветоваться, столковаться, что и как делать при нынешних обстоятельствах.

Незадолго до своей кончины П. А. Столыпин разрешил мне созвать Съезд членов Союза Русского Народа и связанных с ним других патриотических организаций в Москве с 21 ноября по 1 декабря с.г.

Основываясь на этом разрешении, сим предлагаю отделам Союза Русского Народа:

1) Немедленно избрать по два уполномоченных и командировать их на этот Съезд, снабдив необходимыми удостоверениями или свидетельствами;

2) Тотчас по избрании сообщать мне звание (или должность, ремесло, занятие), имя, отчество, фамилию и место жительства (адрес) каждого уполномоченного, а также точное указание места нахождения (адрес) самого отдела;

3) Обеспечить своим уполномоченным расходы по проезду в Москву и обратно и по содержанию в Москве, считая расходы, по меньшей мере в 25 рублей.

Настоящий Съезд имеет для своих потребностей только средства частных лиц и не может рассчитывать на сколько-нибудь значительный приток сумм, чтобы обещать своим членам выдачу денег на проезд и на проживание в Москве.

Вместе с сим прошу все патриотические организации, не входящие в состав союза Русского Народа, сообщить мне о своем желании принять участие в Съезде, присоединив те сведения, которые означены выше под цифрою 2.

Вопросы о допущении к участию в Съезде как самих отделов и организаций, так и уполномоченных ими лиц будут разрешаемы составленным в С<анкт>-Петербурге под моим председательством Распорядительным Советом Съезда Союза Русского Народа.

Предметами занятий Съезда будут служить все вопросы, могущие возникнуть в пределах опубликованной программы Съезда.

Те члены отделов Союза Русского Народа и других патриотических организаций, которые пожелают представить Съезду доклады, благоволят доставить мне эти доклады по возможности скорее (до 10 ноября) для предварительного рассмотрения их в Распорядительном Совете и, если окажется нужным, для напечатания.

Те из докладов, которые будут напечатаны, будут розданы членам Съезда при открытии Съезда для внимательного ознакомления и тщательного обсуждения.

Прочие доклады будут своевременно, во всяком случае, до открытия Съезда, возвращены докладчикам.

Важнейшие сведения о подготовительных работах Съезда и распоряжениях по Съезду будут печататься в «Русском Знамени» и рассылаться изъявившим желание принять в Съезде участие.

Все заявления, запросы, доклады должны быть адресованы: Петербург, Шпалерная, 26, в редакцию газ<еты> «Русское Знамя».

А. Дубровин

За всеми справками по поводу квартиры, довольствия и других чисто хозяйственного свойства сообщений, касающихся Съезда, Распорядительный Совет просит обращаться по

адресу: Справочное отделение по Съезду – Москва, Страстной б<ульва>р, д<ом> кн<язя> Волконского.

Все же удостоверения для лиц, уполномоченных отделами и Союзами на Съезд, доклады и другие деловые бумаги, адресуются исключительно: С<анкт>-П<етер>б<ург>, Шпалерная, 26, редакция «Русского Знамени».

Братья-союзники!

Не в новость нам преследование врагов наших, их злобная ложь и клевета. Не стоило бы думать, не то, что отвечать на обвинения и упреки, которые так щедро сыпятся на наши головы. Да только один из упреков этих такого рода, что на него надо обратить внимание, не в угоду клеветникам жидовско-крамольной прессы, конечно, а в разъяснение союзникам нашим, могущим ошибиться в толковании задач и целей деятельности великого Союза Русского Народа.

Упреком в «политиканстве» стараются смутить людей, сочувствующих Союзу нашему, не только открытые враги всех патриотов, явные и тайные крамольники различных наименований и цветов, но и те ложные или самозванные братья, те полудрузья, которые стараются сеять раздор между нами, чтобы создать себе сторонников и восхвалителей из отколовшихся союзников. Поэтому-то и должны мы ответить на упрек в политиканстве, должны выяснить дальнейшие цели Союза нашего, те цели, для достижения которых каждый союзник должен работать, не покладая рук по мере сил своих, на том месте и теми средствами, которые даны ему Господом Богом…

Прошло то время, когда Союз Русского Народа был исключительно политическим союзом и не мог быть ничем иным… То было горячее, боевое время. Россия горела, подожженная со всех концов злобными и хитрыми врагами, издавна ловко и осторожно подготовлявшимися к первому открытому нападению на главные устои нашей Родины: Пра-

вославие, Самодержавие и Державство русского народа. Не понимая того, что творится, не веря (или не желая верить) в существование старательно обдуманного плана действий международных революционеров, – вечных заговорщиков, оплаченных жидовским золотом для защиты жидовских интересов, правительство наше растерялось и потерялось… Еще день-два, и оно сдалось бы врагам родины, Государя и Народа русского…

Поневоле пришлось самому народу вставать на свою защиту и крикнуть: «Ни шагу дальше» всевозможным бомбистам, динамитчикам и их пособникам, явным и тайным… И гаркнули русские люди поистине зычным голосом свое «довольно»… Так гаркнули, что поджилки затряслись у сиятельных и превосходительных попустителей открытой крамолы…

Под свист пуль, под треск разрывных снарядов, под стоны раненых и звуки проклятых революционных песен русские люди стали объединяться под родным трехцветным знаменем, образовывая многомиллионный союз братьев-патриотов, пробуждающихся от зачарованного сна, навеянного чародейной крамольной печатью… Союз Русского Народа и провозгласил вечно старую и вечно новую священную весть: любви к Отечеству, кровного братства, верности присяге, преданности родному Государю, геройского самопожертвования на пользу своего народа…

Тогда было время политиканства, время молебнов и панихид, восторженных «ура» и горячих речей; время, полное безумного негодования и геройской решимости, полное того подъема духа, без которого неминуемо погибла бы великая Империя, погиб бы народ русский под напором инородцев и иностранцев, предателей всех рангов, закупленных кто золотом, кто газетными восхвалениями, кто женскими ласками…, кто страхом перед пулей или бомбой…

Русскому народу удалось то, что не удалось народу французскому при одинаковых обстоятельствах… С гордостью и смирением, коленопреклоненно повторяя: «Не нам, не нам, а

Имени Твоему», можем мы сказать, что Союзу нашему удалось отстоять Родину от разделения, народ русский от порабощения, Государя русского от погибели…

Будь у Людовика XVI-го[1] народный союз, подобный нашему, не окончил бы он свою праведную жизнь на плахе, посреди дрожащего, рыдающего, ошеломленного и все же… молчащего населения Парижа… Слишком поздно поднялся французский народ в Вандее[2], слишком разрозненно пытался он в Лионе – в Авиньоне – в Вердене[3] – повсюду бороться с шайкой международных заговорщиков, захвативших Париж неожиданно и заливших кровью несчастную Францию, насильственно провозглашая республику без Бога и без свободы, с одним равенством: перед смертью…

От этого горя, срама и гибели предохранили мы, черносотенцы, Родину нашу, грудью своей став на ее защиту, в отпор международному заговору еврейско-освободительного движения…

И этой заслуги не отымет у нас никакой враг, никакая ложь и клевета…

Все это было… и как будто прошло, благодаря Бога. Конечно, все это может еще вернуться, и потому мы не должны складывать рук, не должны забывать свою первую обязанность: зорко следить за врагами Родины. Ежеминутно должны мы быть готовы вновь встать грудью против нового напора старых врагов. Бессменными часовыми должны мы стоять на страже, охраняя священные основы Родины, охраняя нашего Самодержавного Государя, охраняя жизненные интересы родного народа.

Но именно для этого мы должны знакомиться с этими интересами и, ознакомившись с ними, должны стремиться удовлетворить их всеми мерами, дозволенными законом.

Наступает вторая часть нашей деятельности, деятельности гражданской, экономической или хозяйственной.

Как не годится человеку постоянно работать одной рукой или ходить на одной ноге, от чего ослабляются и иссыхают вторые конечности, а вместе с тем страдает и все тело, так

не годится государству или народу заниматься одной политикой, интересоваться только ею, упуская из вида интересы хозяйственные, более скромные, но не менее необходимые и полезные. Народы и государства, интересовавшиеся исключительно политикой, всегда гибли более или менее скоро. Россия не должна повторить их ошибки, превращая свою жизнь в постоянный митинг, в громадную арену для разбушевавшихся политических страстей и честолюбий… Союз Русского Народа должен предохранить и избавить Родину от этой опасности, должен стараться восстановить спокойную жизнь и мирную деятельность, поощряя и ободряя скромный труд и вытесняя политическую горячку с бушующими страстями и красноречивыми речами боевого времени…

За дело, братья-союзники… Задача второго периода нашей деятельности, задача мирной жизни постольку же велика и необъятна, поскольку проста и понятна была задача времени боевого. Тогда надо было отдавать только жизнь свою. Теперь надо отдавать весь разум, все прилежание, все знания на пользу Родине-матери, на пользу родного народа.

В Уставе Союза Русского Народа, писанном в смутное время[4], под выстрелами революционеров, многого нельзя было предвидеть и запротоколить в определенных параграфах. Не могли мы предвидеть даже необъятно быстрого роста Союза нашего и вытекающей из этого необходимости съездов. Но все же задачи гражданские, жизненные задачи предвидел наш Устав, открывая нам возможность деятельности просветительной и благотворительной, в духе Христианства и братской любви, – деятельности, достойной великого Союза Русского Народа.

Святою Русью называли Родину нашу когда-то потому, что она была покрыта целой сетью приходов, т. е. христианских общин, связанных не только единством веры и интересов, но и братской любовью, естественно зарождающейся и развивающейся вокруг скромных храмов деревенских так же, как и вокруг роскошных столичных соборов. Время и, главное, влияние чужестранцев, слишком долго управлявших

Россией, постепенно сокращало приходскую жизнь, разрушая братскую любовь и ограничивая братскую самопомощь и самозащиту русских людей.

Пришла пора возобновить приходскую жизнь православных общин, пользуясь примером братьев древнего благочестия, сумевших сохранить ее среди гонений недоброго старого времни[5]…

Работайте для скорого и повсеместного восстановления древнего прихода, братья-союзники. Работайте для укрепления и очищения Веры Христовой, для восстановления древней набожности, той безграничной, детски чистой веры, которая одна давала русскому народу силу выносить все то, что суждено было ему вынести за тысячелетие многострадальной своей исторической жизни… Тяжкими испытаниями, неимоверными усилиями, сверхчеловеческими трудами и геройской выносливостью создал скромный труженик, народ русский, великую Империю, которой завидует теперь весь мир. Неужели же мы не сумеем удержать и поддержать то, что создано отцами и дедами нашими?..

Изучайте историю Отечества своего, братья-союзники. Делайте все возможное для того, чтобы знание прошлого России распространялось возможно шире и правильнее. Не допускайте извращения исторических фактов, разъясняйте истинное значение всяких событий родной старины. Все, кто на это способен, кому Бог дал знание – силу слова, возможность писать, говорить, проповедовать или печатать, не пропускайте ни единого удобного случая… Создавайте, расширяйте патриотическую печать, в ней единственное противоядие против отравленной революционной печати, бывшей лучшим оружием в руках русских крамольников, как и в руках заговорщиков, погубивших Францию. Только наша патриотическая печать в силах утолить духовный голод, почти столь же мучительный, как и голод телесный… Каждая правдивая газета, каждая книжка, каждый листок, разъясняющий истину, спасает тысячи заблудших детей и увеличивает число тружеников на пользу земли родной.

Проникайте в школы, братья-союзники… Всеми мерами, допускаемыми законом, старайтесь завладеть школой, очищая ее от влияния коварных развратителей, ограждая детей своих от неверия и разврата. Из каждой деревенской школы можно создать сильную крепость, преграждающую путь сеятелям зла и неверия, крамольникам, проповедникам грабежей и разбоев… Мирным и законным путем должно и можно вырвать из рук врагов России все русские школы, – низшие, средние и высшие, – в которых свили гнездо преподаватели, проданные жидам, т.е. самые опасные и самые ловкие враги Бога, Царя и Отечества…

В отделах, где нет средств открывать свои собственные школы, союзникам нашим необходимо проникать в школы, уже существующие. Не чуждаться, а участвовать надо в родительских комитетах, в разных советах и школьных союзах, чтобы там противодействовать влиянию развратителей, не боящихся ни потери времени, ни труда, продолжая свою деятельность, губящую русских детей…

К вам, матери русские, обращаемся мы… Пожалейте кровь свою, примкните к нам, защищая детей своих от губителей, приготовляющих для них кистень разбойника и вечные угрызения совести в начале, каторгу и виселицу в конце…

Рядом с пищей духовной надо позаботиться и о пище телесной. Надо присматриваться к нуждам и потребностям местной русской жизни и стараться удовлетворять их, по мере сил и возможности, помогая правительству всеми силами и всем одушевлением там, где слуги Царя русского понимают свой долг, честно исполняя принятые обязанности. Такое «начальство» всегда найдет вернейших, бескорыстнейших и преданнейших пособников в наших союзниках. Там же, где распоряжаются чиновники недобросовестные или недоброжелательные к патриотам и защитники влиятельных инородцев и благодетели богатого жидовства, там, братья-союзники, предстоит вам самая трудная задача: идти своим путем, мимо всяких препятствий, всегда и везде преклонясь перед законом, но никогда и нигде не теряя бодрости и терпения, никогда не

переставая работать для защиты Веры Православной, Царя Самодержавного, Народа Русского. В таких опасных, боевых местах единение особенно нужно… единение многое может сделать, от многого спасти и предохранить, многих защитить и оградить от произвола даже сильных мира сего…

Распространяйте же единение, проповедуйте взаимопомощь и взаимозащиту, братья-союзники, на почве хозяйственной, как и всякой другой… Одна копейка бессильна. Миллион копеек – уже капитал, а капитал – сила… В нем свобода и независимость.

К этой независимости должны мы стремиться, как к конечной цели, ограждающей народ русский от рабства экономического, т.е. денежной зависимости…

Вот одна из главнейших задач нашего Союза в мирное время. Всякое средство, разрешенное законом, необходимо использовать ради достижения этой цели… А средств этих немало.

Во многих местах они уже применяются. На Волыни, где власть жидовских денег давит народ русский сильней, чем где-либо, уже взялись за ум братья-союзники под руководством героев-патриотов, иноков св. Почаевской лавры[6]…

Союзные и потребительские лавки, кредитные товарищества, ссудо-сберегательные кассы, сельскохозяйственные и ремесленные артели, предприятия коммерческие и промышленные, начинаемые на общий счет и общими силами, уже встречаются повсюду.

Чем больше их, чем шире будет их деятельность, тем скорей наступит освобождение русского народа из жадных жидовских рук, тем более поймет умный паук – жид, что уже не осилить ему очнувшийся народ русский, и пойдет искать менее упористой жертвы и более легкой добычи.

А дела любви христианской… Как много их, как легко каждому принять в них участие… Больницы и лечебницы, детские и старческие приюты, адвокатская помощь, просветительные беседы, наконец, простая защита обиженных, покровительство слабым, устройство безработных, примирение

враждующих… Все это доступно нам, братья-союзники, раз мы сами захотим всего этого…

Нас много, чуть не десять миллионов уже… Пусть каждый из нас даст гривенник на какое-нибудь общеполезное дело, – ведь эту будет целый капитал. Если каждый найдет место или работу одному голодающему, ведь безработица прекратится. Если каждый утешит хоть одного человека, примирит с судьбой или хозяином одного из братьев, то доверие и любовь возродятся в России… Самые слабые насекомые, муравьи – делаются сильны и непобедимы единением – массой своей. Неужели мы не поймем этого великого урока, данного им природой, т.е. самим Богом?

Союзу Русского Народа сам Господь назначил великую задачу: уничтожить пропасть, разделяющую до сих пор русских людей различных сословий и классов, создавая взаимное недоверие, зависть и ненависть. Начало уничтожению всего этого уже положено. У нас в Союзе не делают различия ни богатство, ни положение! У нас союзники не делятся на графов и крестьян, на нищих и миллионеров… Мы все родные – все братья, объединенные верой и любовью, общими надеждами и общими слезами… Подобно первым христианам начинаем мы переделывать общественную жизнь России, признавая в каждом союзнике брата нашего!..

Как отрадно видеть это на наших собраниях и съездах, где никто не стыдится своей бедности, не кичится своим богатством. Заплатанный зипун занимает место рядом с шелковым платьем, и если под крестьянской рубахой скрываются достоинства и самопожертвование, то шитые золотом мундиры почтительно склоняются перед ней…

Братья-союзники, не проповедовать хотим мы вам, а поделиться своей радостью и своими надеждами, прося в то же время вашей помощи и поддержки… Когда нам удастся окончательно затушить пожар той лютой ненависти между сословиями и классами, который так подло и так искусно зажгли враги Родины, когда уменьшится, елико возможно, по слабости природы человеческой, зависть в бедных и недоверие в бо-

гатых, тогда сами собой, легко и просто разрешатся все вопросы, кажущиеся пока неразрешимыми.

Не законы меняют людей, а люди меняют законы… Когда люди русские, одушевленные и очищенные патриотизмом станут добрей, честней и милосердней, тогда и без законов найдутся способы примирить неимущих с имущими, земельных собственников с нуждающимися в земле крестьянами, фабричных рабочих с фабрикантами, хозяев со служащими.

Все это достижимо… И скорейшему достижению всего этого должен помогать Союз Русского Народа… Упорно и неутомимо должны мы стремиться к заветной цели, никогда не боясь говорить правду, *никогда не отступая от закона*, по завету Государя нашего, но и не льстя никому и никогда.

Если такую должность назовут «политиканством» – пусть называют, не все ли нам равно… Господь видит наши желания и цели. Он и поможет нашим стремлениям… В Его воле сделать чудо и дать слабым и грешным людям силу победить страсти – свои и чужие, и превратить разрозненные, не доверяющие друг другу классы и сословия русские в родных братьев, которые, любя и доверяя друг другу, стремятся взаимными уступками спасти, обогатить, умиротворить и осчастливить Родину-Мать под священным знаменем православного креста, – над которым сияют слова «Сим Победиши»…

Почетный и действительный председатель Союза Русского Народа и Главного Совета *А. И. Дубровин*

Пример любви к Царствующему Дому Романовых

Любовь к Царю впитывается русскими людьми с молоком матери, и они радостно несут свою лепту на храм-памятник благополучного 300-летнего Царствования Дома Романовых.

Русская женщина идет во главе этого святого дела.

Союзница Г. пожертвовала 50 р. на этот храм.

Кроме того она пожертвовала обрамленные золотою бахромою воздухи и плат из розового атласа с изящною вышивкою по краям и вокруг серафимов.

Особенно красивы бархатные листики шитья.

Деньги заприходованы по кассовой книге, а воздухи – по инвентарной и хранятся у казначея конторы газеты «Русское Знамя».

Нет слов для выражения глубокого чувства признательности и восторженной похвалы жертвовательнице за пример, который несомненно отзовется в сердцах, горящих любовью к Царю русских женщин-союзниц и патриотов.

Почетный председатель Союза Русского Народа *А. Дубровин*

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. И. ДУБРОВИНА С СОЮЗНИКАМИ

<Письма союзников в адрес А. И. Дубровина и его ответные пожелания>

Черноморский отдел Союза Русского Народа

Глубокоуважаемый и любимый вождь наш, Александр Иванович! Глубоко опечалило нас, черноморцев, известие, что Вы покидаете нас. Зачем и куда удаляетесь Вы? Зачем в минуты особенного напряжения, особенных испытаний, ниспосланных нам, Вы оставляете нас? Не Вы ли – то первое звено громадной цепи людей русских, вставших на защиту заветных устоев наших? Зачем рвете цепь эту? Зачем объединяли нас, если думали впоследствии оставить нас? Мы верили Вам и шли за Вами, убеждая других следовать за нами, и вот теперь, когда мнится нам, что мы накануне нашего торжества, – Вы вдруг решились расстаться с нами. Четыре тысячи пятьсот отделов со многими сотнями тысяч русских людей, объединяясь в одну непрерывную цепь, взирают на Вас, как на легендарного богатыря, и Вы в эту торжественную минуту решаетесь нас оставить? Вспомните, богатырь наш и горячо любимый вождь наш, вспомните тот момент, когда призывной, могучий клик Ваш, пронесясь из края в край великой Родины нашей, разбудил заснувших и одурманенных русских людей, вспомните, как на могучий зов этот – по городам и селам, по лесам и

полям, по горам и долам поднялись люди, вспомните, сколько тысяч из них давно сложили свои верные головы и сколько еще из них ждут своей очереди, чтобы последовать за ними.

Вспомните все это, и тогда Вы не оставите нас, а поведете нас дальше тем тернистым путем, который ведет и вьется между скалами к счастью и спокойствию дорогой Родины нашей, за честь и славу которой мы все готовы сложить свои кости.

В сердцах далеких черноморцев теплится надежда, что Вы не оставите свой пост вождя и руководителя, и в надежде на сие они молят Господа Бога, да сохранит Он Вас многие, многие годы, да подаст Он Вам сил продолжать тот великий подвиг, на который Он благословил Вас во спасение России, Самодержавного Царя и Православной веры.

Земно кланяются Вам черноморцы и горячо благодарят Вас, славного борца нашего, и настоятельно просят Вас не отказываться от высшего руководительства делами созданного Вами Союза.

Председатель Черноморского отдела Союза Русского Народа коллежский асессор *Вл. Акулов*. Товарищ его *Федосей Коляда*. По поручению члены: коллежский советник *Павел Киреев*, *Сергей Федоров Ковынев*, надворный советник *Конст<антин> Максимов*, *И. Старых*, *Александр Немцов*, *Антон Русин*, а за него, неграмотного, расписалась *Е. Акулова*.

* * *

Дорогие братья-союзники! Я не ушел от Вас, оставаясь почетным председателем Вашим и редактором-издателем «Русского Знамени». Я оставил только Главный Совет, сохранив возможность ежедневно беседовать с Вами при посредстве «Русского Знамени», нашего союзного вестника. Вот когда принудят меня умолкнуть в «Русском Знамени», прикроют его, вынудят меня отказаться от него, или превратят его из

вестника Союза Русского Народа в частную газету, заменив «Русское Знамя» другою какою-либо газетою, тогда действительно связь наша порвется. Надеюсь, дорогие союзники, что вы не допустите погибнуть «Русскому Знамени», как Вашему вестнику, и, если понадобится, поддержите меня. Я же употреблю все силы непрестанно служить интересам Союза Русского Народа и по мере разумения давать Вам нужные указания и советы. Не забывайте одного: в единении сила, а потому всей массой наших отделов будем как один человек стремиться к конечному торжеству наших священных заветов.

Да будет с Вами благословение Божие и любовь Царская.

А. Дубровин

Севастопольский отдел Союза Русского Народа

Высокочтимый Александр Иванович, Севастопольский отдел, по обсуждению всего опубликованного в «Русском Знамени», постановил усиленно просить Вас стать во главе Союза, как его основателя, и тем не допустить гибели нашего святого дела в угоду врагам России.

Простите нашу откровенность, но ответственность за Союз лежит на Вас, как его основателе. Мы, Ваши последователи, имеем полное право просить и ожидать от Вас исполнения Вашего долга.

Мы с полным доверием относимся к Главному Совету с Вашим только руководством, но не обновленному. В случае же, <если> Вы этого не пожелаете исполнить, мы требуем от Вас, как основателя и вождя Союза, озаботиться немедленным созывом Всероссийского съезда представителей отделов для выяснения непостижимого для всех нас, союзников, образа действий обновленного Главного Совета и избрания нового состава Совета.

По уполномочию Совета, председатель
генерал-лейтенант *Адамович*

* * *

Дорогие союзники и друзья! Некоторые из настоящего состава членов Главного Совета на выраженное им общее недоверие и порицание Союза упорно остаются в Главном Совете и своими действиями продолжают сеять рознь и нестроение. Мое вступление в Главный Совет при этих лицах еще больше обострит отношения. Мне невольно приходит сейчас на мысль библейское повествование о суде Соломона: две женщины оспаривали право матери на ребенка. Соломон рассудил и отыскал настоящую мать. Соломона теперь нет, да его и не нужно: Союз не новорожденное дитя, а уже совершенно взрослый и созревший организм; ведь за наши 5 тяжелых лет политического существования он знает, где и с кем ему быть. Пусть же сам Союз сознательно, устраняя препятствия, идет по выбранному добровольно пути. Насилие и препятствия должны возбудить только бóльшую энергию. Съезд немедленно должен созвать Главный Совет или же *немедленно уйти*. Откладывать нельзя. Каждый день промедления – это нож, который был предложен Соломоном. Я вышел из Главного Совета и отошел в сторону, надеясь устранить действие ножа. Пусть же выпустят его те, в чьих руках он находится. Они нагло заявили: Союз велик, в нем более 4 000 отделов; если отпадут одна, две, три тысячи и больше, то нам все равно; с остальными мы будем – Союз! Для истинных же союзников больно терять одного из членов, а не только отдел или тысячи их; тем более постыдно делать уполномочия на закрытие отделов!

Старший союзник *А. Дубровин*

Новодворский отдел Союза Русского Народа

Христос Воскресе, дорогой Александр Иванович! В этот радостный и знаменательный день победы Господа над смертию и над силами ада укрепляется в нас вера в торжество Прав-

ды вечной над злом, в торжество основ, которыми жила, развивалась и укреплялась Св. Русь на протяжении тысячелетия.

Верим, дорогой Александр Иванович, что Христос, воскресший из мертвых и поправший смерть, поможет нам побороть под Вашим водительством всех врагов и супостатов нашего возлюбленного Государя и дорогого Отечества.

В знак преданности и любви к Вам просим Вас, наш дорогой руководитель, принять на себя звание почетного председателя Новодворского отдела Союза Русского Народа.

Преданные Вам: председатель отдела диакон *Н. Ракитский*. Товарищ председателя *Роман Григорьев*. И<сполняющий> об<язанности> секретаря *Георгий Иванов*.

* * *

От души благодарю за расположение и доверие.

Почетный председатель Новодворского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Белоключинский отдел Союза Русского Народа

Христос Воскресе! Празднуя двухлетнюю годовщину существования старейшего сельского Белоключинского в Закавказье отдела, шлем наилучшие пожелания. Просим всегда быть нашим главным руководителем.

Управ<ляющий> Закавказского сельского отдела *Петров*. Священник *Иванькович*

* * *

Поздравляю с двухлетним существованием отдела и желаю ему дальнейшего процветания.

Дубровин

Елецкий отдел Союза Русского Народа

Александр Иванович! Уведомляю Вас, что Совет Елецкого отдела Союза Русского Народа журнальным постановлением в заседании 31-го минувшего марта единогласно определил сообщить Вам о восстановлении патриотической деятельности отдела и покорнейше просит Вас не отказать войти и поддерживать на будущее время с его Советом возможно большую моральную связь в интересах Православия, Самодержавия и Русской Народности.

Исполняю это приятное поручение с чувством глубокого уважения к Вам.

Председатель Елецкого отдела Союза Русского Народа *А. Парамонов.*
Секретарь отдела *А. Ильин*

* * *

Приветствую вновь начавшуюся деятельность Елецкого отдела и охотно иду навстречу выраженному мне желанию отдела.

Дубровин

Актюбинский отдел Союза Русского Народа

Вновь открытый сегодня Актюбинский Областной отдел Союза Русского Народа с молитвами и с благодарной памятью о Вас шлет земной поклон Вам, дорогой Александр Иванович, и усердно просит, как вождя всего Союза, быть почетным председателем Актюбинского отдела.

Протоиерей *Худоносов*
Председатель отдела *Панфил Кондаренко*

* * *

Сердечно благодарю почетного председателя Актюбинского отдела.

А. Дубровин

Отделам Союза Русского Народа (в частности, Уманскому отделу)

Дорогие союзники!

В Москве на съезде Союза Русского Народа 15 июля 1907 года было постановлено, как выражение лично мне доверия, что ни одно предложение или постановление, полученное в отделы, не подлежит исполнению, если не будет моей подписи.

Во избежание недоразумений, несообразных выступлений, а также запросов ко мне отделов, как поступить, напоминаю о постановлении Московского съезда, которым и до́лжно руководствоваться.

Почетный председатель С<оюза>
Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Указание это я вынужден был сделать вследствие рассылки по отделам разных бессмысленных и зловредных циркуляров, чтобы вовремя помешать этим циркулярам нанести вред Союзу.

А. Дубровин

Бердянский отдел Союза Русского Народа

Глубокочтимый Александр Иванович!

Бердянский отдел С<оюза> Р<усского> Н<арода>, с прискорбием узнав о той крайне вредной для дела распре, которая возникла между Вами и обновленным Главным Советом, умо-

ляет Вас для пользы дела, как человека, принесшего столько пользы святому делу спасения русских начал в годину смуты, по-прежнему оставаться главным председателем Союза, и, если признаете необходимым, то решить это чисто семейное дело на Всероссийском Съезде С<оюза> Р<усского> Н<арода>, не предавая семейных дрязг гласности, на радость левых и жидов. Обновленного же Совета без Вас Бердянский отдел признавать не может, так как без Вас мы дети без отца, а дело – без пастыря. Не заставляйте же нас опустить в отчаянии руки, дела – много, а работников мало, стряхните всю накипь с Союза, созвав нас на съезд, мы – Ваши помощники. В ожидании того, что Вы, дорогой Александр Иванович, с прежней энергией возьметесь за дело, остаемся все Ваши бердянские союзники. Об изложенном по уполномочию отдела на основании постановления Совета от 4-го июля с.г. имею честь довести до Вашего сведения.

Председатель, полковник *П. Осиповский*
Секретарь *Н. Пятковский*

* * *

Дорогие друзья и союзники! Из данных мною документальных объяснений достаточно ясно, что я сдерживался до последних пределов, но из этого ничего не вышло. Я предупреждал и просил, чтобы меня оставили в покое и дали бы работать в «Русском Знамени»; как же мне ответили? Выпустили свой «Вестник» и послали по отделам нанятых людей грязнить мое имя. Укажите, какое послушание я должен принять на себя? Я постараюсь выполнить.

А. И. Дубровин

Уманский отдел Союза Русского Народа

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Препровождая при сем для напечатания в Вашем вестнике С<оюза> Р<усского> Н<арода> – газете «Русское Зна-

мя» – копию постановления Совета Уманского уездного отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>, состоявшегося 20 сего июня, просим Вас стать во главе Союза или создать временный Главный Совет С<оюза> Р<усского> Н<арода>, помимо «обновленного Главного Совета», для руководства отделами, которые, благодаря интригам некоторых честолюбцев из «обновленного Главного Совета», остаются как овцы без пастыря, отчего русское дело гибнет на радость врагам его, и не исполняется Высочайшее повеление Государя Императора относительно объединения русских людей.

Если Вы не согласны исполнить нашу просьбу, то Уманский уездный отдел со своими подотделами, не желая подчиниться нынешнему «обновленному Главному Совету С<оюза> Р<усского> Н<арода>», будет просить Ярославский или какой-нибудь другой самостоятельный отдел о принятии его в свою семью.

В воздаяние же Ваших несомненных заслуг пред Самодержавным Царем и Отечеством просим Вас, многоуважаемый Александр Иванович, принять звание почетного члена Уманского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>.

Почетный и действительный председатель Уманского уездного отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>
А. Назаревский
За секретаря *И. Сербин*

* * *

Благодарю дорогих союзников; войти в Главный Совет, пока в нем будет группа враждебных лиц, не могу, ибо будет бесполезно.

Почетн<ый> член Уманского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Мелитопольский отдел Союза Русского Народа

Милостивый Государь г-н редактор.

Высокочтимый Александр Иванович! Из газет узнав о враждебных отношениях «обновленного» Главного Совета к Вам, Мелитопольский отдел Союза Русского Народа скорбит о всех неурядицах, возникающих в Союзе Русского Народа почти с самого его основания, и все из-за той интриги честолюбия, и на далекой провинции юга России представляет себе, какую славу, какую силу получил бы Союз Русского Народа, если бы его не разбивали интриганы, патриоты наизнанку.

Пуришкевич, Восторгов, Марков 2-й имели бы больше заслуг перед Родиной, а поэтому бессмертная слава их блистала бы, как солнце, и гремела бы по всей Земле Русской в устах патриотов и по всей вселенной земного шара.

При настоящем же положении какая это слава? Если между патриотами в высших сферах, да еще и в столице, завелась такая междоусобица, которая теряет силу и славу Союза Русского Народа, а для врагов Отечества служит главным поводом самоуверенности, что Союз Русского Народа разлагается, ибо члены его из-за интриги довели себя до самоуничтожения. В еврейской истории есть такая заметка, что евреи уже переживали такое время, что неприятели, идя на них войною, не поладили между собою из-за такого же честолюбия, смешались в войне и уничтожили друг друга, а евреи благополучно стояли невдалеке и только тешились междоусобицей неприятеля, и победа осталась за евреями без малейшего кровопролития, а поэтому в настоящее время они со злорадством ожидают повторения такой же истории в Союзе Русского Народа, и самоуверенность их подтверждается тем, что в каждом отделе Союза Русского Народа возникли неурядицы, которые уже породили вражду между патриотами, а вражда своевременно может при несчастном случае превратиться в самоуничтожение. А потому Мелитопольский отдел Союза Русского Народа, усматривая все это, покорней-

ше просит Вас, высокочтимый Александр Иванович; Вы, как основатель и почетный председатель Союза Русского Народа, примите Мелитопольский отдел под свое руководство и покровительство и все его подотделы, а таковых явится много, и мы будем считать, кто с нами – тот за нас, а кто не с нами – против нас, хотя бы он был и патриот. Верующих во Христа много, а инаковерующие во Христа гораздо больше приносят Православной Церкви и народу вреда, чем те, что вовсе не веруют. Так и патриоты, не входящие в Союз Русского Народа и даже входящие в него, но не подчиняющиеся главе его, больше приносят вреда Отечеству, чем революционеры.

Мелитопольский отдел Союза Русского Народа покорнейше просит поместить настоящее письмо в Вашей уважаемой газете «Русское Знамя».

Председатель *А. Могилка*.
За секретаря *Мих<аил> Чередниченко*

* * *

Благодарю дорогих союзников и принимаю их предложение.

А. Дубровин

Гомельский отдел Союза Русского Народа

Совет Гомельского отдела Союза Русского Народа поручил мне просить Вас, высокочтимый Александр Иванович, поместить в «Русском Знамени» запросы нашего отдела «обновленному» Гл<авному> Совету, ибо постановление Совета мы должны будем прочитать на общем собрании, а в газете «Рус<ское> Знамя» его не будет. Я не знаю, почему «Рус<ское> Знамя» не помещает наших копий, посланных в Главный Совет? Если они резки, так это еще не беда, ибо мы игнорируем Главный Совет и знать его не хотим! Благодаря этим младотуркам[1] и у нас завелись такие же, с которы-

ми мы боремся. Просим Вас, глубокоуважаемый Александр Иванович, напечатать нашу последнюю копию, посланную в редакцию «Рус<ского> Знамени» за № 235. Если Главный Совет издевается над нами, то и мы его знать не хотим. Если он нахально не признает Литинского отдела, то, быть может, прочитав в газете «Рус<ское> Знамя» наши запросы, найдет, что и Гомельского отдела никогда не было и нет. Убедительно просим по получении этого письма напечатать наше постановление.

Остаюсь искренно преданный Вам и делу Союза Русского Народа.

Председатель Гомельского отдела С<оюза>
Р<усского> Н<арода> *А. Давыдов*

* * *

Помещая настоящее письмо, просим дорогих союзников извинить за то, что пока воздержались от печатания постановления за № 235.

Ред.

Лубенский отдел Союза Русского Народа

Совет Лубенского губернского отдела Союза Русского Народа в заседании своем 13 сего июня по поводу напечатанного в № 129 «Русского Знамени» заявления основателя и почетного председателя Союза Русского Народа А. И. Дубровина на имя обновленного Главного совета об отказе от звания учредителя и члена Совета, – единогласно постановил:

1) Просить А. И. Дубровина как основателя и почетного председателя С<оюза> Р<усского> Н<арода> избрать из преданных ему петербургских отделов временный Совет, принять в нем действительное председательство и исхлопотать разрешение на созыв Всероссийского Съезда или частного

совещания представителей отделов Союза Русского Народа, имеющего целью принять окончательные решения по всем спорным вопросам, возникшим в последнее время в Союзе Русского Народа;

2) Признавать только газету «Русское Знамя» по-прежнему вестником Союза Русского Народа;

3) Ввиду неоценимых услуг, оказанных Союзу Русского Народа основателем его Александром Ивановичем Дубровиным, – избрать его почетным председателем Лубенского отдела Союза Русского Народа.

О таком единогласном постановлении Совета Лубенского отдела покорнейше прошу редакцию напечатать в газете «Русское Знамя».

Председатель *П. Ясинский*

* * *

Благодарю дорогих союзников за доверие и сочувствие.

Почетный председатель Лубенского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Карачевский отдел Союза Русского Народа

Достоуважаемый и незабвенный защитник Веры Православной, беззаветно преданный и неподкупный борец за Царское Самодержавие и неустрашимый вождь русского народа, Александр Иванович!

После более чем двухлетнего бездействия карачевские союзники, объединившись между собою, решили возобновить деятельность своего отдела, избрав себе новое правление вместо прежнего бюрократического, и, возблагодарив Господа Бога, даровавшего им силу и крепость, собравшись сегодня на общее собрание, вознесли горячие молитвы о

здравии и благоденствии Государя Императора Самодержца Всероссийского со всею Его Царскою Семьей, за Великого Князя Михаила Александровича[2] как великого печальника и милостивого благотворителя обездоленным и нуждающимся жителям Орловской губернии и за Основателя Союза Русского Народа Александра Ивановича Дубровина со всеми членами оного Союза и единогласно постановили: а) выразить Вам, Александр Иванович, свое глубокое и искреннейшее сочувствие и преданность как главе и неподкупному руководителю Союза Русского Народа; б) Избрать Вас своим почетным и пожизненным председателем; в) Просить Вас всенепременнейше созвать в возможно скорейшее время Всероссийский Съезд, который положит конец беззаконию членов Главного Совета, чинимому вопреки Высочайшей Воле Государя Императора, призвавшей Союз Русского Народа быть примером законности и порядка. Карачевские союзники считают единственным законным председателем Главного Совета – Вас, и единственным вестником Союза Русского Народа – «Русское Знамя», редактируемое Вами. Земляку же нашему, члену Главного Совета Володимерову, выражаем неудовольствие за провокаторство против Вас и вестника Союза Русского Народа «Русского Знамени». Надеемся, что г. Володимеров не получит уже союзных голосов в будущем.

Председатель отдела *Александр Васильевич Петров*, товарищ председателя *Николай Николаевич Почёнин-младший*, члены Совета: *Павел Семенович Карташев*, *Павел Семенович Собакин*, *Тихон Иванович Соколов* (дворянин), *Иван Худяков*, *Михаил Беликов*, *Алексей Карташев*, *Иван Акулов*, *Павел Калошин*, *Михаил Веселов*, *Константин Рудаков*, *Михаил Серков*, секретарь Совета *Аристарх Ананьевич Соколов.*

Выпись с подлинного сверял секретарь Совета, надворный советник *Аристарх Соколов.*

* * *

Привет вам, дорогие союзники; радуюсь вашей бодрости духа, чувствуемой в каждой строке вашего постановления.

Почетный председатель Карачевского отдела
С<оюза> Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Горловский отдел Союза Русского Народа

Апреля 8-го дня 1910 г.
(К характеристике деятельности Главного Совета)

«Высокоуважаемый Александр Иванович!

Горловский отдел Союза Русского Народа постановлением от *15-го ноября* 1909 года, представленным Главному совету Союза Русского Народа, просил ходатайствовать перед правительствующим Синодом о переводе из Горловки священника о. Григория Федорова и назначении вместо него другого священника. В том постановлении приводились факты, на основании которых оставаться ему в Горловке слишком вредно для прихожан.

До сих пор Главный Совет о результате нашей просьбы и резолюции на нее не известил. *Недовольство прихожан растет.*

Товарищ председателя отдела *К. Гурков*
За секретаря отдела *М. Борзенко*

* * *

С 15 ноября прошлого года от Главного Совета ни привета, ни ответа!..

Ред.

Ключевской отдел Союза Русского Народа (открытое письмо в Главный Совет Союза Русского Народа)

Совет Ключевского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>, осведомившись по газетным сведениям, в собрании своем 16 мая постановил написать Вам нижеследующее:

В прошлых заседаниях своих Вы постановили принять согласительные пункты с Русским Народным Союзом Архангела Михаила, и мы считаем то же незаконным поступком с Вашей стороны, так как это противоречит некоторым параграфам Устава С<оюза> Р<усского> Н<арода>, по которому мы действуем и предполагаем, что и Вы поступите по тому же Уставу, а не по новому. Потом далее угрожаете нашему вестнику Союза Русского Народа, газете «Русское Знамя». Вы хотите снять подзаголовок ее «Вестник Союза Русского Народа» и, кроме этого, добиться этого административным порядком, а для чего Вам нужно это? – спрашиваем Вас.

Очевидно, Вы действуете под давлением сверху, чтобы заслужить симпатии бюрократии. Сожалеем, что вы выбрали плохое время перестраивать и переделывать снова по вкусам своим!.. Жалко и жалко людей недальновидных, ведь подумайте, время ли Вы нашли ссориться между собою и других соблазнять? Вон октябристы подумывают, как зарекомендовать себя пред предстоящими выборами, а Вы что делаете? Вы ведь губите созданное с величайшим трудом положение свое, которое постепенно начинало пробуждать других присоединяться к нам, а Вы хотите разрушить дело одним почерком пера?.. Вы хотите погубить себя и нас! Кто пойдет за Вами, как за о. Восторговым, за которым, как помнится нам, никто не пошел, когда создавал он несколько союзов, которые и не осуществились почему-то. Нет и нет, не делайте этого, не отталкивайте нас от себя, и просим не умалять заслуг Александра Ивановича и не оскорблять своими поступками, так как, оскорбляя и унижая его, оскорбляете весь «Союз Русского Народа». Уже поговаривают многие союзники, что толку мало выходит, и потому надо все бросить на произ-

вол судьбы Божией. Нет! Мы, руководители отдела, говорим, не надо бросать зря дело, на которое употреблено так много силы, энергии и средств, а надо стараться до последней капли крови, – так ведь, вступая в Союз, обещались. Ввиду вышеизложенного просим Вас отвергнуть согласительные пункты до созыва Всероссийского съезда Союза Русского Народа, а г. Пуришкевичу скажите, что он может действовать так, как работал до сей поры во славу русского народа, а изменять Устав Вы одни не можете, мы протестуем. Ведь это не кукольная игра, и мы, союзники, не куклы, которых можно рассадить по вашему усмотрению, куда вздумается. Г. Пуришкевич отделился от нашего Союза и образовал отдельный Союз, и все-таки он должен быть солидарен с нами, как младший брат со старшим. Кроме этого, нам кажется, что союз Архангела Михаила есть союз самоуправный, когда в нем нет главы – председателя до сей поры. При этом не мешает напомнить Вам возгласом Св. Церкви: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми»[1], – а выходит, что мы повторяем сие на каждый день и час и не можем удержаться, и подумаешь, как мы измельчали в своих эгоистических помышлениях.

В этом заседании Совет Ключевского отдела постановил просить Вас, глубокоуважаемый Александр Иванович, снова выступить на защиту нас от наших ожидовелых врагов и просим Вас, наш кормчий, быть снова председателем Главного Совета Союза Русского Народа, и уверены, что все отделы пожелают Вас видеть на страже интересов русского народа и, кроме сего, просим Вас, Александр Иванович, принять звание почетного председателя Ключевского отдела Союза Русского Народа.

Председатель Ключевского отдела Союза Русского Народа *С. Тихомиров*
Товарищи председателя *Н. И. Рябухин, Мих. Попков*
Казначей *Даниил Волосов.*
Члены Совета: *Матвей Золин, К. Субботин, Денис Шванев, Василий Тихомиров, Гордей Волков, Артемий Мезенцев*
Секретарь, почетный член отдела *Михаил Конюхов*

* * *

Сердечно благодарю дорогих союзников.

Почетный председатель Ключевского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>
А. Дубровин

Успокойтесь, дорогие союзники; благодаря выступлению против беззаконных действий группы членов Главн<ого> Совета академика А. И. Соболевского соглашение с Палатой Михаила Архангела не удалось провести.

Работайте и не падайте духом. Все пройдет, а Союз после пережитой попытки его разрушить будет еще сильнее.

А. Дубровин

Лабинский отдел Союза Русского Народа

Многоуважаемый наш отец, почетный председатель Александр Иванович!

Посылаю я Вам свой земной поклон, а также посылают Вам свой земной поклон вся наша братия, союзники Лабинского отдела Союза Русского Народа. Молимся и просим Господа Бога, чтобы послал Вам многие лета, здравия, и укрепил Ваши силы, великий Вы наш труженик, на пользу дорогого нашего Отечества.

18 мая сего года получала я нашу газету «Русское Знамя» за 13 мая № 106, в котором напечатана статья «Братья-Союзники». 19 мая в нашем отделе в присутствии многих членов Союза Русского Народа была прочитана эта статья. Прочитали мы, что Совет хочет прекратить дорогой наш «Вестник Союза Русского Народа». Когда кончили читать те слова, что Вы, наш отец, готовы защищать до последней

капли крови все, что есть для нас самого дорогого и святого, многие союзники плакали, а все мы молились, чтобы Господь Бог поддержал Вас.

Много у нас союзников неграмотных. Часто приходят в отдел послушать газету «Русское Знамя». Хотя наши союзники и бедны, но, благодарим Бога, все – ревнители. Раньше наш Лабинский отдел Союза Русского Народа совсем было упал духом, а теперь – благодарим Господа, опять стал расти, много членов стало прибавляться – ревнителей в русском духе. Раньше мы получали «Русское Знамя» и как-то все относились без внимания, потом совсем не стали получать; а с тех пор, когда я стала получать газету, – стала часто читать как союзникам, так и не союзникам. Недавно «Русское Знамя» было прочитано в народном собрании. Тут же о. диаконом, членом Семиреченского отдела Союза Русского Народа, была напечатана сказанная речь, в коей он разъяснил, что такое Союз Русского Народа. Много было народа приезжего из донских станиц – Баховской, Борокаевской, Константиновской и др. и из селений. Многие брали газету и читали. Слышали, что есть Союз Русского Народа, но не имели понятия о Союзе; когда же была прочитана газета 6 марта и Устав Союза Русского Народа, то многие тут же записывались членами. Все простые крестьяне, а также пожелали вместе с крестьянами записаться в наш Союз инспектор и учитель стан<ицы> Константиновской. Все очень довольны, что им приходится читать «Русское Знамя».

У нас теперь часто бывают собрания, читаем газету; а также мы получили из Почаева много книг и брошюр, которые и читаем.

Добрый наш отец и руководитель! Да поможет нам Господь Бог смело идти защищать нашу Веру, Царя и Отечество, избавиться от жидовской крамолы, с которой мы ничего не можем поделать в стан<ице> Лабинской. Не буду писать о тех жидах, которые живут в казачьем сословии: их развелась такая масса, что только и видишь везде, – жид да жид; казак – только название, а все – коммерсанты. Бедному

русскому мужику нигде нет покоя от жидов, даже в казачьей станице. А сколько в Лабинской наехало жидов, которым запрещено жить в казачьих станицах! Приедет, кто его знает откуда, жид и живет припеваючи – не платит, как мы, русские, посаженную плату и разные пошлинные да оборотные, как мы платим и в общество, и в казну, – приедет, наймет квартиру и живет себе спокойно; а казачье общество не обращает внимания, что жид вредит русскому человеку!..

В Лабинской поселились два жида; один жид – доктор *Фридман*, другой – поверенный *Негри*, говорит про себя, что выкрест. Первый жид-доктор выселен за пропаганду из г. Люблина или Люблинской губ.; у него три сына и один какой-то родственник, студент-жид; тоже тайно агитирует. А сам жид-доктор обирает русских простаков, не лечит, а залечивает до смерти и пускает для наживы в ход все свои жидовские хитрости. А поверенный жид-Негри тоже выслан из г. Ташкента за пропаганду, а жена его за революционные пакости была осуждена в крепость на три года, где и отбывала свой срок и недавно приехала на ст. Лабинскую и уже начинает тайно пропагандировать. У нее появляются подозрительные личности, неизвестно откуда приезжают и уезжают. Лабинской полиции до этого как будто и дела нет.

А сам Негри обирает самым преспокойным образом всех православных крестьян; своими жидовскими манерами и хитростью заманивает бедных мужичков и обирает их до последней копейки, а дела никогда не оправдывает, да ему и не надо – лишь бы деньги вперед взять да выманить, а потом и водит мужичка до тех пор, пока в тюрьму не посадят; прав или виноват – ему все равно – лишь бы обмануть.

Жид-Негри взялся оправдать нашего союзника, члена Союза Русского Народа *Тимофея Акимовича Пензюлина*; деньги у него забрал вперед, выманивал разновременно до суда; а прошение и кассационную жадобу написал целых пять листов и жалобу в Синод (?!) какую-то чепуховую, не похожую на жалобу, а оправдание похоже на обвинение. А прошение о помиловании было послано на Высочайшее Имя

и, конечно, отклонено, так что Пензюлину приходится сидеть год в крепости.

Пензюлин торгует книгами и картинами в ст. Лабинской 20 лет, и никогда никто не подозревал в нем плохого человека. Жители – крестьяне, купцы и казаки – все признают Пензюлина честным человеком, и мы, союзники, не можем сказать за союзника Пензюлина ничего плохого: он торговал книгами большею частью духовного содержания, а *светскими нелегальными книгами он никогда не торговал*; а откуда у него взялись четыре книжки по три коп. «Песни пролетария», Пензюлин и сам не знает; или кто по злобе подложил, или получил он их с товаром. Оглядеть он их не мог – при получении товара книг и картин он всего не перечитывает, а подсчитает по корешкам и укладывает на полку. Все союзники Лабинского отдела Союза Русского Народа хотят похлопотать перед нашим Батюшкою Государем Императором – просить о помиловании, так как Пензюлин – человек немолодой, у него малые дети и больная жена. Об этом мы, союзники, спросили совета у председателя Екатеринодарского отдела Союза Русского Народа полковника Селенкина; он посоветовал обратиться за советом к отцу нашему Дубровину.

Наш Союз Лабинского отдела послал Вам бумаги и копию с кассационной жалобы, которую написал повер<енный> Негри в Сенат… Еще прилагаю к сему письму расписки, которые Негри выдавал Пензюлину, когда брал у него деньги разновременно, а сколько Негри выманил у Пензюлина денег без расписок!.. – Более 150 руб. – за разные копии и проч.

(Подпись)

* * *

Дело направлено, куда следует.

А. Дубровин

Новодворский отдел Союза Русского Народа

Не желая числиться в списках обновленцев даже небольшое время до Всероссийского Съезда союзников или общего собрания отделов С.-Петербурга, когда будут приняты должные меры к спасению святого дела, Новодворский отдел Союза Русского Народа Смоленского уезда усерднейше просит Вас, дорогой Александр Иванович, принять его теперь же под свое непосредственное руководство и управление, о чем и опубликовать в вестнике Союза Русского Народа – «Русском Знамени» – к сведению гр. Коновницына, студента Соколова и других главносоветчиков.

Председ<атель> отд<ела> диакон *Н. Ракитский*
Почетн<ый> член отдела *А. Горбатов*
Тов<арищ> председ<ателя> *Роман Григорьев*
Члены Совета: *Василий Степанов*, *Иван Соболев, Стефан Игнатов* негр<амотный>, а за него расп<исался> *Соболев, Федор Абрамов, Никита Белоусов, Яков Пономарев, Иван Зайцев* негр<амотный>, а за него расп<исался> диак<он> *Ракитский*
За секретаря, член Совета *Иван Соболев*

* * *

Охотно иду навстречу желаниям дорогих союзников. Прошу непосредственно во всем, касающемся отдела, обращаться лично ко мне по адресам: *5 рота, д. № 5 или же Шпалерная, д. № 26-й, редакция вестника Союза Русского Народа «Русское Знамя»*. На съезд не рассчитывайте – его обновленцы не соберут. Общее же собрание Петербургских отделов соберут только тогда, когда наоткрывают достаточное количество *дутых* отделов, чтобы с помощью председателей этих бумажных отделов составить себе подложное большин-

ство. Такие отделы уже открыты, а на днях последует открытие еще таких же отделов. Берегитесь открытия, дорогие союзники: Союз стремятся разрушить или же сделать слепым послушным стадом баранов для осуществления вожделений «искренних конституционалистов».

Ваш председатель *А. Дубровин*

Николо-Георгиевский отдел Союза Русского Народа в Елисаветграде

Убедительная просьба.

Поддерживая мысль г. Кашкарова (см. <в> № 150 «Русск<ого> Знам<ени>» его статью «К празднованию трехсотлетия Царствования Дома Романовых»), отдел находит своевременным выработать заранее тот необходимый порядок празднования, в коем союзники должны принять свое участие, дабы не повторилась старая ошибка неприятного характера для нас, как это было на Полтавском торжестве. Припоминается прошлогоднее Полтавское торжество, к которому союзники заблаговременно не были подготовлены, и благодаря этому «конституционная» бюрократическая власть издевалась над нашими идейными чувствами, теми чувствами, которые мы, русские люди, с молоком матери впитали в себя.

Чиновники столыпинского носоветрия явившихся на торжество союзников средствами оттирали на задний план; у одного даже нашлось столько нахальства, что он при каждом приближении Государя Императора к выстроившимся союзникам отвлекал внимание Царя от союзников; проделывалось это на глазах у всех. Сердце сжималось и хотелось плакать слезами беззащитного ребенка. Так вот, дорогой наш вождь, Александр Иванович, мы предвидим впереди, что «конституционные» бюрократы и при праздновании *Самодержавия* будут служить Союзу Русского Народа камнем преткновения.

Необходимо заранее добиться того, чтобы отпраздновать идейный наш праздник спокойно, без бюрократических тисков, и чувствовать себя на празднике Самодержавия хозяевами положения, дабы и в будущем партия недоразумения 17-го осеннего числа[1] не насмеялись бы над нашими лучшими чувствами; и не ждать же нам того, чтобы новое конституционное обновленное главносоветское агентство взяло на себя инициативу!..

Необходимо заблаговременно исходатайствовать на это право у нашего Единственного земного заступника и Покровителя Царя-Батюшки.

Николо-Георгиевский отдел Союза Русского Народа ждет от Вас, действительный председатель Александр Иванович, на страницах нашего вестника «Русское Знамя» распоряжений.

Николо-Георгиевский отдел Союза Русского Народа всецело присоединяется к прошению председателя Екатеринодарского Отд<ела> С<оюза> Р<усского> Н<арода> (смот<ри> № 149 «Рус<ского> Зн<амени>»): на основании пар<аграфа> 19-го, примеч<ания> к нему 5-го, автор статьи главносоветского «Вестника» «Необходимый ответ» за ложь, порочащую честь великого С<оюза> Р<усского> Н<арода>, должен быть исключен из Союза, а с ним за то же подлежат исключению гг. лгунишки, поместившие опровержение в № 325 газеты «Земщина»: Коновницын, Соколов и проч.

По уполномочию общего собрания председательствующей *Г. И. Костецкий*

Июля 12-го 1910 г.

* * *

Постараюсь, дорогие союзники, сделать все, что дозволят слабые человеческие силы, и вовремя укажу, что нужно, на страницах «Русского Знамени». Другой вопрос об обновленцах, – разрешайте его сами. Меня и без того в достаточной мере

облили грязью, да вдобавок пренахально на меня же вливают, как на виновника, свою грязь: что проделали и проделывают сами по отношению ко мне, в том обвиняют меня, выставляя себя пострадавшими от меня же.

Статью же «Измена» в № 6-м обновленческого «Вестника» заканчивают, как вы бы думали, – *угрозами*! На них отвечу: пожалуйста, к чему угрожать, лучше выступить прямо. Я уже многое пережил включительно до герценштейновщины. Что же дальше? Милости просим, не стесняйтесь, будьте как дома. Да и нужные скоты, кажется, под рукою?

А. Дубровин

Гомельский отдел Союза Русского Народа (журнал заседания Совета)

1 августа 1910 г., № 136

Совет Гомельского отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода> в заседании своем 1 августа 1910 г. заслушал присланную чрез гомельского полицмейстера копию постановления «обновленного» Главного Совета за № 706 от 9 июля с.г., протокол № 25 п.в., в которой сказано, чтобы Совет отдела в месячный срок избрал бы себе другого председателя, устранив от занимаемой должности председателя А. Х. Давыдова[1].

Постановили: находя предложение «обновленного» Главного Совета провокаторским и не признавая за этим Советом какой-либо компетенции и, кроме того, не желая входить с провокаторским «обновленным» Главным Советом, состоящим из «за председателя» Э. Коновницына и «за секретаря» Кудиновича и Кº, в какие-либо сношения, а признавая лишь только подпись А. И. Дубровина для себя, – Гомельский Совет отдела С<оюза> Р<усского> Н<арода>, выражая глубокоуважаемому и незаменимому нашему председателю отдела Акиму Харлампиевичу Давыдову полное доверие за его стойкость и самоотверженную деятельность по отделу в

частности и по всему Союзу – вообще, с негодованием отвергает нахальное и незаконное постановление «обновленного» Главного Совета, сообщенное нашему Совету отдела чрез гомельского полицмейстера.

О вышеизложенном постановлении довести до сведения вождя великого Всероссийского С<оюза> Р<усского> Н<арода> – Александра Ивановича Дубровина, и выслать ему копию настоящего постановления для напечатания в нашем вестнике С<оюза> Р<усского> Н<арода>, «Русском Знамени». Подлинное подписали: председатель отдела А. К. Давыдов; члены Совета Боборыкин, Тихонравов, Васильев, Варовода, Качанов, Воронович, Н. Давыдов, Мукосеев, Дьяковский, Галкин и Шведов.

С подлинным верно.

Председатель А. Давыдов

* * *

Постановление Гл<авного> Сов<ета> безусловно незаконно; Главный Совет не имеет права по своему произволу устранять председателей.

Избрав посредствующей инстанцией между собою и отделом полицмейстера, главносоветчики предлагают ему объявить об устранении главаря чуть не всего юго-западного монархического района, организатора десятков местных отделов С<оюза> Р<усского> Н<арода> и подотделов, над которыми гг. обновленцы захватным правом осуществляют свой бюрократический произвол. *Знают ли эти господа, что такое Давыдов?!*

В некотором роде выходит как будто и террор!

Смешно, если бы не!..

Извиняюсь перед Акимом Харлампиевичем, что не могу поместить в «Рус<ском> Зн<амени>» его открытого письма к обновленцам.

Почетный председ<атель> С<оюза>
Р<усского> Н<арода> *А. Дубровин*

Актюбинский отдел Союза Русского Народа

Актюбинский Областной отдел Союза Русского Народа просит поместить в уважаемой газете «Русское Знамя» нижеследующее.

На коленях, со слезами просим и умоляем Вас, Александр Иванович, присутствуйте на своем месте председателя Съезда Союза Русского Народа в гор<оде> Николаеве. В этот день да не смущается сердце Ваше, ибо Вы веруете в Бога, Который хвалы Вашей не премолчит, хотя и будут отверзаться на Вас уста нечестивых и уста коварных, будут говорить с Вами языком лживым, но Вы, по высокому соизволению Государя Императора, соберите под священный стяг Союза Русского Народа «овцы свои», которые, услыша глас Ваш, последуют за Вами на борьбу со злом. Ибо Господь услышит печаль сердца обожаемого нашего Монарха и защитит Его Имя Бог, Силою Господа возвеселится Царь, а мы о спасении Его возрадуемся зело.

Соберите пшеницу в житницу так, чтобы отделить ее от плевел, а потом… эти республико-конституционные плевелы выбросите на попрание свиньям под ноги.

Мы, грешные, день и ночь молим Царя Царствующих и Господа Господствующих законно: да не возвеселится грешный, рыкающий, яко лев, и замышляющий поднять в руке своей грязную, красную, позорную тряпку против Помазанника Божия, Его Самодержавной власти (ибо Богом Цари Царствуют), против Веры Православной и достояния дорогой нашей Родины.

И да облекутся в стыд и срам ищущие нам зла обновленцы, коварно покрывающиеся именем закона властолюбивые лженачальники, высокомерные лжеучители и корыстолюбивые лжерусские люди, облекшиеся в овечью шкуру, но сами суть волки хищные, которые не суть добрые русские люди, но сборище сатанинское.

Молим Господа Бога, да благословит и поможет Вам в этот великий и славный день и вложит в уста Ваши, яко Апостолам, что глаголет доброго для нашего блага, ибо искры и

едкий горький дым крамолы и до сих пор у нас прорываются на поверхность развалин. Так, 8<-го> сего августа во дворе Актюбинской тюрьмы во время прогулки между двух арестантов разных камер был следующий разговор: арестант Байдюков спросил Шлапака: «Получил ли ответ арестант Девеев на прошение, поданное на Высочайшее Имя о зачислении его на действительную военную службу?» Шлапак ответил, что «слыхал, как было объявлено Девееву, что его просьба уважена быть не может». Тогда Байдуков выразил: «Дураки все те, которые обращаются с просьбами к… (страшно сказать)». Шлапак заметил Байдюкову: «А почему же ты подавал прошение на Высочайшее Имя о помиловании тебя?», на что Байдюков возразил. Что хотя он и подавал это прошение, но оно было составлено в грубой форме лишь для насмешки, и тут же, возвыся голос, Байдюков начал кричать по адресу Государя Императора и Государыни Императрицы, Самодержавия и Союза Русского Народа омерзительные, кощунственные слова. При этом некоторые из арестантов, забывшие все Святое на свете, одобрили этот гнусный поступок, некоторые люди, хотя и заброшенные в мрачном свете тюрьмы благодаря подкупным лжесвидетелям, любящие Бога, Царя-Батюшку и всю Родину, крайне возмутились этой безбожной гнусностью Байдюкова, а патриот Союза Русского Народа, несчастный страдалец Василий Макарович Герман доложил об этом г-ну Актюбинскому уездному начальнику и просил прошением привлечь Байдюкова к законной ответственности. Не останется ли его прошение гласом вопиющего в пустыне?

Страдалец

* * *

Сердечное спасибо дорогим опочецким союзникам. Принимаю с благодарностью.

Почетный председатель Опочецкого отдела Союза Русского Народа *А. Дубровин*

<Ю. А. Толбузина – А. И. Дубровину>

«Смело обращаюсь к Вам, нашему доблестному и неподкупному вождю и почетному председателю Союза Русского Народа. И прошу у Вас совета. Не откажите в нем мне, члену родного Союза Русского Народа с первых же дней его открытия и подписчице вестника Союза Русского Народа, «Русского Знамени» с первого номера его основания. Пять лет я вносила членские деньги, пожертвования и за газету в редакцию по 4-й роте Измайловского полка, д. № 6; а за этот год я, внося 29-го декабря прошлого года деньги за газету на новый 1910 г. в редакцию по Шпалерной ул., просила указать мне, где возобновить членский взнос. Барышня, заведующая выдачею квитанций, указала мне Басков переулок, д. № 3. Я, поверив ей, поехала туда и получила членский билет на мое имя за № 2309, а также другой билет на имя родственницы моей Марии Семеновны Новицкой, которая также состоит членом Союза за № 2310. Будучи же 22 августа сего года на собрании членов Союза Русского Народа (Серпуховская ул., д. № 10, Театральный зал гражданских инженеров), я предъявила мой членский билет; но мне сказали, что он мне выдан из новообновленческой канцелярии. Это меня поразило, так как я не желаю быть его членом; я хочу быть, как и прежде, членом настоящего союза Русского Народа под Вашим руководством, поэтому прошу Вас, дорогой многоуважаемый Александр Иванович, указать мне, откуда должна получить новый членский билет на 1911<-й> год, чтобы не повторить ошибки. Простите, что беспокою Вас, но, веря Вам безгранично, я и обратилась к Вам. При сем приложенные 5 р. прошу Вас принять от меня на нужды Союза в Ваше личное распоряжение. Да хранит Вас Бог на радость всему нашему Союзу. Примите уверение в искренней моей к Вам преданности,

Юлия Александровна Толбузина
(Союзница)

* * *

Уведомление послано почтой.

Ред.

Лабинский отдел Союза Русского Народа

Мир Вам Божий, много потрудившийся в борьбе за Веру, Царя и Отечество, отец наш, руководитель Союза Русского Народа.

6 августа мы, члены Союза Русского Народа Лабинского отдела отслужили молебен в соборе о здравии Государя Императора.

Молились также и за Вас, Александр Иванович, за всех членов Союза молили Господа и радовались, что наш трехлетний отдел помаленьку начинает ходить, и мы этому рады.

Жаль, что есть лица, которые не хотят Союза и смеются над нашим молодым отделом, которому с 6 августа уже идет 4<-й> год.

Старой церкви диакон говорил: пусть бы отслужили панихиду, а не молебен, чтобы Союз распался; о. Николай, благочинный, это повторил и добавил, что в Главном Совете идет спор из-за старшинства между Пуришкевичем и Дубровиным, и Союз от этого рассыпается.

Слыша это, мы просили Господа, чтобы Союз не рассыпался.

Председатель Ф. Шармай

* * *

Лабинские союзники!

Спасибо за молитвы. Скажите при случае диакону и благочинному, что стыдно им идти против Воли Помазанни-

ка Божия, Который повелел православному русскому народу объединиться в Союз Русского Народа, который по воле Царя был, есть и будет надежною опорою Трона.

Путь правый указан русскому народу, иного пути нет, и кто не с нами – тот враг Православного Русского Царя, Помазанника Божия.

А. Дубровин

Томский отдел Союза Русского Народа

Распря Главного совета с Дубровиным, радуя врагов русского дела, глубоко печалит томских союзников; поведение Дубровина непонятно; союзники, отдавая ему дань величайшего почтения за прежнюю деятельность, поражаются бестактностью его борьбы с Главным Советом, подающей в нынешнее тревожное время опасный пример неподчинения, благодаря раздору Дубровина с Главным Советом. Объединенность среди провинциальных союзников рушится, дисциплина падает, существованию отделов Союза грозит опасность; взамен соединяются инородцы с революционерами, готовясь к новым выступлениям. Умоляем Главный Совет прекратить распрю; слезно упрашиваем почтенного Александра Ивановича Дубровина не губить дело, созданное им; как это сделать, пусть подскажет совесть, преданность Православию, Царю, Отечеству; ради спасения Союза никакая жертва не велика. Мы не судим, кто прав, кто виноват, уверенные, что всякое дело погибнет, если разрушить дисциплину. По поручению Совета Томского губернского отдела председатель *Малышев*.

* * *

Дорогие друзья и союзники! Неужели вы не видите, что происходит? Неужели не подсказывает вам ваше чутье русских людей, чего хотят добиться наши враги? Я не позволил себе

ни одного выступления и даже ушел совершенно из Главного Совета. Я все время строго держался только защиты Союза и себя. Кто первый выступил и повел борьбу? Главный Совет! Умышленное оскорбление мне нанес граф Э. И. Коновницын, и Главный Совет, не приняв должных мер против г. Коновницына, признал себя с ним солидарным; а затем последовательно своими действиями Главный Совет, создав непроходимую пропасть, завершил свои выступления нападением на «Русское Знамя» и посылкой наемных людей для разрушения Союза и уничтожения той нравственной связи, которая установилась за пять лет совместной работы между мной и союзниками. Но довольно. Всего не выскажешь в коротеньком ответе, да и нет надобности, потому что все уже разъяснено достаточно и на страницах «Русского Знамени», и в отдельных оттисках и книге. Зрячие видят, а слепых заставить видеть не можем.

Дубровин

Киевский кружок русских патриотов

Киевский кружок русских патриотов с чувством глубочайшей скорби взирает на тот роковой разлад, который в настоящее время происходит в Главном Совете Союза Русского Народа и подавляюще действует на сердца горячо любящих и безгранично преданных сынов страдающей Родины. В разгар грозной смуты, тяжких испытаний, зловещих свинцовых туч, повисших со всех сторон над дорогим Отечеством, готовых во всякий момент разразиться разрушительным ударом, Ваш мужественный голос в числе других достойнейших исторических деятелей смело прозвучал по всей Руси Великой и начал призывать неустрашимых, преданных русских борцов под национальное знамя, на котором начертано: «За Веру Православную, Царя и Отечество», и могучие ратники, осенив себя крестным знамением, быстро начали смыкать ряды, грозно выступив против непримиримых врагов и изменников в защиту единой, неделимой Великой России.

Внутренний враг не уничтожен, но смят и придавлен; он готовится и ждет подходящего момента, чтобы с новой силой и яростно наброситься вновь на Россию и нанести ей возможно сильнейший удар; он всеми доступными способами, тайными и явными, наносит ущерб дорогой нашей Родине и всемерно стремится подорвать государственные устои, а незыблемые основы эти – Вера Православная, Царь Самодержавный и Русская Народность – предопределены Всемогущим Богом, выработаны и испытаны тысячелетней родной историей; и если в будущем русский народ останется верен этим несокрушимым началам, ему будут не страшны внешние и внутренние враги, со всякого испытания выйдет победителем, окружив себя ореолом бессмертной славы и величия.

Примите же, доблестный вождь Союза Русского Народа, от Киевского кружка русских патриотов глубокий поклон с выражением душевнейшей признательности за все те подвиги и труды, которые понесли Вы, дорогой Александр Иванович, на пользу и защиту нашего Отечества; благодарное потомство и история не забудут Вашего имени.

Питаем полную надежду, что Вы вновь вернетесь к председательствованию и руководительству того Союза, творцом которого являетесь Вы, достойнейший Александр Иванович.

Подписи: Василий Петрович Байва-Байвенко, Константин Дионисиевич Щирый-Никитчук[1], Александр Димитриевич Ровинский[2], Михаил Романович Яременко, Мелетий Яницкий, Иван Кузьмич Мазуркевич, Иван Николаевич Апостолов, Георгий Иосифович Недзельницкий, Иван Васильевич Бондарев, Тихон Львович Апостолов, К. П. Головушкин, Кузьма Максимович Скачко, Исаак Георгиевич Челноков, Никифор Иванович Матвеев, Василий Филиппович Курочкин, Екатерина Андреевна Курочкина, Мария Алексеевна Байва-Байвенко, Фотиния Яковлевна Левченко, Николай Филиппович Курочкин, Дмитрий Яковлевич Бафталовский, член-учредитель К<иевского> П<атриотического> О<бщества> М<олодежи> «Двуглавый Орел»[3] Владимир Дмитриевич Галкин, член Киев<ского> Патр<иотического> О<бщест>ва

М<олодежи> «Двуглавый Орел» студент Императорского Университета Св. Владимира Владимир Степанович Голубев[4], Иван Сигизмундович Шиманский».

* * *

Спасибо, дорогие!

А. И. Дубровин

Ольховатский отдел Союза Русского Народа

Ольховатский отдел Союза Русского Народа 22 августа справляет торжество освящения знамени Ольховатского отдела Союза Русского Народа; сообщая о сем радостнейшем событии, покорнейше просим Вас, наш достойный вождь и почетный председатель, пожаловать в село Ольховатку на торжество освящения нашего знамени 22 августа к 8 часам утра. Ехать до станции Порыни М<осковско>-Курск<ой> жел<езной> дор<оги>, лошадьми 12 верст, если сообщите ранее о дне приезда, то будут высланы лошади.

Председатель отдела *А. Щербаков*
Товарищ председателя *Е. Щербакова*
Секретарь *Жуков*

* * *

Благодарю дорогих союзников за приглашение на торжество, но, к сожалению, не могу им воспользоваться вследствие невозможности оставить неотложные текущие дела. Дай вам Бог, дорогие братья, достойно отпраздновать великое в жизни отдела событие, пусть оно послужит отныне вечным напоминанием принятой на себя отделом святой задачи спасения Родины от крамолы.

А. Дубровин

Верхне-Кондратинский отдел Союза Русского Народа

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Выражая Вам полное доверие, уважение и преданность и признавая Вас истинным и действительным вождем Всероссийского Союза Русского Народа, верным и неизменным борцом за Веру, Царя и Отечество, Верхне-Кондратинский отдел Союза Русского Народа покорнейше Вас просит быть почетным председателем Верхне-Кондратинского отдела Союза Русского Народа.

Посланная нами согласно указаниям г. Кашкарова жалоба на Мидюкова нам возвращена. Что делать, пусть укажет г. Кашкаров.

Председатель *А. М. Новиков*
За товарища председ<ателя> *Никита Микушев*
За секретаря *Антон Тарасов Горбунов*
Казначей *Федор Якушкин*

* * *

Благодарю дорогих союзников.

Почет<ный> председ<атель> Верхне-Кондратинского отдела Союза Русского Народа *А. Дубровин*

* * *

Вы не можете себе представить, как беден наш Верхне-Кондратинский отдел и в каком ужасном положении он оказался после постигшего несчастия. Оба наши поля – ржаное и яровое – выбиты градом, и мы остались без куска хлеба, а земство не выдало даже семян.

Помогите ради Бога голодающим меньшим братьям Вашим и доведите о нашем бедственном положении до сведения всего Союза.

Сердце мое болит при виде такого обнищания, при котором, несмотря на страстное желание союзников, невозможно приобрести даже рам для Царских регалий и Царского портрета, присланных Главным Советом прежнего состава и стоящих всего 9 рублей.

Помогите же нам, ради Бога!

Председатель *Андрей Михайлов Новиков*

* * *

Препровождается вам девять руб. на ваши нужды.

А. Дубровин

Горловский отдел Союза Русского Народа

Сегодня, 6-го августа, Горловский отдел празднует третью годовщину открытия отдела. Помолясь Богу о здравии Его Величества Государя Императора, всего Царствующего Дома и о твоем, наш непобедимый и неподкупный руководитель, Александр Иванович, – умоляем тебя: борись и трудись, а мы за тобой…

Почетный председатель Горловского отдела *Гайворонский*
Председательствующий *Гурков*

* * *

Поздравляю дорогих союзников с праздником третьей годовщины отдела; дай Бог, чтобы отдел укреплялся и ширил-

ся на благо дорогой Родины. Спасибо за доверие. Пока жив, буду работать, насколько хватит сил.

А. Дубровин

Нижегородский Георгиевский отдел Союза Русского Народа

Вознеся благодарственные Господу Богу молитвы в день трехлетия Нижегородского губернского Георгиевского отдела, свидетельствует Вам, своему вождю, совершенное уважение и непоколебимую преданность! Желаем Вам здравствовать на многие, многие лета.

Товарищ председателя
Троицкий

* * *

От души благодарю других союзников за память и пожелания, желаю полного единения и успеха.

Ваш Дубровин

<И. В. Акифьев – А. И. Дубровину>

Многоуважаемый Александр Иванович!

Прочитав статью в «Русском Знамени» в № 203-м, «Великое народное дело» Льва Катанского, я решил наложить дневной пост с семейством и сумму дневного продовольствия 1 руб. послать на Храм-Памятник и на превращение идольского капища в каземат для изменников высшего полета и предателей.

Примите также и от жены моей любимый ею золотой супир[1] с тремя вставками; от старушки, мамы моей, ее любимую шелковую шаль; от тещи серебряный браслет.

Долой идольское капище! Да восторжествует Православие, Царское Самодержавие и русский народ.

Пермский черносотенец *И. Акифьев*

Все дано, Александр Иванович, от чистого сердца.

Пермь, 13 сентября 1910 г.

* * *

Бог вознаградит тебя, великий русским сердцем Иван Васильевич, и всех любимых тобою, не только за ваше святое пожертвование на храм, но и за те слезы умиления, которые пролил я со своими близкими над этим пожертвованием, и, надеюсь, прольют все православные люди.

Твой почин – первый в своем роде, и уповаю, что твоя молящаяся и жертвующая рука подвигнет всех наших по крови и духу братьев к самой пламенной и деятельной отзывчивости на идею о построении храма во славу Господу Богу за 300-летнее Самодержавное Царствование Дома Романовых.

Присланный рубль, приобретенный вашим однодневным семейным постом, внесен на приход, а вещи, дары верующих сердцем, записаны в особый инвентарь и будут переданы в распоряжение Народного Строительного Комитета по сооружению храма.

Союзники! Ободритесь! Есть еще сердца на Руси, равные сердцу Козьмы Минина, и, значит, не погибла Св. Русь и не погибнет!

А. Дубровин

Голтянский отдел Союза Русского Народа

Постановление

1910 г. июля 22 дня Голтянский отдел Союза Русского Народа в общем собрании постановил обратиться к почетному

председателю Главного Совета С<оюза> Р<усского> Н<арода> Александру Ивановичу Дубровину со следующими строками:

Высокочтимый и доблестно-непоколебимый вождь русских патриотов Александр Иванович!

Голтянский отдел Союза Русского Народа присоединяется к голосу других многочисленных отделов и убедительно просит Вас:

1) Принять вновь в свои руки бразды правления во Всероссийском Союзе Русского Народа и фактическое председательствование в Главном Совете.

2) Немедленно созвать съезд представителей отделов России, согласны и в Николаеве, а лучше бы в Киеве.

Заверяем, что будем слушаться только Вас, наш дорогой отец и вождь, Александр Иванович, будем помогать всеми силами и духовно и материально. Не медлите же, дабы позорным «терпением» не испортить дела и не навлечь на себя проклятия потомков.

Александр Иванович! Миллионы патриотов смотрят на Вас!

Не забывайте, что психология русского человека обязательно вождя требует.

Да не дрогнет же ни голос Ваш, ни рука Ваша в деле спасения несчастной Родины, и да поможет Вам Бог!

По уполномочию отдела председательствующий *Митрофан Корниенко*

* * *

Дорогие союзники! Глас народа – глас Божий! Всегда готов был <идти> впереди вас, готов быть выразителем и исполнителем гласа народного. Жизнь сама осуществляет ваши пожелания полнее, скорее и крепче, чем можно было ожидать; зорко слежу за нею, полный бодрости, веры и надежды на близкую победу.

А. Дубровин

Киево-Лукьяновский отдел Союза Русского Народа

Глубокочтимый Александр Иванович!

В г. Киеве, в живописной усадьбе нашего черносотенца <Ф. Н.> Ясногурского незабвенной патриоткой Анной Михайловной Новиковой устроен дневной приют для бедных детей.

Питая к Вам великое благоговение за все, что сделали Вы для России во дни лихолетья, Анна Михайловна очень желала увековечить этим приютом Ваше имя.

Хорошо сознавая, что такое великое дело не может существовать без средств, она некоторым своим знакомым выразила желание обеспечить приют, это свое детище, капиталом в десять тысяч рублей, назначив для этого даже и день – 7-е января 1910 г.

Великое и благое свое желание Анна Михайловна не выполнила, ибо в два часа ночи под 5 января внезапно скончалась от разрыва сердца, оставив приют совершенно не обеспеченным.

Киево-Лукьяновский отдел Союза Русского Народа в лице незабвенной Анны Михайловны понес никогда не поправимую утрату – как основательницы отдела, его главной силы, как нравственной, так равно и материальной, – своего руководителя, человека, который всего себя, свое здоровье и свои средства всегда с любовью отдавал на общее патриотическое дело.

Члены отдела, хорошо зная из уст покойной о желании ее назвать приют Вашим именем и сами вполне разделяя ее к Вам чувства и желания, поставили себе долгом выполнить предначертание покойной.

Ныне Господь судил осуществиться нашим желаниям: мы официально получили разрешение на наименование приюта «Дубровинским», о чем извещаем Вас, принося Вам глубочайшую благодарность, как за выраженное в Вашем письме согласие, так и за добрые пожелания. Да ниспошлет Вам Го-

сподь Бог на долгие годы здравие и благоденствие на благо Русского Народа.

Как дети Союза, покорные и преданные Вам как отцу, сообщаем, что после смерти Анны Михайловны средства к поддержанию приюта у нас сильно истощились, и при современном недоверчивом отношении общества ко всему русскому и патриотическому добываются с крайним трудом и не всегда достаточно.

Не смея затруднять Вас лично просьбой о материальной помощи, просим Вашего теплого слова и полезного совета и руководительства в этом святом и трудном для нас деле.

Будьте здоровы и Богохранимы.

Неизменно преданные Вам:

Председатель статский советник *П. Никольский*[1]

Товарищи председателя: свящ<енник> Феодор Синькевич[2], И. А. Красноскулов

Члены Совета: Филипп Ясногурский, протоиерей Николай Синькевич, Елена Мольская, казначей Н. <Т.> Загура, В. Бойко, Николай Самсонов, Елисавета Ясногурская, М. Минаев, Елена Романовна Александрова, Генриэта Иванов<на> Мусатова, Вера Мартос, священник Кирилл Мацеевич[3], Леонтий Грес

За секретаря *Мария Красноскулова*

* * *

До глубины души тронут за выражение сочувствия и благодарю за оказанную честь. Дай Бог дальнейшего процветания и преуспеяния приюту; молю Бога, дабы помог приюту воспитывать только честных стоятелей за Веру, Царя и Родину.

А. Дубровин

Полтавский отдел Союза Русского Народа

«Совет Полтавского отдела Союза Русского Народа, в заседании своем 20 июля обсудив предложение г. председателя Николаевского отдела о созыве Всероссийского Съезда в г. Николаеве под Вашим председательством, – постановил принять таковое и командировать своих уполномоченных на означенный съезд. Означенное постановление сообщено председателю Лубенского отдела и Николаевского, а также в Главный Совет. Кроме того, постановлено просить Вас напечатать это постановление в «Русск<ом> Знам<ени>».

И<сполняющий> д<олжность> председателя *И. Терлецкий*
Секретарь *Шульц*

24 июля 1910 г.

* * *

Дорогие союзники! В № 8-м обновленческого «Вестника» уже заявлено с высоты верховного Совета[1], что съезд не будет допущен администрацией, и что будто бы съезды имеет право устраивать только верховный Совет (читай обновленческий). Мы думаем, что съезды имеют право устраивать те лица, которым правительством будет предоставлено на это право. Почему обновленный Совет так самоуверенно заявляет о том, что властями съезд не будет разрешен, – для нас *странно*. Чем может руководствоваться администрация, не допустив съезда, для нас непонятно. Неужели желанием многомиллионной семьи Союза Русского Народа, умевшего жертвовать своей жизнью, когда было нужно спасать Отечество, администрация пренебрежет. Не думаем. Господа главносоветчики заранее предупреждают, что если паче их чаяния съезд и состоится, то все равно не будет иметь для

них решающего значения. Согласны с ними заранее. Уже громадное количество отделов высказало им свое полное недоверие и даже больше, но господа эти ничтоже сумняшеся продолжают оставаться в Главном Совете и силою хотят заставить им верить и подчиняться. Им говорят: «Уйдите», а они отвечают: «Нет, мы останемся и облагодетельствуем вас нашей деятельностью». Вот уж подлинно непрошенные благодетели!..

Ред.

Котельнический отдел Союза Русского Народа

Вследствие Вашего предложения по вопросу о постройке храма в память 300-летнего Царствования Дома Романовых (см. № 168 «Р<усского> Зн<амени>») имеем честь известить, что, по обсуждении предложения в собрании членов Совета и учредителей Котельнического отдела Союза Русского Народа, 20-го сего августа постановлено: подписку и сбор денег на построение храма производить по примеру прошлого года подписными листами, выданными от председателя отдела при его подписи с приложением печати отдела – следующим уполномоченным лицам: 1) Председателю отдела А. А. Серебрякову, 2) Товарищу председателя Дм<итрию> Вас<ильевичу> Шильникову, 3) Секретарю отдела Ф. Н. Шергину, 4) Члену-союзнику А. И. Куршакову, 5) Союзнику А. В. Куршакову и 6) Союзнику И. С. Кокоулину; по истечении каждого месяца подписные деньги должны быть передаваемы местному о. благочинному под расписку, о чем и сообщать почетному председателю Союза Русского Народа для сведения.

Таковой порядок сбора денег на храм был практикован в сентябре месяце 1909 г., и собранные тогда деньги в сумме 68 р. 10 к. были сданы под расписку о. протоиерея Иоан-

на Вознесенского 15-го октября, а подлинная расписка 16-го октября отослана в Главный Совет Союза Русского Народа.

Председатель Котельнического отдела Союза Русского Народа *А. Серебряков*

* * *

Собранные на сооружение храма 300-летия суммы просим направлять в хозяйственное управление Св<ятейшего> Синода или же в контору редакции «Русского Знамени».

Редакция

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. И. ДУБРОВИНА

Тайна судьбы (фантазия-действительность)*

Так разум в тайнах бытия
Читает нам, но сердце бьется,
Надежду робкую тая:
Авось он, гордый, ошибется.

Я. Полонский[1]

Я дочитал последнюю статью и с негодованием отшвырнул газету. Одно и то же изо дня в день… Выстрелы и бомбы, прокламации и экспроприации новых, непрошенных спасителей Отечества. Анархия везде и всюду… Пылают усадьбы, льется кровь верных слуг Отечества, нищает, голодает и распродается страна; сеть инородческих владений растет не по дням. А там, в Таврическом дворце, уже справили своего рода «пир во время чумы» и в вихре кровавой пляски вакханируют «шабаш ведьм» в последнем диком разгуле Вальтассаровой[2] оргии. При виде гибнущих надежд они с бешеным визгом и воем неудержимо стремятся поднять в народе все зверские страсти и затопить всю страну кровью ее сынов.

Несчастная Родина! Куда ведут тебя безумные слепцы, в то время как твои исконные вожди точно опустили осла-

* Настоящий набросок написан во время сессии первой Государственной Думы, но по не зависящим обстоятельствам напечатан не был. Перед настоящим выпуском он подвергся необходимым изменениям и поправкам.

бевшие руки и, как испуганные дети, вопят: не боимся, «не запугаете»[3]!..

Решившись разобраться в хаосе «освободительного движения», я до изнеможения зачитывался всевозможными брошюрами, воззваниями, зарылся в газетах, стараясь хоть по ним уловить истинный смысл происходящего. Дошло до того, что со мной наяву стали делаться точно галлюцинации. В ужасных, чисто грезовых образах проходили передо мною события и деятели недавнего былого и настоящего времени, и живые, и умершие, то с печатью фанатизма на лице, то с типическими формами дегенератов, жалкие эгоисты, убежденные честолюбцы и властолюбцы!

Как врач, как ученый, привыкший к строгому методу мышления, я исследовал этих лиц и скальпелем логических построений вскрывал и обнажал, казалось мне, самые сокровенные мотивы их деятельности. И что, что я находил в глубине их душ, повергало меня самого в трепет.

Как врач по незначительному патологическому изменению легко нарисует целую картину болезни, как ученый по небольшой косточке ископаемого животного восстановит целый его скелет, так и я свертывал и развертывал в уме колеблющуюся ткань причин и следствий и по фактам действительности старался предугадать возможное будущее.

О, это будущее! Если бы один час, одна минута всеведения…

Что делать, как разобраться в окружающем, какими путями следовать…

Но утомленный мозг упорно отказывался работать дальше. Петербургские весенние ночи коротки. Я погасил лампу. Бледные тени робко вошли в комнату и тихо стали в углах. Я закрыл глаза.

Сквозь окружающую тишину, мне казалось, – я слышал, как кровь течет у меня по жилам. Чувства мои приобрели небывалую остроту.

Я не помню, спал я или бодрствовал. Мною овладело то состояние внешнего оцепенения, которое индусы называ-

ют «небытием», Нирваной. Но господствовавшая мысль по-прежнему давила мой мозг.

О, если бы всеведение было дано человеку, шептал я.

И вдруг будто ночной ветер колыхнул занавеску окна, у которого я сидел, и дохнул мне в лицо, или, может, было что другое, но мне показалось, что кто-то дотронулся до меня, и тихий, ласковый голос произнес:

– Всеведение не дано человеку. Но будущее есть простой результат настоящего и прошедшего. Его можно предвидеть и до известной степени даже изменять так или иначе. Ум человека несовершенен. Он не обладает способностью видеть правду грядущего. Но я помогу тебе и покажу несколько картин будущего, поскольку их слабые узоры уже запечатлеваются в книге судеб и поскольку ты будешь в силах взглянуть в глаза ужасному, но не неизбежному. Хочешь ты этого?

– О, да, – прошептал я, даже не сознавая, что я отвечаю. Безотчетно в моей голове промелькнула мысль, что около меня призрак – результат моего собственного расстроенного воображения.

– Призраков нет, – услышал я в ответ. – Я просто разум, твой инстинкт, твое чувство Русского, чувство патриота. Утомленное тело твое отдыхает, бессмертный же дух бодр. Пойдем!

Оцепенение по-прежнему сковывало мои члены. Я не мог двинуться и только с трудом раскрыл глаза. Тени ночи как будто сгустились сильнее.

Я не заметил стен комнаты, точно они расплылись куда-то. Не знаю, день ли прошел, год или больше, мысли ли неслись навстречу событиям или события плыли к нам, сливаясь, как в калейдоскопе, в причудливые формы и очертания…

…

I

…

Берег царственной Невы. Повеяло холодом. Деревья стояли еще без листьев. Мы улетели в прошлое, к началу апреля прошлого года.

– Чтобы понимать будущее, надо знать, что создало его. Смотри, здесь находятся корни и нити всего, что тебя интересует. Здесь скрытая пружина действия.

Ряд окон Зимнего Дворца еще освещен, несмотря на поздний час ночи. Здесь поселился тот роковой человек, провидец нашего времени, который гордо и самоуверенно заявил, что он один знает, как спасти Россию.

Но как и чем спасет он ее?!

В том состоянии, в котором я находился, от меня ничего не было скрыто. Я вижу глубокое, спокойное кресло, на которое утомленно откинулась седеющая голова. Проницательные глаза смотрят устало. Жрец судьбы отдыхает. Ворох бумаг отодвинут в сторону.

В руках изящная книжка.

– Его любимое чтение, – шепнул мне спутник.

Я посмотрел на заглавие, там стояли слова «Борис Годунов».

– Достиг я высшей власти… – задумчиво продекламировал чародей и остановился. – Да, высшей… Но есть еще выше… Удастся ли?! Я спасу Россию, но захочет ли она потом меня, своего спасителя?!

Он задумался на мгновение. Я ясно видел, как в его разгоряченном мозгу пробегали воспоминания прошлого.

Мелкий железнодорожный служащий… Мелкая душа, холодное, безжалостное сердце, неутомимая энергия хищника, безграничная жадность и властолюбие. Затем фортуна, удачи, ряд повышений – быстрых, сказочных… Тут же промелькнули и сердечные бури, не миновавшие его.

В этот час ночного раздумья, бесед со своей совестью, ядовитое, как жало змеи, воспоминание шепчет ему: «Две женщины играли главную роль в твоей жизни. Одну ты продал, другую купил. Но счастлив ли ты? Вспомни безвременную смерть одной и десять лет упорной борьбы, которую ты вел со всеми, чтобы поднять другую на пьедестал, безнадежно ускользавший из-под ее ног».

– Да, в общем, мало веселья. А позади легла целая жизнь напряжения, бессонных ночей, придворных и иных интриг. Выдержу ли?! – думал он иногда невольно. А ненасытное, безумное честолюбие толкало его все дальше и дальше. Вот – он уже бесконтрольный распорядитель миллиардов, составленных *из жалких грошей страны, доведенной им до полного обнищания*. Вот он плывет от далеких берегов Нового Света с ветвью миротворца, полный надежды сделать новый шаг ввысь… Вот, наконец, – он – всемогущий премьер, на которого обращены взоры всей России, всего мира…

Но и тут он не в состоянии остановиться.

– Дальше… – точно гонит его демон честолюбия.

Но куда дальше?!

Казалось, он достиг всего, что доступно человеческому успеху. Он на вершине почестей и славы.

Положим, там, в далекой туманной вышине, есть еще одна последняя ступень… Но на нее нельзя взобраться прямо: нужно прыгнуть… в неизвестность.

Но ум и воля человека-демона не знает пределов в своем дерзновении, к хорошему или дурному – безразлично.

Грузная фигура жреца судьбы склонилась к столу и стала перелистывать какие-то бумаги.

– Пора подвести итоги… Я сделал все и почва подготовлена. Мою волю выполнят теперь и без меня… другие, даже не подозревая, что они только слепые исполнители моих предначертаний. Мне же надо удалиться на время, покинуть арену… – он осмотрелся кругом.

– Я оставлю теперь этот роскошный дворец, где я был только временным, случайным гостем. Но… со временем… я возвращусь сюда снова, на постоянное жительство. Это я, я, бывший ничтожный чиновник. Ну, что ж! Ведь история повторяется! Да и Борис Годунов, начав некогда свою карьеру мелким служащим при соколиной охоте Грозного, был соколом в истории. Так кто же мешает судьбе повторить еще раз свое чудо!

Он подошел к окну и устремил пытливый взор вдаль, точно вопрошал туманное будущее.

Сквозь предрассветную дымку, наискось от него, на той стороне Невы, слабо блестел в вышине шпиц Петропавловской крепости, да нежно меланхолическими звуками разливались куранты.

Струйка какого-то невольного холода охватила честолюбца. Что это? Предзнаменование!.. Примеры бывали…

Но через минуту он снова гордо выпрямился.

– Не надо поддаваться этим моментам слабости… Не то меня ждет…

Он сел к столу и машинально пододвинул лист бумаги.

– Сергий… Сергий… Сергий… Сергий… Сергий… – выводила безотчетно рука его на бумаге. Затейливая вязь подписи становилась с каждым разом все яснее и отчетливее.

– Вот и все! Ты понял, – шепнул мне спутник.

Мы понеслись дальше. Белая ночь томительно медленно плыла над городом. Но и в белые ночи зреют черные думы!..

II

В Тавриде шум, гремят витии,
Кипит словесный гвалт и бой…
А там, во глубине России, –
Убийства, бомбы и разбой…

«Рус<ское> Зн<амя>»

– Ты видел сеятеля, – заговорил мой спутник. – Теперь полюбуйся всходами. Прошедшее подготовило настоящее и уже кладет свою тень на будущее.

Мне показалось, что мы находимся в центре громадного круга, и со всех сторон неслись к нам бесконечной вереницей, плыли, развертывались и исчезали картины судьбы моей несчастной родины.

И Боже, что это были за ужасные, потрясающие картины! Злые семена, посеянные черным колдуном земли русской, взошли кровавым цветом.

Снова мелькнул перед нами знакомый купол Таврического дворца. Роскошное, старое здание, помнившее пиры Потемкина, встречавшее в своих стенах Екатерину, теперь точно хмурилось, точно трепетно дрожало от нестройных звуков, несшихся из глубины зал.

Там происходило заседание Государственной Думы, нашего русского парламента. Сквозь дымку недавнего прошлого я с трудом узнал лидеров партий, всех этих Муромцевых[4], реби[5] Вуноверов[6], реби Герценштейнов[7], Родичевых[8], Петрункевичей[9], Набоковых[10], разных Жилкиных[11], Аникиных[12], Аладьиных[13]. Я безотчетно вернул<ся> к маю прошлого года и вновь почувствовал охвативший меня тот сумбур, которого тогда набрался я из газет. Вспомнился и дерзки-наглый ответный адрес Государю, и в ушах зазвенели снова крикливые бездарные речи, полные лицемерия и еврейского задора.

Думские ораторы громили бюрократию, обрушивались на «издыхающий режим», кричали о «насильниках», купающихся в крови народа, и восхваляли бомбометателей. Они требовали амнистию убийцам и грабителям: лицемерно, надувая народ, требовали земли и воли крестьянам, *«всей земли и всей воли».* Они требовали ответственного министерства, учредительного собрания, вотировали недоверие министрам, осыпали их публично площадною бранью, дерзнули даже касаться Священной Особы Монарха. Неистовствуя всегда как бы от имени народа и ради его якобы польз и нужд, они на самом деле преследовали только свои кровожадные интересы, сводили личные счеты, яростно вырывали власть из рук правительства и, еще не овладев ею, уже ссорились из-за этой власти между собой. Они обвиняли правительство в провокации, в устройстве погромов, а сами в своих речах сеяли вражду и усобицу, революционировали народ, рассылая свои манифесты и воззвания, поощряли забастовки,

призывали к «вооруженному мятежу». Они обещали полноправие евреям, независимость финляндцам, восстановление королевства польского, царства грузинского. Они разжигали страсти, яростно натравливали слабых и безвольных на всякое начальство, крестьян на помещиков, детей на родителей, волновали и мутили армию и флот… и, наконец, замутили всю страну, всю великую Россию, до самого дна.

Они осмелились даже дерзнуть отменить Царский указ наглым обращением к народу и неожиданно для себя из Таврического дворца очутились в Выборге, откуда и попытали последнее средство уничтожить правительство и Царя, наводнив всю страну воззванием к народу: «Не платить податей и не ставить солдат Царю». А Кронштадт, а Свеаборг[14]! Кровь, кровь, стоны и леденящий душу ужас!

А в это время злой гений земли русской, сидя где-то на западе, потирал от удовольствия руки и приговаривал:

– Все идет отлично! Семя, брошенное мною, дает хороший плод. Моя воля во всем… и моих друзей!

Я чувствовал, что начинаю терять сознание. Мозг, загроможденный хаосом воспоминаний пережитого, охватило как бы туманом. Но вдруг раздался громовой треск. Мне показалось, что рушилось все окружающее, и я лечу в бездну. Но спутник поспешил успокоить меня:

– Не ужасайся и смотри. Старое здание не выдержало позора: в нем обвалились потолки. Это свыше предостережение второй Думе!

Туман, охвативший меня, быстро рассеялся.

– Вот и вторая Государственная Дума – последний пир Вальтасара, – продолжал мой спутник.

Откровенно, Дума меня мало интересовала. Я уже достаточно ознакомился с ней. Я знал этих бездарных Головиных[15], реби Гессенов[16], реби Пергаментов[17], Родичевых, Долгоруковых[18], пенсионеров Кутлеров, Кузьминых-Караваевых[19] и их таких же бездарных и крикливых соперников на власть, этих жалких и злобных Алексинских[20], Церетели[21], Джепаридзе[22], Тихвинских[23] и других депутатов «кровавых партий».

Я знал раньше, что от них можно ожидать, а потому и не ждал ничего дельного.

– Дума будет идти по пути первой, – заявил Ломкери – председатель.

И действительно, последовало тотчас оскорбление Государя и с места в карьер призыв к вооруженному восстанию. Снова загремели ораторы, полились речи… исступленные, кровожадные. Громили опять бюрократию, обрушивались с запросами министрам, выражали сочувствие убийцам и экспроприаторам, не желая высказать им осуждение, требовали отмены полевых судов, с яростью защищали каторжников и острожников, сожалея, что сами еще не все удостоились чести побывать в тюрьме. Требовали казни патриотам, и диким, злорадным смехом выражали свое почитание памяти убитых городовых, стражников и мирных обывателей. С яростью невежд, беззастенчивых и глупых, осуждали бюджет. Внесли ограбный земельный проект, бросив бранью в тех, кто осмеливался указать возможные средства для разрешения земельного вопроса и устранения крестьянской нужды. По примеру предшественников рассылали воззвания к народу с призывами к вооруженному восстанию. Дегенераты с трибуны, потрясая кулаками, дерзко заявляли, что они представители борьбы народа с Самодержавием, т.е. с Царем! С безумной наглостью бросили несмываемое оскорбление всему русскому народу, яростно ругаясь над честью доблестной армии. За два месяца горе-богатыри только и удостоились, что почтенного названия представителей «народного невежества с бомбами в карманах».

Народ в отчаянии, не видя конца своим страданиям, разразился было воплями о немедленном роспуске не только вредного, но и преступного сборища, но скоро успокоился, убедившись, что близок тот момент, когда все это ничтожество и тупоумие, проникнутое звериными качествами, кончит самосожранием.

А *он* уже успел возвратиться с Запада и, прокравшись, как тать, притаился в «Белом доме» и с наслаждением пред-

вкушал созревающий плод, боязливо шепча: «Недалека уже, кажется, минута полного торжества. Заветная мечта принимает реальный образ!..»

И снова картины, одна ужаснее другой, понеслись перед моими глазами…

III

Трудно сказать, что представляли эти картины – прошедшее, настоящее или ближайшее будущее?..

Убийства, анархия и произвол разнузданной черни царят повсеместно. Верным слугам Царя рассылаются неизвестно кем смертные приговоры и неукоснительно приводятся в исполнение. В них ясно чувствуется чья-то другая воля, только не воля исполнителей. Каждый день приносит известия о новых зверствах и убийствах. Слуги и друзья правительства падают один за другим, и только немногим удается избегнуть опасности. Мешается кровь стражников, городовых с кровью сановников и детей. Неумолимая партизанская война разливается по всей стране. Вооруженные грабители врываются среди белого дня в банки и общественные учреждения, в винные лавки и почтовые конторы, на фабрики и заводы, в магазины торговцев и жилища частных лиц и, нагло угрожая смертью, вырывают деньги на революционные цели. Стали стрелять все, кто только был в силах держать револьвер: мужчины, женщины, гимназисты, девушки, дети. Русская жизнь целиком пошла под аккомпанемент револьверных выстрелов и свист разрывающихся бомб. Человеческая кровь полилась как вода и стала почти так же дешева, как она…

И везде ужас и ужас!

Наш благословенный юг охватило точно какое-то повальное безумие. На Кавказе татары и армяне давно уже истребляют друг друга в кровавой междоусобной войне. В Одессе почти не прекращающиеся, грандиозные забастовки, вечное напряженное состояние, ежеминутно грозящее разрешиться взрывом. В Крыму стоны неповинных жертв. В городах буй-

ные скопища забастовщиков-рабочих, безработной черни мечутся с красными флагами и с дикими кровавыми песнями и революционными гимнами:

«Вставай, подымайся, рабочий народ!»

или:

«Мы жертвою пали в борьбе роковой»,

или:

«Мы разрушим в конец Твой роскошный дворец
И лишь пепел оставим от Трона,
И порфиру Твою мы отнимем в бою,
И изрежем ее на знамена»…

Мирных жителей не видно на улицах, как не видно и властей. Если же власть вздумает иногда силою подавить беспорядки, тотчас же летит сотня жалоб в Думу от «борцов за свободу», а Дума по этому поводу делает дерзкие запросы министрам.

Во всех кровавых зверствах особенно изощряются евреи. Трусливые, но злобные и мстительные, они всюду вносят неумолимую жестокость. Они провоцируют погромы, вопиют о них на весь мир, шлют всюду телеграммы, требуя международного вмешательства, чуть ли не уголовного суда над Россией; грозят возмездием, взывают к своему мстительному богу:

«Бог Адонай[24]…
Бог топчущий как глину врагов;
Бог мстительный до третьего колена»…

А их вожаки, эти пиявки, присосавшиеся к русскому народу, мечтают уже о самостоятельном еврейском царстве, и не где-нибудь в Уганде или Палестине. Нет, этим еврейским царством они хотят сделать Россию!

Пользуясь общей смутой, волнуется Польша. Она мечтает «об отбудовании ойчизны»[25], о Польше «от моря до моря».

Пылкие варшавянки с исступлением слушают «революционные обедни», распростершись «крестом» на каменных плитах костелов или же с распущенными волосами бегут за процессиями, распевая: «С дымем пожару». В Думу вносят законопроект об автономии и подготовляют восстание; вооружившись поголовно, избивают русских людей и справляют над городовыми ночь Св. Стефана.

А в Прибалтийском крае догорают родовые усадьбы потомков суровых крестоносцев, расхищается их фамильное достояние – гибнут сокровища культуры от рук взбунтовавшихся «хлопов». Весь рыцарский край находится в явной анархии. Простой народ, запуганный террористами, издыхает в немом ужасе, а гордое поместное дворянство с последней надеждой обращает свои взоры… уже в сторону Германии.

Еще дальше, на печальном севере, «угрюмые пасынки природы», финны, почти совсем под шумок отложились от России, и теперь сами издыхают под железной пятой поработителей шведов, успевших превратить в бешеную чернь этот мирный, трудолюбивый народ. Бунтует красная гвардия. Революционное общество Войма[26], засыпав всю страну оружием, свирепо подавляет своих противников старофиннов[27]. И в то время, как исконные хозяева-финны бегут и ищут спасения в ненавистной шведам России, по всей стране распеваются патриотические песни Рунеберга[28] и на всех сборищах вместо Русского Гимна гордо звучит Бьернеборгский марш[29].

А на фоне этой гигантской картины, в центральной, коренной России, багровеет небо от пожаров и стоит рев полупьяной толпы.

Это пылают помещичьи усадьбы – рушатся под припев «Дубинушки» последние дворянские гнезда!

И я видел все это; все пронеслось передо мною в картинах и образах. Я окунулся в бездну политического ада! А мой невидимый спутник по временам шептал мне:

– Ты хотел все видеть и знать… Смотри же, любуйся!

И невольно кружилась голова. Порывы яростного негодования потрясали все мое существо. Невольно хотелось крикнуть: «Проклятые! Проклятые! Что вы сделали с Россией?!»

А злой колдун «Белого Дома» ухмылялся и говорил:

– Все идет как по писаному… Еще шаг и… у ног моих Россия, утопившая в собственной крови все заветы истории: и Церковь, и исконную Власть, и сознание своей народности. Но как неожиданно легко восприняла она заветы Великого Всемирного Братства… масонов!

IV

Стонет родная земля! Народ, раздираемый междоусобиями, доведенный до крайности, обнищавший, изголодавшийся, не видя исхода, в отчаянии поднимается стихийной волной…

Я упоминал уже, что потерял всякое представление о времени. Сколько его прошло – месяц или год – я не мог решить, но когда опять предстала передо мной родная столица – я не узнал Петербурга. Лучшая часть города лежала в развалинах. Улицы были пустынны; великолепные здания разрушены, и даже трупы людей валялись кое-где неприбранными.

– Ужасающие сцены убийств и насилий испытала столица, когда вспыхнуло вооруженное восстание, – объяснил мне мой спутник, – особенно когда на Охте взорвали пороховой завод и в Галерной гавани принадлежавшие правительству громадные склады взрывчатых веществ. Пожар газовых заводов завершил дело разрушения. А потом… потом случилось нечто бесконечно худшее, чудовищно невероятное…

Мой спутник замолк.

Мы проносились над Марсовым полем – над ним висела, не расходясь, густая пелена кровавого тумана.

– Что же случилось здесь? – с невольным трепетом спрашивал я призрачную тень, меня сопровождавшую.

Но спутник молчал, закрыв лицо руками.

…

– Я не могу, я не должен говорить всего, – снова начал он, – но… слушай и пойми! Перед Престолом Предвечной Правды лежит бесконечная цепь причин и следствий; следствие неизбежно идет за причиной, но самые причины не неизбежны

… в судьбе людской
Свободы грань очерчена от века,
Но безмятежно может в грани той
Вращаться вольный выбор человека…

Все дело в вольном выборе. Те, кто имеет и силу, и власть, и возможность сделать этот выбор, пусть его делают, пока не поздно. Народные волнения не страшны сильной и твердой власти, как не страшны морские волны гранитному утесу, как бы они ни были яростны. Они рассыплются пеной у его подножия.

Но для этого нужно, чтобы власть была тверда, как утес, непоколебима, как он. Только такая власть в силах овладеть стихией разнузданных человеческих страстей. Только такая власть может вести за собой людские толпы. Только такой власти народ поверит безусловно. Только такая власть пользуется любовью и сознательным послушанием.

При бездействии же власти и ее растерянности и бессильных угрозах насильникам, при анархии общества, когда, кажется, все злые демоны спущены с цепи, власть – не скала, перед которой бессильна ярость волн. Это корабль без руля, беспомощно носящийся по воле стихий. От грозной скалы волны отпрянут с жалобным воем; разбитый корабль они потопят. Так и с людьми. Жребий зависит от них самих. Не забывай, что законы истории неизменны и неизбежны, – им подчинено все человечество!..

V

Итак, мой спутник показал мне, как логическая цепь событий может привести к беспримерному злодеянию!..

…

В кровавом тумане все яснее и яснее стал обрисовываться грозный призрак; контуры его становились все резче и резче и, наконец, передо мной предстал реальный образ… Российской Демократической Республики!

В «Белом Доме» злого гения России шло заседание; туда собрался весь кагал его друзей и сообщников. Это были короли биржи, верховные жрецы современного Ваала[30], проклятое каиново[31] семя наших дней.

– Твой час настал! – сказали они ему. Иди и будь первым президентом Российской Республики.

Но роковой человек смотрел на них с завидным равнодушием, молчал, качая головой.

– Ты колеблешься, ты медлишь, – удивились они. – Чего же ты ждешь еще? Вспомни, чем нам обязан ты, вспомни свои обещания. Теперь ты можешь взять Россию. Она уже наша, а, следовательно, и твоя. Ведь не забыл же ты наш уговор. Как новый Моисей раздели с нами пир на только что разрушенных стенах Иерихона[32]…

Но он молчал.

В их взглядах промелькнули недоверие, тревога и боязнь. В их голосах послышались угрозы:

– Ты изменяешь, так берегись же! – и гневные, они ушли, чтобы дать ему обдумать предложение.

– Они мне грозят, – думал он, оставшись один. – Как могут помешать они; чем остановят предначертанье судьбы?! Положим, их предки предали Христа. Но… – и он цинично рассмеялся – меня предать им не удастся. Я ли их не знаю?! Да у них вместо меня и есть только князья Петр и Павел. Ха! Ха! Ха! Неужто же могут стать мне на пути эти жалкие обломки?

Он помолчал немного.

– Нет, не настал еще мой час. Я могу теперь Россию взять, это правда; но я хочу взять ее не так. Пусть там, – продолжал он с презрением, – эти жалкие пигмеи, эти вожаки партий сперва перегрызутся между собой из-за президентства и в бешеной погоне за властью истребят друг друга. Они

мечтают удержать власть в своих руках обещаниями опередить в реформах все страны; они похваляются народу одним толчком двинуть Россию чуть не на триста лет вперед. Жалкие безумцы! Народа им не обмануть! Я знаю его хорошо. Крестьянин русский разберет их быстро. Да и что говорит ему слово «президент»? Ничего! Разве может крестьянин представить себе Россию без Царя! И когда русский народ вспомнит свое прежнее житье-бытье и затоскует о своих Царях, тогда одним взмахом сметет он последние остатки этих уличных хулиганов, как ненужный сор. Вот тогда… действительно настанет мой час. И князья ни Петр, ни Павел мне не соперники. Явлюсь народу я и властною рукою возьму все то, о чем, не спав ночей, мечтал и сладко грезил. Народ придет ко мне и кинется, как к своему спасителю. И утомленная Россия послушно ляжет к моим ногам. Так вот, когда настанет мой час, и, думается мне, он недалек! А, чтобы властвовать спокойно, я двину все железной волей на триста лет назад, к эпохе Годунова[33].

VI

Старый чародей оказался прав?

Приступили к выбору президента.

Был избран первым президентом бежавший от страха за границу вдохновитель кадетской партии Милюков; но не успел он еще вернуться в Россию, как был сменен бездарным холопом кадетским Головиным, державшимся тоже недолго; за ними шли Родичев, Петрункевич и расстрига Гришка Неотрепьев[34].

Пришедшие затем жиды оказались изворотливее и держались дольше, но и реби Вуноверу с Гессенами и Пархаментом[35] пришлось уступить перед натиском «товарищей» Алексинского, Наливкина[36], Джепаридзе, Зурабова[37]. Несмотря на то, что Наливкина и Зурабова чуть не боготворила вся армия, но и они были отброшены новой, только что народившейся партией «чистых социалистов-масонов».

Бешеные речи по-прежнему оглашали зал Таврического дворца, даже яростнее, чем раньше. Сдержать, как прежде, было некому. Кровь всюду лилась и лилась!

Ведь кто же может быть нетерпимее демагогов, добившихся власти. Все несогласные с новым правительством были объявлены изменниками Отечеству, и с ними расправа была коротка: гильотина и виселица не успевали выполнять «заказы».

Казалось, весь народ поголовно превратился в анархистов-индивидуалистов. Никто не хотел работать. Страна неудержимо нищала. Фабрики и заводы стояли без дела. А сознательные «товарищи» рабочие проводили время на митингах. Грабили и убивали даже своих. Заброшенные земли, из-за которых некогда велась братоубийственная борьба, лежали впусте. Пролетариат и от своего пролетарского правительства только и требовал: «Хлеба и зрелищ»! Скоро и казна иссякла: новое правительство оказалось бессильным заставить платить подати, несмотря на ужасающие репрессии, далеко оставившие позади прежний якобы произвол. Да и взять было нечего и неоткуда.

Все это воплощалось в живые образы и проносилось передо мной бесконечной вереницей видений. Может быть, наоборот, я проносился мимо всего этого. Но только я чувствовал, что давящий меня кошмар становится все тяжелее и сжимает меня все сильнее.

А кровавые картины все ярче выяснялись, сменялись и плыли… Россия, казалось, неудержимо стремилась к гибели, к полному политическому небытию. Наконец, дошло до того, что нечем стало платить процентов по займам.

Тогда вмешались западные державы. Всполошились все банкиры-жиды, навязавшие России миллиарды. Загремели парламенты, посыпались запросы. Германия и Австрия придвинули войска к нашей границе. Англия послала флот в Кронштадт…

Россия гибла. А в Таврическом дворце тунеядцы на потеху своим уличным «товарищам» все спорили и спорили.

Тогда пробил час «великого гнева народного»! И страна поднялась, как один человек. Произошло страшное, разрушительное столкновение. Казалось, уже наступили последние судороги некогда великого народа…

Народ смел дотла своих самозванных представителей и все, что сколько-нибудь выдавалось из общего уровня или напоминало прошлое. Тонкий, наносной слой культуры исчез бесследно. Яркие краски цивилизации стирались и блекли. Россия дичала и возвращалась к первобытному состоянию…

В мучительном полете я не различал уже, стремлюсь ли я вперед, к неизвестному будущему, или погружаюсь в далекую старину.

Я не узнавал родной страны, и порою мне казалось, что я просто схожу с ума. Изменилось лицо земли. Заглохли железные дороги, и самые колеи из поросли травой. Шум фабрик и заводов замолк, и большинство их было вовсе уничтожено. Библиотеки сожжены и Академии закрыты. А вместо газет появились какие-то письмена, похожие не то на «бирочные записи», не то на иероглифы. Изменилось обличье народное, изменилась и одежда, и при взгляде на нее рождалось представление о народах, не знавших ткани. Русь точно действительно отодвинулась на триста лет назад, как желал злой чародей.

Я не знал, что и подумать, но в это время передо мной в голубой дали золотом своих церквей заблестела Москва – последняя пристань моего тяжелого фантастического пути.

VII

Златоглавая Москва гудела всеми своими колоколами. Обширный Кремль был залит народом. Совершалось какое-то необычайное торжество.

Движимый любопытством, я опустился на землю и смешался с толпой. На мой вопрос мне ответили, что торжество совершается в Успенском соборе. Но тут бред с новой силой овладел мной. Вся обстановка перенесла меня в далекие, прошедшие времена, а, между тем я встречал и узнавал среди

ликующей толпы многих своих петербургских знакомых, с которыми, казалось, только что виделся. Мало того, наталкивался на людей, считавшихся умершими, и тем не менее очутившихся вдруг среди этой толпы и даже, очевидно, среди действующих лиц.

Так, мне встретилась тень в черной рясе, с пронзительными глазами и злобно сжатым ртом. Припоминаю, с каким любопытством я рассматривал в Петербурге портрет этого человека-вампира.

Но ведь он умер, и тело его найдено повешенным в пустой даче[38]. Как же он здесь?..

Торжество приходило к концу. Показались процессии, группы.

Вот приближается высокая фигура с крестом в руках. Толпа почтительно склоняется. Духовный сановник по облачению и по общему виду разительно напоминает Иова, Патриарха – ставленника Бориса Годунова[39]. Но каким образом Иов мог попасть сюда?! В толпе пронеслись голоса:

– Это Вителий, Святейший Патриарх.

Не ослышался ли я? Вителий – так звали некогда римского императора, обжору, пьяницу и развратника[40].

– Не Вителий, а Виттелий, – поправил кто-то. – Бывший тайный друг триумфатора, а теперь первый его советник.

Где-то я видел раньше эту фигуру в своих фантастических странствованиях. Но тут мерещится мне что-то несуразное: то модные воды на Кавказе и длительные, ласковые беседы с какой-то пленительной княгиней с серебристыми волосами. То величавые апартаменты духовного сановника в Петербурге и честолюбивые, жгучие мечты. То таинственное совещание там же. Два собеседника – духовный и светский – монах и дьявол, черноризец и злой колдун… Что же свело эти два существа?! А вот что… Неугасимый внутренний пламень гложет обоих. Одни и те же мечты – о высочайшей духовной и верховной светской власти. И, кажется, я слышу шепот:

– Будем стоять дружно: я за вас, вы за меня, святой отец.

Монах кощунственно осеняет его крестом:

– Дерзай, чадо!..

Колокольный звон усилился. Вот уже и свита.

Но что за странная смесь?! Тут и старые боярские костюмы, и какие-то жидовские лапсердаки[41]. Бояре с посохами в руках важно выступают, и тут же люди в одеждах еврейских первосвященников с какими-то длинными шестами с изображением змия. Затем идут недавние бывшие министры и президенты Российской Республики: Кутлер, Оболенский, Милюков, Головин, реби Вуновер, Гессены[42], президент двух республик – Южной и Российской, ребе Пархамент, и прочие деятели промелькнувших перед нами событий. Все они пестреют яркими разноцветными костюмами, в шутовских шапках с бубенцами. Костюм Головина резко выделяется; кажется, что он будто создан только для него. Далее тащатся, как пленные воины у древних победителей, закованные в цепи изможденные страдальцы-узники.

Щемящая сердечная тоска охватила всего меня, когда увидел я знакомые мне лица узников. Слезы подступили и сдавили дыхание… Но тут снова пронесся звон колоколов. Приветственные крики и возгласы усилились.

Показался сам виновник торжества. На нем богатое старинное облачение… Он идет размеренной поступью, опираясь на посох. Высокий стан сгорбился, но осанка подвижнически строгая и важная. А лицо, лицо… Мне ли не узнать его! Глаза хотя теперь и потускнели, но выражение их по-прежнему хищническое, чарующе-змеиное. Все лицо на этот раз сияет светом вполне удовлетворенного честолюбия.

Рядом с ним его жена, некогда неотразимая. Мариам, вся сияющая золотом и бриллиантами и увешанная сверху донизу самоцветными каменьями как какое-то индийское божество.

Я не мог оторвать глаз от торжествующей пары. Это он, он, герой-колдун, черный ворон земли русской!

Как заколдованный я не мог двинуться, хотел крикнуть, но не мог.

В сознании моем пронеслось: так вот что имел в виду этот человек, когда он отказал жидам: тогда не настал еще час его! Вот куда влек его черный гений и железная воля! Вот какой страстью он обуревался! Вот ради чего ввергнул он Россию в бездну неслыханных несчастий, чтобы потом по трупам ее сынов сделать свой последний шаг! Вот о чем думал он, когда в белую ночь рука его чертила затейливые иероглифы. И вот, значит, на что благословлял его монах. Друзья-сообщники добились своего.

Сдержанный гул пронесся по площади и смолк. Слышались только отдельные замирающие звуки.

– Тише, тише! Триумфатор хочет говорить с народом.

Вот он взошел на красное крыльцо и с высоты его раздался знакомый мне гнусавый голос:

– Народ московский!..

Но тут я не выдержал: звуки этого голоса разрушили то очарование, в котором я находился. Дыхание точно оборвалось в моей груди. Кровавый туман встал перед глазами… Я бросился вперед… к нему.

Все равно! После всего, что я видел, моя жизнь мне больше не нужна. И если бы мне грозила в эту минуту самая жестокая, мучительная смерть, я не остановлюсь, я не допущу этого гнусного кощунства!..

Последним отчаянным усилием воли я разорвал путы, сковывавшие мой мозг.

– Исчезни, бесовское наваждение! Сгинь, пропади, сатана…

…

И все исчезло. Все поплыло из глаз. Тихо и пусто стало кругом. Замолк звон колоколов. И только какие-то черные тени поспешно разлетались во все стороны. Тьма постепенно редела вокруг меня. И наконец яркий луч солнца прорезал небосклон.

Я открыл глаза.

…

Да, это был только сон! Страшный, таинственный, многознаменательный, но только сон! И дай Бог, чтобы он оказался больным бредом моей мысли. Пусть я болен – только была бы здорова Россия!

Весеннее солнце приветливо светило мне в глаза. Я лежал в том же кресле, на котором вчера, утомленный, заснул. Кругом на полу валялись разбросанные листы революционных газет, чтение которых и довело меня до бреда и галлюцинаций. Но как я ни стараюсь убедить себя, а в душу врывается сомнение. А что, если это были не галлюцинации, а сама действительность, зарождающаяся в тайниках мировых судеб… Как знать!..

Ведь природа не для всех очей
Свою завесу поднимает;
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает!..

Плоды персидской конституции

Жил спокойно и мирно персидский Царь[1].

И стало ему скучно.

Поехал Царь по Европе себя показать да людей посмотреть и поучиться.

Много нового увидел он, только не понял смысла, а остановился на видимости.

Набравшись модного духа и вернувшись домой, Царь заскучал еще больше.

А тут как раз подоспели храбрые и лукавые царедворцы и сановники, желавшие давно уже власти.

И стали они внушать Царю, что так жить больше нельзя, а нужно-де все переделать по-модному, по-европейскому.

Претят Царю персидскому все больше и больше обычаи и заветы старины, и душа рвется куда-то, к чему-то новому.

И кто же мешает ему?

Да сам же он и его нерешительность.

И народ хочет новизны, и советники жужжат о том же: «Пора положить конец отжившему строю и начать жить, как в Европе».

Однообразно, скучно: все спокойно и занято своим делом. Нужно разбудить и призвать народ к общему делу, к совместному управлению. Да и в самом деле, нельзя же Главе великого и могучего народа не быть на уровне с идеями просвещенного Запада.

И что-то безответное, роковое тянет Царя в неведомую, но чарующую неизвестность. А демоны нашептывают: «Так жить больше нельзя», и народ недовольный глухо волнуется; он уже не ребенок и давно созрел, чтобы сбросить с себя цепи деспотизма.

А Европа? Что скажет она, не осудит ли восточного деспота!

Прочь все сомнения и колебания. Нужно показать всему миру, что персидский Царь такой же европеец, просвещенный и гуманный, как и его сановники.

И Царь зовет свой народ разделить с ним и бремя правления, и сладость власти.

Учреждается для собраний народных – «Меджилис» (по-персидски, а по нашему – Государственная Дума).

Царь торжественно над Кораном клянется в верности народу, не народ держать в повиновении и им управлять, а отныне во всем подчиняться народу и быть беспрекословным исполнителем его воли.

Отдал великодушный Царь свое Самодержавие; да попало оно не в те руки, кому назначалось – народу.

Захватили талисман разные проходимцы, острожники, каторжники и искатели всяких приключений, стремящиеся к власти для собственных выгод, а не для блага народного. Таких людей и выбирать не нужно было, они ловко пролезали и сами себя выбирали; да и недостатка в них не было – таких лихих людей везде много; возьмете хотя для примера нашу матушку Русь: в ней таких проходимцев еще больше, чем в Персии.

Быстро смекнули *отборные* люди, что им делать нужно. Царь уступчив, сговорчив и покладист – нужно только не церемониться. И давай они теперь от Царя все, что плохо лежит. А народ подбивают в это время на всякие бесчинства.

Непорядки растут, а с ними недовольство и гнев народный. Охватили страну грабежи и несчастья. Потоками полилась людская кровь.

Но что за беда? Ведь ежедневно гибнут сотни невинных жен и детей, но и только!

Зато весело, все по-новому.

Зато действительно свободная жизнь, а не рабская спячка.

А Царь все уступает и уступает.

Но все мало!

Тогда решили сразу взять все. Устроить заговор и извести Царя, но покушение не удалось – Царь невредимым вернулся во дворец с тем, чтобы новыми уступками наладить порядок в стране.

А кровь льется еще яростнее, еще беспощаднее.

Соседняя Турция вторгается в несчастную страну и усугубляет страдания.

Вмешивается обиженная Россия.

Открывается новый заговор.

Родной дядя Царя вместе с призванными самим же Царем к власти людьми объявился искателем трона.

И вот, наконец, рассеивается туман, застилавший взоры Царя.

Только теперь разобрался и понял Царь, куда привели его новшества и окружающие хитрые и лукавые предатели и изменники, все время толкавшие его к пропасти, усыпляя в то же время клятвами в верности и неустанных трудах своих по укреплению расшатавшегося трона и всеобщего блага народного, особенно на соблюдении строгой законности и порядка*.

* Ближайший и самый доверенный советник Персидского Царя – еврей из русских, из тех евреев, которые вот уже три года заливают кровью русских людей многострадальную нашу родину. Черносотенцы же, как и у нас, в Персии не в почете: только что было покушение на персидского патриота, преданного своему Царю, Мирхашима, окончившееся только ранением его в ногу.

Сознал, наконец, персидский Царь, кто виновник невинно пролитой крови его подданных, и что главная причина всех бедствий модно-европейская затея – конституция и меджилис. Спасаясь от нового заговора, Царь бежит из столицы и замуровывается в своем загородном дворце, опираясь на горсть оставшихся верных и преданных слуг.

Невольно вспомнилось Царю его недавнее прошлое, вспомнились и заветы старины, и верный и преданный ему персидский народ с его идеалами и историей.

Однако горе не сломило Царя, а, напротив, возвратило ему энергию и твердую решимость вернуть утраченное могущество. Стряхнув с себя временное наваждение, он самодержавною рукою порвал те путы, которыми был связан. Царь персидский снова стал Царем, и как подобает, по-царски, объявил подданным свою самодержавную волю.

Телеграф только что известил нас, что около Царя собрались верные ему войска и народ, с помощью которых и своей прежней власти, от которой он добровольно, благодаря обману, отказался, Он приступил к восстановлению порядка.

Мятежники сразу поняли, что больше не будет слабости и уступок и моментально рассеялись и запрятались в подполье.

Смело можно рассчитывать, что при таком образе действий скоро наступит в Персии спокойствие и порядка.

Не могу не добавить: недешево еще обойдутся персидскому Царю его западноевропейские затеи. Сколько еще переживет бедствий несчастная страна; сколько еще прольется невинной крови.

Но, слава Богу, Царь персидский очнулся от конституционного угара, и истерзанный персидский народ скоро вернется к мирной жизни под твердой властью своего Самодержавного Царя.

КОММЕНТАРИИ

После 1917 года произведения А. И. Дубровина никогда не публиковались. Уже в 1990-е гг. историком Ю. И. Кирьяновым были изданы некоторые архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью вождя Черной сотни*. С ними можно ознакомиться в изданном в 1998 году сборнике «Правые партии»**. Однако публицистическое наследие А. И. Дубровина, в том числе статьи, циркулярные письма, речи, воззвания, а также его художественные произведения, до сих пор не переизданы. Отчасти существующий пробел восполняет настоящая книга. Значительную ее часть составляют произведения А. И. Дубровина, содержащиеся в изданном в 1910–1911 гг. двухтомнике «Куда временщики ведут Союз Русского Народа» (второй том вышел под заголовком «Спутник союзника»). Некоторые из этих работ принадлежат перу не самого Дубровина, а сотрудников «Русского Знамени» или его соратников по Союзу Русского Народа. Однако, как правило, после каждой из таких работ содержатся комментарии самого вождя Черной сотни – подписанные либо его именем, либо от имени редакции, либо – не подписанные вовсе. Нет никакого сомнения и в том, что Дубровин сам редактировал все присланные ему статьи. Кроме того, в сборник вошли: открытое письмо Дубровина митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, памфлет «Тайна судьбы», фельетон «Плоды персидской конституции», обращение А. И. Дубровина к союзникам и другие произведения.

В отечественной историографии имя А. И. Дубровина на протяжении многих лет упоминалось только при общей характеристике черносотенного движения. Лишенные каких бы то ни было подробностей,

---

* Подавляющее большинство этих документов содержится в фонде 116 (Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа), хранящемся в Государственном Архиве Российской Федерации.

** Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. Т. 1. М., 1998.

такие упоминания неизменно сопровождались известными негативными характеристиками. Начало такому подходу было положено еще в дореволюционную эпоху. В. И. Ленин охарактеризовал Дубровина, наряду с другими правыми, как «вождя черной сотни»*. При этом идеолог большевизма нередко использовал применительно к черносотенцам такие негативные эпитеты, как «негодяи»**, «люди без чести» и пр.*** Исходя из такого похода, советские историки характеризовали «вождя черной сотни» как «олицетворение темной реакции», «вдохновителя и организатора еврейских погромов»****, вкладывая во вполне четкое и емкое понятие «черная сотня» исключительно негативный смысл.

Новый этап исследования черносотенного движения начался в 1990-е годы, после падения коммунистического режима. В те годы ученые получили возможность посещать ранее работавшие в особом режиме спецхранилища, касаться в своих трудах тем, на которые ранее был наложен негласный запрет. Это касается и черносотенного движения в целом, и деятельности А. И. Дубровина как

---

* Ленин В. И. Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1958–1962. Т. 14. С. 199.

** См.: Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 199.

*** Там же. С. 148.

**** Перечислим некоторые работы советского периода, в которых встречается упоминание имени А. И. Дубровина и других правых лидеров: Викторов В. П. Вступительная статья // СРН: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 года. М.–Л., 1929; Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929; Аврех А. Я. Царизм и Третьеиюньская система. М., 1966; его же. Царизм и IV Государственная Дума 1912–1914. М., 1981; Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970. Ч. 1; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX века – 1920 годы). М., 1977; Бажин А. А. Борьба партии большевиков против черносотенного движения в России в годы первой русской революции (1905–1907): Дис. … канд. ист. наук. М., 1979; Пронкин С. В. Разоблачение В. И. Лениным, партией большевиков реакционного характер черносотенных партий и организаций в период революционного подъема (1910–1914): Дис. … канд. ист. наук. М., 1989; Степанов С. А. Банкротство черносотенных союзов и организаций (1907–1914 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 1982; Сысоева Е. К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии: Дис. … канд. ист. наук. М., 1978 и др. Заметим при этом, что в период с начала 1930-х гг. по конец 1960-х гг. черносотенное движение в нашей стране вообще фактически не изучалось, соответственно, и имя А. И. Дубровина на протяжении примерно четырех десятилетий практически исчезло даже со страниц научных трудов.

одного из вождей Черной сотни. Уже в 1992 году выходит первая в нашей стране монография С. А. Степанова, посвященная Черной сотне, однако и деятельность Дубровина, и деятельность других правых в ней еще не лишена прежних идеологических штампов*. Впоследствии, в 2005 г. эта книга в переработанном и дополненном виде была переиздана**, однако относительно деятельности Дубровина ничего существенно нового в ней не содержится.

Примерно в это же время вышло в свет значительное количество книг, статей и брошюр, посвященных черносотенцам и носящих апологетический характер по отношению к Черной сотне***. Несмотря на то, что авторы этих работ, по сути дела, впервые после более чем семидесяти лет оклеветания русских правых попытались опровергнуть досужие мифы о «погромщиках», тем не менее, неточность и непроверенность многих фактов, публицистический, а не научный характер этих работ снижают их научное значение.

Со второй половины 1990-х годов выходят в свет научные статьи и монографии Ю. И. Кирьянова, которые внесли огромный вклад в становление новой историографии правых партий****. Обращает на себя внимание и обстоятельная статья Кирьянова, посвященная личности А. И. Дубровина*****, в которой дан объективный портрет ли-

---

* Степанов С. А. Черная сотня в России. 1905–1914. М., 1992.

** Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005.

*** Острецов В. М. Союз народных защитников // Слово. М., 2000. № 4. С. 46–61; Кожинов В. В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998 и др.

**** Кирьянов Ю. И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 года: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; его же. Правые партии в России (1905–1917 гг.): причины кризиса и краха // Россия XXI в. М., 1999. № 2 (март-апрель). С. 146–177; его же. Численность и состав крайне правых партий в России (1905–1917 гг.): Тенденции и причины изменений // Отечественная история. М., 1999. № 5. С. 29–43; его же. Тактика правых партий в России в начале XX в. (1911–1917 гг.) // Россия и современный мир. М., 1999. № 4 (25). С. 90–110; его же. Съезды правых партий в России в 1912–1913 гг. // Политические партии. Страницы истории. М., 2000. С. 106–117; его же. Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 216–229; его же. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.

***** Кирьянов Ю. И. Дубровин Александр Иванович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

дера крупнейшей правой организации дореволюционной России, даны основные этапы становления политической карьеры лидера монархистов. В кандидатской диссертации Д. Д. Богоявленского, посвященной проблеме лидерства в Союзе Русского Народа, не один десяток страниц посвящен жизни и деятельности А. И. Дубровина*. При этом автор работы использовал богатый архивный материал, многие факты стали достоянием научной общественности впервые. Богоявленский, по сути дела, впервые попытался дать характеристику процесса формирования Дубровина как политического деятеля. Наконец, в 2000-е годы несколько раз в печати и в Интернете публиковались статьи А. Д. Степанова, также посвященные личности А. И. Дубровина**. Кроме того, в 2004 г. было издано следственное дело А. И. Дубровина***, раскрывающее некоторые обстоятельства последних дней жизни лидера черносотенцев.

В зарубежной историографии по-прежнему в целом сохраняется общая тенденция, суть которой заключается в попытках представить А. И. Дубровина как «погромщика», а подчас даже чуть ли не как идейного предшественника германского национал-социализма****. При этом серьезного исследования жизни и деятельности лидера правых эти авторы не проводят.

* Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе Русского Народа. Дисс. ... к. и. н. М., 2002.

** См.: Степанов А. Д. Дубровин Александр Иванович // Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. М., 2003. С. 235–241; его же. Верный Богу, Царю и народу. Александр Иванович Дубровин // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006. С. 67–108; его же. Дубровин Александр Иванович // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов, Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С.178–187.

*** Следственное дело доктора Дубровина. Публ. В. Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т.1. М., 2004. См. также: Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / Публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / Под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 84–144.

**** Rogger H. The formation of the Russian Right, 1900–1906 // California Slavic Studies, 1964. № 3. P. 66–94; Rogger H. Was There a Russian Fascism? The Union of The Russia People // Journal of Modern History, 1964. № 36 (December). P. 398–415; Rogger H. Russia // The European Right. Berkeley & L.A., 1965. P. 443–500; Rawson D. C. Russian rightists and the revolution of 1905. Cambridge, 1995; Лакер У. Черная сотня: происхождение русского фашизма. М., 1994.

По сути дела, этими публикациями исчерпываются исследования, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью А. И. Дубровина. В прочих новейших работах, посвященных правомонархическому движению, имя Дубровина упоминается зачастую только вскользь.

Ниже приводится библиография основных опубликованных трудов А. И. Дубровина:

Дубровин А. Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907].

Дубровин А. И. Тайна судьбы (фантазия-действительность). СПб., 1907.

Дубровин А. Плоды Персидской конституции [Фельетон]. СПб., [1908].

Дубровин А. Братья-союзники! [Обращение к] Союзу Русского Народа. СПб., [1908].

Куда временщики ведут Союз Русского Народа. Т. 1–2. [Сост. А. И. Дубровин]. СПб., 1910–1911 (второй том имеет заголовок «Спутник союзника»).

Дубровин А. К Всероссийскому Съезду Союза Русского Народа 21-го ноября 1911 года в Москве. [СПб., 1911].

ОБЛИЧЕНИЕ ВРАГОВ РУССКОГО НАРОДА

Союз Русского Народа как блюститель закона

Публикуется по: Союз Русского Народа как блюститель закона // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 228–229.

Под «обновленческим» прикрытием. Об отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое

Публикуется по: Под «обновленческим» прикрытием. Об отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания

и передвижения с одного места на другое // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 211–213.

[1] Здесь и далее в оригинале перечисляются все фамилии подписавшихся в защиту евреев и за отмену черты оседлости членов Государственной Думы.

[2] Гермоген (в миру Долганов Георгий Ефремович), священномученик (1858–1918) – церковный и общественный деятель, активный участник право-монархического движения, вдохновитель и организатор Православного Всероссийского Братского Союза Русского Народа (ПВБСРН) в Саратове. С 1903 по 1912 гг. – епископ Саратовский и Царицынский. С 1917 г. – епископ Тобольский и Сибирский.

Для России нет врагов опаснее евреев

Публикуется по: Кашкаров И. Для России нет врагов опаснее евреев // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 226–228.

[1] Гурлянд Илья Яковлевич (1868–1921) – государственный деятель, публицист, историк, поэт, драматург и редактор. Действительный статский советник. По образованию юрист, доктор полицейского права, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле. В период с 1904 и по 1917 гг. служил в Министерстве внутренних дел, в 1906–1911 гг. – один из близких сотрудников П. А. Столыпина, был членом Совета при министре внутренних дел. В 1907–1917 гг. – редактор частной газеты «Россия» которая, однако, тайно финансировалась правительством.

[2] Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – ведущий публицист право-консервативной газеты «Новое время», один из основателей и идеологов Всероссийского Национального Союза (ВНС) и Всероссийского Национального Клуба (ВНК). В 1901 известный литератор и публицист А. С. Суворин пригласил Меньшикова в штат своей газеты «Новое время», являвшейся вплоть до 1917 г. крупнейшим право-консервативным периодическим изданием. В этой газете Меньшиков стал вести рубрику «Письма к ближним», а вскоре при содействии юриста А. Ф. Кони получил разрешение на выпуск ежемесячного издания под тем же названием. Именно в этих «Письмах», печатавшихся вплоть до закрытия газеты в 1917 г., на протяжении 16 лет происходила кристал-

лизация мировоззрения Меньшикова (См.: Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991).

Родственная политика

Публикуется по: Родственная политика // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 229–233.

[1] Цитата из Ветхого Завета (Книга Пророка Исаии). Ее полный вид: «Блажен, иже имеет племя в Сионе, и южики во Иерусалиме» (Ис. 31, 9).

[2] Гучков Александр Иванович (1862–1936) – выходец из московской купеческой семьи. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1902–1908 гг. был директором Московского учетного банка и в дальнейшем занимался предпринимательской деятельностью. Один из основателей и с 1906 г. председатель ЦК партии октябристов. Масон. В 1907 г. и с 1915 г. являлся членом Государственного Совета. В III Думе возглавлял фракцию октябристов и Комиссию по государственной обороне. С 8 марта 1910 по 14 марта 1911 – председатель III Думы. Выборы в IV Думу по Москве проиграл. С лета 1915 г. стал одним из лидеров Прогрессивного блока. В 1915–1917 гг. был председатель Центрального военно-промышленного комитета. Занимал должность военного и морского министра во Временном правительстве. В 1919 г. эмигрировал.

[3] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – русский государственный деятель, дипломат. Из дворян Рязанской губернии. На дипломатической службе с 1883 г. С сентября 1910 по июль 1916 г. – министр иностранных дел.

[4] Фанариоты (греч.) – собирательное название этнически греческой элиты в Османской империи, селившейся в районе Фанар в европейской части Константинополя в XVI – начале XX веков, близ резиденции Вселенского Патриарха (в монастыре святого Георгия в Фанаре с начала XVII века), который в оттоманской системе администрации был признан в качестве главы (этнарха, миллет-баши) православного миллета (общины).

С.-Петербург, 12 октября 1910 г.

Публикуется по: С.-Петербург, 12 октября 1910 г. // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 4–5.

[1] Здесь автор статьи перечисляет государства, в которых в разное время имело место революционное свержение законной монархической власти.

А. И. ДУБРОВИН И МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ВАДКОВСКИЙ)

Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода

Публикуется по: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 3–20.

[1] Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912) – епископ Православной Российской Церкви; с 25 декабря 1898 года вплоть до кончины – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; с 9 июня 1900 первенствующий член Святейшего Синода. Почетный член Петербургской АН (1899); почетный член Казанской, Московской и Петербургской Духовных Академий (1892), Императорского Православного Палестинского общества (1893), Петербургского совета детских приютов (1887), доктор церковной истории (1895). В среде правых имел репутацию либерала и подвергался критике в печатных органах СРН.

[2] Партия мирного обновления – либеральная партия в России начала XX в. Создана в июле 1906 г. бывшими левыми октябристами (П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович и др.) и бывшими правыми кадетами. Миробновленцы занимали промежуточное положение между октябристами и кадетами.

[3] Петербургский листок – петербургская общественная и литературная газета, основанная в 1864 г. А. С. Афанасьевым-Чужбинским, на место которого в конце того же года пришли новые издатели – Н. и А. Зарудные. Редактором стал В. М. Сикевич, но уже через три месяца его заменил И. А. Арсеньев. Вскоре програм-

ма издания значительно расширилась – стали выходить ежемесячные литературные прибавления. Сначала газета выходила четыре раза в неделю, с 1871 г. – пять раз, а с 1882 г. выходила ежедневно. С августа 1914 г. издание было переименовано в «Петроградский листок». В 1917 г. газета прекратила свое существование.

[4] Митрополит Иоанникий (в миру Иван Максимович Руднев; 1827–1900) – епископ Православной Российской Церкви; с 17 ноября 1891 г. митрополит Киевский и Галицкий; с 25 января 1898 г. первенствующий член Святейшего Синода.

[5] Архиепископ Амвросий (в миру Ключарев Алексей Иосифович; 1820–1901) – епископ Православной Российской Церкви; с 22 сентября 1882 года архиепископ Харьковский и Ахтырский, богослов.

[6] Тихон (в миру Троицкий-Донебин Михаил Михайлович; 1831–1911) – архиепископ Иркутский и Нерчинский (с 1892 г.). Вел праведную жизнь, обладал замечательной памятью, вел активную просветительскую деятельность в Сибири.

[7] Митрополит Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский (Парвицкий); 1835–1926) – епископ Православной Российской Церкви; с 1895 г. – епископ Томский и Барнаульский (с 6 мая 1906 г. – архиепископ); с октября 1908 г. – архиепископ Томский и Алтайский; митрополит Московский и Коломенский (1912–1917 гг.), митрополит Алтайский (с 1920 г.). Известный миссионер, «апостол Алтая». Прославлен в лике святых Русской Православной Церкви в 2000 г.

[8] Архиепископ Владимир (в миру Иоанн Степанович Петров; 1828–1897) – епископ Нижегородский и Арзамасский (1889); архиепископ Казанский и Свияжский (1892). Оставил по себе добрую память как мудрый и энергичный архипастырь.

[9] Епископ Павел (в миру Вильчинский Иван Елевферьевич; 1829–1908) – архиерей Православной Российской Церкви. 8 января 1878 г. хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. С 4 февраля 1878 г. – епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии. С 5 апреля 1882 г. – епископ Саратовский и Царицынский. С 16 декабря 1889 г. – епископ Астраханский и Енотаевский. С 21 ноября 1892 г. – епископ Могилевский и Мстиславский. С 19 декабря 1892 г. – вторично епископ Астраханский и Енотаевский. С 13 ноября 1893 г. – епископ Пензенский и Саранский. 4 июня 1902 г. уволен на покой.

[10] Гурий (в миру Охотин Николай Васильевич; 1828–1912) – архиепископ Новгородский и Старорусский с 1900 по 1910 гг. Уволен на покой по собственному прошению 17 окт. 1910 г. с оставлением в звании члена Синода.

[11] Феогност (Лебедев) – архиепископ Новгородский и Старорусский (1892).

[12] Герман (в миру Осецкий Александр Косьмич; 1828–1895) – епископ Кавказский и Екатеринодарский (1872–1886). 16 февраля 1886 г. по своему прошению (по состоянию здоровья) был освобожден от управления епархией, назначен настоятелем Донской иконы Божией Матери московского мужского монастыря и председателем Училищного совета при Святейшем Синоде. Возглавлял работу по составлению учебных программ для церковноприходских школ, считал, что начальное образование необходимо передать Церкви.

[13] Митрополит Исидор (в миру Иаков Сергеевич Никольский; 1799–1892) – епископ Православной Российской Церкви; митрополит Киевский; затем, с 1 июля 1860 г., – Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего Синода. До июля 1865 г. именовался «Новгородский, С.-Петербургский, Эстляндский и Финляндский».

[14] Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право будущему Императору Александру III и пользовался большим влиянием на него. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода.

[15] Бобриков Николай Иванович (1839–1904) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного совета, Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа. В своей политике жестко отстаивал интересы русского народа, боролся с проявлениями финского сепаратизма и революционной крамолы. Убит шведским террористом Э. Шауманом, сыном финляндского сенатора Шаумана. Сенатор Ф. В. Шауман «прославился» своими сепаратистскими взглядами, за антиправительственные выступления он был лишен воинского звания генерал-лейтенанта, после чего в знак протеста ушел в отставку.

[16] Чухнин Григорий Павлович (1848–1906) – русский военно-морской деятель, вице-адмирал (6 апреля 1903 г.). 2 апреля 1904 г. назначен Главным командиром Черноморского флота и портов Чер-

ного моря. 27 января 1906 г. член боевой организации партии эсеров Екатерина Адольфовна Измайлович явилась во дворец Чухнина на прием под видом просительницы и выстрелила в него несколько раз из револьвера. Адмирал был ранен в плечо и в живот, но остался жив. 28 июня 1906 г. он был убит на собственной даче «Голландия» неизвестным боевиком.

[17] Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) – русский генерал, военный министр. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Позже занимал должности помощника начальника штаба Варшавского военного округа, генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа и начальника штаба Одесского военного округа. В 1898 г. назначен начальником главного штаба. Когда генерал-адъютант Куропаткин был поставлен во главе Маньчжурской армии, Сахаров был назначен военным министром. 21 июня 1905 г. уволен от этой должности. Направлен в командировку для прекращения аграрных беспорядков в Саратовской губернии. 22 ноября 1905 г. Сахаров был застрелен эсеровской террористской А. А. Биценко в Саратове, в доме губернатора П. А. Столыпина.

[18] Тверской губернатор Павел Александрович Слепцов был убит эсерами-террористами в результате взрыва бомбы 25 марта 1906 г.

[19] Козлов Сергей Владимирович (1853–1906) – генерал-майор, застрелен на глазах публики в Петергофе, в Нижнем саду, по ошибке, вместо похожего на него генерал-майора Дмитрия Федоровича Трепова. Убийца, революционер Васильев, был казнен.

[20] Мин Георгий Александрович (1855–1906) – генерал-майор, командир лейб-гвардии Семеновского полка. Жестоко подавил московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. В августе 1906 г. был убит на станции Новый Петергоф эсеркой З. В. Коноплянниковой.

[21] Епископ Антонин (в миру Александр Андреевич Грановский; 1865–1927) – епископ Владикавказский и Моздокский; в обновленчестве – митрополит Московский (1922–1923 гг.); с 1923 г. именовал себя «Московский и всея Руси». Один из лидеров обновленческого движения, глава Союза «Церковное возрождение». С 2 марта 1903 г. – епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. Был возведен в архиерейский сан по инициативе митрополита Антония (Вадковского), ценившего его за образованность и ученые труды и всячески ему покровительствовавшего. Принимал участие

в религиозно-философских собраниях в Петербурге в 1901–1903 гг., в которых участвовали многие представители интеллигенции. Придерживался либеральных политических взглядов. В 1905 г. был членом комиссии по выработке правил о свободе печати, в ходе работы которой высказывался за полную, ничем не ограниченную свободу печати с совершенным уничтожением всякой цензуры.

[22] Епископ Исидор (в миру Петр Колоколов; 1866–1918) – в сане архимандрита был противостарообрядческим миссионером на Кубани. Затем епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (с 1903 г.), позднее – епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии (с 1906 г.). С 1911 по 1917 гг. занимал ряд церковных должностей в различных епархиях. По всей видимости, был близок к Г. Е. Распутину (совершил его отпевание).

[23] Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник; основатель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1904); инициатор вручения петиции Николаю II 9 января 1905 г.; впоследствии лишен сана; эмигрировал; амнистирован в октябре 1905 г.; возвратился в Россию, вступил в связь с охранным отделением; убит эсерами.

[24] «Товарищ» – ежедневная газета, издавалась в Петербурге с марта 1906 по декабрь 1907 г., позиционировала себя как «беспартийное» издание, фактически была органом левых кадетов.

[25] Правильно: Мардохей – персонаж Ветхого Завета, один из героев, связанных с еврейским праздником Пурим. Вместе со своей двоюродной сестрой Есфирь (Эстер) он явился спасителем еврейского народа от козней персидского вельможи Амана.

[26] Архимандрит Михаил (в миру Семенов Павел Васильевич; 1873–1916) – с 1902 г. – доцент Санкт-Петербургской духовной академии. С 29 марта 1905 г. – архимандрит. С 5 сентября 1905 г. – экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре церковного права. Был одним из наиболее популярных среди интеллигенции священников в Санкт-Петербурге. Часто участвовал в публичных диспутах, лекциях и беседах, проводившихся в разных храмах столицы, в лекционных помещениях Сампсониевского собора, в Религиозно-философском обществе, в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, в Народном доме и других организациях. Сотрудничал с журналом «Русский паломник». Был одним из 32 петербургских священников, публично выступивших за

реформирование Церкви. Позднее присоединился к Старообрядческой церкви, был старообрядческим епископом Канадским.

[27] Оболенский Алексей Дмитриевич, князь (1855–1933) – государственный деятель. Окончил Императорское училище правоведения в 1877 г. С 1877 г. работал в Министерстве юстиции. В 1898–1899 гг. товарищ министра внутренних дел, с 1901 г. член Правительствующего Сената, в 1902–1905 гг. товарищ министра финансов. С 20 октября 1905 г. по 24 апреля 1906 г. обер-прокурор Святейшего Синода. В 1905–1917 гг. член Государственного Совета. До 1917 г. проживал в Петрограде, после октябрьского переворота уехал в Москву, а в 1920 г. эмигрировал в Германию.

[28] Арсений (в миру Алексеев Степан Федотович), игумен (1837 (по др. данным 1840 или 1845)–1913) – выдающийся миссионер и проповедник, церковный и общественный деятель, вдохновитель создания и организатор СРН.

[29] Об иеромонахе (впоследствии расстрижен) Илиодоре (Труфанове) см. примечание к статьи «Оракул “самообновленцев”». В 1905 г. Илиодор преподавал духовное красноречие в Ярославской духовной семинарии, в 1906 г. переведен в Почаевскую Лавру.

[30] Сергий (в миру Тихомиров Георгий Алексеевич; 1871–1945) – в 1905 г. удостоен степени магистра богословия и назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. 6 ноября 1905 г. в Александро-Невской Лавре состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. Владыка скоро стал известен как талантливый проповедник и богослов, плодовитый духовный писатель и церковный историк. Слушатели столичной духовной академии в марте 1906 г. сумели заставить своего нового ректора отслужить панихиду по казненному 6 марта на острове Березань лейтенанту П. П. Шмидту, в ноябре 1905 г. объявившим себя командующим восставшего Черноморского флота. Впоследствии являлся митрополитом Токийским.

[31] Прославление преподобного Серафима Саровского состоялось в 1903 г.

[32] Здесь А. И. Дубровин перечисляет древних святителей – митрополитов Московских (XIV–XVI вв.), канонизированных Церковью.

[33] Здесь А. И. Дубровин перечисляет первых выдающихся Патриархов Московских и всея Руси (XVII в.), среди которых Патриарх Гермоген (Ермоген; ок. 1530–1612) – священномученик, канонизирован Церковью.

[34] Патриарх Игнатий (правил с 1605 по 1606 г.) – второй Патриарх Московский и всея Руси. Греческого происхождения. Сначала был архиепископом на Кипре, затем жил в Риме. Прибыл в Москву в качестве посланца константинопольского Патриарха на царское венчание Бориса Годунова. В 1603 г. стал епископом Рязанским и Муромским. В 1605 г. первым из русских архиепископов встретил Лжедмитрия в Туле как царя. После воцарения Лжедмитрия I собор русского духовенства отставил Иова от престола, единогласно избрав Патриархом Игнатия. После убийства Лжедмитрия в 1606 г. собор иерархов лишил Игнатия не только патриаршего, но и святительского сана, отправив простым монахом в Чудов монастырь. В 1611 г., во время господства в Москве поляков, Игнатий был освобожден из монастыря и снова признан Патриархом. Через несколько месяцев бежал в Польшу, поселился в Вильно и принял унию (т.е. при сохранении почти всех догм и обрядов Православной Церкви признал главенство папы римского). Публично отрекся от ортодоксального Православия. Впоследствии могила Игнатия была разорена при взятии Вильно русскими войсками.

[35] Марина (или Марианна) Юрьевна Мнишек – дочь сендомского воеводы, жена самозванца Лжедмитрия I с 1604 г. В мае 1606 г., приехав с отцом торжественно в Москву, она в течение недели являлась царицей. 1606–1608 гг. жила с семьей Мнишек в Ярославле; отправленная в Польшу, схвачена и доставлена к тушинскому вору (самозванцу) Лжедмитрию II, с которым тайно обвенчалась. По смерти второго мужа в 1610 г. осталась при атамане Заруцком, заставив его признать своего сына Ивана наследником престола. Со взятием Москвы земским ополчением, бежала в Астрахань и на Яик, схвачена, отвезена в Москву, где и погибла с сыном в 1614 г.

[36] «Еже писах, писах» (ц.-слав.) – означает невозможность изменить написанное. Сказано Понтием Пилатом, отказавшимся исправить слова, начертанные им на кресте Спасителя: «Иисус Назорей, царь Иудейский» (Иоан., 19, 19–22).

Письмо к редактору «Русского Знамени» по поводу письма к митрополиту Антонию

Публикуется по: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену

Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 21–27.

[1] Кир – титул, использующийся в именовании Патриархов некоторых Православных Церквей; титул, употреблявшийся в Древней Руси и соответствовавший господину.

[2] Митрополит Палладий (в миру Раев-Писарев Павел Иванович; 1827–1898) – епископ Православной Российской Церкви; с 18 октября 1892 г. вплоть до кончины – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода.

[3] Димитрий (в миру Самбикин Дмитрий Иванович; 1839–1908) – архиепископ Казанский и Свияжский (1905–1908).

[4] Виссарион (в миру Нечаев Василий Петрович; 1823–1905) – епископ Костромской и Галичский (1891–1905).

[5] Ювеналий (в миру Половцев Иван Андреевич; 1826–1904) – архиепископ Литовский и Виленский (1898–1904).

[6] Иустин (в миру Охотин Иван Яковлевич; 1823–1907) – архиепископ Херсонский и Одесский (1893–1905).

[7] Иов (скончался в 1607 г.) – первый Патриарх Московский и всея Руси. С 1571 г. – настоятель Симонова монастыря в Москве; спутник Царя Иоанна Грозного в паломничествах. С 1586 г. – митрополит Московский, в 1589 г. избран Патриархом. В 1605 г. Лжедмитрий I низложил Патриарха Иова. Канонизирован Русской Православной Церковью.

[8] Филарет (в миру Романов Феодор Никитич; 1554/1555–1633) – русский церковный и политический деятель, Патриарх (с 1619 г.). Сын Никиты Романовича Захарьина, отец первого Царя из династии Романовых – Михаила Феодоровича; двоюродный брат по материнской линии Царя Феодора Ивановича, при котором занимал высокое положение. В конце 1600 г. или в начале 1601 г. по приказу Царя Бориса Годунова был арестован и сослан в Антониев-Сийский монастырь, где был пострижен в монахи под именем Филарета. При Лжедмитрии I, в 1605 г., был возвращен из ссылки и получил сан митрополита Ростовского. В мае 1606 г. участвовал в свержении Самозванца. 11 (21) октября 1608 г. захвачен при взятии Ростова тушинскими отрядами Лжедмитрия II и отправлен в Тушинский лагерь, где «наречен» Патриархом, но занимал выжидательную позицию. Участвовал в выработке политики «Семибоярщины» и в заключении 17 (27) августа 1610 г.

договора с польским гетманом Жолкевским о признании русским Царем сына польского короля Сигизмунда III – Владислава. В сентябре 1610 г. возглавил «великое посольство» под осажденный Смоленск, которое должно было окончательно закрепить статьи августовского договора. В ходе переговоров Филарет отказался санкционировать условия договора, в результате чего был арестован и отправлен в апреле 1611 г. в Польшу, где пробыл в плену до середины 1619 г. Во время пребывания Филарета в плену его шестнадцатилетний сын Михаил Федорович Романов занял русский престол (1613 г.). В июле 1619 г. Филарет вернулся в Москву и сразу же был поставлен Патриархом.

[9] Иоанн (в миру Иустин Авксентьевич Картушин; 1837–1915) – архиепископ Московский и всея России Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию) в 1899–1915 гг.

[10] Епископ Иаков (скончался 27 ноября 1392 г.) – епископ Ростовский. Канонизирован в 1549 г. вторым Макарьевским собором в лике святителей, память совершается 27 ноября (по юлианскому календарю).

[11] Мелетий II (Думани) – Патриарх Антиохийский (1899–1906). В 1898 г. российская дипломатия при активном участии Императорского Православного Палестинского общества сумела добиться избрания араба-сирийца на Патриарший престол с последующим вытеснением греков из иерархии. В апреле 1899 г. был избран первый Патриарх-араб Мелетий Думани. Практика избирания Антиохийского Патриарха из православных арабов с тех пор сохраняется.

[12] Прозвище, данное гр. С. Ю. Витте за заключение Портсмутского мира (1905 г.), завершившего Русско-японскую войну 1904–1905 гг. По этому мирному договору Россия отдавала Японии половину (южную часть) острова Сахалин и Курильские острова.

[13] Так в тексте оригинала.

По поводу письма Антония, архиепископа Волынского

Публикуется по: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 27–28.

Революционные кликуши о письме к митрополиту Антонию

Публикуется по: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 28–29.

[1] «Биржевые ведомости» – газета биржи, финансов, торговли, политики и общественной жизни, образовалась из соединения «Биржевого вестника» и «Русского мира»; издавалась с 1 ноября 1880 г. С. М. Проппером. Закрыта большевиками в 1917 г.

А. И. ДУБРОВИН И РАСКОЛ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

Адвокатская защита митрополита Антония в Предсоборном Присутствии

Публикуется по: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода, с приложением письма в редакцию «Русского Знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. С. 29.

Уход А. И. Дубровина из Главного Совета (по поводу так названной статьи нового «Вестника»)

Публикуется по: Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного Совета (по поводу так названной статьи нового «Вестника») // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 1–10.

[1] Имеется в виду «Вестник Союза Русского Народа», издававшийся «обновленческим» Главным советом СРН. Учрежден 23 мая 1910 г. на соединенном заседании Главного Совета и учредителей СРН, являлся рупором «обновленческого» СРН, в отличие от «Русского Знамени», подконтрольного А. И. Дубровину.

[2] То есть социал-демократа.

[3] Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925(?)) – журналист, поэт, брат премьер-министра России Петра Аркадьевича Столыпина. С 1902 г. начал сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», затем редактировал эту газету. По требованию В. К. Плеве был отстранен от редактирования «Санкт-Петербургских Ведомостей» за «вредное направление». С 1904 г. – постоянный сотрудник «Нового Времени» и один из главных деятелей «Союза 17 октября».

[4] Имеются в виду торжества в честь 200-летия Полтавской битвы (1909 г.). «Газета “Свет” перепечатала из “Полтавских Губ<ернских> Ведомостей” сообщение, что на время полтавских торжеств для Столыпина приготовлена квартира в доме еврейского раввина. Правда ли это – не знаю, но знаю лишь то, что за эту заметку градоначальник угрожал редактору “Света” Н. Д. Облеухову *штрафом в три тысячи руб<лей>*, и только ссылка на то, что это известие заимствовано из официальной газеты “Полтавских Губ<ернских> Ведомостей”, спасла редактора “Света” от чрезвычайного штрафа. Совсем иначе относятся к левой печати» (Булацель П. Ф. Безнаказанность левых газет // Русское Знамя. 1909. 1 июля. № 144. См. также: Булацель П. Ф. Борьба за правду. СПб., 1912. Т. II. С. 89).

[5] 300-летие царствования Дома Романовых отмечалось в 1913 г.

[6] Так в тексте оригинала.

[7] Коновницын Эммануил Иванович, граф (1850–1915) – один из руководителей право-монархического движения в Санкт-Петербурге, почетный председатель Союза Русского Народа (СРН). В конце 1909 г. избран товарищем председателя Главного Совета Союза Русского Народа (СРН), как утверждали его противники, для того чтобы устранить А. И. Дубровина, с которым у него были натянутые отношения. С 9 апреля 1910 г. вступил в исполнение обязанностей председателя Главного Совета СРН. Как руководитель СРН открывал Съезд сторонников Маркова (4-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Санкт-Петербурге 14–16 мая 1912 г.). И. о. председателя Главного Совета СРН до ноября 1912 г., когда руководителем Союза был избран Н. Е. Марков, а граф Коновницын стал почетным председателем СРН.

[8] Ныне – Петроградская сторона в Санкт-Петербурге.

[9] Соколов Виктор Павлович (1880–после 1940) – видный общественный деятель, учредитель и товарищ председателя Главного Совета СРН. После выхода из Союза В. М. Пуришкевича и отхода от дел А. И. Тришатного стал товарищем председателя Главного Совета СРН – ближайшим помощником А. И. Дубровина. Тем не менее, во время раскола Союза в 1910 г. поддержал Н. Е. Маркова, в «марковском» СРН был также товарищем председателя вплоть до февральского переворота 1917 г.

[10] Русское Собрание – старейшая монархическая организация (партия) России, создана в Санкт-Петербурге в октябре–ноябре 1900 г. В ней преобладали представители дворянства и интеллигенции, в отличие от более «простонародного» по составу СРН и других черносотенных организаций.

[11] Римский-Корсаков Александр Александрович (1850–1922) – шталмейстер Высочайшего Двора, действительный статский советник, член правой группы Государственного Совета, сенатор, активный деятель право-монархического движения в России и в эмиграции. После 1914 г. организовал кружок правых деятелей, которые выдвигали требования к властям распустить Государственную Думу и ввести в стране военную диктатуру.

[12] Надеждин Григорий Григорьевич (1851–после 1912) – врач-хирург, действительный статский советник, общественный деятель, член Главного Совета СРН. Во время раскола Союза поддержал А. И. Дубровина, в числе других сторонников Дубровина в знак протеста вышел из состава «обновленческого» Главного Совета.

[13] Так в тексте оригинала.

[14] 23 мая 1910 г. новое руководство СРН («обновленцы», противники А. И. Дубровина) провело совместное заседание членов-учредителей и Главного Совета, на котором был принят ряд решений по окончательному вытеснению дубровинцев из Главного Совета. А. И. Дубровин на страницах «Русского знамени» объявил собрание 23 мая незаконным ввиду отсутствия кворума, однако никакого результата не достиг. В результате после всей этой борьбы состав Главного Совета СРН стал таким: почетный председатель – А. И. Дубровин; тов. председателя – Н. Е. Марков и гр. Э. И. Коновницын; секретарь – В. П. Соколов; казначей – И. И. Баранов; члены Совета – С. А. Верещагин, С. А. Володимеров, М. Я. Говорухо-Отрок, А. А. Римский-Корсаков, Р. В. Трегубов; кандидаты – Н. А. Белогуров, Б. А. Васильев, о. А. С. Вераксин,

А. П. Вишневский, Ф. Д. Лиховидов, бар. М. Ф. Таубе, А. К. Щекин, Н. М. Юскевич-Красковский.

[15] Так в тексте оригинала.

[16] «Земщина» – ежедневная монархическая газета, одно из самых влиятельных и популярных патриотических изданий накануне революции. Начала выходить с 3 июня 1909 г., первым издателем был депутат III Государственной Думы С. А. Володимеров, практически бессменным редактором – известный публицист С. К. Глинка-Янчевский (только в 1912 г. несколько номеров газеты вышло под редакцией Н. П. Тихменева). С осени 1915 г., после назначения Володимерова Томским вице-губернатором и прекращения «Вестника Союза Русского Народа» издателем газеты стал Н. Е. Марков, и она превратилась фактически в орган «обновленческого» СРН, хотя формально таковой не была.

[17] Кацауров Иван Николаевич (1855–1914) – статский советник, врач глазной лечебницы Попечительства о слепых Императрицы Марии Александровны в Ярославле, основатель и председатель Ярославского отдела СРН. В 1910 г. после вытеснения А. И. Дубровина с поста председателя Главного Совета СРН и утверждения в Совете «обновленцев» Ярославский отдел СРН порвал отношения с новым руководством и обратился к «союзникам» с кличем «объединяться вокруг Дубровина как действительного и почетного своего председателя». Ярославль стал одним из главных оплотов сторонников А. И. Дубровина.

Необходимое разъяснение (так озаглавлено в новом «Вестнике» искажение действительности)

Публикуется по: Дубровин А. И. Необходимое разъяснение (так озаглавлено в новом «Вестнике» искажение действительности) // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 11–64.

[1] См.: Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного Совета (по поводу так названной статьи «Нового Вестника»).

[2] Имеется в виду «Вестник Союза Русского Народа», издававшийся «обновленческим» Главным Советом.

[3] Полубояринова Елена Адриановна (1864–1919) – купчиха 1-й гильдии, активная участница черносотенного движения, това-

рищ председателя и казначей СРН, одна из организаторов Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН), ближайшая сподвижница основателя и лидера СРН А. И. Дубровина. Расстреляна большевиками.

[4] Дурново Иван Сергеевич – деятель монархического движения, первый редактор «Русского Знамени» (декабрь 1905–январь 1906).

[5] Тришатный Александр Иосифович (1866 – после 1914) – коллежский секретарь, один из основателей СРН, первый товарищ председателя Главного Совета СРН, автор Устава Союза.

[6] Булацель Павел Федорович (1867–1919), присяжный поверенный, публицист и общественный деятель, член Главного Совета СРН, редактор газеты «Русское знамя».

[7] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист, основатель и фактический руководитель Русского Народного Союза имени Михаила Архангела, к 1916 г. фактически перешел на позиции, враждебные русской монархической государственности. В декабре 1916 г. участвовал в убийстве Г. Е. Распутина.

[8] То есть Пуришкевича.

[9] То есть со дня так называемого «кровавого воскресенья», когда в Петербурге в результате грандиозной провокации произошло имевшее трагические последствия столкновение шествия рабочих с полицией.

[10] Майков Аполлон Аполлонович (1866 – не ранее 1917) – художник, сын поэта А. Н. Майкова, один из основателей и руководителей СРН, член его Главного Совета.

[11] Баранов Иван Иванович (1856 (по др. данным 1858) – после 1917) – потомственный почетный гражданин, петербургский купец, активный деятель право-монархического движения, один из основателей СРН, член его Главного Совета, первый казначей Союза. В ходе раскола в СРН поддержал противников А. И. Дубровина.

[12] Тришатный Сергей Иосифович (1865 – после апреля 1920) – юрист, брат А. И. Тришатного, один из основателей СРН, первый секретарь Главного Совета СРН.

[13] Оборин Д. О. – монархист, один из товарищей председателя Главного Совета СРН, впоследствии – член Главной Палаты и казначей Русского Народного Союза Михаила Архангела.

[14] Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – педагог, публицист, один из лидеров право-монархического движения, организатор и руководитель Русской Монархической Партии (РМП).

[15] Восторгов Иоанн Иоаннович, священномученик (1867 (по др. данным 1864) –1918) – митрофорный протоиерей, выдающийся проповедник, церковный и общественный деятель, один из руководителей право-монархического движения, председатель Русского Монархического Союза (РМС).

[16] Зеленский М. Н. – член Главного Совета СРН с 1905 г., секретарь Главного Совета СРН, считался близким к А. И. Дубровину, некоторое время (после П. Ф. Булацеля) был редактором «Русского Знамени».

[17] Зарин Л. Н. – видный деятель СРН, в феврале 1908 г. – товарищ председателя Всероссийского Съезда председателей отделов СРН и других монархических организаций, входящих в Союз (этот съезд проходил в Петербурге).

[18] Рознатовский Владимир Петрович – видный деятель СРН, сторонник А. И. Дубровина.

[19] Прусаков (Пруссаков) – один из деятелей СРН, первоначально близкий к А. И. Дубровину, впоследствии дал лжесвидетельские показания против А. И. Дубровина, согласно которым Дубровин был якобы причастен к убийству 18 июля 1906 г. кадета М. Я. Герценштейна. Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, политический деятель, приват-доцент Московского университета, один из основателей кадетской (Конституционно-демократической) партии, депутат I Госдумы, в своих выступлениях одобрял аграрные беспорядки, был убит на даче в Териоках (Финляндия; ныне – Зеленогорск под Петербургом) при загадочных обстоятельствах.

[20] Волконский Михаил Николаевич, князь (1860–1917) – писатель и драматург (псевд. Манценилов), общественный деятель, активный участник право-монархического движения, член Совета Русского Собрания (РС), председатель Санкт-Петербургского губернского отдела СРН.

[21] Митрофан (в миру Краснопольский Дмитрий Иванович), священномученик, архиепископ Астраханский и Царевский (1869–1919) – церковный, политический и общественный деятель, член фракции правых III Государственной Думы, участник право-монархического движения.

[22] Февронья Петровна Пошлепкина, вдова унтер-офицера, – персонаж из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836). Выражение «унтер-офицерская вдова сама себя высекла» – несколько измененные слова Городничего из «Ревизора», действие 4, явление 15: «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла». Отсюда же возникло выражение «высечь самого себя», употребляется для обозначения самообличения.

[23] Трегубов Ростислав Вадимович (?–после февраля 1917) – чиновник военного ведомства, видный деятель монархического движения, секретарь Главного Совета СРН. Во время раскола СРН поддержал группу Н. Е. Маркова и гр. Э. И. Коновницына, после избрания последнего в конце 1910 г. товарищем председателя Главного Совета занял его место председателя столичного Совета, стал членом «обновленческого» Главного Совета.

[24] Он же одно время редактировал газету «Русское Знамя».

[25] Фон дер Лауниц Владимир Федорович (1855–1906) – российский военный и государственный деятель, генерал-майор. 21 декабря 1906 г. застрелен террористом Кудрявцевым во время церемонии открытия клиники института экспериментальной медицины.

[26] Имеется в виду Русский Народный Союз Михаила Архангела (РНСМА), созданный 8 ноября 1907 г. сторонниками В. М. Пуришкевича.

[27] Соболевский Алексей Иванович (1857–1929) – филолог-славист, этнограф и историк культуры, академик, тайный советник, член Государственного Совета, активный участник правомонархического движения, товарищ председателя СРН. В ходе внутренней борьбы в СРН был одним из главных сторонников А. И. Дубровина. После того, как в Главном Совете СРН верх взяли противники основателя и председателя Союза, Соболевский в начале 1910 г. вышел из его состава. Он опубликовал в ярославской газете «Русский Народ» (№ 212) письмо, в котором обвинил Главный Совет в том, что он «заботится не о процветании Союза и не об успехах патриотического дела», а о «дележе темных денег» и стремится к объединению с В. М. Пуришкевичем и протоиереем И. И. Восторговым, которых Соболевский считал главными раскольниками. В ответ 9 апреля 1910 г. Главный Совет распространил заявление, в котором объявил все обвинения Соболевского

голословными и клеветническими, а на заседании 30 мая 1910 г. вынес ему порицание.

[28] Катанский Лев Евфимьевич († не ранее 1916) – коллежский асессор, писатель, публицист, редактор «Русского знамени», кандидат в члены Главного Совета СРН, автор Гимна Союза Русского Народа.

[29] «За город» (нем.).

[30] Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) – политический и общественный деятель, один из лидеров право-монархического движения, лидер «обновленцев» в СРН, после раскола в СРН – председатель Главного Совета «обновленческого» СРН, лидер фракции правых III и IV Государственных Дум.

[31] «Речь» – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета либерального направления, центральный орган Партии конституционалистов-демократов (кадетов). Выходила с февраля 1906 г. Издатели в разное время: Ю. Б. Бак, Н. К. Милюков, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич. В октябре 1917 г. закрыта большевиками.

[32] Володимеров Святослав Александрович (1868–1917 (по др. данным 1919)) – политический и государственный деятель, активный участник право-монархического движения, член Главного Совета «обновленческого» СРН, член правой фракции III Государственной Думы, публицист, издатель газеты «Земщина».

[33] Вестник Союза Русского Народа.

[34] 1910 года.

[35] Мамчич Е. А. – член Главного Совета СРН (1908 г.), сторонник А. И. Дубровина, впоследствии – видный деятель Всероссийского Дубровинского СРН, член его Главного Совета.

[36] Говорухо-Отрок Михаил Яковлевич (1866–после 1919) – государственный и общественный деятель, член правой группы Государственного Совета, активный деятель Объединенного Дворянства, член Главного Совета СРН, член Совета Русского Собрания, автор известной записки Императору Николаю II Александровичу о мерах по предотвращению революции. При расколе СРН поддержал противников А. И. Дубровина.

[37] Гендриков Александр Степанович, граф (1859–1919) – гвардии полковник в отставке, учредитель и член Главного Совета СРН, председатель Царскосельского отдела СРН. Жил в Царском Селе. После выхода в отставку председатель правления русского

акционерного общества «Гуго Стиннес». Был в числе учредителей СРН, к 1910 г. член Главного Совета Союза. В разгар конфликта между А. И. Дубровиным и Н. Е. Марковым пытался их примирить. Попытка закончилась неудачей, и Гендриков вышел из состава Главного Совета и из числа учредителей. Он был последним сторонником А. И. Дубровина в Главном Совете СРН. Однако после раскола Союза во Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН) не вступил.

[38] Всероссийский Национальный Союз – русская православно-монархическая право-консервативная партия, существовавшая в Российской Империи в 1908–1917 гг. По своей идеологии базировалась в основном на принципах думской монархии столыпинского типа и в идеологическом плане существенно отличалась от крайне правых (черносотенцев).

[39] Видимо, речь идет о Киевском клубе русских националистов – патриотической организации, своего рода интеллектуальном клубе националистов, существовавшем в Киеве с 1908 по 1917 гг.

[40] Имеется в виду активное продвижение своих земляков Н. Е. Марковым – курским помещиком, депутатом Третьей Государственной Думы от Курской губернии.

[41] Машкевич Димитрий Федорович (1871 – после 1916) – протоиерей, политический и общественный деятель, член фракции правых III Государственной Думы, член Главного Совета СРН. Во время раскола СРН поддержал Н. Е. Маркова.

[42] Ко времени открытия 4-го Всероссийского съезда Русских Людей в Москве 26 апреля – 1 мая 1907 г. (Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа) СРН насчитывал уже более 900 отделов, большинство делегатов 4-го Съезда составляли союзники. Съезд одобрил практику объединения вокруг СРН местных монархических организаций. Обсуждая вопрос об объединении патриотических союзов, 4-й Съезд принял решение «ввиду преобладающего значения Союза Русского Народа Союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций». Было определено также переименовать областные управы Объединенного Русского Народа, созданные по решению 3-го Съезда, в губернские управы СРН. 4-й Съезд рекомендовал остальным монархическим организациям вступить с СРН в переговоры об объединении.

[43] 1909 года.

[44] Арсений (в миру Алексеев Степан Федотович), игумен (1837 (по др. данным 1840 или 1845) – 1913) – выдающийся миссионер и проповедник, церковный и общественный деятель, вдохновитель создания и организатор СРН. В августе-сентябре 1909 г. был обвинен в поддержании близких связей с т. наз. «иоаннитами», в результате Синод повелел ему в двухнедельный срок отбыть в Сухумскую епархию. После отказа подчиниться в конце ноября 1909 г. был запрещен в священнослужении, выехал на лечение в Ялту.

[45] Пантелеевский Николай Никитович (1851 – после марта 1917) – действительный статский советник, педагог, краевед, общественный деятель, один из руководителей Воронежского отдела СРН.

[46] Тимошкин Федор Федорович (1872 – не ранее 1917) – видный деятель правомонархического движения, член правой фракции III Государственной Думы. В 1908 г. – кандидат, с 3 ноября 1909 г. – член Главного Совета СРН. Во время раскола Союза поддержал А. И. Дубровина.

[47] «Подобное – подобным» (лат).

[48] «Русский Народ» – газета ярославских черносотенцев, в № 212 этой газеты А. И. Соболевский опубликовал свое письмо (подробнее см. примечание о А. И. Соболевском выше).

[49] То есть П. А. Столыпин (1862–1911), тогдашний председатель Совета Министров и министр внутренних дел Российской Империи.

[50] Речь идет о романе Елизаветы Александровны Шабельской-Борк (1855–1917) – русской писательницы, актрисы и антрепренерши. Шабельская-Борк после революции 1905 г. стала идейной монархисткой, поддерживала массовое монархическое движение, около семи лет сотрудничала в «Русском Знамени», тесно соприкасаясь с А. И. Дубровиным.

[51] Алексей Валерианович Бельгард (1861–1942) входил в административную элиту императорской России начала XX века, был начальником Главного управления по делам печати (1905–1912 гг.).

[52] Цитата из Песни Симеона Богоприимца, т.е. из приводимых в Евангелии от Луки слов Симеона Богоприимца, которые он произнес в Иерусалимском Храме в день Сретения (Лк.2:29-32). Песнь вошла в состав богослужебных песнопений христианских церквей (Православной, Католической, Англиканской и ряда древневосточных).

[53] «Я – человек» (лат.)

[54] Юскевич-Красковский Николай Максимович († после августа 1917) – активный деятель правомонархического движения, впоследствии – секретарь Русского Народного Союза им. Михаила Архангела. После раскола СРН поддержал Н. Е. Маркова, был кандидатом в члены Главного Совета «марковского» СРН, выступал с критикой А. И. Дубровина в правой печати.

[55] Оборин Д. О. – являлся не только учредителем СРН, но и одним из организаторов Русского Народного Союза им. Михаила Архангела, членом его Главной Палаты, казначеем (на ноябрь 1910 г.).

[56] Вишневский Александр Петрович (1862 – не ранее 1917) – действительный статский советник, политический и общественный деятель, член фракции правых Государственной Думы III и IV созывов, член Главного Совета СРН, член Совета Русского Собрания. В ходе раскола СРН был сторонником Н. Е. Маркова, хотя относительно его политических убеждений в шутку говорили, что он «немного правее Маркова 2-го».

[57] Белогуров Николай Александрович (1867 – не ранее 1917) – крестьянин, политический и общественный деятель, член фракции правых Государственной Думы III и IV созыва, активный участник правомонархического движения, член-учредитель СРН, кандидат в члены Главного Совета СРН (1911–1917).

[58] Лукин Василий Васильевич (1859 – не ранее 1919) – действительный статский советник, политический и общественный деятель, член фракции правых Государственной Думы III и IV созывов. Учредитель Курской Народной партии порядка (1905). Почетный член СРН с правами члена-учредителя, кандидат в члены Главного Совета СРН (1912–1914), член совета Курского губернского отдела СРН. Член-учредитель Всероссийского Филаретовского общества народного образования (1914).

[59] Шетохин Николай Иоасафович (1869–1918) – политический и общественный деятель, член фракции правых Государственной Думы III и IV созывов, активный участник монархического движения, кандидат в члены Главного Совета СРН. Один из учредителей Курской Народной партии порядка (1905). Почетный член СРН с правами члена-учредителя, член Совета Курского губернского отдела СРН. Член Русского Собрания.

К вопросу о сооружении в Петербурге Союзом Русского Народа храма в память 300-летнего благополучного царствования Дома Романовых

Публикуется по: К вопросу о сооружении в Петербурге Союзом Русского Народа храма в память 300-летнего благополучного царствования Дома Романовых // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 83–84.

Дальнейший ход дела

Публикуется по: Дальнейший ход дела // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 92–93.

[1] Покровский Николай Павлович († не ранее 1912) – инженер Путиловского завода, общественный деятель, член-учредитель и член Главного Совета СРН. Организатор отделов СРН среди рабочих, к 1910 г. был членом Главного Совета СРН. Во время раскола в Союзе был твердым сторонником А. И. Дубровина. 21 мая 1910 г. новый Главный Совет, в котором большинство имели сторонники Н. Е. Маркова и гр. Э. И. Коновницына, обвинил его в незаконных действиях, позорящих Союз. Ему поставили в вину то, что он якобы передавал документы СРН в левые газеты, а также был связан с «хулиганами-рабочими» Путиловского завода. В ноябре 1910 г. соединенным собранием Главного Совета и членов учредителей был исключен из Союза. На Съезде сторонников Дубровина (5-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 г.) избран членом Главного Совета, однако сведений о его участии в деятельности Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа (ВДСРН) нет. Видимо, он отошел от монархического движения.

Заседание Гл<авного> Совета и учредителей 23 мая – незаконно

Публикуется по: Заседание Гл<авного> Совета и учредителей 23 мая – незаконно // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 215–216, 275.

Шестерянский отдел
С<оюза> Р<усского> Н<арода>
(с. Шестерня Херсонской губ.)

Публикуется по: Шестерянский отдел С<оюза> Р<усского> Н<арода> (с. Шестерня Херсонской губ.) // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 216–217.

[1] Архиепископ Димитрий (в миру Михаил Георгиевич Ковальницкий; 1839–1913) – духовный писатель и церковно-общественный деятель. Сын священника, магистр Киевской духовной академии и ее ректор, епископ Тамбовский и Шацкий (1902), архиепископ Казанский и Свияжский (1903), затем Херсонский и Одесский (1905).

Тифлис

Публикуется по: Тифлис // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 217–220.

[1] Так в тексте оригинала.

Петергофскому отделу
С<оюза> Р<усского> Н<арода>

Публикуется по: Петергофскому отделу С<оюза> Р<усского> Н<арода> // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 220–221.

[1] Астиаг (Astyages, греч. форма перс. Иштувег) (585/584–550/549 до Р.Х.) – последний царь Мидийской державы, низложен Киром II, царем Персии. Астиаг увидел во сне, будто из чрева его дочери Манданы выросла виноградная лоза, которая чрезвычайно разрослась, опутав собою землю. На другую ночь снова привиделось ему, будто «дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию». Сон был истолкован, как предвещающий рождение великого человека, и действительно, внуком Астиага оказался Кир II Великий. В страхе за свою власть царь приказывает погубить младенца, но тот чудесным образом спасается. История дошла в пересказе греческого автора Геродота.

В газете «Земщина», № 304, напечатано…

Публикуется по: В газете «Земщина», № 304, напечатано // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 277–279.

От Главного Совета Союза Русского Народа

Публикуется по: От Главного Совета Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 279–284.

[1] Очередной Всероссийский съезд председателей отделов СРН и других монархических организаций, входящих в Союз, состоялся в Петербурге в феврале 1908 г. Съезд, в частности, поддержал инициативу А. И. Дубровина: в ознаменование близкого наступления 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых построить на добровольные пожертвования членов Союза храм-памятник во имя Феодоровской иконы Божией Матери (Феодоровский собор в память 300-летия Дома Романовых). Целый день (19 февраля) депутаты посвятили обсуждению одного вопроса «О влиянии жидов и поляков на весь строй русской жизни». На съезде был принят новый устав Союза, упорядочивший структуру организации и определявший характер отношений с союзниками и врагами.

[2] Один из персонажей комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

[3] Союз 17 октября («Октябристы») – право-либеральная политическая партия чиновников, помещиков и крупной торговой промышленной буржуазии России, существовавшая в 1905–1917 гг. Партия представляла правое крыло российского либерализма, придерживаясь умеренно-конституционных взглядов. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 октября 1905 г.

В Главный Совет Союза Русского Народа

Публикуется по: Дубровин А. И. В Главный Совет Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 284–287.

[1] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, профессор Московского университета; основатель «Союза освобож-

дения»; масон; председатель «Союза союзов» (1905); основатель и бессменный лидер крупнейшей либеральной Конституционно-демократической (кадетской) партии; член Третьей и Четвертой Государственных дум; министр иностранных дел Временного правительства (март–апрель 1917 г.); эмигрировал.

[2] Алексий (в миру Молчанов Алексей Васильевич; 1853–1914) – епископ Таврический и Симферопольский (1905), экзарх Грузии (1913). Участник монархического движения.

[3] То есть с Главной Палатой Русского Народного Союза имени Михаила Архангела.

Приличие г. Пуришкевича

Публикуется по: Дубровин А. И. Приличие г. Пуришкевича // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 353.

Трогательная солидарность

Публикуется по: Трогательная солидарность // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 354.

Об уполномоченных Главного Совета

Публикуется в сокращении по: Об уполномоченных Главного Совета // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 355–362.

<Деятельность А. К. Щекина>

Публикуется в сокращении по: Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 374–388.

[1] Щекин Александр Козьмич (1858–1914) – общественный деятель, кандидат в члены Главного Совета СРН, секретарь Союза. Во время раскола в СРН поддержал своего земляка Н. Е. Маркова, в 1911–1914 гг. был кандидатом в члены Главного Совета СРН, секретарем Союза, председателем Петербургского Железнодорожного отдела СРН им. Св. Николая, уполномоченным по контролю за деятельностью провинциальных отделов.

[2] Карцев Рафаил Митрофанович (1861 – после 1932) – воронежский купец, общественный деятель, председатель Воронежского отдела СРН. Сторонник А. И. Дубровина.

[3] Буквально «течение жизни», жизнеописание (лат.).

[4] Питирим (в миру Окнов Павел Васильевич; 1858–1919) – общественный деятель, участник право-монархического движения, почетный председатель Курского отдела СРН. С 1904 г. – епископ Курский и Белгородский, с 1905 г. – Курский и Обоянский, в 1909 г. возведен в сан архиепископа. Митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917).

[5] Пеликан Борис Александрович (1861–1931) – присяжный поверенный, одесский городской голова, один из руководителей право-монархического движения в Одессе.

[6] «Кстати, между прочим» (фр.).

[7] Правильно: дискреционная власть (от фр. discretionnaire – зависящий от личного усмотрения) – предоставление органу или должностному лицу полномочия действовать по собственному усмотрению в рамках закона.

[8] «Каждому – свое» (лат.).

[9] Полтавец Н. (настоящее имя Еремченко Николай Иванович († 1917)) – литератор и публицист, редактор газеты «Русское знамя» (1912–1914). Убежденный сторонник А. И. Дубровина.

[10] «Голос Русского» – правая газета, издававшаяся в Москве (редактор В. А. Балашев). После кончины В. А. Грингмута Балашев стал яростным противником его преемника протоиерея И. И. Восторгова, постоянно нападал на него в своей газете, называя «Гапоном № 1». Тогда же Балашев сблизился с А. И. Дубровиным, принимал активное участие в деятельности СРН на стороне Дубровина.

[11] Андреев Василий Андреевич († после 1908) – коммерсант, член Главного Совета СРН, один из основателей Союза. К 1908 г. Андреев оказался в оппозиции А. И. Дубровину и его ближайшему окружению. В феврале 1908 г. на Съезде СРН в Петербурге Андреев и другой член Главного Совета В. Л. Воронков при поддержке некоторых делегатов выступили с заявлением, в котором осудили враждебное отношение руководства СРН к умеренно правым и октябристам, а также методы руководства Союзом со стороны Дубровина и его ближайших помощников. В результате Андреев и Воронков были исключены из Союза.

К характеристике уполномоченного обновленным Главным Советом г. Лиховидова

Публикуется по: Дубровин А. И. К характеристике уполномоченного обновленным Главным Советом г. Лиховидова // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 388–395.

[1] Союз «Белое Знамя» (другое название – «Союз Белого Знамени») – крупнейшая правомонархическая организация Нижегородской губернии. Союз создан 22 (по другим данным 24) октября 1905 г. Первоначально включал в свой состав не только право-монархистов, но и лиц с более либеральными убеждениями. В 1906 г. Союз стал губернским отделом СРН, приняв Устав и программу последнего. Лидерами организации в 1906–1917 гг. являлись о. Н. В. Орловский, К. П. Карташов (Карташев), П. А. Мышатин. В конфликте Н. Е. Маркова и А. И. Дубровина Союз поддержал первого, в результате чего вернул себе утерянный в 1908 г. статус губернского отдела. Союз имел 13 филиалов (подотделов) в городах и селах губернии.

[2] Стрелков Гавриил Минаевич (1853 – после 1924) – рабочий, один из руководителей черносотенного движения в Нижнем Новгороде. Был видным деятелем Союза «Белое Знамя», Георгиевского, Мининского отделов СРН. Недолгое время возглавлял последнюю из перечисленных организаций. Вследствие неуживчивого характера нередко конфликтовал со своими единомышленниками. Решением Главного Совета СРН («марковского») был исключен из Союза в 1912 г. вскоре после Съезда сторонников Маркова (4-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Санкт-Петербурге 14–16 мая 1912 г.).

<Обвинения Главного Совета против редакции «Русского Знамени»>

Публикуется по: Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 497–502.

[1] Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель Комитета Министров, председатель Совета Министров Российской Империи (1905–1906). Идейный вдохновитель

Манифеста 17 октября 1905 г., положившего начало ограничению Самодержавной власти в России.

[2] Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – либеральный сановник, масон. Товарищ министра внутренних дел при князе П. Д. Святополк-Мирском, главноуправляющий землеустройством и земледелием в кабинете С. Ю. Витте, затем видный деятель кадетской партии. После 1917 г. работал у большевиков в Наркомате финансов.

[3] Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – директор Департамента полиции с 9 мая 1902 г. по 4 марта 1905 г. Из дворян, окончил Московский университет, юридический факультет, кандидат правоведения, с 1886 г. служил по судебному ведомству. В 1896 г. поступил на службу в Министерство юстиции, с 1889 г. – прокурор Московского окружного суда, с 9 мая 1902 г. и.о. директора Департамента полиции; 6 мая 1903 г. – директор Департамента полиции.

[4] Герасимов Осип Петрович († 1920) – товарищ министра народного просвещения (1905–1908).

[5] Герард Николай Николаевич (1838–1929) – российский государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии (1905–1908).

[6] Бекман Владимир Александрович (1848–после 1917) – генерал, начальник кавалерийской дивизии. В 1908 г. был назначен генерал-губернатором Финляндии, занимал этот пост до конца 1909 г.

[7] Балаклеев Иван Иванович (1866 – не ранее 1917) – публицист, политический и общественный деятель, член фракции правых III Государственной Думы, активный участник монархического движения. В 1908 г. избран членом Главного Совета СРН. Во время конфликта в Союзе поддерживал А. И. Дубровина, вышел из состава Главного Совета в декабре 1911 г., когда верх взяли сторонники Н. Е. Маркова.

<Кто может быть избран в Главный Совет?>

Публикуется по: Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 512.

Издательский комитет Союза Русского Народа

Публикуется по: Издательский Комитет Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С.512–515.

[1] Партия правового порядка – право-либеральная партия, по своей идеологии близкая к октябристам, хотя и считавшаяся несколько более «правой», чем Союз 17 октября. Партия официально оформилась «в общем собрании ее членов в С.-Петербургской городской думе 15 октября» 1905 г. «как конституционная партия с определенною программою». Среди программных положений партии – демократические свободы, единство и неделимость России, сильная государственная власть на основе положений Манифеста 17 октября 1905 г.

[2] Ососов Андрей Васильевич († после 1917) – статский советник, публицист, активный деятель правмонархического движения. В 1906–1907 гг. был председателем Издательского комитета при СРН, сторонник В. М. Пуришкевича, после выхода последнего из СРН оставил этот пост. Был учредителем и членом первого состава Главной Палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела, его подпись стоит под уставом Союза.

[3] Жеденов Николай Николаевич († после октября 1917) – государственный и общественный деятель, активный участник черносотенного движения, один из учредителей СРН, публицист, издатель газеты «Гроза», основатель «Общества изучения иудейского племени». В период раскола СРН – решительный сторонник А. И. Дубровина.

Общее собрание Литейно-Рождественского отдела Союза Русского Народа 6 января 1910 года

Публикуется по: Общее собрание Литейно-Рождественского отдела Союза Русского Народа 6 января 1910 года // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 524–532.

[1] Речь идет о так называемом «деле Дрейфуса» – деле по обвинению офицера французского генерального штаба еврейского происхождения Альфреда Дрейфуса в передаче секретных военных документов Германии. В ходе расследования «дела» (конец 1890-х гг.) либеральная интеллигенция (так называемые «дрейфусары») встала на защиту Дрейфуса и добилась вначале смягчения приговора, а затем и полной его отмены.

За своего

Публикуется по: За своего // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 536–543.

[1] Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – князь, русский религиозный философ, публицист и общественный деятель. Брат Е. Н. Трубецкого и отец Н. С. Трубецкого. Профессор философии и первый выборный ректор Московского университета. Был редактором журнала «Вопросы философии и психологии» (1900–1905). В 1905 г. принимал участие в съездах земских и городских деятелей

[2] Щелкалов Василий Яковлевич († 1611) – думный дьяк, имел значительное влияние при дворе Государей Иоанна Грозного и Феодора Иоанновича. Когда в феврале 1598 г., после кончины Царя Феодора Иоанновича, распространилась весть о пострижении его вдовы, Царицы Ирины, Щелкалов убеждал бояр и собравшуюся в Кремль толпу целовать крест не Борису Годунову, а боярской думе.

[3] Имеется в виду работа так называемой «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», которая была созвана в 1767 г. Екатериной II в Москве, состояла из представителей всех сословий Империи и должна была выработать новое законодательство страны. Однако начавшаяся война с Турцией, а затем и Пугачевский бунт не дали возможности претворить начинания Императрицы в жизнь.

[4] Имеется в виду революция 1905–1907 гг.

[5] Борк Алексей Николаевич († не ранее 1917) – статский советник, врач, активный деятель правомонархического движения. После раскола СРН поддержал председателя Союза А. И. Дубровина, вышел из состава Главного Совета и из числа учредителей после победы его противников. Активно участвовал в борьбе на стороне Дубровина.

[6] Tres faciunt collegium («три лица образуют коллегию» (лат.)) – латинское изречение, заимствованное из «Дигест» (кодификации римского права, осуществленной после падения Западной Римской Империи при византийском Императоре Юстиниане), определяющее минимальное число лиц, необходимое при образовании коллегиального учреждения для законности его заседаний.

Самообновленческая толчея

Публикуется по: Самообновленческая толчея // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 26–31 .

[1] Карлейль Томас (1795–1881) – британский (шотландский) писатель, историк и философ. Автор «Истории французской революции» («French Revolution, a history», 1837).

[2] Прутков Козьма Петрович – литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50–60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой (наибольший в количественном исчислении вклад), братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы, а также Петр Ершов. Сатирические стихи, афоризмы Козьмы Пруткова и самый его образ высмеивали умственный застой, политическую «благонамеренность», пародировали литературное эпигонство.

[3] Ознобишин Николай Нилович († 1912) – один из основателей СРН, почетный и действительный председатель Московского губернского отдела СРН, член Русского Монархического Собрания. Во время раскола в Главном Совете СРН поддержал «обновленцев».

[4] Парафраз известного крылатого латинского выражения «Pecunia non olet» (также лат. Aes non olet – «деньги не пахнут»). Это слова, приписываемые императору Веспасиану, якобы произнесены им после получения денег, поступивших в качестве налога на общественные уборные Рима и обращены к его сыну Титу, который выразил неудовольствие по этому поводу.

«Столыпин с нами»

Публикуется по: «Столыпин с нами» // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 87–89.

Актюбинский отдел

Публикуется по: Дубровин А. Актюбинский отдел // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 184–185.

<Закрытие Самарского губернского отдела Союза Русского Народа>

Публикуется по: <Закрытие Самарского губернского отдела Союза Русского Народа> // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 186.

Оракул «самообновленцев»

Публикуется по: Оракул «самообновленцев» // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 205–210.

[1] Эзоп (точнее Эсоп) – полулегендарная фигура древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI в. до Р.Х.

[2] Ломброзо Чезаре (1835–1909) – итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве.

[3] Иоанниты (киселевцы, хлысты-киселевцы, христововеры-киселевцы) – религиозное течение, отколовшееся в 1883 г. от Русской Православной Церкви. Названо по имени Иоанна Кронштадтского, которого иоанниты особо почитали. Сам Иоанн Кронштадтский иоаннитов не признавал и не допускал их к причастию.

[4] Видимо, речь идет об иеромонахе Илиодоре (Сергее Михайловиче Труфанове; 1880 или 1881–1958), активном участнике черносотенного движения. Илиодор первоначально выступал как убежденный черносотенец, однако впоследствии организовал травлю Г. Е. Распутина, выступал с речами против светских и церковных властей, начал богохульствовать и превозносить либералов и евреев. В 1912 г. был лишен сана и расстрижен. После 1917 г. предложил услуги большевикам, закончил свою жизнь в эмиграции.

[5] Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – русский поэт, публицист, богослов, философ, один из основоположников славянофильства, член петербургской Академии наук (1856 г.).

[6] Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – русский публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения.

[7] Катков Михаил Никифорович (1818, по другим сведениям 1817–1887) – русский публицист, издатель, литературный критик.

[8] Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, русский государственный деятель, член Государственного совета (1866 г.); Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (1865–1880 г.). Министр внутренних дел в течение семи лет (1882–1889).

[9] Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, известный консервативный публицист и общественный деятель, издатель право-консервативной газеты «Гражданин» (1872–1914), организатор одного из правых салонов Петербурга.

[10] Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – директор Департамента полиции (1881–1894); государственный секретарь (1894–1902), одновременно в 1900 г. – государственный секретарь по делам Великого княжества Финляндского; министр внутренних дел (1902–1904). Убит эсером Е. С. Сазоновым.

[11] Дуранте К. А. – симферопольский помещик. См. о нем в кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 237, 242–244.

[12] Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932) – ученый, правовед, юрист.

[13] Караулов Михаил Александрович (1878–1917) – атаман Терского Казачьего Войска, депутат Государственной Думы II и IV созыва от Терской области. Журналист и краевед, автор нескольких книг по истории терского казачества. По политическим взглядам – либерал, активный участник Февральского ереворота 1917 г.

[14] Имеется в виду Таврический дворец на Шпалерной улице в Петербурге, в котором проходили заседания Государственной Думы.

[15] Самсон – знаменитый библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Подвиги Самсона описаны в библейской Книге Судей (гл. 13-16).

Открытое письмо Н. Е. Маркову

Публикуется по: Жеденов Н. Открытое письмо Н. Е. Маркову // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 66–70.

[1] Шечков Георгий Алексеевич (1856–1920) – юрист, политический и общественный деятель, член правой фракции Государственной Думы III и IV созыва, публицист, активный участник право-монархического движения.

[2] Вязигин Андрей Сергеевич (1867–1919) – ученый-историк, профессор Харьковского университета, депутат III Государственной Думы (фракция правых). Инициатор создания в декабре 1905 г. Харьковского отдела СРН. Расстрелян большевиками.

[3] Образцов Василий Афиногенович (1859 – после 1920) – педагог, политический и общественный деятель, член правой фракции III Государственной Думы, активный участник правомонархического движения. Истоки раскола в СРН Образцов видел в действиях неких «темных сил», которые обманывают обе стороны конфликта: «В этой распре среди Союза принимают участие те же темные силы, что и в государственной смуте, и в равной степени обманывают обе враждующие стороны».

[4] Тимошкин Федор Федорович (1872 – не ранее 1917) – видный деятель право-монархического движения, член правой фракции III Государственной Думы. Во время раскола СРН поддержал А. И. Дубровина.

По поводу статьи г. Виктора Соколова в 9<-м> номере «обновленного» «Вестника» «Еще о раздорах»

Публикуется по: Дунин-Борковский Н. По поводу статьи г. Виктора Соколова в 9<-м> номере «обновленного» Вестника «Еще о раздорах» // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 70.

[1] «Революционеры справа» – так политические противники черносотенцев называли представителей тех монархических партий, которые фактически не признавали высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.

[2] Н. Д. Швено-Дунин-Барковский (Борковский) – черносотенный деятель, сторонник А. И. Дубровина, один из ведущих сотрудников крайне правой газеты «Гроза», которую издавал Н. Н. Жеденов.

Еще о статье Виктора Соколова

Публикуется по: Патриот из Казани. Еще о статье Виктора Соколова // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 70–76.

[1] Войдя во второй Думе в одну фракцию с октябристами, в третьей «умеренно-правые» создали самостоятельную фракцию. Фракция умеренно-правых в третьей Думе была непосредственной преемницей умеренно-правых во второй Думе: из 11 умеренно-правых второго созыва, переизбранных в третью Думу, присоединились к фракции умеренно-правых 7 человек, к националистам – 2, к правым – 1, один депутат вошел во фракцию октябристов. Несмотря на преемственность, умеренно-правые второй Думы разительно отличались от своих коллег по третьей Думе.

[2] В январе 1910 г. произошло объединение фракций умеренно-правых и националистов в партию и думскую фракцию «русских националистов».

[3] Здесь В. П. Соколов обращается к следующему евангельскому сюжету. Господь Иисус Христос отошел однажды в пределы языческой страны Тира и Сидона. Там увидала Его жена-хананеянка, язычница, видимо слышавшая о Нем как о великом чудотворце, и уверовавшая в Него всем сердцем как в Посланника Божия – Мессию, и стала громко кричать, моля Его об исцелении ее беснующейся дочери: «Помилуй мя, Господи, Сыне Давидов, дщи

моя зле беснуется» (Мф. 15, 22). Но Он, испытывая ее веру, ничего не отвечал ей, так что даже ученики Его, пожалев ее, стали просить Его: «отпусти ю, яко вопиет в след нас». Как бы применяясь к иудейским понятиям Своих учеников, Господь отвечал им: «Несмь послан, токмо ко овцам погибшым дому Израилева». Но хананеянка не впала в отчаяние от этих слов, а с еще большей неотступностью продолжала молить Господа о помощи. Она, по-видимому, забежала даже вперед и, преградив Господу дорогу, просила Его: «Господи, помози ми». И тогда Господь произнес слова, которые для каждого могли бы показаться жестокими и вместе с тем крайне оскорбительными: «Несть добро отъяти хлеба чадом и поврещи псом». С псом сравнил Господь хананеянку, но смирение ее было столь велико, что она не только не оскорбилась, но даже как бы нашла в этих словах для себя еще большее основание умолять об исполнении своей просьбы: «Ей, Господи, ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих» (Мф. 15, 27). Испытание ее веры и смирения было кончено. «О, жено, велия вера твоя! – воскликнул Господь. – Буди тебе, якоже хощеши. И исцеле дщи ея от того часа». Просьба ее была исполнена.

[4] Имеется в виду Валаамова ослица – ослица месопотамского волхва Валаама, не пожелавшая двигаться, когда хозяин отправился одолевать чарами израильтян по наущению царя моавитян Валака. После нескольких ударов ослица, к великому удивлению Валаама, вдруг заговорила человеческим голосом (Числ. 22, 28): «И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: чту я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?» Выражение используется в шутливо-ироническом значении при характеристике безропотных людей, решившихся на протест.

[5] См. статью А. И. Дубровина «Уход А. И. Дубровина из Главного Совета (по поводу так названной статьи нового “Вестника”)».

ОБРАЩЕНИЯ А. И. ДУБРОВИНА К СОЮЗНИКАМ

На хлебах у конституции

Публикуется по: Катанский Л. На хлебах у конституции // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 100–104.

[1] Иезуиты (Орден иезуитов; официальное название «Общество Иисуса») – монашеский орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденный папой римским Павлом III в 1540 г. Иезуиты сыграли большую роль в контрреформации (борьбе с протестантизмом), вели агрессивную миссионерскую деятельность, насаждая католицизм в разных странах мира. Члены ордена наряду с тремя традиционными обетами (бедности, послушания и целомудрия) дают и четвертый – безусловного подчинения папе римскому.

[2] Базилиане (василиане) – общее название нескольких католических монашеских орденов византийского обряда, следующих общежительному уставу, который приписывается св. Василию Великому.

[3] В тексте статьи Л. Катанского ошибка. На с. 395–397 первого тома сборника «Куда временщики ведут Союз Русского Народа» (СПб., 1910) помещена заметка протоиерея Д. Успенского под следующим заглавием: «Покорно прошу Александра Ивановича Дубровина напечатать в своей газете «Русское Знамя» нижеописанную нашу встречу с уполномоченным Главного Совета, г. Степановым, 1910 года июня 23 дня. Протоиерей Д. Успенский». Эту публикацию А. И. Дубровин прокомментировал следующими словами: «Спасибо, дорогие союзники и друзья, вы верно оценили новый “Вестник” обновленного Совета, переполненный до наглости ложью и клеветой. Когда вы ознакомитесь до конца с моими возражениями, основанными на фактах и документах, и дополните их прямым и честным подтверждением Ивана Николаевича Кацаурова, тогда увидите ясно, где истина. Молод “Вестник”, а врать гораздо; верна пословица, что яблочко от яблони недалеко падает» (Покорно прошу Александра Ивановича Дубровина напечатать в своей газете «Русское Знамя» нижеописанную нашу встречу с уполномоченным Главного Совета, г. Степановым, 1910 года июня 23 дня. Протоиерей Д. Успенский // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 397).

Мое слово родному Союзу Русского Народа

Публикуется по: Дубровин А. И. Мое слово родному Союзу Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 414–415.

[1] Залеский (Залесский) Владислав Францевич (Францович) (1861–1922) – действительный статский советник, профессор Казанского университета, известный ученый-юрист, один из лидеров и идеологов право-монархического движения в Казани и Казанской губернии. Залеский являлся одним из организаторов и бессменным председателем – с декабря 1905 г. – Совета Казанского Царско-Народного Русского Общества (ЦНРО), с ноября 1906 г. – председателем Совета Казанского губернского отдела Союза Русского Народа, инициатором и активным проводником создания Царско-Народного Мусульманского Общества и целого ряда отделов Союза Русского Народа в Казанской губернии.

[2] Бобров Леонид Николаевич (1858–1918) – присяжный поверенный, общественный деятель, председатель Общества Русских Патриотов (ОРП), кандидат в члены Главного Совета СРН. Во время раскола в СРН поддержал Н. Е. Маркова. Переехал из Москвы в Петербург, с 1910 г. активный член «обновленческого» СРН, штатный работник, уполномоченный Главного Совета. С декабря 1911 г. кандидат в члены Главного Совета СРН. Бобров являлся также членом Русского Собрания, в январе 1912 г. был в числе тех, кто подписал письмо, в котором осуждались действия сторонников А. И. Дубровина (Б. В. Никольского, Н. Н. Жеденова и др.).

[3] Громыко М. М. – руководитель Смоленского отдела СРН, генерал-лейтенант.

Братья-союзники

Публикуется по: Дубровин А. И. Братья-союзники // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 477–478.

От редакции

Публикуется по: Дубровин А. И. От редакции // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 506–507.

Председателю Николаевского отдела Союза Русского Народа

Публикуется по: Дубровин А. Председателю Николаевского отдела Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С.532–535.

[1] Богданович Савва Никифорович (1858 [или 1859] – после 1912) – миссионер, проповедник, политический и общественный деятель, член правой фракции III Государственной Думы, член Главного Совета СРН. Во время раскола СРН занял сторону А. И. Дубровина и вышел из состава Главного Совета.

К сведению союзников

Публикуется по: Дубровин А. К сведению союзников // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 535–536.

Ратоборство за позицию

Публикуется по: Дубровин А. И. Ратоборство за позицию // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 13–15.

[1] Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – офицер полиции Российской Империи, известный деятель полицейского сыска и полицейский администратор, полковник отдельного корпуса жандармов. Зубатов приобрел известность благодаря предложенному им в 1901 г. плану создания опекаемых полицией легальных профессиональных союзов рабочих, которые должны были направить рабочее движение с революционного пути на путь мирной защиты экономических интересов рабочих. Первым из таких союзов стало Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве в Москве. Созданная Зубатовым система «полицейского социализма» подверглась жестокой критике после того, как один из ставленников Зубатова, священник Георгий Гапон, организовал в Петербурге массовые беспорядки («Кровавое воскресенье»).

Председателям отделов и подотделов Союза Русского Народа

Публикуется по: Дубровин А. И. Председателям отделов и подотделов Союза Русского Народа // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 15–17.

Открытое письмо Н. Е. Маркову 2-му

Публикуется по: Дубровин А. И. Открытое письмо Н. Е. Маркову 2-му // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 23–25.

К сведению союзников

Публикуется по: К сведению союзников // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 199–200.

Русские люди!

Публикуется по: Дубровин А. Русские люди! // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 314–316.

[1] Мстиславский Федор Иванович, князь († 1622) – последний князь-Гедиминович из рода Мстиславских, один из руководителей думской аристократии, боярин (1576), сын полководца Ивана Федоровича Мстиславского. После свержения Царя Василия Шуйского политическая роль Мстиславского резко возросла, он возглавил Семибоярщину (1610–1612), участвовал в избрании на русский престол польского королевича Владислава Сигизмундовича, а после изгнания поляков – Царя Михаила Романова.

[2] Сигизмунд III (1566– 1632) – король польский и великий князь литовский с 27 декабря 1587 г., король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 г., внук Густава Ваза и Сигизмунда Старого, сын шведского короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки.

[3] Владислав IV (1595–1648) – король Речи Посполитой с 6 февраля 1633, (провозглашение избрания 8 ноября 1632 г.), старший сын короля Сигизмунда III. 27 августа (6 сентября) 1610 г. как Царь Московский принял присягу московского правительства («семибоярщины») и людей.

[4] Святой Димитрий Солунский, или Димитрий Фессалоникийский († 306) – христианский святой, почитаемый в лике великомучеников. Пострадал во время правления римского императора Диоклетиана. Память совершается в Православной Церкви 26 октября (по юлианскому календарю).

[5] Святой Георгий Победоносец (Каппадокийский; † 303 (304)) – христианский святой, великомученик. Пострадал во время правления римского императора Диоклетиана, после восьмидневных тяжких мучений был обезглавлен.

К Всероссийскому Съезду Союза Русского Народа 21-го ноября 1911 года в Москве

Публикуется по: Дубровин А. К Всероссийскому Съезду Союза Русского Народа 21-го ноября 1911 года в Москве. [СПб., 1911].

[1] Имеется в виду злодейское убийство председателя Совета Министров России П. А. Столыпина, совершенное 1 сентября 1911 г. в киевском театре террористом Мордко Богровым.

Братья-союзники!

Публикуется по: Дубровин А. Братья-союзники! [Обращение к] Союзу Русского Народа. СПб., [1908].

[1] Людовик XVI (1754–1793) – король Франции из династии Бурбонов, сын дофина Людовика Фердинанда, наследовал своему деду Людовику XV в 1774 г. При нем после созыва Генеральных штатов в 1789 г. началась так называемая «Великая французская революция». 21 сентября 1792 г. низложен революционерами и вскоре казнен на гильотине.

[2] Вандея – один из первых 83 департаментов Франции, образованных во время так называемой «Великой французской революции» в марте 1790 г. Возник на территории бывшей провинции Пуату. Название происходит от реки Вандея. В 1793 г. здесь возник мощный очаг контрреволюции под предводительством Жака Кателино. В истории события того времени известны как вандейское восстание.

[3] «В Лионе – в Авиньоне – в Вердене…» – во время первой французской революции французский город Лион в 1793 г. принял сторону противников революционного конвента. В разгар террора в 1793 г. жители выступают против вымогательств денег, которыми занимается якобинский муниципалитет, и свергает его. В это же время в Париже крайние оголтелые революционеры – якобинцы (монтаньяры) казнят более умеренных жирондистов. Таким образом Лион автоматически стал неприятелем революционного парижского и национального движения. 29 мая 1793 г. в Лионе вспыхивает восстание. Однако Лион сдается после того, как его окружает революционная армия. 12 октября 1793 г. назначается разрушение Лиона. Комиссары конвента Колло д'Эрбуа, Фуше и

Кутон не исполнили этот приговор всецело, но множество жителей было расстреляно, лучшие здания разрушены, крепостные стены разбиты, как и красивые фасады новых зданий площади Белькур (это были символы «гордости богачей»). Начались учиненные революционными террористами кровавые расправы с местными жителями, которые по своей жестокости потрясли современиков. Продавцы шелка разорились, 75% промышленных предприятий остановилось. Смертность достигла 45%.

В 1791 году французский город Авиньон, ранее принадлежавший римскому папе, был аннексирован революционной Францией. Этот акт вызвал конфронтацию между сторонниками и противниками революции в городе – из-за многочисленных жертв этот конфликт называют «авиньонская резня».

В конце августа прусская армия предприняла наступление на Париж и 2 сентября 1792 года взяла французский город Верден, который также временно стал очагом контрреволюции.

[4] Устав Союза Русского Народа был официально утвержден 7 августа 1906 г. Документ считался лучшим из всех известных программных документов монархистов из-за ясности и точности формулировок и краткости объема. Устав объявлял целью Союза «развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества – России единой и неделимой».

[5] Имеются в виду старообрядцы.

[6] Почаевский отдел Союза Русского Народа (ПО СРН) – самый многочисленный отдел СРН. ПО СРН был создан в 1906 г. на Волыни (нынешняя Западная Украина), центром его стал небольшой городок Почаев, а точнее находящаяся там Почаевская Лавра. Председателем отдела стал архимандрит Лавры Виталий (Максименко), духовное и идейное руководство отделом осуществлял архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий). ПО СРН включал в себя 1155 сельских подотделов, расположенных в Волынской, Подольской и частично в Киевской губерниях. По данным Волынского губернатора, только в 1907 г., накануне выборов во II Думу, в его губернии было «открыто более 600 отделов... Союза в разных населенных пунктах, распространяющих среди крестьянского населения здравые взгляды и понятия». К концу же этого года в губернии насчитывалось уже

434 отдела и 634 подотдела СРН общей численностью 105 000 человек. Организаторами большинства их были представители духовенства. По данным Подольского губернского жандармского управления (ГЖУ), «в этот Союз принимали членов местные священники, а утверждали их бывший иеромонах Илиодор и архимандрит Виталий».

Пример любви к Царствующему Дому Романовых

Публикуется по: Дубровин А. И. Пример любви к Царствующему Дому Романовых // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 280.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. И. ДУБРОВИНА С СОЮЗНИКАМИ

<Письма союзников в адрес А. И. Дубровина и его ответные пожелания>

Публикуется в сокращении по: Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 108–140.

[1] Младотурки (тур. Jöntürkler) – политическое движение в Османской империи, которое начиная с 1876 г. незаконно пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство. Младотуркам удалось свергнуть султана Абдул-Хамида II (1908 г.) и провести половинчатые прозападные реформы, однако после поражения Турции в Первой мировой войне они потеряли власть.

[2] Великий Князь Михаил Александрович (1878– 1918) – четвертый сын Императора Александра III, младший брат Императора Николая II; российский военачальник, генерал-лейтенант (2 июля 1916 г.). Расстрелян большевиками близ Перми.

Горловский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Горловка // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 287.

Ключевской отдел Союза Русского Народа (открытое письмо в Главный Совет Союза Русского Народа)

Публикуется по: Открытое письмо. В Главный Совет Союза Русского Народа // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 290–291.

[1] Строка из великопостной молитвы святого преподобного Ефрема Сирина.

Лабинский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Станица Лабинская (Кубанской области) // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 488–491.

Новодворский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Основателю и почетному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 517.

Николо-Георгиевский отдел Союза Русского Народа в Елисаветграде

Публикуется по: Действительному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 543–544.

[1] Имеются в виду сторонники реализации идей Манифеста 17 октября 1905 г. среди чиновничества Российской Империи.

Гомельский отдел Союза Русского Народа (журнал заседания Совета)

Публикуется по: Журнал заседания Совета Гомельского отдела Союза Русского Народа // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 169–170.

[1] Давыдов Аким Харлампиевич († не ранее 1912) – общественный деятель, председатель Гомельского отдела СРН. Как делегат Гомельского отдела СРН принимал участие в съезде сторонников Дубровина (5-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 г.), где был избран почетным членом с зачислением в число учредителей Союза.

Актюбинский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Действительному и почетному председателю Всероссийского Великого Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 172–174.

<Ю. А. Толбузина – А. И. Дубровину>

Публикуется по: Многоуважаемый и Глубокочтимый Александр Иванович // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 177–178.

Лабинский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Лабинский отдел Союза Русского Народа // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 180.

Томский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Александру Ивановичу Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 183–184.

Киевский кружок русских патриотов

Публикуется по: Высокочтимый Александр Иванович! // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 187–188.

[1] Щирый-Никитчук Константин Дионисиевич († после 1917) – бухгалтер, председатель 2-го Железнодорожного отдела СРН в Киеве, член Киевского Клуба Русских Националистов (ККРН). Во время раскола в СРН поддержал А. И. Дубровина. Участник Съезда сторонников Дубровина (5-й Всероссийский съезд Союза Русско-

го Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 г.), председатель секции, вырабатывавшей политику по вопросу отношения к другим партиям. На съезде избран почетным членом СРН («дубровинского») с правами члена-учредителя.

[2] Ровинский Александр Дмитриевич – рабочий Юго-Западной железной дороги, председатель киевского Патриотического общества молодежи «Двуглавый Орел» (с 1914 г.). Ровинский был делегатом на Съезде сторонников Дубровина (5-й Всероссийский съезд Союза Русского Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 г.).

[3] «Двуглавый Орел» – киевское Патриотическое общество молодежи, одна из самых активных черносотенных организаций. Официально открыто 21 октября 1907 г., хотя первое торжественное заседание состоялось 21 января 1907 г. Устав Общества был зарегистрирован в марте 1907. В нем так определялись цели общества: «Киевское Патриотическое общество молодежи “Двуглавый орел” имеет целью: 1) противодействовать всеми законными средствами влиянию лиц, обществ и союзов, ведущих Россию своим учением к анархии и нравственному растлению, 2) проведение в сознание и жизнь населения Российской Империи начал Самодержавия, Православия, Русской Народности, выработанных историей русского народа, 3) содействовать всеми средствами споспешествованию торжества русских начал в русской школе, объединять молодежь, согласную с основными идеями общества, в правильную организацию». Основными направлениями деятельности Общества были публикация брошюр, книг, листков, устройство чтений патриотических книг, ведение бесед с городским населением с разъяснением ему истинного смысла Высочайших Манифестов и Указов, помощь нуждающимся членам Общества, организация танцевальных, музыкальных и литературных вечеров, детских праздников, драматических представлений. Общество просуществовало до февраля 1917 г.

[4] Голубев Владимир Степанович (1891–1914) – общественный деятель, активный участник черносотенного движения в Киеве, один из учредителей Киевского отдела Всероссийского национального студенческого союза (1909 г.), председатель Патриотического общества молодежи «Двуглавый орел» (с 1912 г.). 6 октября 1914 г. Голубев пал смертью храбрых в сражении при местечке Рудник близ Кржемова Белгорайского уезда.

Ольховатский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Почетному председателю Ольховатского отдела Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 196–197.

Верхне-Кондратинский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Основателю и почетному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину! // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 201.

Горловский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: М<илостивый> Г<осударь> Александр Иванович! // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 203.

Нижегородский Георгиевский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Из Нижнего Новгорода А. И. Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 204.

<И. В. Акифьев – А. И. Дубровину>

Публикуется по: <Письмо А. И. Дубровину от И. В. Акифьева> // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 279.

[1] Супир – тоненький перстенек, который носят на память на мизинце.

Голтянский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Постановление // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 283–284.

Киево-Лукьяновский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: <Приют для бедных детей в Киеве> // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 282–283.

[1] Никольский Петр Васильевич (1858–1940) – профессор, врач-дерматолог, публицист и общественный деятель, председатель Киевского губернского отдела СРН (1911–1912 гг.), принимал активное участие в организации новых отделов на местах. В 1911 г., во время пребывания Государя в Киеве, он был одним из организаторов добровольной монархической охраны Царя, 29 августа 1911 г. был в составе депутации от правых организаций Киева, которая представлялась Императору Николаю II.

[2] Синькевич Феодор Николаевич (1876–1946) – протоиерей, известный киевский монархист, некоторое время – исполняющий обязанности председателя Киевского губернского отдела СРН, председатель Патриотического общества молодежи «Двуглавый Орел» (с 1912 г.). В 1907 г. также являлся членом Совета Киевской Русской Монархической Партии. Кроме того он возглавлял Русское спортивное общество «Орел» при Киевском губернском отделе Русского Народного Союза им. Михаила Архангела, образованное в 1911 г. В составе монархических депутаций Киева священник Синькевич дважды представлялся Императору Николаю II. Первый раз в Царском Селе в 1906 г. по случаю начавшихся революционных брожений для выражения верноподданнических чувств, второй раз 29 августа 1911 г. при посещении Государем Киева (оба раза приветствовал Царя краткой речью, а в 1906 г. преподнес икону Успения Пресвятой Богородицы).

[3] Мацеевич, отец Кирилл Тимофеевич (1857–1915) – киевский священник, общественный деятель, товарищ председателя Лукьяновского отдела СРН (с 1909 г.).

Полтавский отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Господину почетному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 294–295.

[1] Имеется в виду «обновленный» Главный Совет Союза Русского Народа.

Котельнический отдел Союза Русского Народа

Публикуется по: Господину основателю и почетному председателю Союза Русского Народа Александру Ивановичу Дубровину // Спутник союзника. СПб., 1911. Т. 2. С. 306.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. И. ДУБРОВИНА

Тайна судьбы (фантазия-действительность)

Публикуется по: Дубровин А. И. Тайна судьбы (фантазия-действительность). СПб., 1907.

[1] Полонский Яков Петрович (1819–1898) – русский поэт и прозаик. Литературное наследие Полонского очень велико, включает в себя несколько сборников стихотворений, многочисленные поэмы, романы, рассказы.

[2] Вальтассар (Валтасар, Вальтасар; умер в 539 г. до Р.Х.) – сын и соправитель последнего царя Нововавилонского царства Набонида из X вавилонской династии. Согласно Библии, в ночь взятия Вавилона персами на устроенном Валтасаром последнем пиру он святотатственно использовал на нем для еды и напитков священные сосуды, вывезенные отцом из Иерусалимского храма. В разгар веселья на стене появились начертанные таинственной рукой слова: «мене, мене, текел, упарсин». Пророк Даниил истолковал надпись, в переводе с арамейского означаюшую: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено» – и расшифровал их как послание Бога Валтасару, предсказал скорую гибель ему и его царству. В ту же ночь Валтасар погиб (Дан. 5:1–31). Пир Валтасара – распространённый сюжет в изобразительной искусстве, литературе, музыке.

[3] «Не запугаете» – одно из знаменитых высказываний П. А. Столыпина в адрес революционеров-террористов, сделанное им 6 марта 1907 г. в ходе выступления в Государственной Думе с программой правительства.

[4] Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, профессор Московского университета (1877–1884); один из основателей кадетской партии; являлся председателем Первой Государственной Думы.

[5] Правильно: ребе – 1. Титул учителя (меламеда) в иудейской начальной школе хедере. 2. Обращение к раввину, принятое среди ашкеназских евреев. 3. В хасидизме титул духовного главы хасидского течения, «двора» или «династии». Здесь А. И. Дубровин использует этот термин, намекая на еврейское происхождение данных депутатов Государственной Думы.

[6] Правильно: Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – один из основателей партии кадетов, лидер еврейской народной группы.

[7] О М. Я. Герценштейне см. примечание к статье А. И. Дубровина «Необходимое разъяснение (так озаглавлено в новом “Вестнике” искажение действительности)».

[8] Родичев Федор Измайлович (1854–1933) – член «Союза освобождения», один из основателей кадетской партии; депутат Государственной Думы всех четырех созывов; комиссар Временного правительства в Финляндии; с 1918 г. в эмиграции.

[9] Петрункевич Иван Ильич (1844–1928) – гласный черниговского (1866–1879) и тверского (1886–1904) земства, неоднократно подвергался административной ссылке; основатель «Союза освобождения» (1904) и конституционно-демократической партии; в 1908–1917 гг. – издатель либеральной газеты «Речь»; с февраля 1919 г. – в эмиграции.

[10] Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – служил в Государственной канцелярии; преподавал уголовное право в Императорском училище правоведения; член «Союза освобождения», организатор кадетской партии, член ее ЦК; депутат I Государственной Думы; управляющий делами Временного правительства; министр юстиции Крымского краевого правительства (1918); эмигрировал.

[11] Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – депутат I Государственной Думы от Саратовской губернии. Мещанин г. Вольска, окончил городское училище и служил писарем в Вольской мещанской управе. Долгое время сотрудничал в «Саратовском дневнике», а переехав в Петербург и служа секретарем в «Неделе», сделался публицистом «Петербургских ведомостей» и «Нашей жизни». Обладал ораторским даром. По своим убеждениям крайний левый.

[12] Аникин Павел Алексеевич (1874–?) – депутат Государственной Думы, социал-демократ. Преподаватель сердобской частной женской гимназии. Происходил из крестьян. Образование получил в Учительском институте. В 1905 г., после 9-го января, был арестован и заключен в Вольскую тюрьму (См.: Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв / Сост. М. М. Бойович. М., 1907. С. 306).

[13] Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) – депутат Государственной Думы первого созыва по крестьянской курии. В Думе выступил одним из инициаторов и организаторов лево-либеральной «Трудовой группы» и являлся одним из ее популярных ораторов.

[14] Манифест о роспуске I Государственной Думы был подписан Императором 9 июля 1906 г. На следующий день после роспуска Думы 178 бывших депутатов собрались в Выборге и подписали воззвание к народу и иностранным правительствам (автор проекта лидер кадетов П. Н. Милюков в Выборге не присутствовал) с призывом не платить налоги, отказываться от призыва на военную службу, не признавать займы, заключенные правительством. Воззвание не имело никаких особенных последствий. Только через полтора года подписанты воззвания были привлечены к суду, который лишил их права участвовать в выборах в Думу.

Кронштадтские восстания 1905 и 1906 гг. – массовые вооруженные мятежи матросов и солдат Кронштадта в период революции 1905–1907 гг. Восстанию 1905 г. предшествовали стихийные выступления гарнизона в сентябре того же года. 18 октября 1905 г., на другой день после опубликования Манифеста 17 октября, в Кронштадте прошла политическая демонстрация. 23 октября на Якорной пл. состоялся матросский митинг, организованный эсерами и социал-демократами. Участники, выступив против царской власти, выдвигали требования установления «демократической республики», введения всеобщего избирательного права и уничтожения сословий. 24 октября аналогичную резолюцию приняли артиллеристы и пехотинцы гарнизона. Восстание началось стихийно 26 октября во 2-м крепостном батальоне, к вечеру 40 солдат были арестованы. Затем восстали 4-й и 7-й флотские экипажи, а также учебно-минный и учебно-артиллерийский отряды. К концу дня к ним присоединились солдаты-минеры и артиллеристы, другие флотские экипажи и часть рабочих (всего около 3 тыс. матросов и 1,5 тыс. солдат). Кронштадт фактически оказался в руках мятежников, начались погромы винных складов, магазинов и жилых домов. 27 октября прибывшие из Петербурга и Ораниенбаума войска подавили восстание (с обеих сторон убиты и умерли от ран 22 чел., около 100 чел. ранены). 28 октября Кронштадт объявлен на военном положении, около 3 тыс. участников восстания арестованы. Военный суд в марте 1906 г. приговорил 9 чел. к различным срокам каторги, 67 чел. – к различным срокам тюремного заключения, 84 чел. были оправданы.

Весной 1906 г. в Кронштадте создана подпольная военная организация социал-демократов и эсеров для подготовки мятежа на Балтийском флоте. Получив 18 июля известие о начале восстания в Свеаборгской крепости близ Гельсингфорса (ныне Суо-

менлинна близ Хельсинки, Финляндия), ее руководство приняло решение о немедленном восстании. 19 июля поздно вечером выступили минеры, саперы, солдаты электроминной роты, матросы 1-й и 2-й флотских дивизий, около 400 рабочих (всего 6 тыс. чел.), однако в захваченном ими здании Морского арсенала оружия не оказалось, использовать артиллерию батареи «Литке» и форта «Константин» также не удалось, т.к. офицеры и часть солдат вывели орудия из строя. Развить успех мятежники не смогли. Команды стоявших в гавани кораблей были изолированы и не поддержали восстание. После обстрела полевой артиллерией, прибывшей из Ораниенбаума, форт «Константин» сдался. К утру 20 июля восстание потерпело поражение, свыше 3 тыс. человек арестованы. По приговорам военно-полевых судов в 1906 г. расстреляны 36 чел., сосланы на каторгу 228 чел., отправлены в исправительно-арестантские отделения 1032 чел.

Свеаборгское восстание – вооруженное выступление матросов и солдат гарнизона русской морской крепости Свеаборг близ столицы Великого княжества Финляндского Гельсингфорса, произошедшее 18–20 июля 1906 г. После подавления мятежа его зачинщики (28 человек) были расстреляны, 967 человек были осуждены военным судом к различным срокам заключения или службы в дисциплинарных ротах, 77 человек было оправдано.

[15] Головин Федор Александрович (1867–1937) – председатель Государственной Думы Российской Империи второго созыва, земский деятель, один из основателей партии кадетов и член ее ЦК.

[16] Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) – правовед, профессор Петербургского университета (1896); редактор журналов «Право» и «Вестник права»; кадет; член Второй Государственной Думы.

[17] Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932) – российский ученый, правовед, юрист.

[18] Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – князь, политический деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), член II Государственной думы. Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1951) – князь, политический деятель, конституционный демократ, член I Государственной Думы.

[19] Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – юрист, общественный и политический деятель либерального направления.

[20] Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – российский политический деятель, социал-демократ. В 1907 г. – депутат II Государственной думы, избран по рабочей курии от Санкт-Петербурга. После роспуска II Думы эмигрировал. Участник Штутгартского (1907) и Базельского (1912) конгрессов 2-го Интернационала.

[21] Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – политический деятель, меньшевик. В 1907 г. был избран членом II Думы, где был председателем социал-демократической фракции и членом аграрной комиссии Думы. В июне 1907 г. после разгона Думы осужден на 5 лет каторги, замененной по состоянию здоровья 6 годами тюрьмы с последующим поселением в Сибири.

[22] Джапаридзе Сергей Давидович (1870–?) – депутат I Государственной Думы от Кутаисской губернии. Социал-демократ. Присяжный поверенный Кутаисского окружного суда. В 1906 г. был заключен в тюрьму, откуда освобожден незадолго до выборов в Думу. Подписал «Выборгское воззвание» 10 июля 1906 г. в г. Выборге и осужден по ст. 129, ч. 1, п.п. 51 и 3 Уголовного Уложения.

[23] Тихвинский Федор Васильевич (1862–?) – священник села Чудинова Орловского уезда Вятской губернии. Находился в опале и был переведен в Чудиново из Уржумского уезда. Депутат II Государственной Думы от Вятской губернии (от Крестьянского союза). Одно время являлся законоучителем в Уржумской гимназии.

[24] Адонаи (Адонай, Господь мой) – одно из обозначений Бога в иудаизме, с эпохи эллинизма применяющееся также как заменяющее (при чтении вслух) непроизносимое имя Яхве (Иеговы).

[25] «Отбудование ойчизны» – воссоздания отчизны (польск.).

[26] «Войма» – финская националистическая организация.

[27] Старофинны – (Vanhasumalainen puolue) – в конце 80-х гг. XIX в. – 1918 г. – название членов правого крыла финской партии (т.н. финноманы), противостоявшие левому крылу – младофиннам. Старофинны выражали интересы представителей крупного национального капитала и землевладения. Лидеры старофиннов – И. Ирье-Коскинен, Ю. Даниельсон-Кальмари, Ю. К. Паасикиви. В начале XX в. поддерживали царскую власть. После 1918 г. выступали сторонниками сильной монархической власти, придерживались прогерманской ориентации. В 1918 г. на основе движения старофиннов создана консервативная Коалиционная партия.

[28] Рунеберг Юхан Лювиг (1804–1877) – финский поэт, писавший на шведском языке стихи национально-романтического содержания.

[29] Бьернеборгский марш (музыка К. Ф. Кресса, слова Ю. Л. Рунеберга) – марш впервые исполнен в 1860 г., он воспевает героизм финских частей шведско-финской армии в период вхождения Финляндии в состав Шведского Королевства.

[30] Ваал (Баал, первоначально Балу (общесемитское – буквально «хозяин», «владыка»); Ваал (греческая транскрипция), во множественном числе Ваалим, Бел (ассиро-вавилонское) – переводится как «господин», «владыка») – древнее западносемитское божество, почитавшееся в Финикии, Палестине и Сирии как бог плодородия, вод, войны, неба и прочего. В Финикии являлся богом, которому воздавался высший почет (хотя у финикийцев верховным богом считался Эль). Его жена – богиня Астарта, аналог шумерской Иштар. В ветхозаветные времена евреи неоднократно оставляли Истинного Бога и обращались к языческому Ваалу, сооружали ему идолы и приносили кровавые жертвы, в чем и обличали евреев пророки (в том числе св. пророк Илия).

[31] Каин (ивр. – от корня «канна», имеющего также значение «создавать») – в Пятикнижии – старший сын Адама и Евы, первый рожденный на Земле человек. Известен тем, что убил своего брата Авеля, второго сына Адама и Евы, из зависти, за то, что жертва Авеля была принята Богом более благосклонно (Быт. 4).

[32] Иерихон (ивр. Иерихо) – город в Палестине, на западном берега реки Иордан. В древности город был разрушен евреями, вторгшимися в Ханаан около 1550 до Р.Х. Согласно Библии (Нав. 6: 1–26), захватив город, евреи уничтожили всех его жителей и их скот, оставив в живых лишь блудницу Раав, которая пустила переночевать еврейских разведчиков. Сам же город был выжжен дотла.

[33] Годунов Борис Федорович (1552–1605) – боярин, шурин Царя Федора I Иоанновича, в 1587–1598 гг. фактический правитель Русского государства, с 17 февраля 1598 г. – русский царь. Царствование Бориса ознаменовалось начавшимся сближением России с Западом. Не было прежде на Руси Государя, который столь благоволил бы к иностранцам, как Годунов. Он стал приглашать иноземцев на службу.

[34] Здесь А. И. Дубровин переиначил имя Григория Отрепьева. Григорий Отрепьев (мирское имя и отчество – Юрий Богданович, «полуимя» – Гришка Отрепьев) – монах, дьяк Чудова монастыря (в Московском Кремле), одно время выполнял секретарские обязанности при Патриархе Иове. Сын галичского дворянина Богдана Отре-

пьева. Был близок к семейству бояр Романовых, служил у Михаила Никитича. Около 1601 г. бежал из монастыря. Согласно официальной историографии, именно он вскоре выдал себя за Царевича Дмитрия (Лжедмитрий I) и пошел на Москву (1605 г.).

[35] Искажение фамилии Пергамент; здесь А. И. Дубровин вновь намекает на еврейское происхождение М. Я. Пергамента, используя для этого прилагательное «пархатый».

[36] Наливкин Владимир Петрович (1852–1918) – офицер, участник среднеазиатских походов, русский этнограф и исследователь Средней Азии, автор первых русско-узбекских словарей. Социал-демократ, депутат II Государственной Думы, глава Туркестанского Комитета Временного правительства, командующий войсками Туркестанского военного округа.

[37] Зурабов Аршак Герасимович (Рашид-Бек; 1873–1919) – журналист (работал в армянском журнале «Тараз»), социал-демократ (меньшевик). Из дворян, сын чиновника, коллежского асессора. Депутат II Государственной Думы от Тифлиса, выступал на закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 г. против обсуждения законопроекта о контингенте новобранцев. Арестовывался и высылался в Сибирь, откуда бежал за границу.

[38] Речь идет о священнике Георгии Гапоне, организаторе «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., который за связь с охранкой был повешен эсерами на даче в Озерках. Подробнее о нем см. примечание к «Открытому письму председателя Главного Совета Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту С.-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св<ятейшего> Синода».

[39] О Патриархе Иове, первом Патриархе Московском, см. примечание к «Письму к редактору “Русского Знамени” по поводу письма к митрополиту Антонию».

[40] Авл Вителлий (15–69) – римский император, правивший с 17 апреля 69 г. вплоть до 20 декабря этого же года. Будучи наместником Нижней Германии, провозглашен императором своими же легионами. Погиб в борьбе с другим претендентом на трон Веспасианом. Был одним из императоров 69 г., «года четырех императоров».

[41] Лапсердак (идиш Lābserdak) – долгополый сюртук (который носили в старину польские и галицийские евреи).

[42] Гессены – имеются в виду В. М. Гессен (о нем см. выше) и И. В. Гессен. Иосиф Владимирович Гессен (1866–1943) – полити-

ческий деятель, юрист и публицист. Родился в Одессе, в еврейской семье. Работал секретарем Тульского окружного суда, юридическим консультантом в Министерстве юстиции. Был арестован в 1905 г. в связи с революционными событиями 9-го января. Присяжный поверенный (1904), главный редактор газеты «Право». Депутат II Государственной Думы от Санкт-Петербургской губернии. Один из лидеров Партии кадетов. Отец философа С. И. Гессена (род. 16 августа 1887 г.). Жена – Анна Блюменфельд. Печатался в «Жизни», «Русских ведомостях», «Сыне отечества», «Наших днях» и других изданиях. С 1919 г. жил за рубежом. В 1921–1937 гг. издал 22-х томный документальный сборник «Архив русской революции».

Плоды персидской конституции

Публикуется по: Дубровин А. Плоды персидской конституции [Фельетон]. СПб., [1908].

[1] Речь идет о событиях конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. В ходе революции, инспирированной буржуазными кругами, иранский монарх Мозафереддин-шах был вынужден пойти на временные уступки, и в 1906 г. был создан меджлис (парламент), принята конституция. Позже новый шах Мухаммед Али неоднократно (на протяжении 1907 г.) пытался распустить меджлис и отменить конституцию. Отметим, что воспитателем, а в будущем советником Мухаммеда Али был российский агент Сергей Маркович (Серая Мордехаевич) Шапшал (Хаджи Серая Гахан Шапшал; 1873–1961) – караимский филолог, ориенталист, доктор филологических наук, профессор, уллу газзан (старший священнослужитель караимов), позднее гахам – верховный иерарх, глава караимских религиозных общин. Именно о нем идет речь в примечании А. И. Дубровина, которое содержится в тексте фельетона.

Позже шаху удалось реализовать свои планы по подавлению революции. 22 июня 1908 г. в столице Ирана было введено военное положение, мечеть Сепехсалара с находящимися внутри федаями (участниками вооруженных мятежных отрядов) подверглась артиллерийскому обстрелу, после чего многие конституционалисты были арестованы. На следующий день некоторые издатели левых газет были повешены, а меджлис и энджумены (выборные революционные органы) объявлялись временно разогнанными. Однако затем в стране началась гражданская война. В 1909 г. Мухаммед

Али был свергнут с престола. Конец гражданской войне был положен иностранной интервенцией 1911 г. – военным вмешательством Российской Империи во время гражданской войны в Персии между сторонниками и противниками свергнутого Мохаммед Али-Шаха с целью защиты русских подданных, проживающих в Персии и русской торговли с Персией.

29 октября (11 ноября) 1911 г. в Тегеране посол России вручил правительству Персии ультиматум с требованиями восстановления порядка в Персии и обеспечения защиты экономических интересов России. После истечения срока ультиматума от 11 ноября 1911 г. войска России перешли русско-персидскую границу и заняли город Казвин. 10 (23) ноября в Тегеране, после оккупации войсками России северной Персии, персидское правительство согласилось удовлетворить все требования России.

Фельетон А. И. Дубровина относится к 1908 г., когда Мухаммед Али-Шах как раз попытался восстановить в стране порядок и подавить революционное брожение. Отсюда и восторженная реакция лидера СРН по поводу действий персидского монарха.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. ДУБРОВИН И РАСКОЛ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

ОБРАЩЕНИЯ А. И. ДУБРОВИНА К СОЮЗНИКАМ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. И. ДУБРОВИНА С СОЮЗНИКАМИ

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 40 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор М. И. Иванова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 08.12.2010 г. Формат 84 x 108 $^1/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 21,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.

Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.